

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 11 2020 (НОЯБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

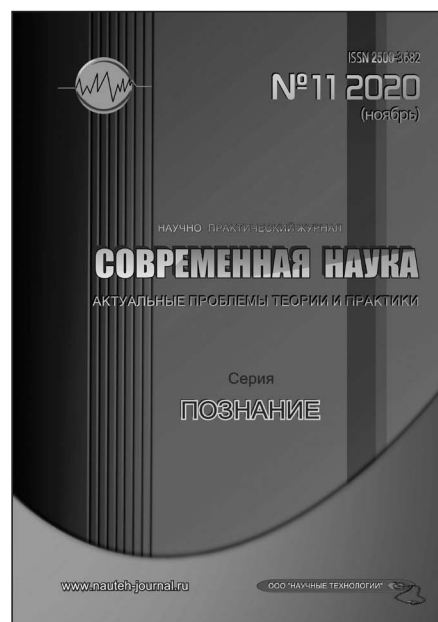
Подписано в печать 25.11.2020 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 10 (октябрь) 2020 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Гэн Бяо, Алексеев-Апраксин А.М. – Заблуждения о взглядах Конфуция на роль женщины и их влияние на современное женское освободительное движение

Geng Biao, Alekseev-Apraksin A. – Misconceptions about Confucius' views on the role of women and their impact on the modern women's liberation movement. 5

Лю Ин – Резюме исследования туризма Китая
Liu Ying – Summary of China tourism research 10

Хоу Юньлун – Исследование единства концепции и объективности в музыкальной мысли «Чжуан-цзы»

Hou Yunlong – Study of the unity of concept and objectivity in musical thought «Chuang Tzu». 15

Хоу Юньлун – Исследование суждения о функции музыки в музыкальной мысли Сюнь-цзы

Hou Yunlong – Investigation of the judgment on the function of music in the musical thought of Xun-tzu. 19

Психология

Бобровская Е.Ф. – Пищевая аддикция, темперамент, характер

Bobrovskaya E. – Food addiction, temperament, character 23

Вишневецкий С.Ю. – Видовой динамический стереотип у детей первого года жизни

Vishnev S. – Specific dynamic stereotype in children of the first year of life. 29

Волочков И.В. – Проблема развития профессионально-личностных характеристик человека в контексте современных психолого-акмеологических концепций

Volochkov I. – The problem of the development of professional and personal characteristics of a person in the context of modern psychological and acmeological concepts. 36

Гутова Т.С., Попова Ю.И., Марухно В.М. – Основные методологические подходы к изучению образа я в отечественной и зарубежной психологии

Gutova T., Popova Yu., Marukhno V. – The main methodological approaches to the study of the self-image in Russian and foreign psychology 40

Елисеева Ж.М. – Личностные особенности сотрудников организаций

Eliseeva Zh. – Personal characteristics of employees of organizations 44

Еремишкина А.Р., Шурухина Г.А., Валишина А.М. – Личностные особенности женщин с репродуктивной дисфункцией

Eremishkina A., Shurukhina G., Valishina A. – Personal characteristics of women with reproductive dysfunction. 50

Иванова Н.Г. – Современный психологический инструментальный подход к оценке личностно-профессионального развития

Ivanova N. – Modern psychological tools for assessing personal and professional development 54

Идрисов К.А., Хажуев И.С. – Гендерные и социально-психологические аспекты интолерантности, как основы развития экстремистских настроений в молодежной среде

Idrisov C., Khazhiev I. – Gender and socio-psychological aspects of intolerance as a basis for the development of extremist mood in youth. 58

Козлачкова Ю.И. – Проблемы исследования психологической достоверности и идеальной следовой информации в судебной психологии

Kozlachkova Yu. – Problems of research of psychological reliability and ideal trace information in forensic psychology. 64

Матвеева Е.Ю. – Влияние стресса на процесс принятия решений

Matveeva Ev. – Impact of stress on decision making 70

Мачуха А.М., Васильева О.С. – Эссе о любви и вере и о том, как они соотносятся со зрелостью личности

Machukha A., Vasilyeva O. – Essays on love and faith and how they relate to personal maturity 74

Мясникова З.В. – Научно-теоретическое осмысление метода нарративного анализа и его роли в психологии личности

<i>Myasnikova Z.</i> – Scientific-theoretical conceptualization of the narrative analysis method and its role in psychology of personality 82	policy and management of a multi-ethnic society..... 114
Райков В.К., Высоцкая В.А., Колмакова Е.Г. – Модель психологической готовности спортсменов разных возрастов к тренировочной и соревновательной деятельности <i>Raikov V., Vysotskaya V., Kolmakova E.</i> – Model of psychological readiness of athletes different ages for training and competitive activities..... 86	Гринева О.А. – Духовное развитие современного человека <i>Grineva O.</i> – Spiritual development of a modern person..... 120
Синайский Д.Д. – Психологические модели лиц, занимающих руководящие должности, и оценка эффективности преодоления ими стрессовых ситуаций <i>Sinayskiy D.</i> – Psychological models of persons holding managerial positions and assessment of the effectiveness of overcoming stressful situations.... 94	Козлов И.И. – Философско-историческое осмысление сквозь призму исторической динамики проблем развития социума <i>Kozlov I.</i> – The philosophy history understanding prism on the historical dynamics of social development problems 125
Таусинова О.К. – Влияние этапа развития психологической травмы на особенности личности, у женщин, подвергшихся насилию в семье <i>Tausinova O.</i> – Influence of psychological trauma development stage on personal characteristics in women experiencing domestic violence..... 98	Михайлова О.Н., Шляхта Д.Н. – Программно-имитационное моделирование как метод философской формализации <i>Mikhailova O., Shlyakhta D.</i> – Software simulation as a method of philosophical formalization 131
Фёдоров А.Ф. – Психологические особенности личности военнослужащего срочной службы с различным типом отношения к службе в армии <i>Fedorov A.</i> – Psychological features of the personal service urgent service with different types of attitude to service in the army 103	Мочалов Е.В. – Умберто Эко и Михаил Бахтин: диалог в Средневековье и Возрождении <i>Mochalov Ev.</i> – Umberto Eco and Mikhail Bakhtin: dialogue in the Middle ages and the Renaissance 137
Фотекова Т.А., Митрухина С.В., Власова Е.Н., Федорова А.А., Мантикова А.В. – Исследование профессиональных склонностей к предпринимательской деятельности у молодежи Республики Хакасия <i>Fotekova T., Mitrukhina S., Vlasova Ev., Fedorova A., Mantikova A.</i> – A study of professional dispositions to business activities young people of the Republic of Khakassia 107	Мочалов Е.В. – Идеи и представители Русского мира: Федор Иванович Тютчев <i>Mochalov E.</i> – Ideas and representatives of the Russian world: Fyodor Ivanovich Tyutchev 143
Философия	Огарков А.Н., Сметанкина Л.В. – К проблеме становления социальной философии XX века: конкретизация марксом концепции отчуждения <i>Ogarkov A., Smetankina L.</i> – To the problem of the formation of social philosophy of the XX century: marx's conceping the concept of alienation 148
Воденко К.В., Игошева М.А. – Историческая память в структуре этнокультурного образования: специфика и потенциал в реализации национальной политики государства и управлении полиэтничным социумом <i>Vodenko K., Igosheva M.</i> – Historical memory in the structure of ethno-cultural education: specifics and potential in the implementation of national state	Чугунов С.В. – Философия хозяйства С.Н. Булгакова <i>Chugunov S.</i> – Philosophy of economy of S. N. Bulgakov..... 154
	Ярославцева А.В., Сопов В.В. – Действительные и возможные факторы объединения российского общества <i>Yaroslavtseva A., Sopov V.</i> – Real and possible factors of the Russian society integration..... 158
	Информация
	Наши авторы. Our Authors..... 164
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 166

ЗАБЛУЖДЕНИЯ О ВЗГЛЯДАХ КОНФУЦИЯ НА РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОЕ ЖЕНСКОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Гэн Бяо

Аспирант, Санкт-Петербургский
государственный университет
gengbiao1994@mail.ru

Алексеев-Апраксин Анатолий Михайлович

Д.культурологии, профессор, Санкт-Петербургский
государственный университет

MISCONCEPTIONS ABOUT CONFUCIUS' VIEWS ON THE ROLE OF WOMEN AND THEIR IMPACT ON THE MODERN WOMEN'S LIBERATION MOVEMENT

Geng Biao

A. Alekseev-Apraksin

Summary: The article examines in detail the relationship between the thoughts of Confucius and the social status of women. By analyzing the views of «yin» and «yang» in Confucianism and rethinking various ideas in the Confucian classics, Confucius's view of the equal status of men and women is revised. At the same time, it also talks about the influence of historical and political factors on various ideas developed by Confucianism in the process of communication, which once again confirmed Confucius's statement about the status of women. Confucianism claims that a woman is absolutely and unconditionally inferior to a man. Her first and foremost duty is to obey her husband and parents, maintain order in the house and give birth to healthy boys. The emphasis was on her biological function, and her emotional life was relegated to the background. The author says that misinterpretations of Confucius's teachings about the role of women have become a serious obstacle to the study of Confucianism by some foreign scholars, since it is very difficult for foreign scholars to truly understand Confucian thoughts through the existing translation, and this has seriously affected the spread of Confucianism in the world. The result of the analysis can provide theoretical support for the modern women's liberation movement. Based on the long-term trust of the Chinese people in Confucianism, this material may also have some reference value for the future development of China's social structure.

Keywords: Confucius, China, status of a woman, Yin 阴 and Yang 阳, inferior person, female virtue.

Аннотация: В статье подробно рассматривается взаимосвязь мыслей Конфуция и социального статуса женщин. Посредством анализа взглядов «инь» и «ян» в конфуцианстве и переосмысления различных идей в конфуцианской классике, взгляд Конфуция на равный статус мужчин и женщин пересматривается. В то же время также говорится о влиянии исторических и политических факторов на различные идеи, выработанные конфуцианством в процессе общения, из-за этого Конфуций и конфуцианство были неправильно поняты. Считается, что конфуцианство утверждает, что женщина абсолютно и безусловно стоит ниже мужчины. Ее первый и основной долг состоит в том, чтобы повиноваться мужу и родителям, поддерживать порядок в доме и рожать детей. Акцент делался на биологической функции женщины, а эмоциональная жизнь отодвигалась на второй план. Автор говорит о том, что неверные интерпретации учения Конфуция по поводу роли женщины стало серьезным препятствием для изучения конфуцианства некоторыми иностранными учеными, так как иностранным ученым очень трудно по-настоящему понять конфуцианские мысли через существующий перевод, и это серьезно отразилось на распространение конфуцианства в мире. Результат анализа может оказать теоретическую поддержку современному женскому освободительному движению. Основываясь на долгосрочном доверии китайского народа к конфуцианству, данный материал также может иметь определенную справочную ценность для будущего развития социальной структуры Китая.

Ключевые слова: Конфуция, Китая, статус женщины, Инь 阴 и Ян 阳, низший человек, женская добродетель.

На протяжении более двух тысяч лет, мысли Конфуция оказывали глубокое влияние на политические, экономические, социальные, культурные и другие аспекты жизни Китая. Многие из них искажались из-за потребностей правителей или изменений в интерпретации более поздних исследователей конфуцианства. Это особенно коснулось темы «социального статуса женщины». Эти неверные интерпретации не только исказили первоначальные высказывания и их подтекст Конфуция, но и оказали плохое влияние на развитие политики и общества Китая, особенно в освободительном движении женщин.

Основная идея в конфуцианстве - «гуманное правление 仁政», то есть правитель должен обращать внимание на людей. В идеях Конфуция мужчины, женщины, пожилые люди и дети одинаково важны и нуждаются в заботе правителя. Последующие правители придерживались взглядов, унижающих статус женщины, чтобы закрепить и сохранить патриархальное правление, и отклоняясь от конфуцианских постулатов, они истолковывали представления Конфуция о положении и роли женщины и интерпретировали их для удовлетворения своих собственных потребностей. По этой причине Конфуций стал врагом современного женского освободительного движения, и людям трудно по-настоящему понять отноше-

ние конфуцианства к этому вопросу.

Кроме того, из-за этих ошибочных интерпретаций конфуцианства в Китае долгое время сохранялся неправильный этический кодекс. В современном Китайском народе все еще есть люди, которые берут идею «лелеять мальчиков (сыновей) и пренебрегать девочками (дочерьми) 重男轻» и «бесталанная женщина добродетельна, добродетель женщины в отсутствии талантов 女子无才便是德», и т.д.

Подобные интерпретации учения Конфуция со стороны самих китайцев стало серьезным препятствием для изучения конфуцианства некоторыми иностранными учеными, они часто не могли по-настоящему понять конфуцианские мысли через существующий перевод, что также сильно повлияло на распространение конфуцианства в мире.

Согласно с теорией Инь 阴 и Ян 阳, в «И-цзине» написано, что мир создан союзом Ян и Инь (一阴一阳即为道). В «Записках о благопристойности» также сказано: «Мы из одного места, и это место делится на небо и землю, то есть Инь и Ян, а затем оно делится на четыре сезона 是故夫礼, 必本于大一, 分而为天地, 转而为阴阳, 变而为四时» [2]. Следует отметить, что конфуцианство считает, что общество состоит из двух противоположных частей – неба и земли, мужчины и женщины, дня и ночи. В отличие от западного дуалистического восприятия мужчин и женщин, Инь и Ян как неконфронтационная, дополняющая диада не дает достаточных оснований для оправдания гендерного угнетения в традиционном Китае. В ней нет концепции доминирования [9].

Различие между Инь и Ян представляет пространство для всестороннего развития обоих полов. Это следует интерпретировать как разницу во времени, в которой доминируют Инь и Ян, и они оба следуют циклическому образцу, повторяя путь восхождения и упадка. Кроме того, динамичная эволюция различия между Инь и Ян также выявляет плюрализм в гендерных отношениях. Сила Инь и Ян претерпевает изменения, и их взаимная сила часто меняется друг с другом. В зависимости от конкретной комбинации сил Инь и Ян на разных уровнях взаимодействие между Инь и Ян возникает во многих отношениях [11].

Например: старший мужчина сильнее, чем женщина, и он Ян. Но по сравнению с молодым человеком он (старик) стал Инь. Но это не означает, что все мужчины не сильны в абсолютном смысле, а также не означает, что все мужчины достигли физического уровня, которого не могут достичь все женщины. Таким образом, с точки зрения Инь и Ян отношения между мужчинами и женщинами являются взаимодополняющими, а не иерархическими.

Считается, что в китайской и восточноазиатской культуре женщинам отводится низкое место. И снова вину за это сваливают на учение о конфуцианстве.

Женщинам действительно уделяется мало времени в конфуцианском учении, но нет никаких оснований считать, что философ относился к ним отрицательно. В конфуцианском «Тысячесловии» есть фраза: «Дома уважай мудрость своей матери».

В качестве отрицательного отношения Конфуция к женщинам часто приводят цитату из «Лунь Юй»: «Труднее всего ладить с женщинами и низкими людьми. Если ведёшь себя с ними дружелюбно, они теряют скромность. Если сохраняешь дистанцию, они проявляют недовольство 女子与小人为难养也, 近之则不逊, 远之则怨».

Большинство людей думают, что «низкий человек 小人» в этом предложении означает плохого человека или аморального человека, что Конфуций классифицирует «женщин 女子» и «низких людей 小人» как один тип людей, не отражает ли это дискриминацию Конфуция в отношении женщин?

Однако это не так. Хотя «小人» и «女子» относится не только к женщинам и низким людям, но и к тем, кто не образован (неграмотен). В древней Китае очень мало людей могут получить образование, не обязательно, чтобы мужчины могли получать образование, а женщины – нет. В то же время в конфуцианстве антоним «низкий человек 小人» – это «благородный муж 君子», «низкий человек», на который ссылается Конфуций, также относится к людям без образования, а «благородный муж» — это высокий уровень мышления (способный в порядке содержать семью, управлять государством и нести Поднебесной мир 齐家、治国、平天下). Это достигается хорошим образованием. Конечно, нельзя отрицать, что поскольку в группе «неграмотных» женщины составляли большинство, Конфуций относил к «女人» и «小人» как «неграмотным» [7].

В то же время Конфуций был пионером общей идеи образования «в получении образования нет различий между людьми 有教无类». Задавая вопрос «от кого же зависит совершение гуманных поступков: от себя или же от других?! 为仁由己而由人乎哉?!». Он отвечал, что от себя, утверждая, что «гуманный человек любит людей 仁者爱人». Эти идеи не имели никакого посыла об исключении женщин; Мэн-цзы в книге «Мэн-цзы» сказал «никакие женские жалобы внутри семьи, не окажутся не замеченными в жизни внешней 内无怨女, 外无旷夫» [4]. Они способны повлиять на содержание социальных идеалов. В текстах до цинского конфуцианства, особенно в «И-Цзине», в мыслях о взаимодополняемости инь 阴 и ян 阳, гармонии между небом и землей и в «Записках

о благопристойности» о «различия существующих между мужчиной и женщиной男女有别» сказано «мужчина заботится о внешних делах, женщина заботится о внутренних делах 男主内, 女主外» и уважение к женщинам содержат основополагающее подтверждение женской ценности [16].

Считается по конфуцианству правило для общества соответствует фразе «возвеличивание мужчин и унижение женщин男尊女卑». Прежде всего, нужно прояснить, что эти слова являются лишь частью предложения в «И-Цзине». Полное предложение – «天尊地卑, 乾坤定矣, 卑高以陈, 贵贱位矣. 乾道成男, 坤道成女», содержит другой смысл [2]. В нем утверждается, что небо вверху, а земля внизу. Что все естественно сформировано. Здесь нет социальной коннотации в определении положения на высоком или низком уровне... Небо символ мужского начала, земля символ женского [9].

В «И-Цзине» написано, что мужчины и женщины являются людьми, и им присущ равный статус, но «различия существуют между мужчиной и женщиной男女有别», и у каждого есть своя область знаний [2]. Оглядываясь на историю, когда люди вступили в сельскохозяйственное общество, обрабатывание земли и сражения стали важными задачами для выживания и развития. Мужчины имеют существенную физическую силу и более высокий рост, им не нужно рожать и вынашивать детей, и они имеют преимущества во времени и свободе. На историческом этапе, когда от производительности, зависело накопление и сохранения богатств, чем четче разделение труда, тем больше разница между мужчинами и женщинами. В военном, политическом и пахотном производстве преобладали мужчины, а в ведении домашнего хозяйства, ткачества, преобладали женщины. Поэтому в положение «возвеличивание мужчины и унижение женщин男尊女卑», «尊» и «卑» не следует толковать как «возвеличивания» и «унижения», а лишь различать разделение труда между мужчинами и женщинами в обществе им должны соответствовать личностные характеристики. Женщины должны быть такими же инклюзивными и бескорыстными, как земля: а мужчины должны быть такими же активными и самосовершенствующимися, как небо [15].

Конфуций выдвинул теорию «исправления имени正名», которая также подтверждает эту точку зрения. Он считает, что у каждого своя роль в обществе, и каждый должен делать то, что должен, и не надо делать то, что не соответствует его роли. Если все будут следовать тому, общество сможет развиваться упорядоченным образом. В то же время он считает, что в идеальной семье должна быть «жена, которая нежна и добра, как Гуцинь妻子好, 如鼓琴瑟», а муж должен быть «совестливый и неизменный, направляющий свою энергию на то, чтобы сделать свою семью гармоничной и стабильной, жену счастли-

вой 宜尔室家, 乐尔妻帑» (из «Ши цзин») [5].

Кроме того, в «Записках о благопристойности» также записано, что, когда мужчина и женщина вступают в брак, жених должен пойти в дом родителей женщины, чтобы забрать её и отвезти домой. После церемонии бракосочетания муж и жена становятся равно статусными «неважно, каков был их социальный статус, главное, чтобы они любили друг друга. 同尊卑, 共相» [1]. Конфуций также сказал, «и император, и простые люди все должны уважать своих жен, это моральный стандарт. 昔三代明王必敬妻子也, 盖有道也.»

Некоторые ученые считают, что существовал запрет женщин для работы в правительстве в древнем Китае. Это отражает неравный статус мужчин и женщин. На самом деле Конфуций не думал, что женщины не способны выполнять правительственную работу. В «Лунь Юй» записано, что Конфуций разговорил с Чжоу Уван о десяти важных чиновниках: «才难, 不其然乎? 唐虞之际, 于斯为盛. 有妇人焉, 九人而已.» [3]. Значение: талант редок! На протяжении всей истории. Сейчас время, когда в стране больше всего талантов. Среди десяти чиновников, которые управляют страной, должна быть женщина, отвечающая за внутренние дела. Девять административных чиновников - не достаточно для благородной страны. Можно видеть, что в идеях Конфуция женщины имеют такой же статус, что и мужчины, и они также могут управлять страной, как мужчины в рамках учения Конфуция о разделении труда [8;14].

Со времен античности (за исключением варварских народов) на Западе женщины не имели права голоса в обществе. Это связано с тем, что их считали иррациональными, а их интересы часто представляли мужчины (муж или отец). Конфуцианство никогда не разделяло чувствительность и рациональность, поэтому этот принцип исключительности не применим к конфуцианству. Поэтому в конфуцианстве женская чувствительность и мужское рациональное выражение не признаются [13].

В то же время, согласно исследованиям, Хао Давэй и Ань Леже, было обнаружено, что идеальная личность в конфуцианстве включает в себя слияние мужских и женских качеств. Следовательно, в конфуцианстве женщины не могут быть исключены из политики. У них есть способность выносить объективные суждения. Они не столь глупы, как думали западные люди [10].

И китайская традиционная «женская добродетель女德» теория «троякая покорность и четыре достоинства三从四德» и «три устоя и пять незыблемых правил三纲五常» духовных оков и теории «помереть с голоду – не беда, а потерять невинность – большое дело 饿死事小, 失节事大» не имеет ничего общего с Конфуцием, эти теории сформировались с династией Сун и Мин. В тот

конкретный исторический период из-за высокого политического правления, эти теории были выдвинута во имя конфуцианства, чтобы ослабить все более серьезные социальные противоречия [12]. В «Записках о благопристойности» записано, что жена сына Конфуция и жена внука вступают в повторный брак. После смерти сына Конфуция в 50 лет его жена вышла замуж за кого-то другого [1]. Можно видеть, что теория о том, что «помереть с голоду – не беда, а потерять невинность – большое дело 饿死事小, 失节事大», не имеет ничего общего с Конфуцием.

Вопреки народным традициям, Конфуций не избегал темы любви между мужчинами и женщинами. В «Ши цзин» он перечислил «Гуань-цзюй 关雎» в «Чжэн Фэн» как первую из трехсот стихов, «洋洋乎盈耳哉» похвалив искреннюю и восторженную любовь, которую молодые люди проявили в процессе влюбленности друг в друга. Большая часть «Чжэн Фэн» отражает тему любви, а в «Гофэн» выбран двадцать один стих про любовь. И Конфуций считает, что дворяне и обычные люди имеют право на равную любовь, что соответствует основным понятиям конфуцианства: «любовь – это разум 性即理也» и «гуманность — это человечность 仁者人也» [5].

Несомненно, что из-за влияния социальной среды жизни понимание Конфуция статуса женщин и равенства между мужчинами и женщинами недостаточно глубокое. Из-за ограничений познания и исторических условий теория Конфуция не будет верна в каждом предложении и может не в полной мере соответствовать потребностям современного общества. Однако в наследовании и развитии конфуцианства должны активно сохранять положительные замечания. Как сказал историк современной классики г-н Чжоу Ютун (1898-1981): «Настоящий Конфуций умер, и фальшивый Конфуций появился в соответствии с изменениями в экономической организации, политической ситуации и академическом мышлении Китая. Император Хан Вуди использовал предложение Дун

Чжуншу, чтобы сохранить и развивать только конфуцианское учение. Фактически, Конфуций, уважаемый династией Хань, был всего лишь фальшивым Конфуцием для политического удобства, по крайней мере, полуправдой и наполовину ложным Конфуцием. Это ни в коем случае не настоящий Конфуций. Если речь идет об академической мысли изменение «Конфуция» тем более. Хотя Конфуций - фигура, которую все знают, Конфуций, которого знают все, не может быть настоящим Конфуцием» [6].

Вывод

В современном мире женское освободительное движение стало горячей темой, поскольку женщины, являющиеся одной из важнейших частей общества, должны иметь такой же социальный статус, что и мужчины. В современном Китае теория, которая препятствует женщинам в достижении равного статуса, является «неверно истолкованным конфуцианством», которое оказывает глубокое влияние на китайскую нацию. Согласно теории инь и янь, нетрудно увидеть, что в концепции Конфуция мужчины и женщины имеют равный статус, а иерархических отношений не существует. Поэтому своевременное исправление неверных толкований конфуцианства также является важной задачей развития современного Китая. В Китае людям присуще чувство доверия к конфуцианству. Древние правители использовали «неверное конфуцианство» для ограничения прав женщин, так и в настоящее время можно использовать конфуцианство для оказания сильной поддержки статусу женщины. Это будет наиболее важной теоретической основой освободительного движения китайских женщин, а также может стать идеальным способом распространения истинной китайской культуры. Конечно, это не означает полный феминизм, но более разумное разделение труда и модель социального развития должны быть реализованы на основе рационального использования преимуществ мужчин и женщин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Записки о благопристойности // Е Хенг комментировал, коммерческое издательство, Тайвань, 12.1964. -250 с.
2. И-цзин // Гао Хэн комментировал, издательство университета Цинхуа, 01.02.2005. -735 с.
3. Лунь Юй // Ченг Шудэ комментировал, Китайское книгоиздательство, 1942. -614 с.
4. Мэн-Цзы // Ян Божун комментировал, Китайское книгоиздательство, 2008. -272 с.
5. Ши цзын // Юй Гуаньин комментировал, Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1956. -310 с.
6. Чжоу Ютун «Конфуций, Конг Шэн и Чжу Си» // Шанхайское Жэньминь чубаньшэ, 2012. -228 с.
7. Чэнь Вэньсинь Переосмысление «唯女子与小人为难养也», 02.10.2015, с. 4-11
8. Alison Black, Gender and Cosmology in Chinese Correlative Thinking // Gender and Religion, Caroline Bynum, Stevan Harrell, Paula Richman (Boston: Beacon Press), 1986. p. 594-598
9. Confucianism for the Modern World / Cheng Qianyi // Bell and Chaibong eds. New York: Cambridge University Press, 2003, p. 312-333.
10. David Hall(郝大为), Roger Ames (安乐哲), Thinking from the Han / Albany: State of New York University Press, 1998, p. 90.
11. Henry Rosemont, Jr., Confucian and Feminist Perspectives on the Self / Culture and Self, ed., Douglas Allen (Colorado: Westview Press), 1997. p. 71

12. Kelleher Theresa. Confucianism // Women in World Religions. Ed. by Arvind Sharma. Albany: State University of New York Press, 1987. p. 135-159.
13. Lee Lily Xiao Hong. The Virtue of Yin: Studies on Chinese Women. Broadway, Australia: Wild Peony, 1994. p. 118
14. Pao Chia-lin, Readings in Chinese Women History / Taiwan: Cowboy Publishing Ltd, 1979. p. 41
15. Richard Guisso, Stanley Johannesen. Women in China / Youngston: Philo Press, 1981. -238 p.
16. Sin Yee Chan, Gender and Relationship Roles in the Analects and the Mencius // An International Journal of the Philosophical Traditions of the East, 2000. p. 115-132

© Гэн Бяо (gengbiao1994@mail.ru), Алексеев-Апраксин Анатолий Михайлович.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

РЕЗЮМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУРИЗМА КИТАЯ

SUMMARY OF CHINA TOURISM RESEARCH

Liu Ying

Summary: The article discusses the origin and semantic meaning of the concept of "tourism" in China, as well as the views of Chinese scientists on this phenomenon, as well as some specific features of ideas about the essence of the concept of "tourism" in China, which have been forming over many centuries. There is an old Chinese saying: «Read thousands of books and travel thousands of miles.» China has an ancient culture and rich tourism resources, attracts a large number of domestic and foreign tourists, which contributes to the rapid development of the tourism industry. With the gradual increase in tourist consumption, the desire of tourists for the quality of tourism services is growing. With the rapid development of tourism in China, tourism research is especially important.

Keywords: China, Tourism, Definition, Types of tourism in China, Tourism functions.

Лю Ин

Аспирант, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)
liuying_sw@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о происхождении и смысловом значении понятия «туризм» в Китае, а также о взглядах китайских ученых на этот феномен, а также некоторые специфические особенности представлений о сущности понятия «туризм» в Китае, формирующиеся на протяжении многих веков. Существует старая китайская поговорка: «Читай тысячи книг и путешествуй за тысячи миль». Китай имеет древнюю культуру и богатые туристические ресурсы, привлекает большое количество отечественных и иностранных туристов, что способствует быстрому развитию туристической индустрии. С постепенным увеличением туристического потребления, растет стремление туристов к качеству туристических услуг. В связи с быстрым развитием туризма в Китае исследования в области туризма особенно важны.

Ключевые слова: Китай, туризм, определение, виды туризма Китая, функции туризма.

В последние десятилетия туризм стал неотъемлемой частью современной жизни общества, оказывающей влияние не только на экономические, но и на социокультурные стороны. Несмотря на существующие в мире общие представления о том, что из себя представляет этот феномен, значительный интерес вызывает изучение специфики понимая сущности этого понятия в разных странах. В статье рассматриваются некоторые специфические особенности представлений о сущности понятия «туризм» в Китае, формирующиеся на протяжении многих веков.

В китайском официальном словаре «Словарь Синь-хуа» для термина «туризм» употребляется китайское слово «Лу Юй» («旅游»), которое обозначает «тур» [1]. В древнем Китае слово «Юй» (游) многозначное, у него существует несколько разных значений: 1) Относится к деловым отношениям; 2) Относится к посещению дома гостем. Чтобы понять сущность традиционного китайского представления о туризме, нужно изучить «Чжоуи» (周易). «Чжоуи» — это одна из китайских традиционных книг, считается, что она была написана Чжоу Вэньваном Цзичаном. В многолетней практике были изобретены различные методы предсказания для общения людей с богами, среди которых был создан трактат «Чжоуи» (Книга перемен), теоретический источник естественной философии и гуманистической практики в традиционной китайской идеологии и культуре, кристаллизация мысли и мудрости древнего ханьского народа, известный как

«источник пути»[2]. Пятьдесят шестая триграмма – это туристическая триграмма, обозначающая путешествие, перемещение. Это представление о туризме отражает обобщение опыта понимания туристических явлений до династии Чжоу. Обратим внимание на то, что тесно связанные с туризмом понятия «тур» и «путешествие» до периода Цао Вэй Трех Королевств использовались отдельно. Со времен Цао Чжи (192-232) китайцы стали использовать понятие «туризм» для обозначения как исследовательских путешествий, так и развлекательного туризма [3].

В период правления императора Тайцзуна ученый Конг Инда (574-648) определил понятие «путешествовать» следующим образом: «Путешественник означает – гость, путник. Он теряет место жительства и отправляется в путь». Определение Конга Инды о «госте во время путешествия» описывается в аспектах: «быть в дороге» и «быть в других местах, где вы не живете» [4]. Краткое определение Конг Инда (574-648) содержит следующие три значения: Туризм является синонимом подвижной жизни человека, то есть наименованием человека как живущего в движении. Туризм – это общий термин для мобильной жизни, которая происходит вне человека, включая материальную и духовную жизнь. Туризм – это общий термин для обозначения ряда видов деятельности, которые находятся вдали от привычных мест жительства.

Первая группа. Туризм как социально-экономический феномен

Профессор Чжан Линюнь (张凌云 Lingfalls, 1984) отметил, что туризм - это недолгий образ жизни, изменение условий жизни и работы. «Туризм и природные потребности связаны с поведением человека». Сумма социальных отношений и явлений, порождаемых удовлетворением и освобождением. Сам туризм имеет много атрибутов, таких как экономические, культурные и социальные атрибуты [5]. Определение туризма от Ван Юхая (王玉海) подразделяется на два смысла, узкий и широкий. Он считает, что узким смыслом определение туризма таково: туризм - это опыт досуга людей в нестандартных условиях. Это недолгий образ жизни и живое состояние. В широком смысле: туризм - это поездки людей за пределы места работы, для миграции или отдыха за пределами сообщества, в котором они живут и работают. [6].

Бао Цзиган и Чу Ифан (保继刚, 楚义芳) считают, что туризм «является социальным и экономическим явлением, возникающим в определенных социальных и экономических условиях. Он является частью рекреационной деятельности. Это человеческий опыт, социальное поведение, индустрия, а также географическое явление» [7]. Гао Кун (高璟), Ву Биху (吴必虎) и Ли Мими (李咪咪) считают, что туристическая деятельность не может уйти от неотъемлемого атрибута «отрешенности», который отражает своего рода отношения между человеком и землей. Нахождение вне привычного места для отдыха является наиболее важным атрибутом туризма [8]. Гао Су (高苏) предположил, что туризм является одним из способов отдыха [9]. Чжан Байпин (张白平) и Пэн Ин (彭瑛) считают, что туризм является формой отдыха, а отдых и работа являются двумя основными видами деятельности людей, и поэтому каждый день людей делится на рабочее время и свободное время, воспроизводясь снова и снова [10].

Таким образом, туризм является экономическим явлением, вызванным деятельностью человека. Это сумма социальных отношений и явлений, при которых люди покинули свою обычную среду обитания и провели ряд выездных мероприятий.

Вторая группа. Туризм как феномен культуры и философии

Некоторые известные ученые в современном Китае определяют туризм в культурологическом плане следующим образом: Фан Нэнци (范能船) считает, что туризм - это широкая культурная деятельность, которая является не только процессом культурного творчества, но и процессом потребления культуры. История туризма соответствует истории человечества. Профессор Цао

Шиту (曹诗图) считает, что туризм - это различные виды физической и психической свободы, такие как путешествия, осмотр достопримечательностей и пребывание вне среды, в которой люди часто живут и работают, с основной целью отдыха, получения эстетических впечатлений и знаний. Суть туризма - «бесплатный физический и умственный опыт в разных местах» [11]. С точки зрения изучения человека и теории систем Ма Яофэн (马耀峰) и другие считают, что сущность туризма — это сознательная деятельность или опыт самосовершенствования и развития людей с целью достижения физического и умственного удовольствия [12].

Таким образом, в культурологическом контексте считается, что суть путешествия — это культурное познание и свободный физический и умственный опыт в разных местах.

Третья группа – комплексное определение

Профессор Се Яньцзюнь (谢彦君) в книге «Базовый туризм» описал текущие тенденции «обобщения» и «утилитаризма» в определении туризма. Он требует некоторого опыта в социальных, развлекательных и потребительских атрибутах в сфере развлечений» [13]. Чжэн Юфэй и Хуан Жун (郑宇飞, 黄蓉) проанализировали с теоретической точки зрения философию туризма, сказав, что «туризм является основной целью людей, путешествующих и находящихся вне повседневной жизненной среды с основной целью удовольствия, эстетики и других духовных удовольствий. Туризм включает людей, краткосрочный отдых за пределами места пребывания и межкультурную коммуникацию» [14]. Ву Биху (吴必虎) считает, что путешествия существуют во множестве возможностей, во многих дисциплинах и во многих областях. Считается, что путешествие - это не просто узкое «удовольствие» после общих поездок, деловых поездок, отдыха, потребления путешественниками. [15]

Виды туризма в Китае

Специфика туризма в Китае отражается также в выделении его видов. Существует много классификаций китайских видов туризма. Например, согласно Су Айцзюнь «О взаимоотношениях между международным туризмом и внутренним туризмом и обсуждении с товарищем Чжан Цзянем» туризм в целом можно разделить на внутренний туризм и международный туризм по географическому охвату. Согласно исследованиям Лю Хайлонга, Чжан Ю и других, посвященным различным аспектам туризма, виды туризма можно обобщить в соответствии с классификацией целей туризма, которые можно разделить на культурный туризм, спортивный туризм, экотуризм, развлекательный и рекреационный туризм, деловой туризм, медицинский туризм и так далее [16].

Итак, туризм может быть разделен на следующие типы *по географическому охвату*: 1. *Международный туризм*: турист – лицо, покинувшее страну своего проживания и посетившее другую страну продолжительностью более 24 часов. 2. *Внутренний туризм* относится к туризму, при котором жители страны покидают свои места жительства и отправляются в другое место в стране. [16]. *По режиму передвижения* туризм можно разделить на следующие типы: 1. *Групповые поездки* – это коллективный способ путешествия, основным организатором которого является туристическое агентство. 2. *Индивидуальные поездки*, также известные как поездки самостоятельно и с помощью участников [17].

По цели туризма его можно разделить на следующие виды: 1. *Культурный туризм*. В процессе исследования туризма очень важным содержанием исследований является культура туризма, которая также является основной ценностью антропологии туризма. Определение культурного туризма относится к поведенческому процессу осознания цели восприятия, понимания и наблюдения за конкретным содержанием человеческой культуры посредством туризма [18]. 2. *Спортивный туризм*: туризм с основной целью спорта. Туристы участвуют в туристических проектах, укрепляя физическое здоровье и выполняя физические упражнения. Это могут быть экстремальные путешествия, альпинизм, автопробег и т. д. [19]. 3. *Экотуризм*. Термин «экотуризм» был впервые предложен Всемирным союзом охраны природы (МСОП) в 1983 году. В 1993 году Международная ассоциация экотуризма определила его как туризм с двойной ответственностью за защиту окружающей среды и поддержание жизни местного населения в процессе осуществления туристической деятельности. Участники должны иметь сильное экологическое восприятие и осознание своей деятельности. 4. *Осмотр достопримечательностей*. Посредством осмотра достопримечательностей туристы могут изменить среду обитания, расширить кругозор, расширить свои знания, развивать свой темперамент и чувствовать себя счастливыми, ценить красоту природы, наслаждаться вкусом современной городской жизни и удовлетворять потребности шоппинга в других местах [20]. 5. *Рекреационный туризм*. Рекреационный туризм относится к туристической деятельности, основной мотивацией которой является отдых [21]. 6. *Деловой туризм* относится к туризму с основной целью ведения определенного бизнеса, и это туристическое поведение, возникающее в процессе путешествия. [22]. *Медицинский туризм*. Медицинский туризм является одной из форм туризма, которая сочетает в себе туризм и медицинские услуги [23].

В Китае существует множество классификаций туризма. У ученых есть свои взгляды. Приведенные выше классификации встречаются чаще всего. В будущем китайские ученые разработают более систематическую

классификацию туризма.

Функции туризма

Туризм – это особая отрасль, которая предоставляет туристические услуги туристам на основе туристических ресурсов, видов деятельности. Туризм — это комплексная деятельность, объединяющая красоту природы, общества и искусства, которая помогает раскрывать отношения между людьми и природой, а также между людьми [24]. Функции туризма в Китае во многом совпадают с общемировыми тенденциями, но также имеют специфику. *Экономическая функция*. Будучи комплексной отраслью, туризм способствует решению проблемы занятости в Китае, содействию развитию других отраслей, развитию региональной экономики и ускорению строительства инфраструктуры в туристических направлениях, что в конечном счете ведет к улучшению жизни местных жителей.

Оздоровительная функция. В современном обществе, с ускорением темпов жизни и работы, люди перегружены работой, жизнью и социальными отношениями в течение длительного времени [25]. Если взять в качестве примера культурное здоровье Китая, то основными идеями являются здоровье традиционной китайской медицины, здоровье даосизма, китайская чайная культура и культура тайцзи. Основными средствами здравоохранения в сочетании со строительством мест для оздоровительного туризма, в конечном итоге, станет достижение полного спектра услуг по уходу за телом и разумом, а также интеграция природы и человека. Это уникальная точка оздоровительного туризма Китая.

Функция межкультурной коммуникации. В туризме разные культуры могут общаться и сливаться. Говоря иносказательно, искры мудрости сталкиваются при обмене, и сущность разных культур извлекается в результате слияния. По словам Мариинского, «Культура — это набор инструментов и набор обычаев – привычек человеческого тела или разума, которые прямо или косвенно удовлетворяют потребности человека [26]. Фактически культура — это процесс сублимации, который отвечает потребностям человека и должен удовлетворять потребности стимулирования развития и постоянного создания ценности».

Функция связи. Упомянутая здесь коммуникационная функция может быть широко понята как неформальное не модерируемое общение. Особенности этого общения всеобъемлющие, длительные и всесторонние. Например, эмоциональное общение между друзьями, родственниками и близкими [27]. *Социальная функция*. Туризм известен как индустрия, свободная от табачного дыма, что указывает на то, что индустрия туризма является отраслью с относительно небольшими экологиче-

скими затратами и относительно высоким уровнем смягчения последствий. Туризм - причина существования людей и социальной культуры. Туризм — это не только индустрия, но и важная часть «мягкой силы» страны (культурного обаяния) [28].

Учебная, познавательная функция. Первыми людьми, которые путешествовали, были знающие люди. Они любовались пейзажами и восхищались древними памятниками [29]. Образовательная функция туризма — это влияние и роль туристической деятельности в улучшении знаний, навыков, физического здоровья людей и формирования или изменении сознания людей.

Таким образом, с непрерывным укреплением экономической мощи Китая туризм стал неотъемлемой частью жизни людей сегодня. Есть много соответствующих записей. Укрепление культуры туризма играет жизненно важную роль в развитии экономики туризма. «Туризм — это экономическая культурная деятельность и экономическая деятельность, имеющая большое культурное значение». в настоящее время в Китае понятие «туризм»

включает в себя экономические, культурные, социальные и др. аспекты. Туризм — это вид физического и психического опыта, при котором люди путешествуют и остаются в местах вне повседневной жизненной среды с основной целью развлекательных, эстетических и других духовных удовольствий. Это краткосрочная жизнедеятельность в свободное время и межкультурная коммуникационная деятельность. Это также социально-экономический феномен, возникающий в определенных социальных и экономических условиях, который является частью рекреационной деятельности, социального поведения, промышленности, совокупности социальных отношений и явлений, порождаемых удовлетворением и освобождением, а также является своего рода географической переменной места пребывания.

Китайский туризм все еще находится в стадии развития, и есть много других функций, которые необходимо развивать. С развитием индустрии туризма китайский туризм будет развиваться все более и более совершенным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Редактор редакции словаря Института лингвистики Китайской академии общественных наук. Главный редактор Вэй Цзянун. Словарь Синьхуа // Издано издательством Beijing Commercial Press. 11-е издание. -2011, -322с. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编辑. 主编魏建功. 新华字典// 北京商务印书馆出版. 第11版. 2011年.322页.
2. Тянь Гуаньэнь, Ли Чжанфэн и Ли Дунгуан. Исследование явного развития туризма в культуре Чжоу // Журнал Аньянского педагогического колледжа. Второй выпуск -2015. -с 62-65. 田广增, 李占锋, 李东光. 周易文化的旅游显性化开发研究//安阳师范学院学报. 第二期. -2015. 62-65页.
3. Ю. Сюэцай. Определение понятия «туризм» в древнем Китае // Журнал профессионального института коммерции Уси Journal of Wuxi Vocational Institute of Commerce. Исследования по развитию туризма. Том 18-№4. - 2018. -с 33-38. 喻学才. 中国古代“旅游”的定义//无锡商业职业技术学院学报 Journal of Wuxi Vocational Institute of Commerce. 旅游发展研究. 第 18 卷. -No4. - 2018. 33-38页.
4. Ю. Сюэцай. Определение понятия «туризм» в древнем Китае // Журнал профессионального института коммерции Уси. Исследования по развитию туризма. Том 18-№4. - 2018. -с 33-38. 喻学才. 中国古代“旅游”的定义//无锡商业职业技术学院学报 Journal of Wuxi Vocational Institute of Commerce. 旅游发展研究. 第 18 卷. -No4. - 2018. 33-38页.
5. Чжан Линюнь. Обзор определений и концепций популярного туризма в мире - переосмысление природы туризма // Журнал туризма, том 23 № 1.-2008. -С. 80-01. 张凌云. 国际上流行的旅游定义和概念综述——兼对旅游本质的再认识// 旅游学刊, 第23卷(第1期). 2008 第 86-01页
6. Цао Шиту, южнокорейский Вэй из «Базового экзистенциализма и поэтической среды обитания» Хайдеггера, основанного на туристической сущности // Теоретический ежемесячник, 2012. № 6, 156-158. 曹诗图, 韩国威从海德格尔的基础存在论与诗意栖居观解读旅游本质 // 理论月刊, 2012. 第六期. 156—158 .
7. ХанКовэй. Оценка сущности и концепции туризма // Современный туризм Touri sm Today. Уханский университет науки и технологий. -2013.-с 46-48. 韩国威. 旅游本质与概念评析//当代旅游Touri sm Today. 武汉科技大学.-2013. 46-48页.
8. Гао Кун, Ву Биху, Ли Мими. Переосмысление определения и коннотации туризма в сравнительной перспективе // Региональные исследования и разработки. Том 37. № 1. -Февраль 2018. -С. 86-91. 高璟, 吴必虎, 李咪咪. 比较视野下旅游定义及其内涵的再思考 // 地域研究与开发. 第37卷. 第1期.-2018年2月. 86-91页.
9. Цао Ши Ту Йо Гусинь, Дэн Су. Философский анализ природы туризма (2) // Наука туризма, № 1. - 2011. -с 80-87. 曹诗图溇国新, 邓苏. 对旅游本质的哲学辨析 II // 旅游科学, № 1. - 2011. 80-87页.
10. Гао Су Стандартизация условий туризма в Китае // Журнал туризма Tourism Journal 2007. -№ 8. -92-95 с. 高苏•我国旅游术语的规范化问题// 旅游学刊 2007.第8期. 92 — 95页.
11. Чжан Байпин, Пэн Ин. Определение терминов туризма и их логическая взаимосвязь // ЖУРНАЛ УНИВЕРСИТЕТА АНШУН. JOURNAL OF ANSHUN UNIVERSITY. ТОМ 13. № 2. -Апрель 2011. -С. 73-76. 张白平, 彭瑛. 旅游学术语的定义及其逻辑关系//安顺学院学报 JOURNAL OF ANSHUN

- UNIVERSITY. 第13卷.No2. 2011年4月. 73-76页.
12. Ма Яофэн, Бай Кай. Дискуссия о сущности туризма на основе антропологии и теории систем // Наука о туризме. Том 21. № 3. -2001. -С. 27-31. 马耀峰, 白凯. 基于人学和系统论的旅游本质的探讨// 旅游科学. 21卷.第三期. -2001. 27-31页.
 13. Се Яньцзюнь. Базовые исследования в области туризма (2-е издание) // Пекин; China Пресса о туризме в Китае. 2004. -с 41-84. Xie Yanjun. Tourism (the 2nd Edition) [M]. Beijing: China Travel & Tourism Press, 2004. 41—84. 谢彦君. 基础旅游学(第2版)//北京; 中国旅游出版社, 2004, 41-84页.
 14. Цао Шиту, Чжэн Юфэй, Хуан Жун. Философский анализ концепций туризма // География и географическая информатика, -2006, № 4. -с 71-74. 曹诗图, 郑宇飞, 黄蓉. 旅游概念的哲学辨析//地理与地理信息科学, -2006.第4期. 71-74页.
 15. У Биху. Что такое туризм? // Журнал туризма. Вып. 29. -№ 2. -2014. -с 121-124. 吴必虎. 旅游是什么?// 旅游学刊. 第29卷. 第2期. 2014年. 121-124页.
 16. Су Айцзюнь. Говоря о связи между международным туризмом и внутренним туризмом - и обсуждая с товарищем Чжан Цзянем // Туристический форум. -1986. 22-24 с. 苏爱军. 也谈国际旅游和国内旅游的关系—兼与张践同志商榷// 旅游论坛. -1986. 22-24页.
 17. Чэнь Хайбо, Лю Син. Систематическое сравнение различий между командой острова международного туризма Хайнань и отдельными туристами // Журнал Наньянского педагогического университета. Journal of Nanyang Normal University. Том 11. № 6. 2 июня 012. 61-64. 陈海波, 刘星. 海南国际旅游岛团队与散客旅游者差异的系统比较// 南阳师范学院学报 Journal of Nanyang Normal University. 第11卷. No. 6. 2012年6月. 61-64页.
 18. Лю Хайлун, Чжан Ю. Культура туризма с точки зрения культурной антропологии // Исследования по управлению туризмом. Вторая половина марта 2017. -76 с. 刘海龙, 张玉. 以文化人类学视野论旅游文化 // 旅游管理研究. 2017年3月下半月刊. -76页.
 19. Тан Фенцюань. Обзор исследований в области спортивного туризма в стране и за рубежом. Li t erat ure Revi ew of Sport s Touri s m at Home and Abroad. // Вестник спортивной науки. -2016. -с 32-41. 谭分全. 国内外体育旅游研究评述 Li t erat ure Revi ew of Sport s Touri s m at Home and Abroad // 体育科技文献通报. -2016. 32-41页.
 20. Пэн Мингланг. Классификация туризма // Потребительская экономика. № 4. -1997. Стр. 12-15. 彭明朗. 关于旅游的分类问题// 消费经济. 第四期. -1997年. 12-15页.
 21. Вейвэй Ху, Сянмин Чжэн. Исследование туристической классификации // Исследования по финансово-экономическим вопросам. Research on Financial and Economic Issues. № 5. Май 2012. -с 120-124. 胡卫伟, 郑向敏. E 旅游者分类研究 // 财经问题研究 Research on Financial and Economic Issues. No. 5. 2012年5月. 120-124页.
 22. Тянь Цзипэн, Чжу Цзиньлян, Вэй Цяньцян, Цай Сяоян. Обзор и перспективы исследований в области делового туризма в стране и за рубежом в последние десять лет // Туристический форум. Вып.12. № 1. -2019. -с 86-97. 田纪鹏, 朱金梁, 魏倩倩, 蔡晓燕. 近十年国内外商务旅游研究回顾与展望// 旅游论坛. 第12卷第1期. -2019年1月. 86-97页.
 23. Чжан Вэйянь, Сюй Шумэй. Анализ развития медицинского туризма в Китае // Журнал института образования Цзямусы. № 3. -2009. 134, 135 с. 张维艳, 徐淑梅. 我国医疗保健旅游发展探析 // 佳木斯教育学院学报. No. 3. -2009. 134, 135页.
 24. Йи Цзиронг. Комитет по развитию туризма района Хуандао, Циндао. Экономическая функция туризма и его роль в региональном развитии // Экономика и торговля Китая. -2017. -46с. 伊纪荣. 青岛市黄岛区旅游发展委员会. 旅游业的经济功能及其在区域发展中的作用 // 中国经贸. -2017. 46页.
 25. Цай Яньшань. Эстетическая функция туризма // Литература и языкознание. Университет Шаогуань. Номер статьи: 1002- 2584. -2010. 67, 68 с. 蔡艳山. 旅游的审美功能 // 文学与语言研究. 韶关学院. 文章编号: 1002- 2584. -2010. 67, 68页.
 26. Маринловский. О культуре [М.]. Фэй Сяотун и др // Пекин: Китайское издательство народной литературы и искусства, -1987. -14 с. 马林洛夫斯基. 文化论[М].费孝通等译. 北京: 中国民间文艺出版社, 1987.14页.
 27. Джеймс Ф. Петрик, Чжоу Суйвэнь. Преимущества отдыха и туризма // Туризм журнал. Vol.30. -№ 11, -2015. -с 1-4. James F.Petrick, 邹穗雯. 休闲旅游益处 // 旅游学刊. Vol.30 No. 11, -2015. 1-4页.
 28. Цао Шиту, Юнь Рулян, Лю Е. Философское мышление о концепции развития научного туризма [J]. Журнал Китайского университета Трех ущелий: гуманитарные и социальные науки. -№ 6. -2006. -с 84-87. 曹诗图, 阚如良, 刘晗. 对科学的旅游发展观的哲学思考[J].三峡大学学报: 人文社会科学版, 2006(6): 84-87页.
 29. Ли Сяньфэн. Обзор образовательных функций туризма // Пограничная экономика и культура. THE BORDER ECONOMY AND CULTURE. №12. -2008. -с 24-26. 李先峰. 旅游的教育功能研究综述// 边疆经济与文化 THE BORDER ECONOMY AND CULTURE. No12. -2008. 24-26页.

© Лю Ин (liuying_sw@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ЕДИНСТВА КОНЦЕПЦИИ И ОБЪЕКТИВНОСТИ В МУЗЫКАЛЬНОЙ МЫСЛИ «ЧЖУАН-ЦЗЫ»

Хоу Юньлун

Преподаватель, Педагогический университет провинции
Цзянси, провинция Цзянси, Китай,
13707098756@163.com

STUDY OF THE UNITY OF CONCEPT AND OBJECTIVITY IN MUSICAL THOUGHT «CHUANG TZU»

Hou Yunlong

Summary: From time immemorial, an equal sign is often put between «Chuang Tzu» and «Lao Tzu», but the ideas expressed in them, although they look similar, are actually different. What is the philosophical thought, so is the musical-aesthetic thought. From a logical point of view, this article analyzes the unity of the musical concept in the musical and aesthetic thought of «Chuang Tzu», the subjectivity of the internal factors of music, and also analyzes and explains the concept and unity of «self-sufficient» musical thought and other aspects.

Keywords: ancient music of China, musical aesthetics, Chuang Tzu.

Аннотация: Испокон веков между «Чжуан-цзы» и «Лао-цзы» зачастую ставится знак равенства, но изложенные в них идеи, хоть с виду и похожи, в действительности различаются. Какова философская мысль, такова и музыкально-эстетическая мысль. В данной статье с логической точки зрения анализируется единство музыкальной концепции в музыкально-эстетической мысли «Чжуан-цзы», субъективность внутренних факторов музыки, а также анализируется и объясняется концепция и единство «самодостаточной» музыкальной мысли, и другие аспекты.

Ключевые слова: древняя музыка Китая, музыкальная эстетика, Чжуан-цзы.

Чжуан-цзы – китайский философ периода Сражающихся царств. Годы жизни: около 369-286 гг. до н. э. «Чжуан-цзы» – одно из классических произведений китайского даосизма, также именуется «Наньхуа цзин», состоит из 33 глав.

Музыкально-эстетическая мысль «Чжуан-цзы» имеет три важных аспекта. Во-первых, превозносится музыка природы. Во-вторых, продвигается идея сиюминутности музыки. В-третьих, выдвигаются отличительные признаки музыкальной эстетики: «синьчжай» и «цзюван» [3, с. 144]. Если анализировать с логической точки зрения, то музыкальная концепция Чжуан-цзы не только обладает признаками формального логического и научного мышления, но и содержит науку о понятиях, суждениях и умозаключениях в музыкальной концепции.

1. Чжуан-цзы об единстве музыкальной концепции

Понимание музыки Чжуан-цзы прежде всего базировалось на понимании концепции звука. Он полагал, что музыка обладает «небесным звуком», «земным звуком», «человеческим звуком» [3, с. 127].

«Воздух, выдыхаемый землёй, называется ветром. Когда ветер не дует – звуки прекращаются, как только задует – различные отверстия начинают завывать... В высокогорных лесах у больших деревьев с толстыми стволами имеются различные отверстия; некоторые из них походят на нос, некоторые походят на рот, некоторые походят на ухо, некоторые походят на бутыл-

ку, некоторые походят на чашку, некоторые походят на ступку, некоторые походят на пруд, некоторые походят на трясину. Длинный ветер задует в эти отверстия, извлекая разнообразные звуки; некоторые из них подобны стремительному водному потоку, некоторые подобны пролетающей мимо стреле, некоторые походят на брань, некоторые походят на дыхание, некоторые походят на крик, некоторые походят на плач, некоторые походят на весёлый смех, некоторые походят на сокрушённый вздох. Длинный ветер дует, и отверстия издадут звуки, которые следуют друг за другом подобно пению и отклику. Слабый ветер поёт – отзываются тихо, сильный ветер поёт – отзываются громко. Сильный ветер прекращается – и различные отверстия тоже пустеют... Цзы-ю говорил: «Земные звуки – это звуки, издаваемые различными отверстиями в природе, человеческие звуки – это звуки, издаваемые различными музыкальными инструментами, созданными человеком. Тогда что же такое небесные звуки?... «Небесные звуки – они то издадут резко отличающиеся друг от друга звуки, то прекращают, издадут звуки и прекращают издавать их сами по себе. Кто ещё может быть их движителем?» [3, с. 128] Чжуан-цзы превратил концепцию звука в конкретные вещи, дал подробное объяснение. Он полагал, что звук является определённой формой бытия, вследствие чего обладает индивидуальностью, а также образует собственные связи и всеобщность. При таком понимании, все звенья в его музыкальной концепции неотделимы друг от друга [4, с.323]. Размышления о музыке являются независимыми и эффективными, их вполне можно понять обособленно, в связи с чем его понимание музыки

определило единство в концепции. Поэтому различия между звеньями музыкальной концепции не только не приводят к неясности или разрыву, а напротив, являются ясными и прозрачными.

Чжуан-цзы отмечал, что чёткая концепция – это абстрактное, простое и определённое представление. Чёткая концепция не только обладает простотой, она ещё должна иметь признаки единства. Поэтому «пугливые птицы в горных лесах, отверстия в больших деревьях» [3, с. 127], «земные звуки суть множество отверстий, человеческие звуки превосходят звуки бамбука» [3, с. 130].

2. Чжуан-цзы о субъективности внутренних факторов музыки

Внутренние факторы проявляются во внутренней жизни субъекта. Лишь музыка действительно подходит на роль посредника для внутренней жизни и способна независимо существовать на протяжении долгого времени. Для восприятия музыкального произведения необходимо использовать другой субъективный способ восприятия – слух, который является пассивным, а не активным ощущением. Слух может воспринимать результат внутреннего колебания тела, не взаимодействуя непосредственно с объектом. Услышанное больше не является статичной материальной формой, а представляет собой концептуальную деятельность настроения [4, с. 311].

Чжуан-цзы выдвинул понятие «синьчжай». «Позвольте спросить, что такое синьчжай?» «Целиком сосредоточьтесь на своём устремлении!... Нужно слушать сердцем; следующий шаг – следует слушать не сердцем, а энергией ци. Уши могут лишь слушать звуки, сердце может лишь эмоционально воспринимать внешние объекты, и все они подвергаются помехам от внешних объектов, но ци может опустошённо воспринимать внешние объекты. Дао существует в пустоте. Пустота – это и есть синьчжай» [2, с.200]. Он также подчёркивал, что «наблюдая за вещами, если делать акцент на их различиях, разделять на прекрасные и уродливые, тогда ясно увидишь их насквозь; но если рассматривать их схожие черты, то во всём сущем нет неодинакового, и безразлично, прекрасны вещи или уродливы. Поняв эту истину, забудешь о красоте и уродстве, не будешь знать, какие звуки и цвета любят глаза и уши, а душа поплывёт к спокойным пределам нравственности» [2, с. 196].

Чжуан-цзы полагал, что содержание музыки само по себе является субъективным, музыка проявляется не в том, чтобы из содержания этого субъекта превратиться в объективную вещь, длительно существующую в пространстве, а в том, чтобы путем её незафиксированных свободных колебаний продемонстрировать способность передавать саму себя без возможности длитель-

ного независимого существования. Музыка может лишь положиться на внутреннюю жизнь субъекта, может существовать лишь для внутренней жизни субъекта [1, с. 255]. Поэтому он считал, что звук хоть и является проявляющимся и внешним явлением, но его проявление рождается и умирает вслед за [источником] именно вследствие того, что это внешнее явление. И содержание музыки, и способ её выражения используют беспредметную внутреннюю деятельность, поэтому Чжуан-цзы предложил субъективное понимание внутренних факторов музыки через понятие «синьчжай».

«Пяньму» затрагивает эстетику, особенно сущностные отличительные признаки музыкальной эстетики. Устранить все отвлекающие факторы и предвзятость, заставить дух успокоиться, но не «мчаться сидя» [3, с. 132], выйти за пределы ощущений, даваемых органами чувств. В «Пяньму» выдвигается восприятие сердцем, и это приводит к тому, что эстетическое восприятие сопровождается рациональным эффектом; хотя и имеется рациональный эффект, но тем не менее следует выйти за пределы разума, не нужно размышлять посредством рассудка, следует забыть замыслы и свободно созерцать.

3. Концептуальное и объективное единство самодостаточности музыкальной мысли у Чжуан-цзы

Идеальное содержание идеи – это концепция и её многочисленные положения, а фактическое содержание идеи – это изложение самой концепции, неизменное проявление внешней части концепции.

«Чжуан-цзы», внешняя часть, глава 7: «...Я использую музыку, чтобы выразить человеческие дела и соответствовать воле Неба. Исполнение музыки подчиняется человеческой природе, игра на музыкальных инструментах следует небесным принципам. Развитие и изменение музыки чередуются подобно четырём временам года, музыка рождается в том же порядке, что и всё сущее. Взлёты и падения музыкального произведения подобны постоянным периодам процветания и упадка Небесного Пути, а жизнь и смерть справедливы. Высокие и низкие звуки музыки находятся в гармонии так же, как инь и ян гармонируют друг с другом. Звуки музыки распространяются на все четыре стороны света так же, как свет солнца и луны заливают небо и землю. Эта музыка взлетает и опускается, подобно грому в сезон цзинчжэ (пробуждение насекомых после зимней спячки), без начала и без конца, бесконечно изменчивая, немислимая, и поэтому ты ощущаешь страх.» [3, с. 179] «Я также использую музыку, чтобы выразить гармонию инь и ян, света солнца и луны. Эта музыка может быть долгой, может быть короткой, может быть мягкой, может быть твёрдой, от начала и до конца изменяется, не следуя общепринятым нормам. В долине она наполняет долину,

в трясине она наполняет трясины, заполняет пустоты и щели, её сила и долгота зависят от внешних объектов... Солнце, луна и звезды следуют своим обычным путем, и у всего сущего есть своё место. Я то прекращаю исполнение, и тогда музыка как будто бы уже прекратилась, то снова продолжаю исполнение, и тогда музыка снова кажется не имеющей конца. Ты хочешь поразмышлять о ней, но не можешь понять её; хочешь узреть её, но не можешь увидеть её; хочешь последовать за ней, но не можешь догнать других. Поэтому остаётся только безо всякого умысла стоять на бескрайнем широком пути и декламировать стихи, прислонившись к сухому платану: «Душа истоцилась для того, что я хочу понять, зрение истоцилось для того, что я хочу увидеть, физическая сила истоцилась для того, что я хочу преследовать; я уже ничего не могу сделать!» Ты уже внутренне опустошен до такой степени, что повинешься всему сущему, миришься со своим состоянием, и в этот миг страх в твоём сердце уменьшается.» [3, с. 177]

Концептуальное и объективное единство – это самодостаточная истина, точно так же, как представление Чжуан-цзы о музыке, показанное в седьмой главе внешней части «Чжуан-цзы» [1, с. 153]. Он ясно изложил, что объекты, с которыми имеют дело музыкальные идеи, не являются индивидуумами, а также субъективными представлениями или окружающими вещами. Он актуализировал создание музыки, все реальные вещи приобрели истинность, и эта актуальность обладает их независимым существованием. Концепция может реализоваться только в совокупности реальных вещей и в связи между ними. В таком случае обособленная единичная вещь не соответствует собственной концепции [1, с.156]. Музыкальные идеи «Чжуан-цзы» вследствие специализации его суждений сами собой стали системой некоторых конкретных идей, однако эти конкретные идеи смогли стать музыкальной философской системой Чжуан-цзы лишь потому, что они способны возвратиться к той единственной идее, возвратиться к своей истине. Если рассматривать музыкальные философские идеи «Чжуан-цзы» в процессе подобных рассуждений, то первоначально его идея заключалась в том, чтобы рассматривать музыку в качестве единственной универсальной сущности. Его понимание этой сущности развилось в подлинную реальность, и поэтому стало субъектом, то есть музыкальным духом Чжуан-цзы.

В главе 7 внешней части «Чжуан-цзы» ещё упоминается: «Я также заставляю музыку выражать идею «усердия» (отсутствие лени), корректирую её при помощи естественных ритмов, это похоже на смесь десяти тысяч деревьев, собранных вместе. Звуки музыки звучат в унисон и не имеют видимых следов, распространяются на четыре стороны света и не имеют ограничений, темны и

тихи и не имеют звука. Она всегда приходит в движение без какого-либо образца, всегда замолкает, но при этом находится во тьме. Она следует природе и изменяется вслед за вещами, то словно бы рождается, то словно бы умирает, то словно бы цветёт, то словно бы плодоносит, движется подобно облакам и падает подобно дождю, течёт подобно воде и перемещается подобно ветру, претерпевает бесчисленные изменения, не придерживается постоянного звучания... У мудреца есть пять органов чувств, но нет никаких тайных намерений, уста молчат, но в сердце радость, это и есть небесная радость.» [3, с. 210]

Чжуан-цзы, внешняя часть, глава 13: «...Небо и человек едины, природа ничего не делает, поэтому ущерб для природы и выгода для человеческого мира исходят из природы, и нет нужды в печали или радости. Я пою без печали или радости, безо всякого умысла, следуя природе. Кто-нибудь знает, кто же всё-таки поёт?» [2, с.188]

Чжуан-цзы полагал, что существует множество форм различий в понимании музыкальных идей, единства реальности и представления, конечного и бесконечного, идентичности и различия и так далее. Они представляют только определённый этап конкретной музыкальной концепции, и лишь сама концепция свободна, лишь она является подлинным сообществом; в его музыкальной идее определённость концепции звука тоже является всего лишь концепцией, это своего рода объективность, в которой концепция сообщества продолжает сохранять сама себя, и только в объективности его музыкальная концепция имеет свою собственную полную определённость.

Несмотря на то, что в «Чжуан-цзы» статьи, касающиеся музыки, находятся в разрозненном виде, количество их велико; на первый взгляд в них отсутствует последовательность, но с точки зрения философии и эстетики они образуют законченную систему. Однако его аргументы в основном представлены в виде притч, в которых излагаются его мистические идеи. В общем и целом, музыкально-эстетическая мысль «Чжуан-цзы» заключается в том, чтобы «следовать велениям Неба и ценить истину», почитать природу, это и есть «постоянство народа», воплощенное в сущности музыки. Если анализировать с логической точки зрения, Чжуан-цзы изложил объективное единство и музыкальную концепцию самодостаточной музыкальной мысли, имел ясное понимание субъективности внутренних факторов музыки, а также оказал значительное влияние на последующую эстетическую и музыкально-эстетическую мысль Китая в таких вопросах, как понимание единства музыкальной концепции и так далее. В наши дни он по-прежнему служит огромным вдохновляющим и поучительным примером.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Лекции по истории философии», книга первая [Германия], Гегель, издательство «Коммерческая типография», август 1959 года, 1-е издание
2. «История музыкальной эстетики Китая», Цай Чжундэ, издательство «Народная музыка», сентябрь 2004 года, Пекин, 2-е издание
3. «История музыкальной эстетики Китая: комментарии к материалам, первая часть» (дополненное и исправленное издание), комментарии Цай Чжундэ, издательство «Народная музыка», сентябрь 2007 года, 1-е издание
4. «Эстетика», том первый [Германия], Гегель, издательство «Коммерческая типография», февраль 1997 года, 2-е издание

© Хоу Юньлун (13707098756@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ СУЖДЕНИЯ О ФУНКЦИИ МУЗЫКИ В МУЗЫКАЛЬНОЙ МЫСЛИ СЮНЬ-ЦЗЫ

Хоу Юньлун

Преподаватель, Педагогический университет
провинции Цзянси, провинция Цзянси, Китай
13707098756@163.com

INVESTIGATION OF THE JUDGMENT ON THE FUNCTION OF MUSIC IN THE MUSICAL THOUGHT OF XUN-TZU

Hou Yunlong

Summary: Xun-tzu's musical thought advocates the use of music to guide people, to make them move from evil to good, which is somewhat different from Mencius's thoughts; advocates promoting military campaigns through music, so that «the army is strong, the cities are fortified, and the enemy does not dare to attack even a baby», which is somewhat different from the thoughts of Confucius; advocates for the interaction of ritual and music to govern people and country. His musical and aesthetic thought still belongs to the Confucian tradition. This article analyzes from a logical point of view the way of understanding the function of music in the musical thought of Xun-tzu. This proves that Confucian musical-aesthetic thought reached maturity only under Xun-tzu.

Keywords: Xun Tzu, ancient music of China, judgment.

Аннотация: Музыкальная мысль Сюнь-цзы выступает за использование музыки для того, чтобы направлять людей, заставить их двигаться от зла к добру, что несколько отличается от мыслей Мэн-цзы; выступает за то, чтобы посредством музыки продвигать военные походы, чтобы «армия была сильной, города были укрепленными, а враг не осмеливался напасть даже на младенца», что несколько отличается от мыслей Конфуция; выступает за взаимодействие ритуала и музыки для управления людьми и страной. Его музыкально-эстетическая мысль по-прежнему относится к конфуцианской традиции. В данной статье с логической точки зрения анализируется путь осмысления функции музыки в музыкальной мысли Сюнь-цзы. Это доказывает, что конфуцианская музыкально-эстетическая мысль достигла зрелости только при Сюнь-цзы.

Ключевые слова: Сюнь-цзы, древняя музыка Китая, суждение.

«Сюнь-цзы» - это собрание сочинений Сюнь-цзы, состоит из 32 глав. В своей дискуссии о музыке он дает исчерпывающее и богатое объяснение характерных особенностей музыки, эстетического восприятия музыки, её социальных функций, эстетических критериев и других аспектов. В его образе мышления и точке зрения есть новаторство и развитие. Его дискуссия о музыкально-эстетической мысли в основном сосредоточена в «Юэ лунь», в других главах также содержатся разрозненные записи.

В настоящее время исследования Сюнь-цзы в основном отталкиваются от содержания его дискуссий. Считается, что он исходил из теории о «злой натуре», ориентируясь на идею Мо-цзы об «антимызыке», он делает акцент на «великий порядок в Поднебесной, эпоху нейтрализации» [4, с. 56], «если следовать пути наших предков, ритуалы и музыка будут процветать» [3, с. 211] и так далее. Однако исследования Сюнь-цзы с логической точки зрения немногочисленны. Данная статья направлена на анализ пути осмысления музыкальной мысли Сюнь-цзы с философской точки зрения и направления его суждений о музыкальной концепции.

Сюнь-цзы, мыслитель последнего периода эпохи Враждующих царств в Китае, жил примерно в 313-238 гг. до н. э. Его личное имя (мин) было Куан, уроженец государства Чжао, современники величали его по прозванию

(хао) Цин. При династии Хань он скрывался и именовал себя Сунь Цин. Он подчеркивал: «вокальная музыка глубоко проникает в сердце человека и быстро преобразует его» [2, с. 38], «изменяет старые обычаи и нравы» [10, с. 180], подтверждая роль музыки в нравственном воздействии на сердца людей и в формировании характера. Наша военная музыка подтверждает роль музыки в ходе войны. Кроме того, он также рассматривал связь между «музыкой» и «желанием» [1, с. 26], «музыкой» и «ритуалом» [1, с. 32]. Анализируя с логической точки зрения, Сюнь-цзы разделяет музыкальную концепцию на три звена: универсальное, особое и индивидуальное [9, с. 46], а также разделяет и дает определение внутренней концепции конфуцианской музыкальной мысли Конфуция и Мэн-цзы.

1. Единство суждений о взаимодействии «ритуала» и «музыки»

Вступление к «Юэ лунь»: «Лэ означает радость. Это то, в чем нуждаются человеческие эмоции и не могут остановиться. Поэтому человек не может жить без радости, а радость непременно должна выражаться через звук, выражаться через движение. А человек является человеком постольку, поскольку изменения его мыслей и чувств выражаются в музыке и в танце. Поэтому человек не может жить без радости, а радость не может не быть выражена, а если она была выражена, но не направила

людей, то это не может не повлечь за собой хаос. Наши предки ненавидели этот хаос, и поэтому они сочиняли изящную хвалебную музыку, чтобы направлять людей, и мелодии было достаточно, чтобы принести людям радость, но не развратить их, песен было достаточно, чтобы просветить людей, но не привести их ко злу, а изгибов или прямо́ты музыки, её сложности или простоты, тонкости или полноты, остановки или продолжения было достаточно, чтобы затронуть в людях добрые чувства, с тем, чтобы атмосфере зла было неоткуда приблизиться к людям. Вот принципы, в соответствии с которыми наши предки сочиняли музыку.» [5, с. 152] Очевидно, что суждение Сюнь-цзы о музыкальной концепции основано на особенностях музыкальной концепции. Он подробно изложил свой ход мыслей касательно музыки, показал различия между звеньями и их связь между собой. В его суждениях каждое звено концепции музыки считается отдельным звеном, «лэ», «радость», «музыка», «танец», «норма» [9, с. 330] – они одновременно тождественны сами себе, но не другим звеньям. Связь между ними просистекает из самой музыкальной концепции, потому что концепция в своей экстернализации имеет ту же природу, что и она сама. Будучи звеньями одной концепции, индивидуальность и универсальность нельзя изолировать друг от друга, то есть это не чётко установленные идентичность или универсальность [8, с. 324]. Поэтому суждение Сюнь-цзы о концепции музыки действительно своеобразно, то есть, его суждение – это формулировка различий музыкальных концепций или их положений, но такого рода различия все же могут сохранять свою универсальность [9, с. 187].

Когда он судит или оценивает музыку как объект, это основано не на его субъективном навязывании такого отношения к музыке, а на положениях самостоятельно возникшей в ходе его исследования концепции музыки [6, с. 78]. Он говорит: «Когда в храме предков играет музыка, и государь и министры совместно слушают её, то между ними не будет несогласия, а будет серьёзность; когда музыка играет в кругу семьи, и отцы и сыновья, старшие и младшие братья совместно слушают её, то не будет несогласия, а будет любовь; когда музыка играет в деревне, а мужчины и женщины, стар и млад слушают её, то не будет несогласия, а будет повиновение. Музыка – это выбор среднего звука в качестве основы для организации других звуков, чтобы музыка гармонично развивалась; это организация различных инструментов для выражения ритма; это комплексное исполнение различных мелодий для формирования части музыкального произведения. Поэтому её достаточно и для воплощения пути предков, и для того, чтобы показать различные изменения в обществе, чтобы оно в конце концов начало соответствовать пути предков. Вот причины, по которым наши предки сочиняли музыку.» [5, с. 136] Эти его разные суждения нельзя рассматривать как расположенные

на одном уровне, имеющие одинаковую ценность, их сперва нужно рассматривать как формирующие последовательность этапов, а различия между суждениями построены на логическом значении музыкальной концепции [6, с. 84].

2. Суждение о здесь-существовании музыки

Здесь-существование означает конкретное существование, это существование ограниченного текущего реального явления в определенное время, в определенном месте, имеющего определенное качество и количество [11, с. 97]. В «Юэ лунь» говорится: «Когда слышишь изящные хвалебные мелодии наших предков, грудь расширяется; когда берешь в руки танцевальные реквизиты, такие как щиты и топоры, тренируешься наклоняться и подниматься, сгибаться и вытягиваться, облик приобретает торжественность; двигаешься взад и вперед в соответствии с рисунком танца и музыкой, движения соответствуют ритму музыки и танца, а манера держаться соответствует нормам этикета. Поэтому музыку за пределами страны можно использовать для пропаганды военных походов, в внутри страны – для пропаганды этикета. Значение военных походов и этикета одинаково: если осуществлять военные походы за пределами страны, то не будет непослушных, если внутри страны проявлять друг к другу вежливость, то не будет неповиновения. Таким образом, музыка – это важный способ навести порядок в Поднебесной и объединить её, а характер сделать правильным и умиротворенным, это то, что нужно для человеческих эмоций и не может остановиться. Вот причины, по которым наши предки сочиняли музыку.» [5, с. 156] Это прямолинейное суждение является суждением о здесь-существовании. Суждение может быть положительным или отрицательным [8, с. 271]. С объективной точки зрения эти суждения выражают вещи, существующие в музыке или свойства чувственных явлений. С одной стороны, они становятся пустым тождеством, с другой стороны, они становятся отношениями, вмещающими в себя всё, но эти отношения являются раздельным существованием качеств двух связанных сторон [11, с. 115].

В «Сюнь-цзы. Ритуал и музыка» написано: «Музыка имеет глубокое влияние на людей, и она оказывает нравственное воздействие на людей очень быстро, поэтому наши предки осмотрительно относились к конкретному выражению музыки. Когда музыка спокойная, люди будут мирно сосуществовать и не развратятся; когда музыка серьёзная и торжественная, люди будут единокорны, а не разобщены. Когда люди мирно сосуществуют и единокорны, армия становится мощной, а оборона городов – прочной, и враг не осмеливается вторгнуться. Таким образом, для простых людей не будет беспокойных мест, они будут любить свою родину и поддерживать

своего правителя. Затем репутация правителя станет заметной, его влияние расширится, и во всей Поднебесной не будет никого, кто не хотел бы, чтобы он стал их правителем. А это первый шаг к тому, чтобы стать царём! Напротив, когда музыка легкомысленная и злая, люди будут разобщенными и подлыми. Разобщенность может привести к хаосу, а подлость – к борьбе. Хаос и борьба ослабят армию, города перестанут обороняться, и враг вторгнется. Таким образом, простые люди будут неспокойно себя чувствовать на своих местах, не будут любить свою родину, не будут поддерживать своего правителя. Это показывает, что упразднение ритуалов и музыки, возвышение злой музыки – это первопричина ослабления страны, которая влечет за собой унижения и ведёт к смертельной опасности для страны. Вот почему наши предки дорожили ритуалами и музыкой и презирали злую музыку.» [5, с. 170]

3. Констатирующее суждение о социальной и образовательной функции музыки

Суждение Сюнь-цзы о концепции музыки принимает концепцию музыки и все её положения в качестве содержания, объектом его суждения о концепции является музыка, отдельное явление, возврат от особого здесь-существования к универсальности – это и есть констатирующее суждение [11, с. 356]. В «Сюнь-цзы. Ритуал и музыка» говорится: «У людей бывают хорошие и дурные эмоции, и если позволить им получить широкое распространение, и к тому же не отреагировать на это одобрением или гневом и не направить по правильному пути, то возникнет хаос. Наши предки ненавидели такой хаос, поэтому если исправлять поведение людей и их музыку, то в Поднебесной будет стабильность. Траурные одеяния и звуки плача заставляют людские сердца печалиться, надевать доспехи и шлемы и петь в строю, воодушевляют людские сердца; кокетливые наряды, песни царств Чжэн и Вэй развращают людские сердца; царская корона, музыка и танцы «Шао» и «У» делают людей торжественными. Поэтому уши благородного человека не слышат развратной музыки, глаза не смотрят на кокетливые наряды, рот не произносит грязных слов. В отношении этих трёх вещей благородный человек всегда принимает меры предосторожности.» [5, с. 134]

Хотя общество ещё не осознало независимую надёжность констатирующего суждения о музыке, но поскольку констатирующее суждение – это всего лишь субъективная особенность, поэтому оно по той же причине или вовсе без причины противостоит противоположному суждению. Таким образом, непосредственная природа музыки прежде всего показывает основу для посредничества между индивидуальностью реальных вещей и их универсальностью. В «Юэ лунь» сказано: «Всякий раз,

когда злая музыка заражает людей, мятежные натуры откликаются, мятежная натура проявляется и формирует нравы, возникают хаотичные обычаи и нравы эпохи; когда чистая музыка воздействует на людей, мирные натуры откликаются, мирная натура проявляется и формирует нравы, возникают спокойные обычаи и нравы эпохи. Если кто-то поет, то кто-то обязательно будет подпевать, добро и зло будут следовать за пением, поэтому благородный человек осмотнительно подходит к выбору музыки.» [5, с. 158]

Касательно того, что сама музыка должна сохранять свободу, в «Юэ цзи» написано: «Музыка – незаменимый инструмент для урегулирования отношений; ритуал – незаменимый способ управления страной. Музыка делает людей гармоничными и единокорными, ритуал отличает иерархические различия, а принципы ритуала и музыки влияют на внутренний мир человека [7, с. 65]... Изучение человеческой природы и её изменений – это суть музыки, проявление искренности и почтения, устранение лицемерия – вот принципы ритуала [7, с. 86]... Благородный человек понимает роль музыки, поэтому при помощи музыки совершенствует тело и воспитывает душу. В годы беспорядков люди меняют местами добро и зло, любят злую музыку и не хотят слушать изящную музыку... Ученики мои, нужно усердно изучать ритуалы и музыку, порочная идея об «антимызыке» ни в коем случае не должна пленить ваши сердца.» [5, с. 186] Он полагал, что музыка сохраняет эту свободу главным образом потому, что содержание музыки объясняется не словами, как в песне, а использует факторы, которые не могут быть усвоены при помощи сознания и понимания. Содержание усваивается в соответствии с его собственным концептуальным значением, выражается так, как оно живет в эмоциях субъекта [6, с. 232]. Поэтому музыка выполняет глубокую общественную функцию и играет значительную образовательную роль.

Одним словом, музыкально-эстетическая мысль Сюнь-цзы продвигает идею о том, чтобы посредством человеческой природы направлять и развивать музыку, его суждения о «музыке» и «ритуале» одинаковы [7, с. 21]. С одной стороны, «лэ» (радость), присущая человеческой природе, направляет музыку, превращая её в «ритуал и музыку». С другой стороны, он выдвигает суждение о здесь-существовании музыки, полагая, что цель музыки больше направляющая, и она заключается в том, чтобы люди «при помощи Дао контролировали желания» [7, с. 23], «сочетали красоту и добро» [7, с. 54], соблюдали этикет и становились благородными людьми. Сюнь-цзы ясно показал образовательную функцию музыки, выдвинул две важные категории: «ритуал и музыка» и «нейтрализация» [10, с. 355] – заметные признаки зрелости.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Комментарии к «Шо вэнь цзе цзы», Сюй Шэнь (династия Хань), комментарии Дуань Юйцай (династия Цин). Шанхайское издательство древних книг, 1998 год
2. «Комментарии к «Ли цзи», Чжэнь Сюань (династия Хань), комментарии Кун Инда (династия Тан). Шанхайское издательство древних книг, 2008 год
3. «Собрание комментариев к «Сы шу», Чжу Си (династия Сун), собрание комментариев: книжная компания «Чжунхуа», 2011 год
4. «Пояснения к «Бай ху тун», Чэнь Ли (династия Цин)», пояснения: книжная компания «Чжунхуа», 1994 год
5. «История музыкальной эстетики Китая: комментарии к материалам», комментарии Цай Чжундэ, 2007 год
6. «Лекции по истории философии», книга первая (Германия), Гегель, издательство «Коммерческая типография», август 1959 года, 1-е издание
7. «Новая трактовка «Луньчжун», Цянь Му, издательство книжного магазина «Санлянь», март 2005 года, Пекин, 2-е издание
8. «Маленькая логика» (Германия), Гегель, издательство «Коммерческая типография», 1980 год, 2-е издание
9. «Наука логики» (Германия), Гегель, издательство «Коммерческая типография», 1996 год, 1-е издание
10. «Чжуан Лао тун бянь», Цянь Му, издательство книжного магазина «Санлянь», февраль 2005 года, Пекин, 2-е издание
11. «Эстетика», том третий, часть первая (Германия), Гегель, издательство «Коммерческая типография», ноябрь 1979 года, 1-е издание

© Хоу Юньлун (13707098756@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПИЩЕВАЯ АДДИКЦИЯ, ТЕМПЕРАМЕНТ, ХАРАКТЕР

Бобровская Елена Фаимовна

Аспирант, Новосибирский Государственный
Университет Экономики и Управления
babrovskaya@mail.ru

FOOD ADDICTION, TEMPERAMENT, CHARACTER

E. Bobrovskaya

Summary: The article discusses the phenomenon of food addictions, which, having formed against the background of chronic stress, can cause psychosomatic diseases, the development of neuroses, insomnia, depression, etc., significantly worsening the quality of life and the level of psychological well-being of a person. Food addiction is a maladaptive way of resolving conflicts, in which food is a symbolic way of communicating with one's own sense of inadequacy to the requirements of reality and a sense of inadequacy that arises from the inability to establish effective communication with others. The types of food addictions are described: overeating (hyperphagia) and starvation. Some researchers refer to anorexia nervosa and bulimia as food addictions. The strategies of eating addictive behavior are considered, such as: emotogenic, restrictive and external. The reasons for the formation of food additives are presented: biological and socio-psychological, as well as the mechanisms of their formation. The analysis of psychological factors influencing the formation of food addictions, such as: characteristics of character and temperament, types of accentuations, cognitive distortions, coping strategies. Many researchers identify common features inherent in food addicts: a negative image of one's own body, low self-esteem, vulnerability, signs of depression, difficulties in communication, increased self-criticism, self-doubt, dependence on the opinions of others, powerlessness, guilt, and a high level of anxiety.

Keywords: food addiction, eating disorders, stress, psychosocial factors, accentuation, temperament.

Аннотация: В статье рассматриваются феномен пищевых аддикций, который, сформировавшись на фоне хронического стресса, может стать причиной психосоматических заболеваний, развития неврозов, бессонницы, депрессии и пр., значительно ухудшая качество жизни и уровень психологического благополучия человека. Пищевая аддикция представляет собой дезадаптивный способ разрешения конфликтов, при котором пища представляет собой символический способ коммуникации с собственным ощущением несоответствия требованиям реальности и чувством несостоятельности, которое возникает из-за неспособности наладить эффективную коммуникацию с окружающими. Описываются виды пищевых зависимостей: переедание (гиперфагия) и голодание. Некоторые исследователи относят к пищевым аддикциям нервную анорексию и булимию. Рассматриваются стратегии пищевого аддиктивного поведения, такие как: эмоциогенная, ограничительная и экстернальная. Представлены причины формирования пищевых аддикций: биологические и социально-психологические, а также механизмы их формирования. Произведен анализ психологических факторов, влияющих на формирование пищевых аддикций, таких как: особенности характера и темперамента, виды акцентуаций, когнитивные искажения, копинг-стратегии. Многие исследователи выделяют общие черты, присущие пищевым аддиктам: негативный образ собственного тела, заниженную самооценку, ранимость, признаки депрессивных состояний, сложности в коммуникации, повышенную самокритичность, неуверенность в себе, зависимость от мнения окружающих, бессилие, чувство вины, высокий уровень тревожности.

Ключевые слова: пищевая аддикция, нарушение пищевого поведения, стресс, психосоциальные факторы, акцентуация, темперамент.

Состоянию хронического стресса на сегодняшний момент подвержена огромная часть населения развитых стран, и это состояние становится причиной психосоматических нарушений, пищевых аддикций, развития «болезней цивилизации» (в частности, ожирения). Хронический стресс в тандеме с нарушениями пищевого поведения способен привести к нарушению функций коры надпочечников, развитию неврозов, бессонницы, депрессии и т.д. [9]. Согласно последним исследованиям, более половины населения России имеют избыточную массу тела, и в 90% случаев причиной этого является переедание. В связи с этим актуальной проблемой современных исследований является изучение механизмов и психологических факторов, влияющих на формирование пищевых аддикций.

Научная новизна: на данный момент тема исследования психологических аспектов личности пищевых аддиктов достаточно широко представлена в научной

литературе. Но, как правило, производится изучение одной из сторон личности. Проведенный нами анализ результатов исследований психологических факторов, оказывающих влияние на развитие пищевых аддикций, позволяет составить общее и многостороннее представление о личности аддикта.

Предметом исследования являются черты характера, темперамент и особенности личности человека, склонного к пищевой аддикции. Это совокупность устойчивых психологических характеристик, которые определяют специфику отношений и поведения личности и накладывают определенную печать на все ее проявления, определяют образ жизни человека. В данном исследовании мы рассматриваем широкий спектр психологических факторов, которые были исследованы во взаимосвязи с пищевой аддикцией: особенности эмоциональной сферы, копинг-стратегии, защитные механизмы, уровень самооценки, образ собственного тела, уро-

вень тревожности, нарушения адаптации, склонность к перфекционизму, особенности социализации, когнитивные искажения, особенности коммуникации, уровень стрессоустойчивости, акцентуации характера и пр.

Прием пищи является для человека основной витальной потребностью. В современном обществе пища становится не только источником питательных веществ для возможности дальнейшего функционирования, но и способом получить эмоциональное удовольствие, компонентом приятного общения, а иногда и самоцелью.

Впервые проблема расстройства пищевого поведения (а именно женская нервная анорексия) была описана в 1868 году W. Gull и Ch. Lasegue (1872). Нервная анорексия часто возникала на религиозной почве (описаны случаи нервной анорексии у женщин-святых). В конце 19 века нервная анорексия была описана как синдром пациентов клиник для душевнобольных [12]. Дж. Рассел в 1979 году впервые выделил булимию как отдельное расстройство.

Расстройства пищевого поведения формируются на основе биологических и социально-психологических факторов. Роль стресса в формировании пищевых аддикций недостаточно изучена, но можно предположить, что важным фактором, влияющим на формирование пищевых аддикций, являются копинг-стратегии [16].

Пищевые аддикции могут быть отнесены к группе поведенческих аддикций. В то же время, Ц.П. Короленко полагает, что пищевая зависимость представляет собой промежуточную форму между поведенческой и химической зависимостями, так как пища, как объект зависимости, представляет собой химический объект, но, в то же время, является необходимым витальным фактором, в отличие от психоактивных веществ [3].

Пищевая аддикция представляет собой дезадаптивный способ разрешения конфликтов. При данном типе аддиктивного поведения пища представляет собой символический способ коммуникации с собственным ощущением несоответствия требованиям реальности и чувством несостоятельности, которое возникает из-за неспособности наладить эффективную коммуникацию с окружающими. Таким образом, пищевая аддикция представляет собой форму совладающего поведения, при которой потребляемая пища и образ собственного тела становятся важнейшими приоритетами [20].

Пищевая аддикция представляет собой такой тип аддиктивного поведения, при котором пища (при передании и голодании) выступает в роли подкрепляющего позитивного фактора для изменения психоэмоционального состояния.

Мотивация пищевого поведения представляет собой модель из следующих элементов: совладание с негативными переживаниями и стрессом; достижение удовольствия; социализация и соответствие ожиданиям окружающих [1].

При рассмотрении пищевых аддикций в аспектах психосоциальной адаптации можно выделить функции получения удовольствия, самоутверждения, релаксации, общения, соответствия ритуалу, а также компенсаторную и вознаграджающую функции [4].

Среди пищевых аддикций выделяют переедание (гиперфагия) и голодание [2]. Исследователи затрудняются в определении эпидемиологии пищевых аддикций, что обусловлено множеством вариантов критериев диагностики и принадлежности к группе зависимостей.

У аддикции к еде выделяют 4 формы: приступообразную (сильный голод с оральным оргазмом после перенасыщения), постоянную потребность что-нибудь потреблять в пищу, ненасытный аппетит, ночное обжорство в сочетании с дневным ограничением в еде [15].

Ю.И. Савчинкова выделяет три стратегии пищевого аддиктивного поведения: эмоциогенную, ограничительную и экстернальную. Эмоциогенное пищевое поведение возникает в стрессогенной или фрустрирующей ситуации (стандартная реакция в ситуации страха, тревоги или гнева это потеря аппетита, но некоторые люди реагируют противоположным образом – чрезмерным повышением аппетита) [13].

Ограничительное пищевое поведение представляет собой намеренные усилия по поддержанию определенного веса путем следования диете. При подобном типе поведения происходит игнорирование сигналов голода, наблюдается эмоциональная нестабильность и провоцируются приступы неконтролируемого потребления пищи [13].

Экстернальное пищевое поведение характеризуется повышенной чувствительностью к внешним раздражителям, связанным с пищей, такими как запах, внешний вид еды, ее доступность и пр. [13].

Ц.П. Короленко описал два механизма формирования аддикции голодания: медицинский, с использованием разгрузочной диетотерапии, которая сопровождается трудностями при подавлении аппетита и следующим затем состоянием эйфории, которое и является подкрепляющим фактором для формирования аддикции; немедицинский механизм формирования аддикции заключается в использовании диет для улучшения физической формы [3].

М.Г. Чухрова обнаружила схожие нейрофизиологические механизмы формирования пищевой и алкогольной аддикций, в основе которых лежит правополушарное доминирование на фоне левополушарного дефицита, нарушение согласованности между полушариями мозга и затруднения межполушарного переноса эмоционально важной информации [18]

Многие исследователи к пищевым аддикциям относят в том числе анорексию и булимию (Короленко 2000, Старшенбаум 2006, Менделевич 2007, Gold 1997, Reid 2000). А.Е. Личко выделял нервную анорексию как самостоятельное пограничное психическое расстройство, С. Бояджиева определяла анорексию как невроз навязчивых состояний, анорексия как симптом встречается при слабоумии, шизофрении, депрессии и алкоголизме. Нервная булимия как симптом встречается при органических поражениях головного мозга, шизофрении и умственной отсталости [2].

Существует множество факторов, влияющих на риск формирования пищевых аддикций: генетические, социальные, семейные и психологические.

Многие исследователи отмечают значение детской семейной ситуации при развитии пищевой аддикции. Как правило, страдающие анорексией и булимией описывают отношения с родителями как холодные, лишённые заботы и наполненные двойными посланиями, одновременно поддерживающими и подрывающими уверенность. Матери проявляют сверхконтролирующие, доминирующие и гиперопекающие черты, а отцы – отвергающие. Таким образом, формируется ощущение несоответствия ожиданиям родителей и, как следствие, ощущение «раздвоения» и отвергнутости [11].

Исследование социально-психологических факторов нарушения пищевого поведения становится все более актуальным в настоящее время. Они в значительной мере обогащают картину клинических факторов при пищевых аддикциях в психосоматических теориях [Малкина, Нардонэ, Парамонова]. Среди этих факторов выделяют склонность к перфекционизму, нарушения психосексуального развития, нарушение адаптации, особенности социализации, стереотипы, искаженный образ тела [7, 10].

Формирование аддикции зависит от многих психологических факторов: особенностей личности и темперамента (уровня интенсивности психических процессов), устойчивости Эго, уровня стрессоустойчивости и пр. Склонность к аддиктивному поведению связана с акцентуацией характера, как правило, ей подвержены эпилептоидные, неустойчивые и конформные типы [8].

М.Г. Чухрова рассматривает пищевую аддикцию

как псевдоадаптивное и неконструктивное копинг-поведение, которое формируется при преобладании деструктивных примитивных копинг-механизмов и недостатке конструктивных стратегий для преодоления затруднений. Аддиктивное переедание представляет собой такую психологическую защиту, которая перерастает в смыслообразующий мотив. При наличии пищи в неограниченном количестве в стрессовых ситуациях такой человек становится более устойчивым (вследствие смещения эмоционального интереса). Но затем начинает формироваться отвращение к собственному телу, проявляются негативные оценки со стороны окружающих при нарастании ожирения и эти проблемы могут послужить причиной формирования новых защитных механизмов, таких как новые формы аддиктивного поведения (например, алкоголизм) [19].

В.Я. Семке описывает пищевую аддикцию как сочетание психических расстройств невротического уровня и нарушений пищевого поведения гипералиментационного типа, сопровождающееся набором излишнего веса и ожирением и имеющим своей целью уход от реальности с гедонистической и атарактической мотивацией к приему пищи. При этом низкий порог чувствительности и высокий уровень интенсивности реакции на раздражители, сложности в адаптации, тревожность, замкнутость, недоверчивость и преобладание негативных переживаний являются характерологическими особенностями, способствующими развитию ожирения [14].

При исследовании аддикции к перееданию были выявлены особенности структуры личности зависимых, предрасполагающие к манифестации психогений с преобладанием отклонений психастенического, шизоидного, нарциссического и истерического типа. Наиболее значимой выступала акцентуация на внешнем облике. Аддиктам были присущи такие патохарактерологические черты как акцентуированная чувствительность и ранимость в межличностных контактах [19].

Важным элементом в структуре пищевой аддикции является активация аутодеструктивного драйва. Неприятие собственного тела, чувство вины, одиночества, неудовлетворенность жизнью и страх вынуждают аддикта избегать стрессогенной ситуации и подавлять фрустрирующий импульс. Нарастание психологической неудовлетворенности и эстетических проблем приводит к тому, что и потребление пищи перестает приносить удовольствие. Наблюдается неприятие собственного тела и ненависть к нему, которая побуждает «закормить себя до смерти». Происходит отчуждение психического и соматического: психически аддикт испытывает постоянную потребность в еде, в то время как его тело разрушается [19].

Для пищевых аддиктов характерны сложности в осоз-

навании собственных чувств и эмоций других людей. Исследования позволяют предположить, что алекситимия является свойством личности, обуславливающим данное отклонение [19]. Оказавшись в фрустрирующей или стрессогенной ситуации, пищевой аддикт с алекситимичной характеристикой не сможет воспользоваться адекватными стратегиями совладания, личностные реакции будут приобретать характер адаптивных с целью ослабления воздействия фрустрирующего фактора. Для пищевых аддиктов, следствие этого, характерно использование таких психологических защит как вытеснение, рационализация и замещение [19].

Е.Н. Чуева, исследуя особенности эмоционального состояния девушек, склонных к ограничительному типу пищевого поведения, установила наличие взаимосвязи между неудовлетворенностью собственным телом и высоким уровнем семейной тревоги, высокой ситуативной и личностной тревожностью. Для исследуемых были характерны состояния депрессии, бессилия, чувство вины и суицидальные мысли [17].

В 2016 году К.Н. Милица провела исследование 331 пациента, страдающих ожирением и метаболическим синдромом. В результате было установлено, что испытуемые были подвержены пищевой аддикции (привычки к перееданию), которая более чем у половины пациентов наблюдалась в форме неадекватной оценки количества пищи. При этом у пациентов наблюдалось развитие депрессивного синдрома, которое становилось причиной эмоциогенного переедания. Преобладание тревожно-депрессивных акцентуаций оказывает крайне негативное влияние на качество жизни пациентов [9].

Е. Stice описал закономерность «двойного пути» развития пищевой зависимости: искаженный образ собственного тела и недовольство своим внешним видом приводят к ограничению в приеме пищи и затяжной депрессии, что, в последствии, приводит к перееданию как механизму регуляции аффективного состояния [23].

В исследовании когнитивных искажений при пищевых аддикциях, проведенном И.П. Кутяновой и О.Е. Сарапиной, было установлено, что у аддиктов более выражены когнитивные искажения, главным образом в виде убеждений о катастрофизации, преувеличении негативных последствий и зависимости от ожиданий окружающих, что часто стимулирует саморазрушающее поведение. К тому же, была выявлена непроработанность временной перспективы и низкая осмысленность будущих целей [5].

В.Я. Семке описывает «нутриционную» аддиктивную личность как зависимую от мнения окружающих, в «зеркало» которых она смотрится. Для пищевых аддиктов свойственна усиленная поисковая активность в стрессо-

генной ситуации и смешанный тип реагирования: активность и блокировка деятельности в ситуации стресса, мотивация избегания неудач и мотивация достижения. Для них характерно завышенное чувство собственного достоинства, повышенная самокритичность, неуверенность в себе и стремление к доминированию [14].

Г.В. Старшенбаум описывает две группы пищевых аддиктов. Первая группа – это тревожные, стыдящиеся своей внешности, ранимые личности с пониженной самооценкой с признаками депрессии и сложностями в коммуникации. Вторая группа – подавляющие окружающих, властные и уверенные в себе личности [15].

Некоторые исследователи (Л.В. Куликов, Л. Яременко) обнаруживали у пищевых аддиктов проявления демонстративности характера, повышенную социальную активность и завышенную самооценку, что можно рассматривать как проявление компенсаторной реакции.

Важным фактором для формирования пищевой зависимости является негативная Я-концепция. С подросткового возраста начинается процесс принятия своего тела на основе чего формируется принятие себя как личности и влияет в дальнейшем на формирование самооценки во всех сферах жизни. В исследовании пациенток с анорексией было установлено, что им свойственно искаженное восприятие собственного тела в том аспекте, что они не замечают признаков истощения [21]. Пациентки с ожирением, напротив, переоценивали размеры своего тела [24].

Стремление к перфекционизму является характерной чертой страдающих анорексией и булимией. Отчужденные отношения с родителями, сложности с психологическим отделением от матери затрудняют взросление, формируют неустойчивую самооценку и зависимость от мнения окружающих, что приводит к развитию перфекционизма. Постоянное недовольство собой во всех сферах жизни, включая личную и профессиональную, восприятие себя как «неудачника» формируют стремление к совершенству, которое вследствие того, что не может быть достигнуто, вызывает сильную тревогу и страх. Единственным объектом, полностью подконтрольным, а потому и безопасным для изменений, становится собственное тело. Таким образом, контроль веса становится суррогатом для ощущения контроля над собственной жизнью [22].

В результате исследования нарушений пищевого поведения в зависимости от темперамента, было установлено, что для флегматиков характерно нормальное экстернальное поведение (они не склонны «заедать» стресс и использовать пищу в качестве эмоциогенного стимула вследствие большей уравновешенности и спокойности. Испытуемые с меланхолическим типом темперамен-

та продемонстрировали нарушения экстернального и эмоциогенного поведения вследствие неустойчивости, впечатлительности и ранимости. Сангвиники продемонстрировали склонность к экстернальному пищевому поведению, не опираясь на внутренние потребности организма они склонны употреблять пищу за компанию или руководствуясь ее аппетитным видом и вкусным запахом, что может быть объяснено свойственной сангвиникам потребностью в общении и высоким уровнем коммуникабельности. Также холерики продемонстрировали отклонения пищевого поведения экстернального типа: склонность к переяданию за компанию и импульсивность (ориентацию на внешний вид и запах еды) [6].

Расстройства пищевого поведения имеют высокую коморбидность с различными психическими нарушениями, такими как расстройство настроения, тревожное расстройство, расстройства, вызванные психоактивными веществами, обсессивно-компульсивное расстройство [2].

Выводы: таким образом, многие исследователи выделяют общие черты, присущие пищевым аддик-

там: искаженный с негативной коннотацией образ собственного тела, заниженную самооценку, негативную Я-концепцию, перфекционизм, ранимость, признаки депрессивных состояний, сложности в коммуникации, повышенную самокритичность, неуверенность в себе, зависимость от мнения окружающих, постоянное недовольство собой во всех сферах жизни, включая личную и профессиональную, восприятие себя как «неудачника», бессилие, чувство вины, высокую ситуативную и личностную тревожность. С другой стороны, ряд исследователей описывают следующие характеристики, присущие зависимым: демонстративность, подавление окружающих, властность, повышенную социальную активность и завышенную самооценку, что можно рассматривать как проявление компенсаторной реакции.

Анализ результатов исследований отечественных и зарубежных авторов о психологических характеристиках личностей, склонных к пищевой аддикции, необходим для разработки программ профилактических и коррекционных мероприятий для психологической работы с зависимыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Е.А. К постановке проблемы зависимого пищевого поведения. ЯРГПУ: Научный альманах, 2016 N 4-4(18) С. 201-204.
2. Егоров А.Ю., Софронов А.Г. Пищевые аддикции: классификация, клиника, терапевтические подходы. Психиатрия и наркология в XXI веке, 2011. С.155-167.
3. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психосоциальная аддиктология. Новосибирск, Издательство «Олсб», 2001 - 251с.
4. Креславский Е.С. Психосоциальные аспекты ожирения. Социально-гигиенические аспекты ожирения. Л: ЛСГМИ, 1981. 117 с.
5. Кутянова И.П., Саранина О.Е. Изучение когнитивных искажений, смысложизненных ориентаций и рисков развития пищевых аддикций у девушек-подростков 14-18 лет. Учебные записки Российского государственного социального университета. Т. 16, № 3 (142), 2017. С. 69-78.
6. Лисакова Е.В., Котова Ю.А., Путилина Н.Б. пищевое поведение человека в зависимости от типа темперамента. Прикладные информационные аспекты медицины. Воронеж. Т. 22, № 1, 2019. С. 71-75.
7. Малкина-Пых И.Г. Терапия пищевого поведения: справочник практического психолога. М.: Эксмо, 2005. 170 с.
8. Менделевич, В.Д. Руководство по аддиктологии [Текст]. СПб.: Речь, 2007. 768 с.
9. Милица К.Н. Тревожно-депрессивные акцентуации в оценке качества жизни пациентов с ожирением и метаболическим синдромом. Евразийский Союз Ученых (ЕСУ) №29, 2016. С. 62-65.
10. Нардонэ Дж. В плену у еды: краткосрочная стратегическая терапия при нарушениях пищевого поведения: булимия, анорексия, vomiting (вызванная рвота). М.: Эксмо, 2010. 288 с.
11. Парамонова А.А. Нарушения питания у детей и подростков — искажение объектных отношений в семье // Журнал практического психолога. 2014. № 5. С. 140–148.
12. Ромацкий В.В., Семин И.Р. Феноменология и классификация нарушений пищевого поведения. Бюллетень сибирской медицины. № 3, 2006. С. 61-68.
13. Савчикова Ю.И. Психологические особенности женщин с проблемами веса: дис. ... канд. псих. наук / СПбГУ. СПб., 2005.
14. Семке В.Я., Бохан Н.А., Мандель А.И. Персоналогический анализ в контексте систематики аддиктивных состояний. Клиническая наркология. № 1, 2006. С. 60-65.
15. Старшенбаум Г.В. Аддиктология. Психология и психотерапия зависимостей. М., 2006. 288 с.
16. Чернышова Т.Ю., Реверчук И.В., Меликян И.А. Роль хронического стресса в патогенезе ожирения. Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. Ижевская государственная медицинская академия. № 3, 2016. С. 106-108.
17. Чуева Е.Н. Особенности эмоционального состояния и внутрисемейных отношений девушек, склонных к ограничительному типу пищевого поведения. Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. № 2 (28) 2016. С. 37-45.
18. Чухрова М.Г., Леутин В.П. Нейрофизиологические механизмы алкогольного и пищевого аддиктивного поведения. Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2008, № 1 (48). С. 73-76.

19. Чухрова М. Г., Рукавишников И. А., Пахомова Е. В., Лещинская В. В., Савушкин А. Н., Хорошилова Л. С. Психологические особенности и поведенческие расстройства в структуре аддикции переедания. КемГУ Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2006. № 2 (40). С.77-82.
20. Axtell Amy, Neulon Betty An analysis of Adlerian life themes of bulimic women // Individ. Psychol. 1993. № 1. P. 58–67.
21. Bruch H. The importance of overweight. N.Y., 1957.
22. Dozier M., K. Chase Stoval, Kathleen E. Albus. Attachment and Psychopathology in adulthood. Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications, 2008. P. 718–744.
23. Slice E. A prospective test of the dual-pathway model of bulimic pathology: mediating effects of dieting and negative affect // J. Abnorm. Psychol. 2001. Vol. 110. № 1. P. 124–135.
24. Stunkard A.J., & Rush, J. Dieting and depression reexamined // Annal of Internal Medicine. 1974. № 81. P. 526–533.

© Бобровская Елена Фаимовна (babrovskaya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВИДОВОЙ ДИНАМИЧЕСКИЙ СТЕРЕОТИП У ДЕТЕЙ ПЕРВОГО ГОДА ЖИЗНИ

Вишнев Сергей Юрьевич

ММЦ ООО МК «Здоровье Плюс», МЦН№2 г. Верхняя Пышма,
Свердловская область
vichserg@mail.ru

SPECIFIC DYNAMIC STEREOTYPE IN CHILDREN OF THE FIRST YEAR OF LIFE

S. Vishnev

Summary: Dynamic stereotype (DS) is a complex multidimensional concept introduced by I.P. Pavlov in 1932 that denotes a system of conditioned and unconditioned reflexes, which manifests itself in the behavior of the organism, as a rule, in relation to a certain conditioned stimulus. Currently, DS is considered as a developed stable subjective reaction of the body to a conditioned stimulus.

The author's definition and practical application of included in DS the concept of species dynamic stereotype (SDS) allows us to pay attention to the formation of the main components of the DS, fixed in phylogeny, and therefore more important for ontogeny. In physiological terms, SDS as a phylogenetically fixed main part of DS maintains the resistance of reflex connections to phylogenetically significant unconditioned and conditioned stimuli. SDS is based on persistent connections between innate and conditioned reflexes and in turn is the basis for the formation of various motor stereotypes. SDS is connected to a number of similar concepts such as a species stereotype in ethology, a stereotyped form of behavior in zoopsychology, but it does not replace them. SDS as a complex of species stable reflex connections fixed in phylogeny in the structure of dynamic stereotype (DS) is an important link in the formation of motor activity and behavior in children of the first year of life. In practical meaning, the definition of SDS makes it easier to represent the formation and connections of general (large) and fine motor movements of a human as a biological species.

Our 20-year practical experience of observation and assistance in the formation of DS in more than 6000 children in the first year of life shows the methodological need to determine and take into account the properties of SDS in a particular child to control the dynamics and effectiveness of therapeutic and preventive measures. Based on the concept of SDS, the author has developed a number of practical techniques and recommendations for massage in pediatrics, the two patents for invention are prepared.

Keywords: dynamic stereotype (DS), species dynamic stereotype (SDS), reflex connection, optimal dynamic trajectory, kinematic chain.

Аннотация: Динамический стереотип (ДС) – сложное многоплановое понятие, которое ввел И.П. Павлов в 1932 году, обозначает систему условных и безусловных рефлексов, которая проявляется в поведении организма, как правило по отношению к определенному условному раздражителю. В настоящее время ДС трактуется как выработанная устойчивая субъективная реакция организма на условный раздражитель.

Определение автором включаемого в ДС, понятия ВДС и его практическое применение позволяет обратить внимание на формирование основных, закрепленных в филогенезе, а значит наиболее важных для онтогенеза, компонентах ДС. В физиологическом значении, ВДС, как филогенетически закрепленная, основная часть ДС, поддерживает устойчивость рефлекторных связей к филогенетически значимым безусловным и условным раздражителям. ВДС базируется на стойких связях врожденных и условных рефлексов и, в свою очередь, является основой при формировании двигательных стереотипов разного порядка и уровня организации. ВДС взаимосвязан, но не подменяет ряд сходных по смыслу понятий, таких как видовой стереотип в этологии, стереотипная форма поведения в зоопсихологии. Видовой динамический стереотип (ВДС) как комплекс закрепленных в филогенезе видовых устойчивых рефлекторных связей в структуре динамического стереотипа (ДС) является важным звеном в формировании двигательной активности и поведения у детей первого года жизни. В прикладном значении, определение ВДС позволяет легче представлять образование и связи обще (крупно) и мелко моторных движений человека, как биологического вида.

Наш 20-летний практический опыт наблюдений и помощи в формировании ДС у более чем у 6000 детей первого года жизни, показывает методическую необходимость определять и учитывать свойства ВДС у конкретного ребенка для контроля за динамикой и эффективностью лечебных и профилактических мероприятий. На основе представлений о ВДС, автором разработаны ряд практических методик и рекомендации по массажу в педиатрии, подготовлены два патента на изобретения.

Ключевые слова: динамический стереотип (ДС), видовой динамический стереотип (ВДС), рефлекторная связь, оптимальная динамическая траектория, кинематическая цепь.

Открытое и обстоятельно изученное И.П. Павловым и его учениками, явление динамического стереотипа (ДС) [13], в настоящее время широко используется и продолжает исследоваться в философии, социологии, биологии, медицине, физиологии, психологии, биомеханике и ряде других дисциплин. Выявленная школой И.П. Павлова, динамическая устойчивость связей условных и безусловных рефлексов, применяе-

мая в конкретном случае организмом к условному, а не воздействующему раздражителю, – в настоящее время получила более широкую трактовку, как выработанная устойчивая субъективная реакция (концепт, комплекс, действие, акт, координация, генерация, рациональность и т.п.) системы или совокупности рефлекторных связей на условный раздражитель [8]. Указывая его (ДС) строго индивидуальное значение для самого субъекта, также,

в настоящее время, по принципу адекватности формирования и использования самим субъектом, принято различать оптимальный двигательный стереотип (ОДС) и неоптимальный двигательный стереотип (НДС). Как автор статьи, я прошу обратить внимание на индивидуальность, как свойство, присущее формированию и выражению явления ДС [2]. И тогда возникает вопрос. **Откуда появится это свойство, без логического противопоставления индивидуальности самому виду (*Homo sapiens*) и общебиологического принципа неотделимости вида от среды существования?** Только лишь запоминание положительной для индивида значимости (впервые сформулированной Л.С. Выготским), возникающей в результате реализации «случайных проб и ошибок», без наличия «врожденного эталона» будет явно недостаточно [4]. **Поэтому, считаю необходимым и целесообразным, различие в составе явления ДС видовой составляющей, как идеальной структуры, и предлагаю обозначить ее как видовой двигательный стереотип (ВДС).** В отличие от свойств ОДС, свойства ВДС определяют способы образования, длительного хранения и сохранения связей условных и безусловных рефлексов относительно всего времени существования рассматриваемого биологического вида в его среде обитания. В свою очередь, отдельно рассматриваемый индивид (субъект) является носителем этих свойств ВДС, что делает сам ВДС не абстрактным, а физическим понятием.

Траектории движения, основные опорные позы (положения тела) и основные движения в видовой продуктивной деятельности объединены в ВДС между собой, подчинены логике видовой реализации законов классической механики в среде существования рассматриваемого вида, мало зависят от конституции, пола, возраста, других переменных и особенностей. Связи рефлексов базируются на врожденных рефлексах и адаптируются самим субъектом к среде существования, служат эталоном при формировании двигательных стереотипов разного порядка и уровня организации.

В этой статье предлагается **определение ВДС как комплекса наиболее устойчивых, филогенетически закрепленных рефлекторных связей, обусловленных процессами видообразования.** В физиологическом значении, ВДС, как филогенетически закрепленная часть ДС, поддерживает устойчивость рефлекторных связей к филогенетически значимому условному раздражителю.

В концептуальном значении, ВДС можно определить как структурную часть ДС с характерной для конкретного вида динамической устойчивостью связей условных и безусловных рефлексов, применяемых в конкретном случае организмом к условному раздражителю. По сути, ВДС выступает в роли филогенетически закрепленного «маркера» устойчивости рефлекторных связей. По определению, ВДС взаимосвязан, но не подменяет ряд смежных с ним понятий, например, видовой стереотип поведения в этологии¹. Также, очевидно соотношение понятия ВДС с понятием, принятым в адаптивной зоопсихологии - стереотипной формы поведения, где реакция на эффект (результат) поведенческой активности противопоставлена форме движения. Или, взаимосвязь с понятием в когнитивном значении принципа решения адаптивных задач, где этот принцип – сложный процесс согласования и управления элементарными навыками. Определяя содержание ВДС, руководствуемся правилом, сформулированным Л. Морганом (1894 г.), означающим что, не следует привлекать к объяснению поведения животных более высоких психических категорий, чем необходимо. Во-первых, ВДС не имеет прямого отношения к устойчивости и ряду других характеристик содержания безусловного и условного рефлекса, для этого существует другой механизм реализации. Во-вторых, ВДС не является «эталонной» составляющей форм поведения, в том числе и инстинктов, поскольку не может быть оформленным звеном или элементом любого из них. В-третьих, ВДС определяется необходимостью и целесообразностью решения адаптивных филогенетически значимых задач, применительно к определенным ситуациям, проявляющихся в среде, где применение

1 В этологии (К. Лоренц, Н. Тинберген, К.Фриш, М.Л. Бутковская, Ю.М. Плюснин и др. авторы [3]) именно видовые стереотипы поведения, в основе своей наследуемые, представляют собой главный предмет исследования. Их возникновение в процессе эволюции (по Н. Тинбергену) легко объяснимо: генетически запрограммированные стереотипы поведения позволяют осуществить адаптацию быстро, с минимальным расходом энергии. Поведение – (по Л.С. Выготскому) процесс взаимодействия между организмом и средой. Видовой стереотип поведения — (этологическое определение) это приспособление к наиболее общим и постоянным условиям среды. Именно постоянство условий среды является фактором, который ведет к закреплению отвечающей ему формы поведения. Стереотипная поведенческая реакция может формироваться и по отношению к меняющимся условиям среды, если эти изменения повторяются закономерно. Полной идентичности условий, абсолютной их повторяемости из года в год в природе не существует. Поэтому видовые стереотипы поведения никогда не состоят только из наследственно закрепленных реакций (инстинктов). Врожденные реакции — это основа сложного поведенческого акта, на который накладывается научение. Видовые стереотипы поведения устойчивы, а поведение на основе научения отличается пластичностью. Генетически фиксированы и передаются по наследству не отдельные готовые движения или их сочетания, а нормы реагирования, в пределах которых формируются двигательные реакции в онтогенезе. Способность к научению, к установлению новых ассоциаций, тоже видоспецифична. Важно, что инстинктивное поведение обладает вариабельностью, а выученное поведение не может выйти за границы, определенные видовой принадлежностью.

других средств решения оказывается не эффективным. То есть, для решения ситуативной задачи безрезультатно использовать одиночный рефлекс или случайную комбинацию рефлексов, либо излишне вырабатывать поведенческую стратегию решения данной задачи в изменяющихся условиях среды.

В качестве весомого аргумента в пользу сказанного, предлагаю рассмотреть таблицу связей некоторых безусловных и условных моторных рефлексов ребенка первого года жизни, раскрывающую последовательность формирования обще моторных (крупно моторных) движений ребенка (см. рис. 1).

Все сокращения в рисунке соответствуют сокращенным обозначениям моторных рефлексов ребенка первого года жизни. Более подробное описание содержания этих рефлексов можно посмотреть в различных источниках (например, в работах А.Ю. Ратнера, Н.П. Шабалова, В.Л. Страковской [12, 14]). Обращаю внимание на то, что выведенная в таблице устойчивая последовательность некоторых связей рефлексов с движениями достаточно просто определяется в лонгитюдном наблюдении за формированием обще моторных движений детей возраста до трех лет. Как следует из наблюдений, цепи рефлексов и связанных с ними движений, имеют различные варианты построения (разветвленные, циклические, ступенчатые, параллельные, пересекающиеся, последовательные и др.).

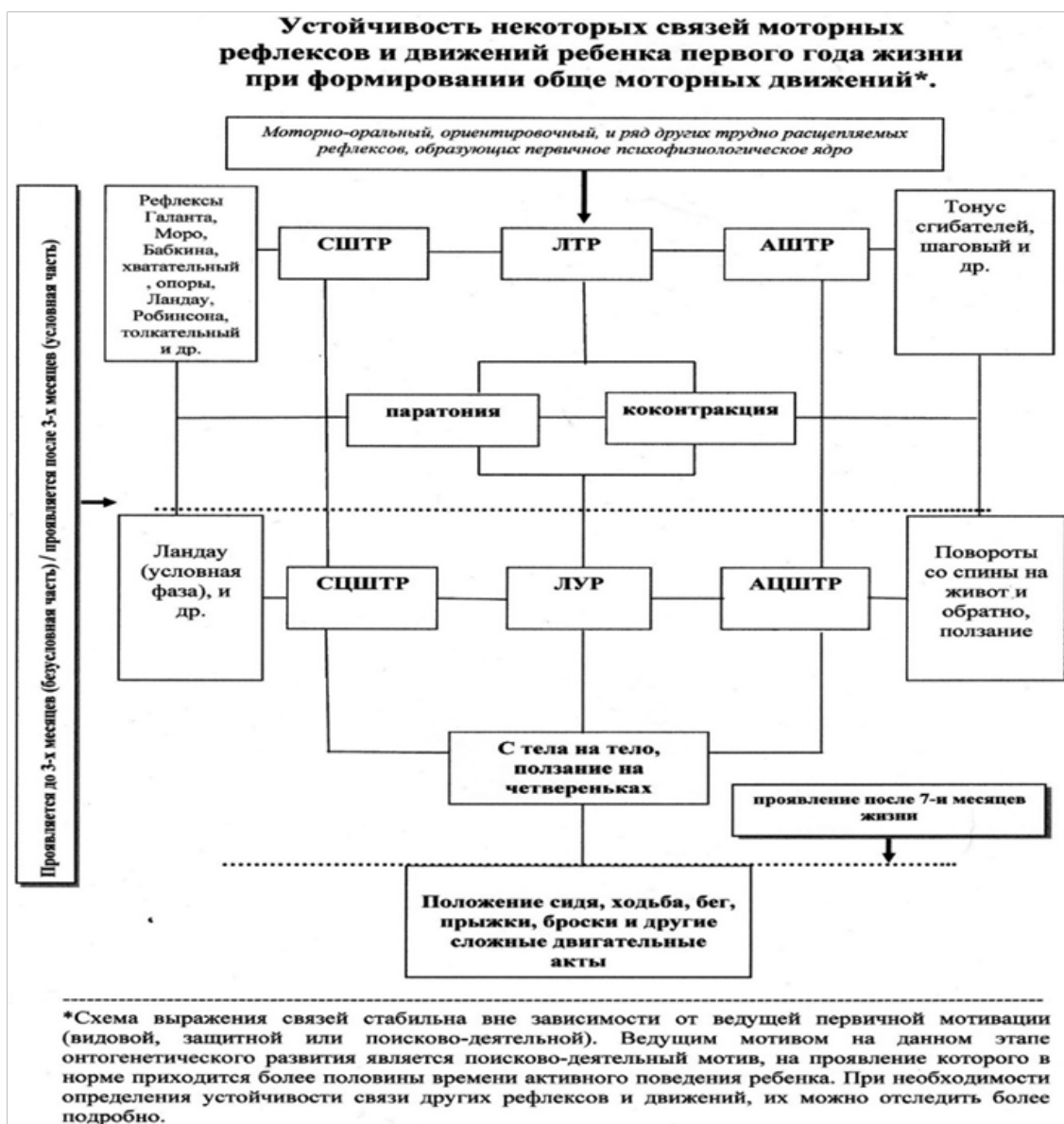

Рис. 1.

Живой организм никогда не находится в бездельном состоянии относительно среды, при этом, его активность определяется потенциальными возможностями тела и его реактивным состоянием. Физическая и функциональная незрелость различных систем организма ребенка определяет его качественное отличие характеристики активности в сравнении с активностью взрослого организма. Как и ДС, ВДС ребенка по сравнению со взрослым, можно охарактеризовать более выраженной инвариативностью проявлений, зависящей от специфики решения адаптационных задач, связанных с применением ДС самим ребенком. В ВДС ребенка сохраняется динамическая устойчивость связей рефлексов по отношению к условному раздражителю, где области определения задач видовой реализации в среде остаются постоянными. То есть, для ВДС ребенка, как активного процесса, выразительны общие со взрослым условия активности организма, имеющие значение вне зависимости от состояния зрелости. Общим условием потенциальной активности организма выступает удовлетворение самим организмом физических и физиологических потребностей существования данного вида в среде. Для этого, как минимум, требуется устойчивая совокупность когнитивных, оперативных и продуктивных действий. Поэтому, как автор, считаю не совсем корректной точку зрения о связи ДС только с оперативной составляющей, представленной в психомоторной организации человека (Е.П. Ильин [7]). Если для продуктивных действий наличие предшествующих врожденных рефлексов и их связей различить достаточно сложно, то для когнитивных действий имеется вполне определенное основание (связи поискового, ориентировочного и др. врожденных рефлексов). Тем не менее, для описания целесообразности определенной фиксации связей рефлексов по отношению к условному раздражителю, воспользуемся несколько иным, физическим основанием [15].

Из курса классической механики известно, что гравитационная сила действует на все без исключения земные объекты, в том числе и живые организмы. Гравитационная нагрузка активизирует системы живого организма и стимулирует его развитие, является регулятором кинематических цепей его опорно-двигательной системы (В.А. Мицкевич [9]). Из школьного курса классической механики следует, что при рассмотрении физической модели (абсолютно твердого или абсолютно упругого) тела для определения его центра тяжести необходимо приложить вектор силы тяжести к центру массы рассматриваемой модели тела. Обращаю ваше внимание к тому, что центр массы тела ребенка располагается значительно выше (в проекции мечевидного отростка или несколько выше), по сравнению с взрослым человеком (в проекции 1-2 поясничного позвонка, в движении опускается ниже). Отсюда следует, что **центр массы тела**

в физической модели живого существа не только меняет свое координатное положение в процессе роста организма, но и постоянно колеблется и перемещается по определенным траекториям в результате внутренних движений самого живого организма.

Это, в свою очередь, влечет за собой изменение кинематических цепей, зависящих от пространственного положения центра тяжести. Кроме того, все живые существа располагаются и перемещаются в физическом пространстве не хаотично, и не постоянно вращаясь вокруг собственного центра массы, или перекачиваясь как колобок, а сохраняют определенное относительное положение тела в физическом пространстве. Так, для всех живых организмов, имеющих кишечную трубку важно располагать ее ротовой конец в направлении к конкретному объекту или точке приближения в среде, при этом, направлять максимальный поперечник входной части (полости рта) строго по этой линии (с допустимым отклонением просвета, или поперечника входной части, менее трех градусов). Во время движения относительное положение этой линии и центра массы тела «строго фиксировано» и контролируется самим живым организмом. Человек не является исключением из этого правила, что выражено в «аллегорической» поговорке «Никто, никого, ни в одной религии, не учит молиться носом кверху». Целесообразность и образ позы и движения, молящегося во время молитвы (для того хотя бы, чтобы молящийся не остался голодным), прекрасно иллюстрируют это правило. До пяти месяцев жизни (чаще до четырех) здоровый ребенок стремится «запрокидывать» голову, стремясь удержать «линию движения рта» относительно туловища в положении, характерном для водных существ. И, не удивительно, ведь весь его предшествующий «опыт» внутриутробных движений приобретался в «водной» среде, где для большинства водных существ характерно располагать «линию движения рта» строго соосно хорде, или продольной осевой линии (длиннику) туловища. И лишь затем ребенок переучивается «контролировать» положение этой линии относительно направления движения «на суше». По некоторым статистическим данным, только около трети детей делают это (переучиваются) легко и мало заметно для окружающих. Также, нетрудно сделать вывод о значимости лабиринтно-тонического (ЛТР) и лабиринтно-установочного рефлексов (ЛУР) и их связей для понимания этого процесса.

Традиционно, характеристику движений человеческого организма в физическом пространстве принято рассматривать в логике связей и построения процесса в статике, в стато-кинетике и динамике. При рассмотрении связей кинематических цепей, для живых существ, обладающих локомоцией, также важен суммарный вектор направления движения, проявляющийся в ходе все-

го онтогенеза рассматриваемого живого существа. Данный вектор имеет выражение одновременно для всех случаев выполнения движений в поступательном направлении. Согласно традиции, рассмотрение движения следует начинать от исходного положения – статической позы. В классической механике статическое положение физического объекта (например, материальной точки) принято рассматривать лишь как частный случай его движения с нулевым ускорением, и описание движений, наоборот, следует из динамической характеристики. Поэтому, вопрос о движениях человека и формировании ДС ребенка рассматривается иначе, – **«Как от движений в лежачем положении перейти к движениям в прямохождении?»** В этом ключе становится очевидной неразделимость поз, а также, ведущая роль динамических связей по отношению к статическим позам как в самом движении, так и в структурах управления движением в целом. Нет смысла раскрывать весь материал, касающийся классической механики в этой статье, приведу лишь наиболее значимые относительно содержания ВДС положения и теоремы. Это основные положения кинематики, понятия системы отсчета, первый и второй законы Ньютона, теоремы Грасгофа, Кориолиса, первая и вторая теоремы Резаля [6]. Из основных положений кинематики следует другой способ описания возможных обще моторных движений и связанных с ними поз. Обще моторные движения по твердой поверхности возможны: с максимальным или значительным использованием опоры на туловище; в комбинации с туловищем или изолированным использованием конечностей для опоры; с частичным использованием дистальной части туловища и применением только нижних конечностей для опоры; с использованием опоры только на нижние конечности. В первом случае возможны только барахтанье, перевороты, движение перекатом и «змейкой». Во втором – ползание (лазание по плоскости) в положении низких, средних и высоких четверенек. В третьем – движения в положении «сидя», привставания на колени, или стояние с опорой на руки или туловище. В четвертом – свободное стояние и приседание, ходьба, бег, прыжки и броски предмета по баллистической траектории. Считаю, что дальнейшие комментарии в необходимости изучения и применения в теории и практике физического принципа – излишним. Описание поз, статических, кинестатических и статокинетических связей, общие выводы о построении мелкой моторики [5], из сказанного можно вывести самостоятельно.

В характеристике «сухопутной» среды и ее значимости для опоры во время движения обозначу лишь несколько моментов. В плотной «водной» среде имеется возможность «опираться» на нее всем телом (то есть, любой его частью), кроме того, из-за этой плотности сами движения приобретают реактивный, или вол-

нообразный вид, с ведущей ролью в качестве привода «хвостовой части» – плавника или нижних конечностей. Верхние конечности или плавники играют роль стабилизаторов траектории движения. Поэтому и рука человека обычно «развивается» в обще моторном смысле, с некоторым «запаздыванием» и дифференцированием функций ближе к началу ходьбы. В «сухопутной» среде имеет значение траектория перемещения, с точками касания, расположенными впереди двигающегося по ходу перемещения. Поверхность, по которой осуществляется перемещение, рассматривается как препятствие. Этим препятствием может быть плоскость (протяженная, ограниченная, горизонтальная, с уклоном с определенно значимым угловым значением для способа движения, вертикальная), уступ, выступ, яма и т.п. Препятствие может быть различно расположено относительно, и под различным углом, к направлению движения (продольно, поперечно, касательно, по ходу, параллельно). В шутку отмечу, что «Слава богу, летать не учимся!», и всерьез также, предлагаю рассмотреть «алгоритм» оптимального преодоления препятствия самостоятельно. В механическом смысле, эта характеристика выполняется через определение степеней свободы движения и приложение к системе необходимого числа дополнительных опорных точек.

Определяя ДС, в том числе и ВДС, как психомоторный акт, и различая его психологическую составляющую, – обозначим ее как психологически структурированную экономию потребностей в двигательной активности и действиях (Ж. Пиаже, Б. Инхельдер [11]). Формирование ДС зависит от эффективности осознания своих потребностей самим субъектом [10]. Первичные мотивы (защитный, видовой и поисково-деятельный), в свою очередь, служат психологическими регуляторами степени удовлетворенности потребностей субъекта. Обусловленная мотивация не только экономит ресурсы организма, но и поддерживает цикличность взаимодействий по отношению к определенно сгруппированным и значимым факторам среды. Цикличность активности организма, также, в какой-то степени, может быть следствием этого эффекта. ДС может быть проявлен под действием любого из первичных мотивов, но в норме, и наиболее эффективно формируется и реализуется в поисково-деятельном мотиве (более половины активного времени поведения субъекта). Обращаю внимание на то, что в сенсомоторном периоде любой мотив может быть проявлен ребенком только в отношении контакта, либо игнорирования конкретно проявленного для ребенка фактора. Ребенок не отделяет, или мало различает себя с предметной и физической реальностью. Поэтому, любой фактор имеет значение только в случае его выделения самим ребенком. Также, среди значимых для конструкции схем сенсомоторной реальности и выражения пер-

вичных мотивов, следует обозначить эффект обратимости Дж. Келли, – одновременно связанный с процессами памяти, вниманием, осознанием, и выражением эмоций².

Сталкиваясь и оказывая влияние в занятиях, занимаясь практическим формированием ДС у детей первого года жизни, предлагаю учитывать свойства ВДС в своей практике. Суть метода определения ВДС заключается в использовании элементов целенаправленного обстоятельного неврологического и психологического осмотра как во время первого занятия, так и в ходе последующих занятий. То есть, оцениваем качество исполнения в движениях ребенка, как самих рефлексов, так и их связей. При выполнении отдельных движений или упражнений следует отслеживать и корректировать точность их выполнения по оптимальным динамическим траекториям [1]. При любом изменении скорости или направления выполняемого движения (упражнения) отслеживаем и корректируем качество «группировки вперед», по направлению движения. При выполнении «группировки вперед» используется связь ЛТР и ЛУР строго по траектории движения. Сначала одновременно и симметрично включаются в работу сгибатели шеи (кивательные мышцы), затем растягиваются разгибатели, без участков сжатия в шейном и верхне-грудном отделах позвоночника, при этом, затылочный выступ перемещается вперед, за плоскость лопаток (приложенную к внутренней плоскости обеих лопаток). В организационном плане, отслеживаем триаду: равновесие, координированность и порядок выполнения элементов движений. Любой ребенок старается «переложить» эту триаду на взрослого, оставляя себе только свои собственные желания. Качество динамического и статического равновесия ребенка отслеживаем и корректируем в соответствии с возрастной нормой и фактическим умением ребенка. В ходе выполнения упражнений не только сами исправляем ошибки координированности движений ребенка, но и стараемся вовлечь самого ребенка в процесс исправления ошибок. Устанавливая порядок выполнения элементов движений и действий в упражнении, сначала определяем оптимальную, возможно допустимые и обратимые траектории движений ребенка и его возможные варианты выполнения действий. При освоении опорных и

физиологических поз, обязательно включать в подборку динамические упражнения, направленные на сохранение этих поз в движении. При безрезультатных 5-7-и попытках ребенка справиться самостоятельно, следует упростить выполняемую им задачу. Вспомогательные поддержки обычно стремимся выполнять из-под центра массы, либо, контролируя его (центр массы) перемещение, то есть необходимо избегать выполнения работы по механическому принципу «устойчивости вагонетки», строго дозируя нагрузку и ускорение. Общим признаком утомления и необходимости остановки занятия служит «обмякание плеч» и «не правильная группировка» при выполнении движения ребенком. При этом, к повторению занятия можно вернуться, не ранее, чем через два часа. Обычно, утомление при выполнении упражнений на равновесие, координированность и порядок выполнения движений у детей возраста до года наступает в течение 5-15-ти минут. Утомление при выполнении тех же упражнений в статическом положении наступает в течение 1-3-х минут. Ожидание принятия решения ребенком о самостоятельном движении или действии от 15-ти секунд до 2-х минут, в зависимости от ситуативной задачи. Общее рекомендуемое основное время занятия, индивидуальное, 5-20 минут. Рекомендательный список можно продолжить далее, но необходимо учитывать, что это ознакомительная статья о формировании ДС у детей первого года жизни, а не методическое руководство.

Основными выводами из представленного материала в статье считаю, что ВДС является важным звеном в формировании и построении движений и действий. ВДС базируется на стойких связях врожденных и условных рефлексов и, в свою очередь, является основой при формировании двигательных стереотипов разного порядка и уровня организации. Формирование динамического стереотипа, выполняемое с применением ВДС происходит результативнее, быстрее и с лучшим качеством, нежели спонтанно, на основе случайных проб и ошибок. Сравнить значение ВДС можно с письмом по прописям при освоении письменной речи ребенком, где дальнейшее изменение почерка будет происходить индивидуально. Как и любая идеальная структура, ВДС преобразуется в индивидуальную форму ДС в зависимости от условий и активности самого субъекта, то есть ребенка.

2 Действие эффекта, вероятно, основывается на врожденной способности к счету в пределах первых двух десятков, активно проявляемой ребенком старше полутора лет. Эмоциональное выражение эффекта Дж. Келли состоит в следующем: столкнувшись впервые с незнакомым раздражителем, субъект реагирует панически, или с высшей тревожностью. При столкновении до 5 раз с этим раздражителем, сохраняет высокий уровень тревожности. При столкновении от 5 до 10 раз, выражает удовольствие при возможности проигнорировать факт столкновения. При столкновении от 11 до 15 раз в равной степени проявляет активность и игнорирует раздражитель, выражая разнообразные эмоции. При столкновении от 15 до 20 раз полностью регулирует активность в отношении раздражителя, выражая разнообразные эмоции. И, при столкновении более 20 раз, и, если способен организовать свои движения и действия в обратном порядке, - значительно перестает эмоционально реагировать, многократно (около 100 раз) и качественно усиливает внимание, активно и одновременно запоминает свои действия. В столь подробном описании, эффект Дж. Келли показан из-за его практического значения в формировании ДС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопян Л.В., Павлухина Н.П., Яшина Т.Н., Массаж в педиатрии. Теория и практика: Учебное пособие. – СПб.: Наука и Техника, 2019. – 528 с., С. 37-44, 518-521
2. Аникина Т.А., Крылова А.В., Физиологические основы высшей нервной деятельности детей и подростков: уч.-метод. пособие – Казань: Казанский федеральный университет, Ин-т физической культуры, спорта и восстановительной медицины, 2014, С. 13-24. <https://krfu.ru/>
3. Бутковская М.Л., Плюснин Ю.М., Принципы организации пространственного поведения у человека и высших приматов (сравнительный анализ) // Современная антропология, генетика и проблема рас у человека / ред. И.М. Золотарева, Г.А. Аксякова. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1995, С. 91-143.
4. Веккер Л.М., Психика и реальность: Единая теория психических процессов. – М.: Смысл; Per Se, 2000. – 685 с., С. 54-75
5. Вишнев. С.Ю., Патент РФ №2531724, 2014, материалы реферата к патенту.
6. Голубева О.В., Петрова Н.П., Механика Галилея-Ньютона и Эйнштейна, Институт проблем механики РАН, УрГПУ, Москва – Екатеринбург, 1994., С. 3-68
7. Ильин Е.П., Психомоторная организация человека. Учебник для вузов, – СПб.: Питер, 2003. – 384 с. (Серия «Учебник нового века»), С. 8-23, 42-123
8. Курпатов А.В., Аверьянов Г.Г., Руководство по системной поведенческой психотерапии. Динамический стереотип как концепт., <https://iknigi.net/avtor-andrey-kurpatov/51876-rukovodstvo-po-sistemnoy-povedenchenskoj-psihoterapii-andrey-kurpatov/read/page-1.html>, С.5-7
9. Мицкевич В.А., Ортопедия первых шагов. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. – 359 с., С. 5-91
10. Новоселова С.Л., Развитие интеллектуальной основы деятельности приматов. – Москва: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2010. – 2-е изд., – 304 с.
11. Пиаже Ж. Инхельдер Б., Психология ребенка: Науч. ред. пер. С.Л. Соловьева. – 18-е изд. – СПб.: Питер. 2003. – 160 с. (Серия «Концентрированная психология»), С. 7-39
12. Страковская В.Л., Лечебная физкультура в реабилитации больных и детей группы риска 1-го года жизни». – М.: Медицина, 1991, 160 с.
13. Хананашвили М.М., Динамический стереотип // Большая медицинская энциклопедия / под ред. Б.В. Петровского, 3-е издание, т. 3, – М. – Л., 1951., https://бмэ.орг/index.php/ДИНАМИЧЕСКИЙ_СТЕРЕОТИП
14. Шабалов Н.П., Неонатология /Учебное пособие: в 2 т. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: МЕД пресс-информ, 2004. – 640 с., том 1, С. 178-221
15. Яворский Б.М., Детлаф А.А. Справочник по физике. – 2-е изд., перераб. – М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1985, – 512 с., С. 11-53, 404-406

© Вишнев Сергей Юрьевич (vichserg@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПСИХОЛОГО-АКМЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Волочков Илья Владимирович

Независимый исследователь, Президент, Международная академия траблхакинга (IAT), Пермь
iv@troublehacking.com

THE PROBLEM OF THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL AND PERSONAL CHARACTERISTICS OF A PERSON IN THE CONTEXT OF MODERN PSYCHOLOGICAL AND ACMEOLOGICAL CONCEPTS

I. Volochkov

Summary: The article is devoted to the problem of the development of professional and personal characteristics of a person in the context of modern psychological and acmeological concepts. The theoretical approaches to the professional and wild development of a person are revealed. It is shown that the acmeological approach is based on the systemic and subjective approaches that allow to reveal the psychological and acmeological patterns and determinants of the development of professionalism. Personal and professional development of a person is revealed by acmeology as a progressive process of achieving a high level of professionalism in all types of activities. Acmeological invariants of professionalism are determined by the subjective qualities of a professional's personality. The essence of the subjectivity of a professional is defined as a special professional and personal quality associated with actively transforming properties and abilities for creative self-development and transformation of professional activity and life in general.

Keywords: professional and personal characteristics, professional and personal development, professionalism, acmeological invariants of professionalism, subjectivity.

Аннотация: Статья посвящена проблеме развития профессионально-личностных характеристик человека в контексте современных психолого-акмеологических концепций. Раскрыты теоретические подходы к профессионально-личностному развитию человека. Показано, что в основе акмеологического подхода лежат системный и субъектный подходы, позволяющие раскрыть психолого-акмеологические закономерности и детерминанты развития профессионализма. Личностно-профессиональное развитие человека раскрывается акмеологией как прогрессивный процесс достижения высокого уровня профессионализма во всех видах деятельности. Акмеологические инварианты профессионализма определяются субъектностными качествами личности профессионала. Сущность субъектности профессионала определяется как особое профессионально-личностное качество, связанное с активно преобразующими свойствами и способностями к творческому саморазвитию и преобразованию профессиональной деятельности и жизнедеятельности в целом.

Ключевые слова: профессионально-личностные характеристики, профессионально-личностное развитие, профессионализм, акмеологические инварианты профессионализма, субъектность.

Современные условия глобализации и информатизации общественно-экономической жизни оказывают огромное влияние на сферу профессиональной жизни человека, на специфику его профессионально-личностного развития. Это связано с расширением и изменением рынка профессий, с появлением новых профессий, с необходимостью к адаптации к изменяющимся социально-экономическим условиям не только в рамках одной профессии, но в условиях обучения и получения новых профессиональных навыков на протяжении всей жизни в целях личного и профессионального развития и самореализации. Профессионально-личностное развитие современного человека требует «готовность к личностному росту и совершенствованию профессионально-важных качеств; постоянного измене-

ния и развития через освоение новых знаний; приобретение новых умений, навыков, компетенций» [3, с. 18]. В связи с этим актуальной становится проблема развития профессионально-личностных характеристик человека в контексте современных психолого-акмеологических концепций.

В отечественной и зарубежной науке накоплен огромный опыт научно-практических исследований, посвященных профессионально-личностному развитию человека, как в рамках одной профессии, так и в рамках изменения профессионального пути в условиях приобретения нескольких профессий. Первоначально профессионально-личностные характеристики человека как субъекта профессионального труда исследовались

для решения задач определения профессиональной пригодности в различных областях профессиональной деятельности. Данным проблемам профессионально-личностных характеристик человека посвящены труды зарубежных ученых Ф. Гизе, У. Джеймса, Дж. Кокса, О. Липмана, Ч. Мейерса, Г. Мюнстерберга, Ч. Спирмена и др. В отечественной науке вопросы профессионально-личностных характеристик человека в аспекте их соответствия требованиям профессии интенсивно изучались в двадцатые годы XX века (М.Я. Басов, В.М. Коган, В.Н. Мясищев, И.Н. Шпильрейн и др.), а в дальнейшем в 60-70 г.г. XX века советскими исследователями К.М. Гуревич, В.П. Зинченко, Е.А. Климовым, А.А. Крыловым, Н.Д. Левитовым, Б.Ф. Ломовым, К.К. Платоновым, Д.А. Ошаниным и др.

Современные концепции профессионально-личностного развития человека отличаются многообразием подходов, позволяющих описать данный процесс как системное, динамическое образование, развертывающееся на всем жизненном пути человека. Генетический подход раскрывает профессионально-личностное развитие человека посредством исследования закономерностей его онтогенетического развития на разных этапах жизненного пути (К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, В.Г. Асеев, А.А. Деркач, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн и др.). Социальный подход рассматривает развитие профессионально-личностных характеристик человека в процессе его социализации и индивидуализации (Э.Ф. Зеер, Е.А. Климов, Ю.П. Поваренков и др.). Онтологический подход к профессионально-личностному развитию человека акцентирует внимание на аксиологической составляющей профессиональной деятельности, на процессах присвоения профессиональных норм, ценностей и смыслов профессионального труда (Л.И. Анциферова, Э.Ф. Зеер, Е.А. Климов, Н.С. Пряжников и др.). Данные теоретические подходы позволили раскрыть профессионально-личностное развитие человека, особенности его профессионального самосознания и самоопределения, формирования профессиональной направленности, профессиональных мотивов, способностей и интересов, развития профессиональных умений и навыков на разных этапах профессионализации и жизненного пути. Развитие профессионально-личностных качеств человека с этих позиций характеризуются стадийностью, наличием кризисов при переходе от одной стадии профессионального развития человека к другой, связанных с качественной перестройкой профессионально-важных качеств личности и взаимоотношений в профессиональной сфере.

Проблемы исследования личностных качеств и характеристик человека, лежащих в основе процессов самосовершенствования, стремления к высоким достижениям в профессиональной деятельности, позволяющих достичь вершины профессионализма в профессии,

наиболее полно раскрываются с позиции акмеологического подхода. Акмеологический подход отражает, прежде всего, теоретические воззрения о единстве личностно-профессионального развития человека, которое является ключевой акмеологической категорией. В основе акмеологического подхода лежат системный и субъектный подходы, позволяющие раскрыть психолого-акмеологические закономерности и детерминанты развития профессионализма, процессы саморазвития и самореализации, как в профессиональной сфере, так и в жизнедеятельности человека [3; 5; 6]. Личностно-профессиональное развитие с позиции акмеологии понимается как прогрессивный процесс, который «характеризуется совершенствованием мотивационной сферы, развитием самосознания и рефлексии, способностью проявлять творчество в работе, применять конструктивные стратегии преодоления профессиональных затруднений, готовностью к профессиональной деятельности в новых условиях, ориентацией на высокие достижения» [3, с. 17-18].

В локусе внимания исследователей с позиции акмеологии, прежде всего, находятся те профессионально-личностные характеристики человека, которые обеспечивают высокопродуктивную профессиональную деятельность и готовность к поступательному саморазвитию и самореализации, образующие, так называемые, акмеологические инварианты профессионализма. С позиции психолого-акмеологического подхода субъект личностно-профессионального развития, «это человек,двигающийся по пути профессионализации, сознательно организующий данный процесс, ставящий и реализующий цели, сознательно обогащающий опыт своей деятельности и общения, т.е. развивающийся прогрессивно» [3, с. 24]. Ключевой характеристикой субъекта личностно-профессионального развития с позиции психолого-акмеологического подхода является профессионализм. Профессионализм понимается как совокупность функционально-психологических и психофизиологических личностных характеристик человека. Рассматривая профессионализм как качественную характеристику деятельности на примере труда госслужащих, А.А. Деркач выделяет такие ее наиболее значимые показатели, как «результативность деятельности; эффективность деятельности; высокую степень ее организации и самоорганизации; информационно-технологическую культуру деятельности» [6, с. 6-7].

Исследуя акмеологические инварианты профессионализма, ученые выделяют ряд профессионально-личностных характеристик человека как субъекта профессиональной деятельности. Важным в акмеологическом понимании качеств субъекта профессиональной деятельности является удовлетворенность трудом, которая, согласно Е.Ю. Пряжниковой, Н.С. Пряжникову, становится условием принятия этой профессии как основного

дела своей жизни и как следствие влияет на принятия человеком своей жизнедеятельности и самого себя [5]. С.В. Славнов выделяет следующие качества профессионала: коммуникабельность, контроль эмоций, сформированная адекватная Я-концепция, хорошая эрудиция, стремление к профессиональному развитию [7]. Т.Н. Щербакова, Д.Н. Мисиров выделяют такие профессионально-личностные качества человека, как «высокий самоконтроль, самоактуализация психологических, социальных образовательных и биографических возможностей, способствующих результативному включению в систему социальных и профессиональных отношений» [10, с. 50]. А.А. Деркач заявляет, что профессионализм человека обеспечивается «психологической готовностью к профессиональной деятельности; положительной мотивацией к деятельности; сформированностью профессионально важных качеств; сознанием и чувством ответственности за себя, за дело, за других; рефлексивной культурой (культурой самоотношения: знанием себя, эмоциональным отношением (к себе, самооценкой); способностью к изменениям» [6, с. 6-7].

Не менее важными для профессионала являются творческие способности и инновационный потенциал личности, который, согласно С.Г. Григорьевой связывают со следующими основными качествами:

- «творческая способность генерировать и продуцировать новые представления и идеи, а главное – проектировать и моделировать их в практических формах;
- открытость личности новому, отличному от своих представлений, что базируется на толерантности личности, гибкости и панорамности мышления;
- культурно-эстетическая развитость и образованность;
- готовность совершенствовать свою деятельность, наличие внутренних, обеспечивающих эту готовность средств и методов;
- развитое инновационное сознание, включающее ценность инновационной деятельности в сравнении с традиционной» [4, с. 10-11].

Инновационный потенциал основывается на творческом потенциале профессионала, на его творческих способностях и способности к саморазвитию. В этом случае уместно говорить о творчески саморазвивающейся личности человека. Личность, способная к творческому саморазвитию, согласно В.И. Андрееву, ориентирована «на творчество в одном или нескольких видах деятельности на основе самоактуализации все более сложных творческих задач и проблем, в процессе разрешения которых происходит самосозидание, то есть творческое позитивное изменение самопроцессов и самоспособностей» [2, с. 207].

Вышеперечисленные профессионально-личностные

качества, обеспечивающие творческое саморазвитие профессионала, связаны с субъектными качествами личности. Профессионализм выступает как одна из форм проявления субъектности человека, преломляется через его субъектные профессионально-личностные характеристики. В связи с этим необходимо раскрыть теоретические взгляды к пониманию сущности и структуры субъектности.

Ученые раскрывают понятие субъектности как характеристику личности, которая связана с творческим преобразованием профессиональной деятельности и жизнедеятельности в целом. Понятие субъектность определяется как особое личностное качество, связанное с активно преобразующими свойствами и способностями. К.А. Абульхановой-Славской отмечается, что категория субъекта имеет процессуальный характер, который определяется процессами самоопределения, самосознания, саморегуляции, субъектификации, происходящими внутри личности и отражающие процессы индивидуализации на разных этапах профессионально-личностного развития человека [1]. А.М. Трещев определяет субъектную активность как особое качество личностной позиции, которая характеризует ценностно-деятельное отношение личности, включающее смыслотворчество как способность оценивать смысл и ценностную значимость профессии; готовность к действию как способность не только сделать выбор, но и нести за него ответственность; автономность как способность принять самостоятельные решения; поиск ценностных смыслов профессии, выбор варианта решения профессиональных задач, которые определяются степенью развитости рефлексивных процессов [8].

Ведущую роль в развитии субъектных качеств профессионала играют рефлексивные процессы, свойства и состояния, которые обеспечивают профессионально-личностную саморегуляцию человека как субъекта профессиональной деятельности. Рефлексия, по мнению А.И. Троянской, «выступает как механизм взаимодействия личности с профессиональным миром при посредстве рефлексивных процессов субъективации профессиональных значений и объективации профессиональных смыслов» [9, с. 82].

Другими, не менее важным личностно-профессиональными проявлениями субъектности личности, являются саморегуляционные качества человека. К.А. Абульханова-Славская описывает уровни развития саморегуляции в профессиональной деятельности человека. Если на начальных этапах профессионализации личность согласовывает свои особенности с нормами профессиональной деятельности, на втором – совершенствует качество деятельности путем оптимизации своих возможностей, то на уровне профессионализма личность обладает оптимальной стратегией и тактикой,

проявляя творческий характер профессиональной активности и выходя за пределы деятельности, реализуя авторскую позицию в профессии [1].

Таким образом, в контексте современных психолого-акмеологических концепций развитие профессиональ-

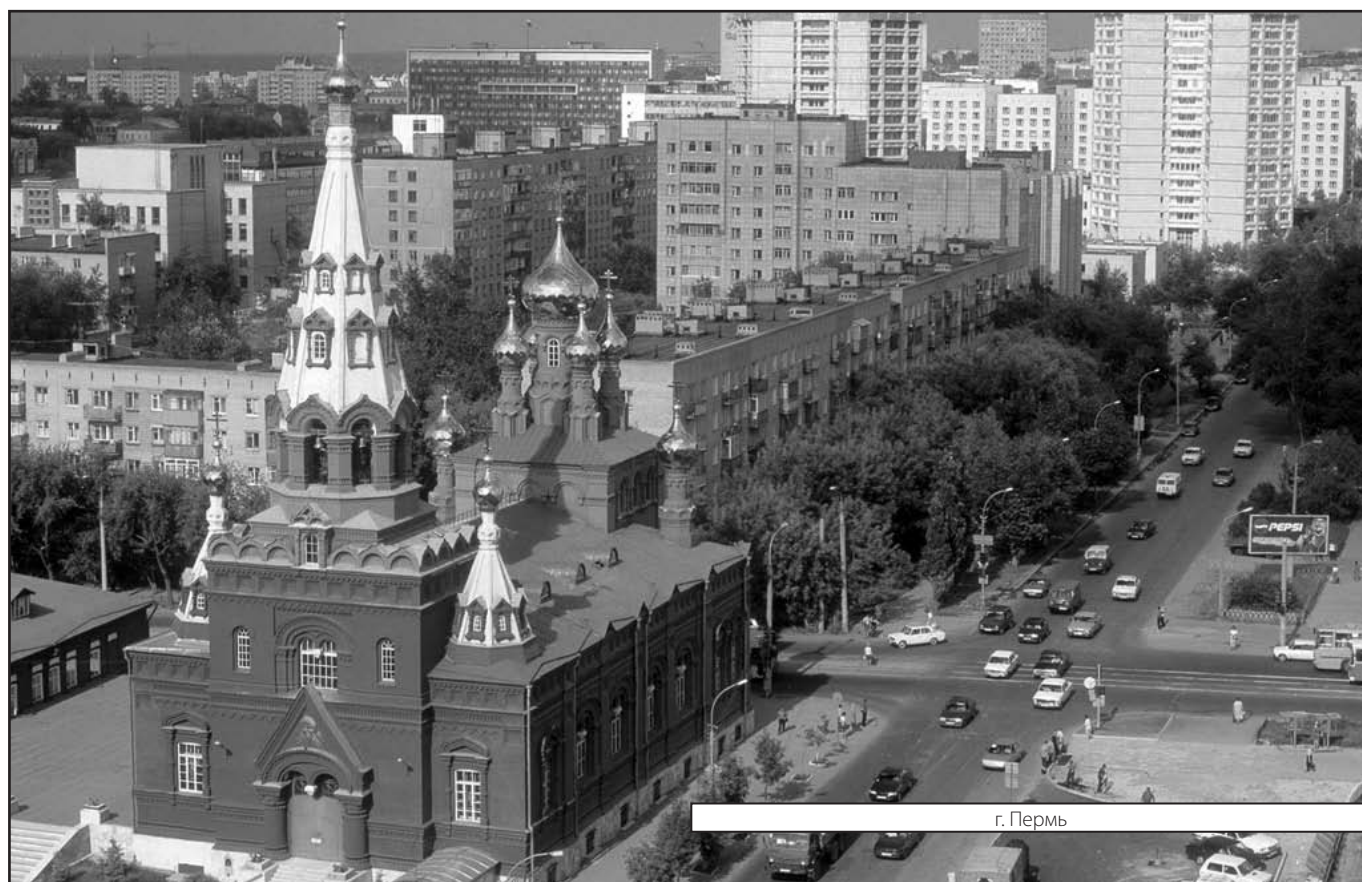
но-личностных характеристик человека подразумевает развитие личности, способной к творческому саморазвитию, обладающей развитыми субъектными качествами, обеспечивающими творческий, преобразующий характер профессиональной деятельности и достижение высокого уровня профессионализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К.А. Психология и сознание личности: Избранные психологические труды. - М.: РГБ, 2004. - 216 с.
2. Андреев В.И. Концепция, законы и идеология гарантированного качества образования на основе творческого саморазвития человека (акмеокавалитология образования). - Казань: Центр инновационных технологий, 2013. - 296 с.
3. Ветрова Я.А. Динамика акмеологической позиции педагога в процессе повышения квалификации: дис. ... кандидата психологических наук. - Томск, 2014.- 193 с.
4. Григорьева С.Г. К проблеме инновационной деятельности в современных условиях // Среднее профессиональное образование. - 2010 - № 11 - С. 9-12.
5. Пряжников Е.Ю., Пряжников Н.С. Психология труда и человеческого достоинства. - М.: Издательский центр «Академия», 2005. - 480 с.
6. Психология профессиональной деятельности: Лекции «в помощь преподавателю» / Под общ. ред. А.А. Деркача. - М.: Изд-во РАГС, 2004. - 342 с.
7. Славнов С.В. Структурно-динамические характеристики образа успешного профессионала налоговой полиции // Психологический журнал. - 2003. - № 1, Т. 24. - С. 82-90.
8. Трещев А.М. Субъектная позиция личности: учеб. пособие. - Калуга: КГПУ, 2001.- 145 с.
9. Троянская А.И. Профессиональная рефлексия личности в мире этнической культуры. Монография. - Ижевск: УдГУ, 2011. - 119 с.
10. Щербакова Т.Н., Мисиров Д.Н. Психологическая компетентность и успешность профессиональной подготовки менеджеров // Известия ЮФУ. Педагогические науки. - 2011. - № 12. - С. 47-59.

© Волочков Илья Владимирович (iv@troubleshooting.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Пермь

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ОБРАЗА Я В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

THE MAIN METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE SELF-IMAGE IN RUSSIAN AND FOREIGN PSYCHOLOGY

**T. Gutova
Yu. Popova
V. Marukhno**

Summary: The article presents the results of a theoretical analysis of the problem of the image of the self in psychological science. The main methodological approaches to the definition of the concepts of «self-image», «self-consciousness», «self-concept» in various psychological theories are analyzed. It is shown that the concepts of «self-image», «self-awareness», «self-concept» in most studies are interpreted as identical concepts. The formation and development of the image of the Self presupposes the presence of stages of its formation and structural components, which in a number of the authors' studies are designated in different ways. The formation of the self-image occurs mainly in adolescence, but the development of self-awareness does not stop there.

Keywords: self-image, Self-image structure, self-awareness, self-esteem, Self-concept of personality.

Гутова Тамара Сергеевна

*К.псх.н., доцент, Кубанский государственный медицинский университет, Краснодар
zhurzhu@mail.ru*

Попова Юлия Ивановна

*К.псх.н., Кубанский государственный университет, Краснодар
jeis@mail.ru*

Марухно Василиса Михайловна

*К.ю.н., Кубанский государственный медицинский университет, Краснодар
vasilisa_atmg@mail.ru*

Аннотация: В статье представлены результаты теоретического анализа проблемы образа Я в психологической науке. Проанализированы основные методологические подходы к определению понятий «образ Я», «самосознание», «Я-концепция» в различных психологических теориях. Показано, что понятия «образ Я», «самосознание», «Я-концепция» в большинстве исследований трактуются как идентичные понятия. Формирование и развитие образа Я предполагает наличие этапов своего становления и структурных компонентов, которые в ряду исследований авторов обозначаются по-разному. Становление образа Я происходит преимущественно в подростковом возрасте, однако развитие самосознания на этом не прекращается.

Ключевые слова: образ Я, структура образа Я, самосознание личности, самооценка, Я-концепция личности.

Постановка проблемы

Понятие образа «Я» в психологической литературе представлено достаточно многозначно и зачастую не имеет четкого определения или концептуального понимания. Так, например, в западной психологии исследователи в основном рассматривали понятие Я – концепции, как целостное образование, компоненты которого тесно связаны между собой. Важнейшей функцией Я – концепции является обеспечение внутренней согласованности личности и обеспечения устойчивости ее поведения. Однако, в целом в литературе Я – концепция имеет более дробную классификацию, выделяющую каждый из моментов преобразования взаимодействия субъекта с действительностью в их временной последовательности, в связи с чем и возникает конкретное концептуальное наполнение Я, соотношенное с актуальными потребностями и требованиями ситуации.

Наибольшую разработку структура Я – концепциишла в работах американского психолога М. Розенберга, который выделяет в структуре Я – концепции исследователь выделяет шесть возможных, дифференцированных

по времени и по содержанию возникновения образов Я: настоящее Я – то, каким видит себя индивид в настоящий момент, динамическое Я – то, каким индивид поставил себе цель стать, фантастическое Я – то, каким следует быть, исходя из усвоенных норм и образцов, идеализированное Я – то, каким приятно видеть себя, будущее Я – то, каким по мнению, человека, он мог бы стать и изображаемое Я – те маски образы, которые индивид выставляет напоказ, чтобы скрыть своего настоящего Я [6].

Определенный вклад в исследования Я – концепции внесли представители гуманистической психологии, в частности К. Роджерс, рассматривавший ее как динамическое образование, которое складывается из представления о собственных характеристиках и способностях индивида, о возможностях взаимодействия его с другими людьми, которые могут иметь позитивную или негативную направленность. Всего К. Роджерс выделяет четыре параметра Я – концепции: реальное представление о себе, представление о своей социальной роли, представление о собственном физическом состоянии и здоровье, представление о своих целях и планах на будущее, тем самым объединяя внешне- и внутренне-

правленные содержательные и временные характеристики. [6].

Р. Бернс также представляет Я – концепцию как иерархическую структуру, как «совокупность всех представлений индивида о самом себе, сопряженная с их оценкой». В связи с этим исследователем выделяются три составляющие Я – концепции: образ «Я» – когнитивный аспект, знания о собственной личности во всех областях и сферах; самооценка или принятие себя – совокупность оценочных характеристик, отношений к имеющейся о себе информации; поведенческие установки – действия, вызываемые образом и самооценкой и реализующиеся в общении с окружающими. Таким образом, мы видим, что Р. Бернс отводит самооценке роль эмоционально – ценностной структуры и считает ее средством и условием формирования Я – концепции [1,5,7].

В отечественной психологии термин Я – концепция употребляется редко, в основном исследователи употребляют понятие образа «Я», самооценки и самосознания. Однако, до сих пор соотношение этих понятий изучено недостаточно, поэтому при изучении образа «Я» предлагаются структуры, в русле которых осуществлялись исследования данного феномена. Среди таких структурных компонентов авторами анализируются самосознание, самооценка, самоуважение, самопонимание и т.д. Проблемы самосознания, самооценки и их соотношения с образом Я рассматривали И.С. Кон, В.С. Мухина, В.В. Столин, Т.В. Дмитрива, Е.Т. Соколова, Ю.А. Рождественский, Л.В. Бороздина [2,3,4,5,6,7].

В.В. Столин при изучении самосознания обращает внимание на его уровневую структуру, при том каждый уровень имеет свою структуру и отражает тот или иной аспект образа Я. На органическом уровне самосознание отражает физический образ Я человека, включающий неосознанное, в основном только переживаемое отношение к себе, которое традиционно определяется как самочувствие. Самочувствие можно рассматривать как некоторые обобщающие характеристики (недомогание, ощущение бодрости, легкости, внутреннего благополучия), иными словами, ощущение физиологической и психологической комфортности. Следовательно, самочувствие – биологический аналог самоотношения человека. Хотя самочувствие не определяет поступки человека, но в то же время образ Я может влиять на выбор того или иного поступка и на форму поведения [7].

Вступая в разнообразные отношения с другими людьми, человек ориентируется на определенные нормы, правила, обычаи. Образ Я на индивидуальном уровне отражает степень соответствия-несоответствия человека требованиям, предъявленным ему обществом. Осознавая себя как социального индивида, человек ото-

ждествляет себя с определенной группой людей – половой, возрастной, этнической, профессиональной и др. Идентифицируя себя с этими группами, индивид «смотрит» на себя глазами других, оценивая свои поступки с позиций той или иной группы. Понятие идентификации в психологическом смысле употребляется для обозначения механизма усвоения социальных ролей, стандартов поведения, основанных на их воспроизведении и копировании. Различными могут быть люди, с которыми отождествляет себя человек: родители, близкие, значимые другие, герои произведений литературы и искусства, а также представители животного мира. Идентификация может быть различной по полноте – сравнение по одному или нескольким признакам, качествам, может быть сознательной и неосознаваемой, иметь рациональный или эмоциональный характер.

Критериями личностного уровня самосознания являются свобода выбора и ответственность за него. Сам выбор из ряда возможностей предполагает отказ от чего-то ради более ценного и значимого. Его осуществление требует и различных личностных проявлений, иногда противоречащих друг другу (быть мягким и требовательным, принимать решения и быть осторожным, выбирать между профессиональным долгом и личными симпатиями).

Пока поступок не совершен, конфликтный смысл реально не возникает, хотя потенциально он существует (личность должна сделать выбор). Конфликтный смысл может восприниматься личностью сознательно как необходимость выбора либо переживаться как субъективная трудность в виде слабоосознанного ощущения внутреннего дискомфорта. Осознание и переживание личностью конфликтного смысла начинается после совершения поступка. Выбор личности приводит к тому или иному поступку, который, в свою очередь, вызывает конфликтный смысл «Я», запускающий работу самосознания. Ситуативный образ «Я», отражает столкновение различных жизненных отношений субъекта, столкновение его мотивов и деятельности. Таким образом, В.В. Столин рассматривает образ «Я» как структурный компонент самосознания и в этой структуре выделяет физический образ «Я», социальный образ «Я» и личностный образ «Я».

И.С. Кон и А.В. Петровский выделяют в структуре Я – концепции именно образ Я и предлагают его рассматривать как когнитивный компонент, включающий представления индивида о самом себе, о своих способностях, внешности и социальной значимости. Представления индивида о самом себе основываются, как правило, на объективном знании или субъективном мнении. Предметом восприятия человека могут стать, в частности, его тело, способности, его социальные отношения с други-

ми людьми и множество других личностных проявлений. Конкретные способы самовосприятия, ведущие к формированию образа «Я», могут быть самыми разнообразными. Описывая самого себя, человек прибегает к каким – то абстрактным характеристикам, которые, как правило, не связаны с конкретным событием и таким образом человек пытается выразить основные характеристики своего самовосприятия. Эти характеристики составляют иерархию по значимости элементов само-описания, которая может меняться в зависимости от контекста, жизненного опыта человека или просто под влиянием ситуации и, в конечном итоге, сводится к формированию образа «Я», который по мнению авторов, не может быть исчерпывающим в течение всей жизни.

Интерес представляет собой концепция Л.В. Бороздиной, которая подчеркивает необходимость разделения трех образований: образа Я, самооценки и самоотношения. С точки зрения исследователя, образ Я не может быть сведен ни к самооценке, ни к устойчивому чувству индивида к себе, то есть самоотношению. Образ Я фиксирует знание субъекта о себе, будучи комплексом сведений человека о самом себе, а самооценка включает оценку самого себя с точки зрения определенных ценностей. Кроме этого, исследователь указывает на одновременность формирования компонентов самосознания и несовпадение их характеристик. Таким образом, Л.В. Бороздина приходит к выводу о том, образ Я является более ранним образованием, чем самооценка [2,5,7].

Т. В. Дмитрива, изучая образ «Я», наибольшее внимание уделяет его социальному аспекту и указывает, что сфера социального образа Я у подростков когнитивно сложнее, чем у взрослых. Когнитивная сложность социального «Я» у подростков на протяжении ранней юности имеет относительно более статический характер. Позитивность как когнитивного, так и эмоционального компонентов социального «Я» у них более высокая, что свидетельствует о значимости этой сферы в их жизни. Социальное «Я», является для большинства подростков центральной, интегрирующей, существенной стороной личности, имеет для них чуть ли не наивысшую значимость, ценность, подлежит наибольшему осознанию, является предметом рефлексии, самовоспитания [3].

Е.Т. Соколова, наоборот, в своих исследованиях образа «Я», в большей мере описывает его телесный аспект и показывает роль индивидуально-личностных особенностей субъекта в процессе отражения им своих телесных качеств. Так, неудовлетворенность какими-то своими физическими данными фиксация на мнимом дефекте – реальном или мнимом, повышенная значимость определенных частей тела или телесного облика в целом не-

избежно влияют на представление о своем физическом «Я», на общий уровень самоприятия. Но в то же время само содержание физического образа «Я» и его структурные характеристики, в частности, определяют как частные самооценки, так целостное отношение к себе в виде самоприятия или самоотвержения [5,7].

Ю.А. Рождественский также указывает на значимость телесного потенциала в структуре образа Я у старшеклассников. В своем исследовании он показывает взаимосвязь между уровнем сформированности телесности и жизненными проектами старшеклассников. Исследователь выявил, что отсутствие или недостаточность опыта рефлексии своего телесного потенциала ведет к созданию жизненных проектов, лишенных надлежащей четкости, стабильности и структурированности. Таким образом, недооценка феномена телесности нередко приводит к укреплению ложных представлений о роли телесного образа Я в достижении личностью поставленной цели, а, следовательно, ее дальнейшего развития и становления [4].

Кроме этого, в психологии можно выделить ряд исследований, посвященных исследованию образа «Я» и его влияния на успешность обучения подростков. Переживание динамичности образа «Я» рассматривают как источник мотивации учения такие исследователи как Г.С. Абрамова, А.Б. Орлов, А.К. Маркова и др. Авторы считают, что негативный образ себя и недостаток недоверия ведут к снижению успеваемости подростка и в то же время, успехи и неудачи оказывают влияние на его образ себя, самодоверие и самопонимание [6, 7].

Выводы

Таким образом, проведенный анализ литературы, посвященный исследованию образа «Я», обнаруживает отсутствие единого варианта интерпретации данного феномена в современной психологии, что вносит определенную путаницу, особенно когда речь идет о проведении экспериментальных исследований. Существующие определения можно разделить на три группы: 1) Образ Я интерпретируется как многоуровневая структура, в которой выделяются те или иные компоненты; 2) Образ Я рассматривается во взаимосвязи с самооценкой и самосознанием, при этом может выступать как элемент самооценки или как элемент самосознания; 3) Образ Я отождествляется с Я – концепцией. Наряду с этим, можно обобщить и выделить основные условия развития образа Я: интериоризация мнения окружающих людей, результаты конкретной деятельности, внешность и как ее следствие социальная значимость среди других, собственные ценности и идеалы, личностная рефлексия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание/Р.Бернс–М.: Прогресс,1986. – 422с.
2. Бороздина Л.В. Самооценка в разных возрастных группах: от подростков до престарелых / Л.В. Бороздина, О.Н. Молчанова. – М., 2001.
3. Дмитрива Т.В. Образ “Я” как регулятор межличностных отношений в ранней юности: Дисс. ... канд. психол. наук / Т.В. Дмитрива. – К., 1993. – 187с.
4. Ложкин Г.В. Феномен телесности в я-структуре старшеклассников и содержании их жизненных проектов / Г.В. Ложкин, А.Ю. Рождественский // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25, № 2. – С. 27-33.
5. Психология самосознания. Хрестоматия. – Самара: Изд. дом «БАХРАХ– М», 2000. – 672с.
6. Романова И.А. Основные направления исследования самопонимания в зарубежной психологии / И.А. Романова // Психологический журнал. – 2001, – Т. 22, № 1. – С.102-112
7. Самосознание и защитные механизмы личности. Хрестоматия. – Самара: Изд. дом «БАХРАХ– М», 2000. – 654 с.

© Гугова Тамара Сергеевна (zhurzhu@mail.ru), Попова Юлия Ивановна (jeis@mail.ru),
Марухно Василиса Михайловна (vasilisa_amg@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кубанский государственный медицинский университет

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИЙ

Елисеева Жанна Михайловна

*К.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО Пензенский Государственный
Университет, г. Пенза
zhanna_eliseeva_87@mail.ru*

PERSONAL CHARACTERISTICS OF EMPLOYEES OF ORGANIZATIONS

Zh. Eliseeva

Summary: This article examines the relationship between individual typological characteristics, employee satisfaction and corporate culture of the organization, using the example of two organizations from different fields of activity and different forms of ownership.

The study analyzed the available psychological literature on the problem of studying the personal characteristics of employees of organizations, namely individual typological features (type of temperament), job satisfaction; described the corporate culture of two organizations in Penza based on empirical data. The assumption put forward in the study is that there is a connection between individual typological features, employee satisfaction with work and the corporate culture of the organization. Namely, the fact that there is a link between job satisfaction, the phlegmatic type of temperament of employees and the idea that the organization has a bureaucratic corporate culture (role culture) was confirmed. At the end of the study, managers and employees of organizations participating in the study were offered recommendations.

Keywords: personal characteristics, individual typological features, temperament type, job satisfaction, organization, corporate culture.

Аннотация: В данной статье рассматривается связь индивидуально-типологических особенностей, удовлетворенности трудом сотрудников и корпоративной культуры организации, на примере двух организаций из разных сфер деятельности и разных форм собственности.

В ходе исследования была проанализирована имеющаяся психологическая литература, посвященная проблеме изучения личностных особенностей сотрудников организаций, а именно индивидуально-типологических особенностей (тип темперамента), удовлетворенность трудом; описана корпоративная культура двух организаций г. Пенза с опорой на эмпирические данные. Выдвинутое в исследовании предположение о существовании связи индивидуально-типологических особенностей, удовлетворенности трудом сотрудников и корпоративной культуры организации. А именно, о том, что связь существует между удовлетворённостью в труде, флегматическим типом темперамента сотрудников и представлением того, что в организации сложилась бюрократическая корпоративная культура (культура роли) подтвердилось. По окончании исследования руководителям и сотрудникам организаций, участвующим в проведении исследования, были предложены рекомендации.

Ключевые слова: личностные особенности, индивидуально-типологические особенности, тип темперамента, удовлетворенность трудом, организация, корпоративная культура.

Актуальность нашего исследования состоит в том, что в условиях современной рыночной экономики успешность деятельности фирм зависит во многом от психологического климата, сложившегося в организации. Данные психологические условия будут также влиять помимо грамотно поставленного менеджмента на эффективность работы организации. На смену прошлым общепризнанным ценностям, таким как дисциплина, послушание, иерархия, приходят другие: самоактуализация и творчество, сплочённый коллектив и активное участие в жизни организации.

Сформировавшийся в организации тип корпоративной культуры оказывает решающее влияние на психологический климат, то есть создаёт психологические условия, оказывающее позитивное или негативное воздействие на субъективное ощущение личностью своего благополучия в данном коллективе, а соответственно и на общую удовлетворённость трудом [13].

В современном мире все чаще на первый план выдвигаются вопросы развития человека в быстро меняющемся обществе, поэтому и оценка степени удовлетворенности человека качеством жизни приобретает особый смысл. Однако одновременно важным оказы-

вается влияние не только общества на человека, но и самого человека: его психологических, индивидуально-типологических и других особенностей на социальную жизнь, то есть на создание наиболее благоприятной ситуации для своего духовного становления. В имеющихся условиях экономической, политической и нравственной нестабильности человек часто оказывается не готовым к такому взаимодействию с социумом, с коллективом, ближайшим окружением, конкретными людьми, а это довольно сильно тормозит процесс его развития [14].

При этом в настоящее время существует множество организаций разных форм собственности с разными устоявшимися корпоративными культурами. Идеальных корпоративных культур не существует, но в любой среде всегда найдётся то, на что любому руководителю следует обратить особое внимание.

В каждой организации существует своя корпоративная культура, которая обладает рядом отличительных особенностей. И, исходя из этих особенностей, корпоративная культура по-разному может влиять на эффективность функционирования организации: с одной стороны корпоративная культура влияет на то, что люди делают, с другой стороны корпоративная культура влияет и на то,

как люди это делают [1,3].

В.А. Спивак считает, что корпоративная культура – это очень сложное, многослойное, динамичное явление, включающее и материальное, и духовное в поведении организации по отношению к субъектам внешней среды и к собственным сотрудникам. Это система материальных и духовных ценностей, проявлений, взаимодействующих между собой, присущих данной корпорации, отражающих ее индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и вещественной среде, проявляющаяся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды [2, С.27].

Удовлетворенность трудом – один из показателей социального самочувствия работников организации, и в этой связи оценка и мониторинг уровня удовлетворенности персонала трудом являются важными показателями эффективности корпоративной социальной политики. Так как удовлетворенность трудом является основой социального самочувствия человека и во многом влияет на удовлетворенность жизнью в целом.

По нашему мнению, удовлетворенность трудом сотрудника складывается по трём плоскостям: отношения по горизонтали с коллегами; отношения по вертикали с руководителем (подчинённым); общее отношение и впечатление от организации (оплата труда, престижность организации, обустройство рабочего места и т.д.) [4].

Также можно предположить, что существует взаимосвязь между индивидуально-типологическими особенностями человека и степенью его удовлетворённости трудом. На современном этапе в сфере обслуживания, например, наблюдается достаточно высокая конкуренция. Это предполагает, что организации, поставляющие подобного вида услуги, находятся в ситуации постоянного развития, чтобы удовлетворять потребности клиентов и соответствовать новым веяниям. Все это непосредственно сказывается на персонале и его удовлетворенности трудом.

Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена высокой социальной значимостью психологического состояния работников в современных социально-экономических условиях.

Из всего вышесказанного следует проблема данного исследования, которая состоит в том, что, несмотря на имеющиеся исследования, посвященные проблеме корпоративной культуры организаций, до сих пор остается нерешенным вопрос описания связи индивидуально-психологических особенностей, удовлетворенности трудом сотрудников и корпоративной культуры организации. С целью обеспечения максимальной достоверности и валидности результатов исследования в нашей

работе будут задействованы две организации из разных сфер деятельности и разных форм собственности.

Целью нашего исследования стало изучение связи индивидуально-типологические особенностей, удовлетворенности трудом сотрудников и корпоративной культуры организации для разработки практических рекомендаций сотрудникам и руководителям организаций.

Объект исследования: индивидуально-типологические особенности, удовлетворенность трудом и корпоративная культура.

Предметом исследования стала: связь индивидуально-типологических особенностей, удовлетворенности трудом сотрудников и корпоративной культуры организации.

Гипотеза нашего исследования говорит о том, что: существует связь индивидуально-типологических особенностей, удовлетворенности трудом сотрудников и корпоративной культуры организации.

А именно, связь существует между удовлетворенностью в труде, флегматическим типом темперамента сотрудников и представлением того, что в организации сложилась бюрократическая корпоративная культура (культура роли).

Теоретико-методологической основой исследования явились труды отечественных и зарубежных авторов в области мотивации трудовой деятельности (А. Бюссинг, А. Маслоу, Ю.Д. Красовский, Д. Макклелланд, Ф. Херцберг), организационной культуры (А.Н. Занковский, М. Мескон, В.А. Спивак, Ч. Хэнди, Э. Шейн), социальной психологии малых групп (Г.М. Андреева, И.А. Громов, Р.Л. Кричевский), акмеологии личности (А.В. Батаршев, Л.И. Катаева, О.В. Москаленко) [11-12, 15].

Для реализации поставленных задач использовался комплекс взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга методов: теоретический анализ и обобщение психологических исследований по проблеме; наблюдение; беседа; стандартные и адаптированные методики и тесты:

1. Опросник на определение типа темперамента Г. Айзенка.
2. Опросник «Интегративный показатель благополучия/неблагополучия личности в коллективе» А.В. Батаршева.
3. Опросник «Какого типа ваша организация?» Ч. Хэнди и Р. Харрисона.

Метод математической статистики: коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена.

Организационная база исследования:

1. Пензенский государственный краеведческий музей,
2. ООО «Моторные технологии».

Эмпирическая выборка: В исследовании приняло участие 60 человек, по 30 сотрудников от каждой организации в возрасте от 25 до 55 лет.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом настоящего исследования в изучение вопроса о связи индивидуально-типологических особенностей, удовлетворенности трудом сотрудников и типом сложившейся корпоративной культуры. Проведен содержательный анализ теоретического и эмпирического материала, в ходе которого расширены представления, имеющиеся в отечественной и зарубежной психологии о таком феномене как удовлетворённость трудом.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных данных в практике деятельности организаций. Рекомендации, сформулированные на основе выводов настоящего исследования, могут стать основой для совершенствования системы управления персоналом со стороны руководителя.

Само понятие «корпоративная культура» является современным, так как оно возникло совсем недавно и характерно для постиндустриального общества. В XIX веке не было столь развитой корпоративной культуры, так как работа для многих людей в то время являлась средством физического выживания, и не приходилось думать о чём-то другом. Сегодня работа является не только средством физического выживания человека, но и местом, где происходит его нравственное развитие и совершенствование [5, С.34].

Когда мы употребляем термин «корпоративная культура» и говорим о необходимости формирования данного явления, то по умолчанию подразумеваем под этим именно позитивную корпоративную культуру, ведь не будем же мы формировать негативную организационную среду. Как известно, в отличие от других психических процессов эмоции имеют знак, то есть могут быть отрицательными или положительными. Чем больше на предприятии пребывает людей с отрицательным эмоциональным фоном, тем более негативную окраску приобретает данная организационная культура.

Корпоративная культура имеет стадии развития, то есть в молодой организации, только-то созданной, она будет неразвитой. В данном аспекте организационная культура сходна с человеческой личностью, человек рождается индивидом, но предполагается, что в течение последующих лет социально-обусловленного развития

он приобретёт качества личности, то же самое и с организацией, существующая в ней корпоративная культура станет развитой лишь через некоторое время. Формирование личности происходит на протяжении всей жизни человека, также как и формирование корпоративной культуры происходит на протяжении всего времени существования организации. Проводя далее аналогию с человеческой личностью, можно заметить, что чем старше по возрасту человек, тем менее гибким и подверженным изменениям становится его характер, то же само и с организацией, давно сформированную с негативным оттенком организационную культуру трудно изменить в позитивном ключе [6,7].

Социо-психо-экономическая значимость и практическая ценность проведённого исследования состоит в его результатах, в которых найдены и отражены закономерности, отражающие взаимосвязи между типом существующей корпоративной культуры, индивидуально-типологическими особенностями личности и общей удовлетворённостью трудом. Основной акцент сделан на роли руководителя организации, как человека, ответственного в первую очередь за формирование того или иного типа корпоративной культуры [8, С. 56].

Любому руководителю необходимо знать, что происходит в его коллективе: мысли, чувства, настроения людей, чтобы вовремя поменять стратегию поведения, если это потребует. Руководителю нельзя быть слепым, ему нужно иметь представление об их мыслях и чувствах, как в отношении друг друга, так и в отношении его лично. Потому для руководителя ценность полученных знаний в том, что, опираясь на результаты психодиагностики трудового коллектива, он сумеет более эффективно им управлять и корректировать уже сложившуюся в его организации корпоративную культуру [9,10].

По итогам проведённого эмпирического исследования была выявлена связь удовлетворённости трудом с индивидуально-типологическими особенностями (типами темперамента) работников, а также связь удовлетворённости трудом с типами сложившейся корпоративной культуры в организации (в представлении самих работников).

Выявлено три статистически значимых результата, подтверждающих наличие прямой или обратной корреляционной связи удовлетворённости трудом и индивидуально-типологических особенностей (типов темперамента) работников.

В ООО «Моторные технологии» выявлена прямая статистически значимая связь удовлетворённости трудом и холерическим типом темперамента работников: $T_{кр} < r$, где $r = 0,452$, а $T_{кр} = 0,36$. Таким образом, именно холерики в данной организации имеют наиболее высокий уро-

вень удовлетворённости в труде.

В ГБУК «Пензенский краеведческий музей», напротив, была установлена обратная статистически значимая связь удовлетворённости трудом и холерического типа темперамента: $T_{кр} < p$, где $p = -0,385$, а $T_{кр} = 0,36$. То есть, получается, что холерики чувствуют себя в музее наиболее некомфортно. Также была обнаружена прямая статистически значимая связь удовлетворённости трудом и флегматического типа темперамента работников: $T_{кр} < p$, где $p = 0,462$, а $T_{кр} = 0,36$. Таким образом, в ГБУК «Пензенский краеведческий музей» флегматики имеют наиболее высокий уровень удовлетворённости в труде.

Из всего выше написанного можно сделать вывод, что удовлетворённость трудом может быть связана с индивидуально-типологическими особенностями работников, а именно с типом их темперамента, в каких-то конкретных организациях. Но мы не можем утверждать, что работники какого-то одного типа темперамента всегда будут более удовлетворены в труде в любых организациях в большей степени, чем сотрудники, имеющие иной тип темперамента.

Также с помощью математической обработки была обнаружена прямая статистически значимая связь удовлетворённостью трудом и предположением работников, что в организации сложилась бюрократическая корпоративная культура (культура роли). Прямая статистически значимая связь удовлетворённости в труде и культуры роли была установлена в ООО «Моторные технологии»: $T_{кр} < p$, где $p = 0,367$, а $T_{кр} = 0,36$. В музее также выявлена положительная корреляционная связь удовлетворённости в труде с бюрократической корпоративной культурой (культура роли): $T_{кр} < p$, где $p = 0,308$, а $T_{кр} = 0,36$.

Среди четырёх типов темперамента бюрократическую корпоративную культуру (культура роли) наиболее предпочитают флегматики. Как в ГБУК «Пензенский краеведческий музей»: $T_{кр} < p$, где $p = 0,367$, а $T_{кр} = 0,36$. Так и в ООО «Моторные технологии»: $T_{кр} < p$, где $p = 0,452$, а $T_{кр} = 0,36$.

Исследование в ООО «Моторные технологии» показало, что среди флегматиков оказалось наибольшее количество сотрудников, считающих бюрократическую корпоративную культуру (культура роли) идеальной, но предполагающих, что в их организации на данный момент господствует иная культура. Среди представителей других типов темперамента такая закономерность была менее выражена или не обнаружена вовсе.

Наиболее отторгаемой следует признать органическую корпоративную культуру (культура власти), что прослеживается в обеих организациях, то есть сотруд-

ники, которые указывают, что в их организации сложилась культура власти, оказываются наименее удовлетворёнными в трудовой деятельности.

Исследование в ГБУК «Пензенский краеведческий музей», кроме общего с ООО «Моторные технологии» отторжения органической корпоративной культуры (культура власти), выявило, например, более положительное отношение к предпринимательской корпоративной культуре (культура личности) и партиципативной корпоративной культуре (культура задачи). Возможно, это связано с тем, что в музее работают женщины с высоким образовательным уровнем, и заняты они в сфере услуг, а не в сфере материального производства. Но также это может быть связано с тем, что сотрудникам с преобладающим холерическим типом темперамента культуры личности и задачи представляются более комфортными.

В целом, в независимости от типа темперамента, можно сказать, что органическая корпоративная культура (культура власти) является наименее предпочитаемой, а бюрократическая корпоративная культура (культура роли), наоборот, наиболее соответствующей представлениям об идеальной корпоративной культуре работников данных учреждений.

На примере двух организаций можно констатировать, что российским работникам чужды конкуренция и борьба за власть, быстрые перемены и переброска их с одного фронта работ на другой, а также контроль и подавление их свобод со стороны начальства. Приветствуют же российские работники тихую размеренную жизнь по правилам, дополнительная формализация и регламентация процесса трудовой деятельности, вероятнее всего, будет ими только приветствоваться.

Полученные результаты исследования, свидетельствуют о том, что, несмотря на почти 30 лет рыночной экономики в России, все еще в сознании работников господствует во многом советское отношение к труду, коллективистские, а не индивидуалистические устремления. Такие работники предпочитают упорядоченность и стабильность в труде, а также строгую, но справедливую вертикаль власти. Стремление проявлять инициативу и самостоятельность, добиваться повышения по служебной лестнице и должности, дающей больше свободы, но и ответственности при принятии решений, вероятно, менее выражено в менталитете сотрудников отечественных организаций, в чём, например, может быть их отличие от работников американских и прочих западных фирм.

По поводу работников ООО «Моторные технологии» можно сказать, что они проявляют интерес к работе, им нравится, что они делают, в основном довольны своими достижениями в работе, в коллективе сложились хоро-

шие взаимоотношения как между сотрудниками, то есть по горизонтали, также и по вертикали, по отношению к начальству. В качестве относительно слабых сторон можно отметить следующее: невысокий уровень профессиональных притязаний, так как работники, вероятно, не видят возможностей своего профессионального роста в рамках существующей организации, невысока и профессиональная ответственность, то есть можно не всегда выполнить то, что требуется.

ООО «Моторные технологии» качественно отличается от ГБУК «Пензенский краеведческий музей», где профессиональная ответственность, наоборот, является гипервысокой. Возможно, с этим связано то обстоятельство, что сотрудники с холерическим типом темперамента в музее показывают более низкую удовлетворённость в труде, чем такие же сотрудники на предприятии «Моторные технологии».

Выдвинутая в начале исследования гипотеза о связи индивидуально-типологических особенностей сотрудников, удовлетворённости трудом и типа сложившейся корпоративной культуры нашла своё подтверждение.

Частая смена деятельности в ООО «Моторные технологии» приводит к недовольству и снижению общей удовлетворённости в труде у флегматичных работников. Неслучайно в ООО «Моторные технологии» бюрократическая корпоративная культура (культура роли) с достаточно высокой степенью значимости положительно коррелирует с общей удовлетворённостью трудом. Флегматичные работники переживают явный стресс, когда им приходится бросать только что начатое дело и переключаться на новую работу. А вот работникам холерического типа напротив такая ситуация нравится, они показывают высокую удовлетворённость трудом.

Поэтому среди работников флегматичного типа больше всего тех, кто считает, что в ООО «Моторные технологии» остро не хватает принципов организации труда, более свойственных культуре роли. Но флегматики, которые считают, что в ООО «Моторные технологии» сложилась культура роли, имеют высокий уровень удовлетворённости в труде.

В ГБУК «Пензенский краеведческий музей» наблюдается совсем иная картина, но она также подтверждает выдвинутую гипотезу, но уже с другой стороны. Работникам с холерическим типом темперамента не нравится, когда их постоянно допрашивают о ходе выполняемой работы, у музейных сотрудников отмечается и так высокая профессиональная ответственность, хотя при этом они делают одну и ту же работу годами. Видимо, излишнее внимание со стороны руководства к каким-то мелким деталям может холериков выводить из себя, в итоге снижается общая удовлетворённость в труде с их стороны. Флегматичные работники в такой обстановке чувствуют себя уверенно, их всё устраивает, а вот холерики хотели бы увеличения доли культуры задачи в общей музейной корпоративной культуре.

Таким образом, удалось доказать, что удовлетворённость трудом, индивидуально-типологические особенности (тип темперамента) и тип корпоративной культуры находятся в определённой диалектической связи, которую не стоит недооценивать. Таким образом, полученные результаты настоящего исследования имеют большой потенциал для использования в практике управления персоналом в организациях. Научно-практическая ценность настоящего исследования состоит в возможности использования выводов о существующей связи удовлетворённости в труде с индивидуально-типологическими особенностями сотрудников и спецификой организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова С.Г. О понятии «Корпоративная культура» / С.Г. Абрамова, И.А. Костенчук. – М.: Дрофа, 2006. – 317с.
2. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений / Г.М. Андреева // 5-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 364с.
3. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами / М. Армстронг. – СПб.: Питер, 2005. – 832с.
4. Батаршев А.В. Базовые психологические свойства и профессиональное самоопределение личности / А.В. Батаршев. – СПб.: Речь, 2005. – 208с.
5. Бодалёв А.А. О содержании и наполнении понятия карьера и её вариантах. Как становятся великими или выдающимися / А.А. Бодалёв, Л.А. Рудкевич. – М.: Квант, 1997. – 105с.
6. Бюссинг А. Мотивация и удовлетворенность. Управление человеческими ресурсами / Под ред. М. Пула, М. Уорнера. – СПб.: Питер, 2002. – 1200с.
7. Воронин В.В. Развитие коммуникативной компетентности специалиста / В.В. Воронин. – М.: Издательство РАГС, 2007. – 136с.
8. Елисеева Ж.М. Личностные отношения сотрудников к имиджевым изменениям в коммерческих организациях // Пензенский психологический вестник. 2014. №2 (3). С.84-95.
9. Елисеева Ж.М., Вершинина М.В. Имидж нации и этническая идентичность // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2015. № 3. С. 270-273.
10. Геберт Д. Организационная психология. Человек и организация / Д. Геберт, Л. фонРозенштиль. – М.: Издательство Гуманитарный центр О.А. Шипилова, 2006. – 624с.

11. Громов И.А. Западная социология: учебное пособие для ВУЗов / И.А. Громов. – СПб.: Издательство ДНК, 2003. – 837с.
12. Друкер П.Ф. Задачи менеджмента в XXI веке / П.Ф. Друкер. – М.: Вильямс, 2000. – 270с.
13. Занковский А.Н. Организационная психология / А.Н. Занковский. – М.: Феникс, 2009. – 648с.
14. Капцов А.В. Психологическая аксиометрия личности и группы: Учебное пособие / А.В. Капцов. – Самара: СамЛюксПринт, 2011. – 112с.
15. Катаева Л.И. Акмеология субъекта профессиональной деятельности /Л.И. Катаева. – М.: Издательство РАГС, 2007. – 88с.

© Елисеева Жанна Михайловна (zhanna_eliseeva_87@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИН С РЕПРОДУКТИВНОЙ ДИСФУНКЦИЕЙ

Еремишкина Алла Раилевна

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа
alika23@mail.ru

Шурухина Галина Анатольевна

К.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа
230659@mail.ru

Валишина Альбина Маратовна

старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа
aam80@mail.ru

PERSONAL CHARACTERISTICS OF WOMEN WITH REPRODUCTIVE DYSFUNCTION

**A. Eremishkina
G. Shurukhina
A. Valishina**

Summary: The aim of the study was to study the personal characteristics of women with reproductive dysfunction. Identified personality traits in women with reproductive dysfunction.

Women with reproductive dysfunction who have children are characterized by the formation of fundamental trust in the world, adequate self-esteem, involvement in personal and social life, are risky, and are able to find ways out of non-standard situations.

Women with reproductive dysfunction, who do not have children, feel threatened by the world around them, devalue themselves, feel fear and do not dare to take risks in non-standard situations, at the slightest setbacks they are disappointed in themselves and their actions, more often choose ineffective coping strategies, being in a depressed state.

Based on the results of empirical research, psychological correction programs have been developed aimed at developing positive thinking, changing the emotional sphere, developing self-regulation skills, reducing psychological adaptation after perinatal losses in women with primary and secondary infertility. The programs are recommended for use in the professional activities of practical and perinatal psychologists.

Keywords: emotional processes, cognitive approaches, reproductive dysfunction, psychological infertility.

Аннотация: Целью исследования явилось изучение личностных характеристик женщин с репродуктивной дисфункцией. Выявлены личностные особенности у женщин с репродуктивной дисфункцией.

Женщины с репродуктивной дисфункцией, имеющие детей характеризуются сформированностью фундаментального доверия к миру, адекватной самооценкой, вовлеченностью в личную и общественную жизнь, рискованны, умеют находить выходы из нестандартных ситуаций.

Женщины с репродуктивной дисфункцией, не имеющих детей, испытывают угрозу от окружающего мира, обесценивают себя, испытывают страх и не решаются рисковать в нестандартных ситуациях, при малейших неудачах разочаровываются в себе и своих действиях, чаще выбирают неэффективные копинг-стратегии, находясь в депрессивном состоянии.

По результатам эмпирического исследования разработаны программы психологической коррекции, направленные на развитие позитивного мышления, изменение эмоциональной сферы развитие навыков саморегуляции, сокращения психологической адаптации после перинатальных потерь у женщин с первичным и вторичным бесплодием. Программы рекомендованы к использованию в профессиональной деятельности практических и перинатальных психологов.

Ключевые слова: эмоциональные процессы, когнитивные подходы, нарушение репродуктивной функции, психологическое бесплодие.

Введение

Со стороны психологии бесплодие можно определить, как физиологическое воплощение психологических проблем в паре. В связи с этим появилось понятие психологическое бесплодие – причины, по которой физически – здоровые пары, мешающие зачатию ребенка. Во врачебной среде чаще встречаются термины: «психологические причины бесплодия» или «психологический фактор бесплодия» [8]. Психологическим бесплодием страдают все супружеские пары, которые на протяжении 2-3 лет не могут зачать ребенка естественным путем, как при наличии подтвержденного диагноза, так и при его отсутствии, в том числе при бесплодии не-

ясного генеза.

По данным Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), в мире около 80 миллионов пар являются бесплодными. В России свыше 15% пар имеют тот же диагноз, что по критериям ВОЗ считается угрозой национальной безопасности страны [3].

Эмоции – «психическое отражение в форме непосредственного пристрастного переживания жизненного смысла явлений и ситуаций, обусловленного отношением их объективных свойств к потребностям субъекта» [3, С.461].

С точки зрения воздействия на жизнедеятельность человека, эмоции делятся на стенические, стимулирующие деятельность, увеличивающие энергию побуждающие к поступкам, и астенические, характеризующиеся пассивностью и скованностью. Эмоции по-разному влияют на поведение человека, это зависит от ситуации и индивидуальных особенностей. М. Арнольд рассматривала эмоциональный процесс, как когнитивную теорию эмоций одной из первых. В когнитивном подходе эмоциональный процесс – это последовательность, возникающая с восприятия стимула, за которым следует оценочное суждение, которое, в свою очередь, запускает эмоциональную реакцию [10]. З. Фрейд в психоаналитической теории, рассматривал только негативные эмоции, понимание аффекта основывал на концепции влечений и, по сути, идентифицировал и аффект, и влечение с мотивацией [7].

Отечественные психологи С.М. Емельянов (2004); Е.С. Миронова (2011); Ю.Г. Себелева (2014) отмечают, что «многое из того, что в учении об эмоциях по традиции называют словом «теория», по существу представляют собой скорее отдельные фрагменты, лишь в совокупность приближающиеся к идеально исчерпывающей теории», свое понимание эмоций понимают, как биологический продукт эволюции.

Эмоции имеют тесное взаимодействие с психологическим состоянием человека, значительно влияют на его действия, а также образ мыслей и физиологическое здоровье.

Экспансивная жизнедеятельность женщин находится в зависимости от восприятия, запаса знаний и социального опыта. С другой стороны, изменения в эмоциональном плане, жизни женщин отображают изменения в когнитивном и социальном развитии, и этот эмоциональный опыт увеличивает прогресс в этой области.

Начиная с 90-х годов, отечественные психологи интенсивно изучают психотерапевтические, а также психосоматические симптомы патологии репродуктивной функции здоровья человека, в том числе перинатального периода.

Однако, Т.Ю. Юдеева и Н.В. Скобинева указывают на то, что женщины с нарушениями и без нарушений репродуктивной сферы не различаются по устойчивым личностным качествам, не относящиеся к адаптационным механизмам [9]. К таким механизмам принадлежат: специфика когнитивного поведения, интроверсия, экстраверсия, а также такие социальные параметры, как: возраст, образование, количество детей, жилищные и материальные условия.

Наличие двух составляющих: половой и родительской – отображает психологическое содержание репро-

дуктивной сферы, которые обладают схожими физиологическими свойствами, тем не менее, эти составляющие имеют значимо несхожие психические компоненты. Физиология и психика человека находятся в тесной взаимосвязи, а для здоровой реализации репродуктивной сферы важно их согласованное функционирование. Искаженная сформированность психического компонента выражается в форме психологической неготовности к осуществлению репродуктивной функции.

М.Г. Рябова считает, что психологическое бесплодие – это защитная функция от какого-либо негативного фактора [4]. В этом случае выделяют три группы женщин с нарушением репродуктивной функции: психологическое бесплодие, которое может исчезнуть после обследования у репродуктолога, когда женщина убеждается в том, что ее здоровье в норме, и она способна иметь детей; бесплодие, вызванное социально-экономическими факторами, и бесплодие, в результате глубоких психологических травм детства.

В рамках психосоматических аспектов бесплодия Е.В. Белинская отмечает, что женщины с проблемой функционального бесплодия не осознают у себя тревожность и непринятие в отношении деторождения, у женщин с репродуктивной дисфункцией выявляется отрицательная установка к материнству, то есть находится в зависимости от идентификации «Я-женщина» [1].

Н.А. Богдан отмечает, что у женщин, психологическая фертильность которых нарушена или искажена, выявляется внутренний конфликт в психологическом принятии своего пола, которая нередко проявляется, как следствие дисфункциональных взаимоотношений с родителями в детстве [2].

Бесплодие сопровождается множеством психологических факторов: это страхи материнства, беременности, родов; деструктивные схемы и установки, отрицательный опыт, конфликтность с близкими; эмоциональная неустойчивость и инфантилизм; неготовность к материнству, изменению образа жизни. Все эти факторы: аффективные, когнитивные, поведенческие, личностные, мотивационные негативным образом влияют на репродуктивную функцию и чем их больше, соответственно, тем выше риск обрести фертильность деторождения.

Личностный профиль бесплодных женщин включает в себя заниженную самооценку и неудовлетворенность собой, противоречие между самооценкой и своими идеалами [6].

Г.Г. Филиппова указывает на то, что регулярные попытки оплодотворения и зачатия порождают стойкое чувство тревожности и депрессии у женщины и формируют ощущение социальной неполноценности, выступая мощным стрессом и формируя долговременную

фрустрацию, приводящую к депрессивному состоянию. Это подтверждает, что у женщин с бесплодием наблюдаются нарушения психоэмоциональной сферы [5].

Цель исследования: изучение личностных особенностей женщин с репродуктивной дисфункцией. Методы эмпирического исследования – тестирование с использованием методик: «Тест экзистенциальных мотиваций» (ТЭМ) А. Лэнгле, П. Эдхарда, «Тест жизнестойкости» С. Мадди (адаптация Д.А. Леонтьева), с использованием метода математической статистики U-критерий Манна-Уитни. Результаты данного исследования приведены ниже (таблица 1).

В исследовании приняли участие 80 женщин, состоящих в браке в возрасте от 29 до 39 лет. В 1 группу вошли 40 женщин с репродуктивной дисфункцией, родившие детей, во 2 группу вошли 40 женщин с репродуктивной дисфункцией, не имеющих детей. Тестирование проходило онлайн, при помощи Google-форм.

Таблица 1.

Результаты сравнительного анализа экзистенциальных мотиваций участников исследования («Тест экзистенциальных мотиваций» (ТЭМ) А. Лэнгле, П. Эдхарда)

Шкалы методик	Средние значения		Uэмп.	p _{эмп.} =
	1 группа	2 группа		
Фундаментальное доверие	24	17,8	415,0	0,000
Фундаментальная ценность жизни	25,3	23,5	687,5	0,228
Самоценность	26,8	19	369,0	0,002
Смысл жизни	23,3	22	736,5	0,605

Примечание: 1 группа – женщины с репродуктивной дисфункцией, родившие детей; 2 группа – женщины с репродуктивной дисфункцией без детей

* - различия достоверны при p_{эмп.} < 0,05.

Согласно полученным значениям женщины с репродуктивной дисфункцией, не имеющие детей, в меньшей мере испытывают доверие к миру (p_{эмп.} = 0,000), а их ощущение самоценности значимо ниже (p_{эмп.} = 0,002) как и общий показатель экзистенциальных мотиваций (p_{эмп.} = 0,000). Исходя из полученных значений, можно утверждать, что для этих женщин являются характерными негативное восприятие окружающего мира, ожидание угрозы своим планам со стороны окружающих их людей и обострительств. Мир воспринимается как враждебный и опасный. Эмоциональное состояние характеризуется хроническим напряжением, стрессом, вызывающим и различные соматические расстройства. При этом они склонны значительно занижать ценности своей личности, воспринимать других как более значимых и успешных. Все это и обуславливает крайне низкие значения общей выраженности экзистенциальных мотиваций

женщин с репродуктивной дисфункцией, не имеющих детей.

Результаты статистического исследования «Тест жизнестойкости» С. Мадди (адаптация Д.А. Леонтьева), приведены ниже (таблица 2).

Таблица 2.

Средние значения переменных жизнестойкости у женщин, имеющих детей, и женщин, с репродуктивной дисфункцией («Тест жизнестойкости» С. Мадди (адаптация Д.А. Леонтьева))

Шкалы методик	Средние значения		Uэмп.	p _{эмп.} =
	1 группа	2 группа		
Вовлеченность	29,1	15,3	319,0	0,000
Контроль	19	19,6	789,5	0,927
Принятие риска	14	6,9	330,0	0,000
Жизнестойкость	62,7	41,2	281,0	0,000

Примечание: 1 группа – женщины с репродуктивной дисфункцией, родившие детей; 2 группа – женщины с репродуктивной дисфункцией без детей

* - различия достоверны при p_{эмп.} < 0,05

Проведенный статистический анализ выявил значимые различия по шкале «Вовлеченность». Женщины, не имеющие детей с репродуктивной дисфункцией второй группы (p_{эмп.} = 0,000), чаще проявляют выраженную неготовность к риску, отказываются от вовлеченности в происходящее события. Полученные значения позволяют констатировать, что для женщин с репродуктивной дисфункцией, не имеющих детей, характерен страх перед событиями, связанными с риском, они боятся любых кризисов, всего того, что может вызвать у них чувство утраты чего-то значимого. Данные переживания делают невозможным освоение нового, препятствуют развитию личности в целом. Также они стараются не вовлекаться в события окружающего мира, что на наш взгляд свидетельствует о психологической травме, попытке отделиться от всего, что с ними происходит, в том числе и от положительных моментов в своей жизни, исключая возможность формирования нового положительного опыта. Для таких женщин (вторая группа) характерна низкая жизнестойкость, а для преодоления своих трудностей необходима помощь окружающих их людей.

Статистически значимые различия получены по шкале «Принятие риска» (p_{эмп.} = 0,000). Женщины репродуктивной функцией, имеющие детей (первая группа), склонны воспринимать события, происходящие с ними гораздо более позитивно, чем женщины с репродуктивной дисфункцией, не имеющими детей (вторая группа). Женщины, входящие в первую группу, убеждены, что все, что с ними происходит, ведет к саморазвитию, обогащает опыт, и, в конечном счете, делает более мудрыми.

Они готовы рисковать, и понимают, что жизнь без трудностей невозможна.

Во 2 же группе ярко у женщин с репродуктивной функцией выражено стремление избежать риска. Возможно, это связано с угнетенным психологическим состоянием женщин с первичным бесплодием, психологической травмой, вызванной их непростым положением, потеря ценности материнства ведет к крайне негативным переживаниям.

Статистически значимые различия получены по шкале «Жизнестойкость» ($p_{эмп.} = 0,000$). Женщины с репродуктивной функцией, имеющие детей (первая группа), значительно более жизнестойки, чем женщины с репродуктивной дисфункцией, не имеющие детей (вторая группа). Иными словами, представители первой группы более стойко справляются с проблемами и неприятностями в своей жизни, идут к цели, преодолевая препятствия.

По шкале «Контроль» показатели двух групп респондентов не имеют статистически значимых различий и находятся в пределах средних значений. Полученные результаты указывают на то, что женщины с репродуктивной дисфункцией обеих групп склонны к контролю своего поведения, планированию, верят в собственные силы, могут влиять на негативные факторы, но у женщин, входящих во вторую группу, большая выраженность перечисленных характеристик.

Выводы

Таким образом: у женщин с репродуктивной дисфункцией, имеющих детей сформировано фундаментальное доверие к миру, развита самооценочность, ярче проявляется вовлеченность в личную и общественную жизнь. Они позволяют себе рисковать, если риск нужен для достижения важной для них цели, умеют противостоять стрессам и находить выходы из нестандартных ситуаций.

Женщины с репродуктивной дисфункцией, не имеющих детей, часто испытывают угрозу от окружающего мира, как правило, обесценивают себя во всех жизнедеятельности, испытывают негативные эмоции перед всем новым, отказываются от риска, так как из-за низкой жизнестойкости боятся ошибиться и разочароваться, прежде всего в самом себе и своих действиях, больше дезориентированы, не уверены в себе, и чаще выбирают неэффективные копинг-стратегии, находясь в депрессивном состоянии.

По результатам эмпирического исследования разработаны программы психологической коррекции, направленные на развитие позитивного мышления, изменение эмоциональной сферы, развитие навыков саморегуляции, сокращения психологической адаптации после перинатальных потерь у женщин с первичным и вторичным бесплодием. Программы рекомендованы к использованию в профессиональной деятельности практических и перинатальных психологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинская Е.В. Психологические особенности женщин, страдающих бесплодием [Текст] / Е.В. Белинская // Педагогика и психология: актуальные вопросы теории и практики: материалы междунар. Науч.-практ. Конф. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2013. – С. 148-151.
2. Богдан Н.А. Психологические проблемы, сопровождающие проблему бесплодия и возможности оказания психологической помощи в процессе его лечения методом ЭКО [Текст] / Н.А. Богдан // Перинатальная психология и медицина, психосоматические расстройства в акушерстве, гинекологии, педиатрии и терапии: матер. Всерос. конф. – Иваново, 2001. – С. 98–101.
3. Руководство ВОЗ по стандартизованному обследованию и диагностике бесплодных супружеских пар [Текст] / пер. с англ. Р.А. Нерсеяна. – 4-е издание. – М.: Изд-во «МедПресс», 1997. – 91 с.
4. Рябова М.Г. Индивидуально-психологические особенности женщин с различными типами нарушения репродуктивной функции [Текст] / М.Г. Рябова // Вестник ТГУ. – 2013. – №9 (125) – С. 190-198.
5. Филиппова Г.Г. Нарушения репродуктивной функции и их связь с нарушениями в формировании материнской сферы [Текст] / Г.Г. Филиппова // Журнал практического психолога. – 2003. – №4–5. – С. 82–108.
6. Фоменко Г.Ю. Психологические проблемы женского бесплодия в контексте личностных противоречий (экзистенциальные аспекты) [Текст] / Г.Ю. Фоменко // Человек. Сообщество. Управление. – 2008. – № 4. – С. 17-29.
7. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции [Текст] / З. Фрейд. – М.: Эксмо, 2018. – 480 с.
8. Шумский В.Б. Тест экзистенциальных мотиваций в межличностных отношениях: разработка и апробация [Текст] / В.Б. Шумский, Е.М. Уколова // Экзистенциальный анализ. – 2012. – № 4. – С. 187-202.
9. Юдеева Т.Ю. Исследование психологических факторов женского бесплодия [Текст] / Т.Ю. Юдеева, Н.В. Скобинева // Сб. материалов науч. конф. «Психиатрия на этапах реформ: проблемы и перспективы» (Казань, 23-26 сентября 2015 г.) / Министерство здравоохранения Российской Федерации, Министерство здравоохранения Республики Татарстан, и др. – СПб.: ООО «Альта Астра», 2015. – С. 347-348.
10. Arnold M. B. Emotion, motivation and the limbic system [Text] / M. B. Arnold // Annual N. Y. Acad. Science 1969. – V. 159. – № 3.

© Еремишкина Алла Раилевна (alika23@mail.ru), Шурухина Галина Анатольевна (230659@mail.ru), Валишина Альбина Маратовна (aam80@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Иванова Наталья Георгиевна

К.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Красноярский
государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева»
natalya-i15@mail.ru

MODERN PSYCHOLOGICAL TOOLS FOR ASSESSING PERSONAL AND PROFESSIONAL DEVELOPMENT

N. Ivanova

Summary: Personal and professional development reflects the level of expression of personal qualities associated with professional activity and its success, and also shows qualitative changes in the personality over a certain period of time associated with professional success. Psychological tools - a set of technologies and methods of the psychologist's activity. Tools should be considered as a means of professional activity both from the point of view of requirements for selection and configuration, and from the side of theoretical concepts and correctional and diagnostic technologies. There are a large number of methods that study personal and professional development. In this article, the author cites several of the most modern ones, gives their characteristics and provides psychological tools for each method.

Keywords: psychological tools, personal and professional development, non-specific tools, specific tools.

Аннотация: Личностно-профессиональное развитие отражает уровень выраженности качеств личности, связанных с профессиональной деятельностью и ее успешностью, а также показывает качественные изменения личности за определенный промежуток времени, связанных с профессиональной успешностью. Психологический инструментарий - совокупность технологий и методов деятельности психолога. Рассматривать инструментарий как средство профессиональной деятельности стоит как с позиции требований, относительно подбора и комплектации, так и со стороны теоретических представлений и коррекционно-диагностических технологий. Методик, изучающих личностно-профессиональное развитие большое количество, в данной статье автор приводит несколько наиболее современных, дает их характеристику и приводит психологический инструментарий на каждую методику.

Ключевые слова: психологический инструментарий, личностно-профессиональное развитие, неспецифический инструментарий, специфический инструментарий.

Личностно-профессиональное развитие отражает уровень выраженности качеств личности, связанных с профессиональной деятельностью и ее успешностью, а также показывает качественные изменения личности за определенный промежуток времени, связанных с профессиональной успешностью. Такое личностное развитие можно отслеживать с помощью

процедуры мониторинга – процедуры систематического сопоставления измерения уровня выраженности профессиональных и личностных качеств. Мониторинг позволяет оценить личностно-профессиональное развитие через динамику его изменений.

К психологическим показателям эффективности А.К.

Таблица 1.

Пример классификации психологического инструментария.

Неспецифический инструментарий		Специфический инструментарий	
Вспомогательные средства	Технический материал	Стимульный материал (включен инструментарий, необходимый для нескольких диагностик, данный перечень не является исчерпывающим)	Интерпретационные средства
Атрибуты сюжетно-ролевых игр; Мячи, спортивный инвентарь; CD-диски, флеш-носители, на которых записаны воспроизведение вербального и музыкального сопровождения диагностической деятельности; Наборы для моделирования и конструирования	Фломастеры, краски, цветные карандаши, альбомные листы различного формата, ножницы, клей, цветная бумага и т.д.	Геометрические фигуры, пирамидки, сюжетные картинки, печатный материал, состоящий из схем, образных изображений, матриц, наборы карточек, различные плоскостные фигуры и т.д.	Компьютерные программы по сравнению, интерпретации и сопоставлению полученных данных в ходе психологического взаимодействия; Сетки переводов количественных в качественные показатели; Графики, таблицы профилей;

Маркова [5] относил участие разных сторон психики человека в процессе труда, мотивационную зрелость, напряженность психических процессов и функций, достигнутый человеком социальный статус, отработанность исполнительных действий, операций, а также зрелость волевых компонентов, удовлетворенность от результатов труда и заинтересованность человека в нем, работоспособность, свободный выбор средств, форм, целей и результата труда, сопоставление цены результата и затраченных личностных ресурсов. Психологический подход тем самым позволяет оценивать потенциал сотрудников и получить наиболее точную оценку.

В развернутом понимании психологическим инструментарием принято считать совокупность технологий и методов деятельности психолога. Рассматривать инструментарий как средство профессиональной деятельности стоит как с позиции требований, относительно подбора и комплектации, так и со стороны теоретических представлений и коррекционно-диагностических технологий. Какой же должен быть психологический инстру-

ментарий? В первую очередь он должен соответствовать стандарту, то есть заложенному автором оригиналу коррекционно-диагностического средства. Это требование можно отнести ко всему интерпретационному и стимульному материалу. Следующее требование – соответствующая комплектация инструментария интерпретационного и стимульного материалов. Не рекомендуется использовать диагностические средства при отсутствии какого-либо материала, заложенного в оригинальной методике, например, при отсутствии шкал для перевода баллов в стандартизированных методиках становится невозможна правильная интерпретация данных диагностики. В некоторых случаях психологический инструментарий может быть признан монофункциональным, то есть нельзя применять интерпретационный или стимульный материал одного средства взамен другого, чаще всего инструментарий не взаимозаменяем и отчасти специфичен.

В таблице 1 приведен пример классификации психологического инструментария.

1. Методики для изучения работоспособности

Методика, описание	Психологический инструментарий
Вариационная хронорефлексометрия – прогноз работоспособности и диагностика функционального состояния ЦНС	Флеш-накопитель с компьютерной программой, рассчитанной примерно на 5 минут работы, возможность многократного применения, сюда входит сама программа тестирования, обработки, интерпретации результатов и их хранение; Методическое руководство «Экспресс-диагностика работоспособности и функционального состояния человека. Рекомендации по допуску к работе», М. П. Мороз
Тест Ландольта, входит в группу корректурных тестов, позволяет проанализировать общую работоспособность и ее составляющие, такие как скорость, продуктивность, выносливость, безошибочность и надежность	Бланки фиксации результатов; Бланки ответов; Секундомер; Методическое руководство «Тест Ландольта. Диагностика работоспособности», В. Н. Сысоев; Ключи для ручной обработки результатов; Флеш-накопитель с программой интерпретации, обработки и хранения результатов
Тест Тулуз-Пьерона, представляющих из себя невербальный тест - диагностику минимальных мозговых функций. Изучает свойства внимания (переключаемость, концентрация, стрессоустойчивость) и оценивает надежность и точность переработки информации, личностные характеристики работоспособности, волевую регуляцию и динамику по времени работоспособности	Бланки фиксации результатов; Бланки ответов; Секундомер; Методическое руководство «Тест Тулуз-Пьерона. Оптимизация обучения и развития детей с ММД», Л. А. Яськова; Ключи для ручной обработки результатов; Флеш-накопитель с бланками фиксации результатов
Цветовой тест – модификации известной методики М. Люшера, позволяет прогнозировать стрессоустойчивость и диагностировать эмоциональное состояние	Приложение к методическому руководству «Интерпретационные таблицы»; 2 набора цветных карточек; Флеш-накопитель с программой интерпретации, обработки и хранения результатов; Бланки фиксации результатов; Методическое руководство «Цветовой тест отношений», А. М. Эткинд; Методическое руководство «Цветовой тест диагностики нервно-психических состояний», В. И. Тимофеев, Ю. И. Филимоненко

2. Методики для изучения особенностей личности

Методика, описание	Психологический инструментарий
Методика «АКорД», позволяет спрогнозировать уровень антикоррупционной устойчивости личности	Флеш-накопитель с программой тестирования, интерпретации, обработки и хранения результатов; Стимульные бланки к шкалам: саморегуляция и самодостаточность; Бланки фиксации результатов к шкалам: саморегуляция, субъективная семантика, самодостаточность; Ключи для ручной обработки результатов шкал: самодостаточность и саморегуляция; Методическое руководство «Компьютеризированная система антикоррупционной диагностики «АКорД», О. В. Ванновская
16-факторный личностный опросник Кеттелла, служит для диагностики взрослых в различных ситуациях, в первую очередь для оценки нормальной личности, позволяет описать личностную структуру, найти компенсаторные механизмы для психического здоровья и обозначить внутриличностные проблемы	Опросники: 16PF (форма А и В); HSPQ, CPQ для мальчиков и девочек; Методическое руководство «Факторный личностный опросник Кеттелла», А. А. Рукавишников, М. В. Соколова; Ключи для ручной обработки: 16PF, HSPQ, CPQ Бланки ответов и фиксации: 16PF, HSPQ, CPQ Флеш-накопитель с программой тестирования, интерпретации, обработки и хранения результатов
Фрустрационный тест Розенцвейга, предназначен для прогнозирования поведения в межличностном взаимодействии и реагировании поведения в межличностном взаимодействии	Атлас карточек; Бланки ответов; Флеш-накопитель с программой обработки и хранения результатов; Методическое руководство «Фрустрационный тест Розенцвейга. Диагностика реакций в ситуациях конфликта», Л. А. Ясюкова; Бланки фиксации результатов
Личностный опросник MMPI – диагностическая методика для углубленной диагностики психологических особенностей личности взрослых людей	Опросник (женский и мужской вариант); Бланки ответов; Ключи для ручной обработки результатов; Флеш-накопитель с программой тестирования, интерпретации, обработки и хранения результатов; Методическое руководство «Личностный опросник MMPI», И. Л. Соломин

Методы оценки личностно-профессионального развития в основном относятся к эмпирическим, основываясь на распространении функционального опыта и успешного отраслевого, а также использования в принятии решений прецедентного опыта. Эмпирические методы делятся на качественные и количественные. Количественные методы можно описать как массовые и формализованные. Формализм заключается в строгой направленности на изучение ранее заданных переменных и их количественном измерении, высокий его уровень объясняется дальнейшей статистической обработкой. Наверное, самым распространенным методом этой группы является анкетирование, в ходе которого испытуемому предлагается письменно ответить на вопросы опросного листа (анкеты). Инструментарий данного метода наиболее простой и включает в себя сам опросный лист и интерпретационные средства. Простота использования данного метода дает возможность применять анкетирование как отдельно, так и в комплексе с другими методами для оценки личностно-психологического развития. Вопросы анкетирования бывают открытые (свободный ответ) и закрытые (выбор ответа из несколь-

ких предложенных утверждений). Одним из видов анкетирования, применяемым для изучения личностно-профессиональных качеств работника служит личностный опросник, представляющий из себя списки вопросов, на которые испытуемый отвечает количественно.

Методик, изучающих личностно-профессиональное развитие большое количество, в данной статье приведем лишь некоторые из них, разделив их по группам.

Для оценки личностно-профессиональных качеств психологи стремятся чаще всего использовать не одиночные методики, а комплексные системы диагностики с несколькими методиками, дабы исключить ошибки, которые могут возникнуть в процессе анализа. Важно не просто собрать несколько методик вместе, а подобрать такие методики и соответствующий им психологический инструментарий, который будет максимально подходить под конкретные условия, в которых существуют испытуемые. Большое значение кроме всего прочего имеет знания специалиста, проводящего диагностику, и его компетенция в области психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова М.К. Психологическая диагностика / под ред. М.К. Акимовой. — СПб.: Питер, 2005.
2. Гуревич К.М. Психологическая диагностика: учебное пособие / К.М. Гуревич. — М., 1997.
3. Лнастази А. Психологическое тестирование / А. Анастази, С. Урбина. — СПб.: Питер, 2001.
4. Мамай Л.А. Особенности психологической оценки эффективности работы специалистов: обзор подхода, методов и методик / Л.А. Мамай. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 18 (98). — С. 336-341.
5. Маркова А.К. Психология профессионализма. - М., 1996.- 308 с.

© Иванова Наталья Георгиевна (natalya-i15@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева

ГЕНДЕРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ, КАК ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ¹

Идрисов Кюри Арбиевич

*Д.м.н., профессор, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет» г. Грозный
kyuri.idrisov@yandex.ru*

Хажуев Ислам Сайдахмедович

*доцент, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», г. Грозный
hazhuev@mail.ru*

GENDER AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF INTOLERANCE AS A BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF EXTREMIST MOOD IN YOUTH²

**C. Idrisov
I. Khazhuev**

Summary: The article presents the results of a study of the influence of gender and socio-psychological factors on the formation of intolerance and extremist sentiments in the youth environment. The presence of gender-related differences in the parameters of the severity of the qualities of tolerance (ethnic, social and personal), socio-psychological attitudes in the motivational-need sphere, susceptibility to the experiences of intense stress reactions of a post-traumatic nature, the formation of certain mechanisms of coping strategies and the levels of development of certain characteristics of emotional intelligence were revealed. Consideration of the features of the development of these constructs in the context of the formation of extremist sentiments in the youth environment made it possible to study the potential impact and influence of certain socio-psychological qualities of the individual on the formation and formation of extremist and antisocial beliefs of the individual.

Keywords: extremist moods, aggression, tolerance, traumatic event, motivation, personality.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования влияния гендерных и социально-психологических факторов на формирование интолерантности и экстремистских настроений в молодежной среде. Выявлено наличие гендерно обусловленных различий в параметрах выраженности качеств толерантности (этнической, социальной и личностной), социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере, подверженности переживаниям интенсивных стрессовых реакций посттравматического характера, формирование определенных механизмов копинг-стратегий и уровни развития отдельных характеристик эмоционального интеллекта. Рассмотрение особенностей развития данных конструктов в контексте формирования экстремистских настроений в молодежной среде позволило изучить потенциальные воздействия и влияния определенных социально-психологических качеств индивида на становление и формирование экстремистских и антисоциальных убеждений личности.

Ключевые слова: экстремистские настроения, агрессия, толерантность, психотравмирующее событие, мотивация, личность.

Молодежная среда, традиционно, в силу своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающей обстановки, является той частью общества, в которой наиболее быстро и взрывоопасно происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала [6].

В обыденной реальности молодежный экстремизм выражается в пренебрежении к действующим в обществе правилам поведения, к закону в целом, появлению неформальных молодежных объединений противоправного характера. При этом развитие молодежного экстремизма – это свидетельство недостаточной социальной адаптации самой молодежи, развития асоциаль-

ных установок в сознании молодых людей [11; 12]

Вместе с тем любые социальные явления возникают не вдруг и случайно по прихоти отдельного человека или группы людей, а имеют свои исторические корни и вполне конкретные предпосылки в реалиях современной жизни [21, С.169]. Согласно различным источникам, количество насильственных преступлений экстремистского характера, совершаемых молодежью, имеет тенденцию постоянного роста [6; 27; 28; 29; 30].

Как отмечают специалисты, наиболее часто совершают преступления лица в возрасте 13–25 лет, а совершенные преступления носят агрессивно-насильственный

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-013-00239.

2 The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-013-00239.

характер [11; 27; 29; 30; 31]. При этом очень часто молодежь подверженная экстремистским воззрениям старается ретранслировать собственные взгляды на более широкую общественность [25; 26; 27].

Как указывают результаты исследований зарубежных авторов, и агрессивные подростки-школьники, радикалы-джихадисты, прибегающие к актам насилия имеют некоторые сходства в использовании публичного пространства при реализации экстремистских действий, которые носят исключительно символическое значение [27].

В то же время, в современном западном обществе, этническая нетерпимость претерпела некоторые изменения, однако она не исчезла полностью, а трансформировалась в формы расизма, который исходит от низших слоев общества [6; 19].

Причины роста экстремизма в современном обществе, по мнению различных специалистов [1; 2; 5; 10; 14; 22; 29; 30; 31], в значительной степени связаны с произошедшими в результате глобализации трансформаций системы морально-нравственных ориентиров, ухудшения качества образования, снижения политической и правовой свободы на фоне усилившихся миграционных процессов [4; 15].

Если говорить об интолерантных проявлениях в молодежной среде, то приходится признать, что это часто весьма слабо дифференцированная форма осознанной активности молодых людей, имеющая обоснование либо в форме стройной идеологической концепции, либо — чаще — в виде обрывочных символов, архетипов, лозунгов [15, С.220].

В качестве объектов интолерантности могут выступать: раса, национальность, цвет кожи, инвалиды, старики, дети, сексуальные меньшинства, люди с проблемами со здоровьем, люди с психическими отклонениями, странные люди, религиозные группы, политические взгляды и т.д., и т.п. [6, С.67]. Крайним поведенческим проявлением интолерантности чаще выступает экстремизм. В целом под экстремизмом понимается биологический и социально-психологический феномен, в основе которого лежит превышение пределов допустимого при наличии злого смысла или умысла [18].

Естественно, любая форма насилия в обществе, в том числе проявляющаяся в виде экстремистской и террористической деятельности, вызывается целым комплексом причин — биологических, психологических, экономических, политических и т. д. Как отмечает М.К. Арчаков, агрессия, высвобождаемая индивидом посредством подобной деятельности, нередко связана с проявлением враждебности, даже если она носит вполне «доброкаче-

ственный» характер. При этом человеческая агрессивность, то есть открытая враждебность, неприятие чего-либо (например, расизм, антисемитизм, шовинизм и др.) выступает в качестве одного из элементов экстремистской деятельности [3; 8; 13].

Таким образом, делая вывод из краткого теоретического анализа проблемы подверженности личности в современном мире интолерантности и экстремистским наклонностям, важно отметить, что в основе подобных форм поведения и самовыражения личности находятся как социально-психологические (бытовая неустроенность, социальная дезадаптация, субъективно осознаваемое отсутствие жизненных перспектив, наличие личностных проблем психологического и иного плана), так и демографические (пол и возраст) детерминанты, которые взаимодействуя определяют интенсивность и глубину проявления экстремистской деятельности.

Несмотря на значительную проработанность вопросов влияния демографических и психосоциальных факторов на формирования деструктивных форм мышления и поведения, остаются малоизученными гендерные и психосоциальные факторы формирования идей и поведения террористической и экстремистской направленности среди молодежи народов Северного Кавказа в целом и Чеченской Республики в частности. В связи с этим целью нашего исследования стало изучение влияния гендерных и социально-психологических факторов на формирование интолерантного и экстремистского мировоззрения среди молодежи Чеченской Республики.

Материал и методы исследования

В исследовании приняли участие представители молодого населения Чеченской Республики в количестве 129 человек. Из числа обследованных 51(39,53%) составили юноши и 78(60,46%) девушки. Критериями включения в выборку было добровольное согласие на анонимной основе.

В качестве исследовательского инструментария использованы: Шкала оценки влияния травматического события (адаптация Н.В. Тарабриной); Индекс этнической толерантности (Г.У. Солдатова); Индекс ксенофобии (Е.Н. Юрасова); Методика многомерного измерения копинга (Т.Л. Крюкова); Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О.Ф. Потемкиной).

Статистический анализ осуществлялся с помощью пакета статистических программ SPSS for Windows 11.0. Анализ ранговых различий изучаемых параметров проводился с использованием непараметрических критериев Манна-Уитни и Фридмана.

Результаты исследования и их анализ

Анализ различных исследований, посвященных изучению проблемы экстремизма и терроризма, позволяет рассматривать различные психологические конструкты (стили совладания, мотивационные установки личности, переживания посттравматического стресса, показатели интеллектуального развития и многое другое) в качестве социально-психологических и демографических детерминантов развития у личности крайних взглядов и убеждений, которые потенциально могут выражаться даже в общей террористической направленности индивида при неблагоприятных обстоятельствах и суггестивном воздействии заинтересованных лиц и экстремистских организаций.

Исходя из данного положения в настоящем исследовании были изучены показатели агрессивных реакций респондентов в разрезе гендерного признака (табл.1).

Результаты рангового анализа (табл.1) указывают на то, что девушки более склонны проявлять вербальную агрессию, тогда как юноши характеризуются склонностью к прямой физической агрессии. При этом юноши также проявляют склонность к проявлению вербальной агрессии и косвенной физической агрессии по сравнению с женщинами, однако различия по данным видам агрессивного поведения между выборками юношей и девушек не обладают статистической значимостью.

В то же время, достоверно ($p=0,013$) наиболее частой формой агрессивного поведения среди молодежи, вне зависимости от гендерной принадлежности, оказалась склонность к прямой вербальной агрессии (при этом склонность к прямой физической агрессии чуть менее выражена), а наименее выражена – склонность к косвен-

ной агрессии.

Таким образом, юноши чаще демонстрируют прямую физическую агрессию, а девушки – косвенную вербальную агрессию.

Другими важным показателями, характеризующие экстремистские типы мышления и поведения, являются ксенофобия и этническая толерантность. Анализ этих показателей, в разрезе гендерного признака, позволяет оценить степень взаимовлияния этих факторов (табл.2).

Проведенный анализ показал, что юноши характеризуется более выраженными показателями индекса ксенофобии по сравнению с группой девушек. Выявленные различия в показателях выраженности индекса ксенофобии, проведенного по признаку гендерных различий, обладают статистической значимостью ($p=0,020$), тогда как различия показателей по субшкалам опросника этнической толерантности (у юношей и девушек) не выявили статистической значимости, хотя и имеется тенденция к тому, что девушкам более свойственны качества этнической и социальной толерантности, в то время как у юношей выражены качества толерантности как черты личности.

Анализ социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (диагностированных при помощи методики О.Ф. Потемкиной), позволил получить важные сведения о доминирующих установках обследуемых, с одной стороны это ориентация на труд, свободу, власть, деньги, с другой стороны на процесс, результат, альтруизм и эгоизм. Все эти факторы рассматриваются через гендерный признак.

Согласно результатам рангового анализа (на основе применения критерия Манна-Уитни) выявлено, что юно-

Таблица 1.

Распределение выраженности агрессии по гендерному признаку, (n=118)

Переменные исследования	Пол	N	Средний ранг	P-значимость
Склонность к прямой вербальной агрессии	Мужчины	51	61,56	0,692
	Женщины	67	58,76	
Склонность к косвенной вербальной агрессии	Мужчины	51	41,13	0,000*
	Женщины	67	66,05	
Склонность к косвенной физической агрессии	Мужчины	51	65,11	0,282
	Женщины	67	57,50	
Склонность к прямой физической агрессии	Мужчины	51	77,77	0,000*
	Женщины	67	52,99	
Общий индекс агрессии	Мужчины	51	62,66	0,548
	Женщины	67	58,37	
	Всего	118		

Примечание: * - статистическая достоверность $p<00,1$

шам более свойственно ориентация на свободу ($p=0,021$) и власть ($p=0,048$). Кроме того, показатели ориентации на труд и ориентация на деньги также преобладали у юношей, по сравнению с аналогичными показателями у девушек, хотя эти различия и не имели статистической достоверности.

У группы девушек достоверно доминирует ориентация на альтруизм ($p=0,015$). Ориентация на эгоизм также преобладает у девушек, по сравнению с юношами, которые, в свою очередь, отличаются большей ориентированностью на процесс и результат.

Анализ различий выраженности признаков посттравматического стресса по гендерному признаку показывает большую подверженность развитию интенсивных стрессовых переживаний у девушек. Результаты настоящего исследования повторяют данные, полученные в исследованиях, проведенных ранее среди населения Чеченской Республики.

В контексте рассматриваемой проблемы важно было также выявить гендерные особенности развития интенсивных стрессовых переживаний как неблагоприятных социально-психологических факторов формирования экстремистских мировоззрений и механизмов совладания – индивидуально-личностных диспозиций, определяющих особенности преодоления индивидом последствий переживаний психотравмирующих событий.

Так, полученные данные показали, что выборка девушек более сильно подвержена переживаниям симптомов посттравматического стресса, которые в совокупности и при высокой интенсивности могут корреспондировать с клиническим уровнем посттравматического стрессового расстройства. Как показал анализ, показатели трех критериев посттравматического стресса, диагностированных при помощи ШОВТС – вторже-

ние ($p=0,000$), избегание ($p=0,002$) и физиологическая возбудимость ($p=0,001$) достоверно более выражены у девушек, по сравнению с аналогичными показателями у юношей.

Полученные данные при рассмотрении в контексте социально-психологической интолерантности, как основы развития экстремистских настроений, указывают на то, что выборка девушек в большей мере относится к группе риска из-за высокой степени выраженности интенсивных стрессовых переживаний и подверженности развитию на их фоне патологии посттравматического характера.

Как известно у лиц, переживших травматический стресс и страдающих посттравматическими стрессовыми реакциями, возможно развитие различных психопатологических нарушений, приводящих к развитию социальной, профессиональной и семейной дезадаптации. Внутренняя картина мира таких людей, деформированная травматическими переживаниями прошлого, может стать с одной стороны, ретранслятором пережитого ими негативного опыта (сопряженного с насилием и агрессивным поведением), а с другой стороны повышает их уязвимость и восприимчивость для идеологического воздействия со стороны отдельных лиц, экстремистских и тоталитарных сект, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Именно этим обстоятельством можно попытаться объяснить часть случаев переезда женщин из Северного Кавказа в зону боевых действий на Ближнем Востоке, под предлогом замужества.

Анализ копинг-стратегий, используемых молодыми людьми в соответствии со своей гендерной принадлежностью, позволил выявить стратегии поведения, используемые молодыми людьми в сложных жизненных ситуациях.

Таблица 2.

Распределение выраженности показателей этнической толерантности и ксенофобии по гендерному признаку, ($n=118$)

Переменные исследования	Пол	N	Средний ранг	P-значимость
Индекс ксенофобии	Мужчины	51	71,71	0,020*
	Женщины	67	55,15	
Субшкала «этническая толерантность»	Мужчины	51	55,56	0,454
	Женщины	67	60,90	
Субшкала «социальная толерантность»	Мужчины	51	52,35	0,174
	Женщины	67	62,05	
Субшкала «толерантность как черта личности»	Мужчины	51	61,61	0,688
	Женщины	67	58,75	
	Всего	118		

Примечание: * - статистическая достоверность $p<0,05$

Так выявленные различия указывают, что юноши чаще, чем девушки, используют в стрессовых ситуациях такие стратегии совладания как проблемно-ориентированный стиль ($p=0,018$), стиль совладания посредством избегания ($p=0,044$) и социального отвлечения ($p=0,40$), хотя статистической достоверностью по гендерному признаку обладает только различие в частоте использования юношами механизмов совладания, ориентированных на решение и избегание задачи/проблемы ($p=0,005$). Среди девушек наиболее популярными стилями совладания оказались - копинг, ориентированный на эмоциональное решение проблемы и копинг отвлечения. Однако различия по этим стратегиям совладания не имеют статистической значимости.

В то же время анализ параметров эмоционального интеллекта в зависимости от гендерного признака позволил выявить достоверные различия между юношами и девушками только по показателям выраженности шкалы управления своими эмоциями ($p=0,019$).

У девушек, по сравнению с юношами, более выра-

жены показатели эмоциональной осведомленности и эмпатии, являющиеся составными элементами общего эмоционального интеллекта. У юношей достоверно преобладают показатели эмоциональных свойства интеллекта, ответственные за управление эмоциями.

Управление собственными эмоциями является важной характеристикой эмоционального интеллекта, которая может способствовать сдерживанию агрессивных побуждений и негативных тенденций личности, ограничивая тем самым впадение в крайние действия, в том числе и действия экстремистского характера. Для юношей, как показали результаты исследования, более свойственно проявление не только прямой вербальной агрессии, но и ксенофобии, что может граничить с экстремистским поведением личности. Девушки обладают склонностью к развитию негативных реакций посттравматического стресса, сопряженных с различными формами дезадаптации, у них менее развиты свойства, ответственные за управление собственными эмоциями и слабо выражен механизм совладания, ориентированный на конструктивное решение проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Ю.Н. Основы противодействия экстремизму и терроризму: конспект лекций / Ю.Н. Андреев, О.Н. Викторов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2013. – 99 с.
2. Абдрахманов Д.М., Максимов К.В., Нугуманов М.М., Сафина Э.Н. Экстремизм. 100 ответов на насущные вопросы об экстремизме и терроризме. Информационно-справочное пособие. – Уфа: Мир печати. – 2018. – 80 с.
3. Арчаков М.К. Политический экстремизм: сущность, проявления, меры противодействия: монография / М.К. Арчаков; под научной редакцией Ю.А. Ермакова. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 295 с.
4. Баева Л.В. Экстремизм: природа и формы проявления [Текст] / Л.В. Баева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2008. – № 3 (16). – С. 21–26.
5. Белашева И.В., Ершова Д.А, Есаян М.Л. Психология терроризма: учебное пособие. – Ставрополь: Изд-во СКФУ. – 2016. – 120 с
6. Бобрышов С.В., Саенко Л.А. Проявления ксенофобии и межнационального экстремизма в современной молодежной среде Международно-правовые средства противодействия терроризму в условиях глобализации. Проблемы террористического наемничества среди молодежи и пути их преодоления: сб. материалов Всероссийской научно-практ. конф. – Ставрополь: СГПИ. – 2016. – С.66-68
7. Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. – Кострома: «Авантитул». – 2007. – 60 с.
8. Лоренц К. Агрессия, или, Так называемое зло. – М.: АСТ. – 2017. – 350 с.
9. Левитов Н.Д. Психическое состояние агрессии // Вопросы психологии. 1972. – № 6. – С. 168-173.
10. Осипова Н.В. — Социокультурные детерминанты экстремистского поведения // Социодинамика. – 2016. – № 6. – С. 1 - 12.
11. Профилактика проявлений экстремизма и ксенофобии в образовательной среде: Методические рекомендации. – АСОУ. – 2011. – 48 с.
12. Профилактика экстремизма в молодежной среде: учебное пособие для вузов // А.В. Мартыненко [и др.]; под общей редакцией А.В. Мартыненко. – М.: Издательство Юрайт. – 2020. – 221 с.
13. Психоанализ в трудах зарубежных авторов. СПб. – 2006. С. 79.
14. Психология формирования антитеррористических ценностей студентов современного университета: учебник // под ред. И.В. Абакумовой, П.Н. Ермакова. – М.: КРЕДО. – 2013. – 352 с.
15. Селиванова О.А. Проблемы профилактики интолерантных взаимоотношений в условиях высшего учебного заведения // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. -№1. С.216-221
16. Солдатова Г.У., Кравцова О.А., Хулаев О.Е. и др. Психодиагностика толерантности // Психологи о мигрантах и миграции в России: инф. – анализ бюллетень. – М. – 2002. – № 4. – С. 59–65.
17. Тарабрина Н.В. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. В 2ч. Ч.2. Бланки методик. – М.: «Когито-Центр». – 2007. – 77 с. (Психологический инструментарий).
18. Томалинцев В.Н. Введение в социальную экстремологию: учеб. пособие/Томалинцев В.Н., Козлов А.А. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005

19. Фирсов М.В., Студинова Е.Г. Теория социальной работы. М.: Гуманит. изд. центр ВЛА ДОС, 2001. —432с.
20. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. – М. – 2007. – С. 67–81.
21. Хазиев В.С., Олейник В.С. Детерминанты экстремизма и терроризма. // Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции по профилактике экстремизма (г. Уфа, 24 мая 2017 г.) / Составители: Д.М. Абдрахманов, Ю.И. Малахов, Р.Р. Мухитдинова, З.Л. Сизоненко, Ш.Б. Эргашева. – Уфа: Изд-во «Мир печати», 2017. – С.169-182
22. Хромов В.Д. Психологические аспекты противодействия экстремизму и терроризму // Обзор.НЦПТИ. – 2018. – №4 (15).
23. Юрасова Е.Н. Психологические особенности лиц, склонных к экстремизму, терроризму и ксенофобии // «Юридическая психология». – 2008. – №4. – С.27-35.
24. Berntzen, Lars Erik/Weisskircher, Manès (2016): Anti-Islamic Pegida Beyond Germany: Explaining Differences in Mobilisation. Journal of Intercultural Studies, 37 (6), S. 556-573.
25. Böckler N., Hoffmann J. & Zick A. (2015). The Frankfurt airport attack: A case study on the radicalization of a lone-actor terrorist. Journal of Threat Assessment and Management, 2, 153–163. 10.1037/tam0000045
26. Böckler N., Roth V., Stetten L. & Zick A. (2014). Targeted school violence and the web of causes: Risk factors and the problems of specificity. Commentary on: “Bullying, romantic rejection, and conflicts with teachers: The crucial role of social dynamics in the development of school shootings - A systematic review”. International Journal of Developmental Science, 8, 49–51. 10.3233/DEV-140146
27. Böckler Nils/Leuschner, Vincenz/Zick, Andreas/Scheithauer, Herbert (2018): Same but Different? Developmental Pathways to Demonstrative Targeted Attacks – Qualitative Case Analyses of Adolescent and Young Adult Perpetrators of Targeted School Attacks and Jihadi Terrorist Attacks in Germany. International Journal of Developmental Science, 12 (1), S. 5-24.
28. Hartleb F. (2017). Rechtsterrorismus statt Amoklauf. Eine notwendige Neubewertung des Attentats von München am 22. Juli 2016 [Right-wing terrorism instead of rampage. A necessary reassessment of the Munich Attack on 22nd July, 2016]. Kriminalistik, 12/2017, 715–722.
29. Kruglanski A. & Fishman S. Psychological Factors in Terrorism and Counterterrorism: Individual, Group, and Organizational Levels of Analysis // Social Issues and Policy Review. – 2009. – 3. 1 – 44. 10.1111/j.1751-2409.2009.01009.x.
30. Oppetit A., Campelo N., Bouzar L., Pellerin H., Hefez S., Bronsard G., Bouzar D., Cohen D. Do Radicalized Minors Have Different Social and Psychological Profiles From Radicalized Adults?// Frontiers in Psychiatry. – 2019. – 10. 644. DOI: 10.3389 / fpsyt.2019.00644.
31. Trip S., Marian M.I., Halmajan A., Drugas M.I., Bora C.H., and Roseanu G. (2019) Irrational Beliefs and Personality Traits as Psychological Mechanisms Underlying the Adolescents’ Extremist Mind-Set // Front Psychol. – 2019. – 10: 1184. doi: 10.3389/fpsyg.2019.01184

© Идрисов Кюри Арбиевич (kyuri.idrisov@yandex.ru), Хажуев Ислам Сайдахмедович (hazhuev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Чеченский государственный педагогический университет

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ И ИДЕАЛЬНОЙ СЛЕДОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Козлачкова Юлия Игоревна

судебный эксперт-психолог, Аспирант, Финансовый университет при Правительстве РФ
YIKozlachkova2020@edu.fa.ru

PROBLEMS OF RESEARCH OF PSYCHOLOGICAL RELIABILITY AND IDEAL TRACE INFORMATION IN FORENSIC PSYCHOLOGY

Yu. Kozlachkova

Summary: The article presents a review of forensic and legal sources concerning a study of the terms "reliability and perfect tracks", their legal entity and different scientific interpretations, demonstrates their debatable nature. Special attention is paid to the exposure of possible constraints of using of these terms in forensic psychological examination and causes of their occurrence. As a result of the study the author formulated theoretic and practical recommendations of using the terms "reliability" and "perfect tracks" in theory and practice of forensic psychological examination.

Keywords: forensic psychological examination, perfect tracking information, psychological reliability, testimony credibility, information reliability assessment, perfect tracks research.

Аннотация: В статье приведен обзор научных и правовых источников по вопросам исследования юридической сущности и научно-отраслевых толкований терминов достоверность и идеальные следы, продемонстрирован дискуссионный характер данных вопросов. Особое внимание уделено выявлению возможных препятствий к использованию указанных терминов в судебной экспертологии и причин их возникновения. По результатам исследования автором сформулированы теоретические и практические рекомендации по использованию понятий достоверность и идеальная следовая информация в теории и практике судебно-психологической экспертизы.

Ключевые слова: судебно-психологическая экспертиза, идеальная следовая информация, психологическая достоверность, правдивость показаний, полиграф, оценка достоверности информации, исследование идеальных следов.

Проблема обнаружения, изучения, интерпретации и фиксации информации, которой обладают участники или очевидцы какого-либо события, а также оценка степени ее полноты и объективности (достоверности) является одной из наиболее актуальных для всех субъектов процессуальной деятельности как в рамках уголовного, так и гражданского и арбитражного судопроизводства. Носителем такой информации является человек, а следовательно, степень ее полноты и достоверности, а также возможность соответствующей вербальной передачи заинтересованным лицам находится в прямой зависимости в первую очередь от таких факторов, как сохранность высших психических функций (восприятия, памяти, речи, и т.д.) и их отличительных особенностей, характерных для конкретного индивида. Все перечисленные факторы входят в предмет исследования психологии, в связи с чем их изучение требует применения специальных познаний в этой научной сфере и является прерогативой специалиста либо эксперта. В то же время вопросы исследования психологической достоверности сообщаемой в ходе процессуальной деятельности информации являются предметом многочисленных научных исследований и дискуссий, связанных, в том числе, с необходимостью соблюдения установленных законодательством пределов компетенции экс-

перта. Особую важность эта проблема приобретает в рамках уголовного судопроизводства, налагающего высокие требования к соблюдению пределов компетенции каждого участника уголовного процесса, а также к терминологической точности. Дискуссионный характер данного вопроса имеет непосредственное влияние на практическую экспертную деятельность: отсутствие единого теоретического подхода к данной проблематике обуславливает появление и использование при формулировании экспертных задач иных терминов, таких как идеальная следовая информация, инсценировка коммуникации и пр.

Вопросы исследования достоверности сообщаемой информации в целом и, в частности - психологической достоверности показаний до недавнего времени широко освещались в научной, в том числе периодической литературе и изложены в работах многих российских и зарубежных ученых (С.К. Хаидова [15], А.М. Багмета [8], В.Ф. Енгальцева [6], А.В. Моисеева [9], Ф.С. Сафанова [12], П. Экмана [16] и др.) и до недавнего времени являлись дискуссионными.

Действующим российским уголовно-процессуальным законодательством установлено, что оценка досто-

верности показаний, как и других видов доказательств, относится к исключительной компетенции дознавателя, следователя, прокурора, суда [3], что создает проблемы в использовании этого термина при назначении и производстве экспертизы в рамках уголовного судопроизводства, которое обоснованно можно считать основным направляющим вектором в развитии судебной экспертологии. О понимании данной проблемы свидетельствует и мнение профессионального сообщества. Так, в 2016 г. опубликовано информационное письмо за подписью ведущих исследователей в сфере судебной психологии, содержащее критику попытки отдельных ученых разделить понятия юридической и психологической достоверности, а также следующий вывод: «учитывая положения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и состояние научно-исследовательских разработок в области свидетельских показаний, в настоящее время установление достоверности показаний путем назначения и проведения судебной экспертизы (психологической, психолого-психиатрической, какой-либо иной) на строго научной основе невозможно» [13]. Очевидно, что подобные выводы будут по умолчанию распространяться на показания других участников уголовного процесса, обладающих информацией об интересующем событии – подозреваемых, обвиняемых и потерпевших.

Аналогичной позиции придерживается и высший судебный орган в отношении использования при назначении или проведении экспертизы формулировки «правдивость показаний». Так, например, в одном из решений Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) указывает следующее: «основанием для назначения экспертиз явилась необходимость установления «правдивости», «добровольности» и «самостоятельности» показаний, то есть перед экспертом был поставлен ряд вопросов, которые фактически сводились к разрешению единого вопроса о достоверности показаний подозреваемых при производстве с ними следственных действий. Данные вопросы не могли быть поставлены на разрешение эксперта, поскольку согласно ст. 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), во взаимосвязи со ст.ст. 17, 87, 88 УПК РФ, вопросы о достоверности или недостоверности доказательств отнесены к исключительной компетенции следователя или суда. С учетом изложенного, приведенные в приговоре в качестве доказательств заключения эксперта по результатам судебно-психологических экспертиз видеозаписей, а также показания указанного эксперта в судебном заседании не могут признаваться допустимыми доказательствами.» [2]

Ни научное сообщество, ни законодатель не отрицает и не оспаривает тот факт, что именно особенности высших психических функций обуславливают содержание переданной уполномоченным должностным лицам про-

цессуально значимой информации, а исследование этих особенностей относится к компетенции психологической науки. В то же время при пересечении понятийного аппарата задействованных в решении одной проблемы юридических и естественных наук главенствующее значение должно безусловно принадлежать юридической терминологии. Так, при наличии устоявшейся правоприменительной практики, официального и доктринального толкования термина «достоверность» в уголовном процессе, попытка обособить и пояснить понятие «психологическая достоверность» в рамках процессуальных документов приводит научное сообщество в тупик.

С учетом изложенного автор счел необходимым обратиться к изучению теоретических аспектов и границ формирования понятийного аппарата судебной экспертологии в целом.

Большинство авторов научных исследований связывают развитие судебной экспертологии как самостоятельной области научного знания со становлением и расширением сети судебно-экспертных учреждений, и лишь немногочисленные авторы научных исследований отмечают тот факт, что теория судебной экспертизы берет свои начала от криминалистической экспертизы, которая, в свою очередь эволюционно отделилась от криминалистики [5, С.89]. Согласно Е.Р. Россинской, «новая наука синтетической природы – общая теория судебной экспертизы, она возникла в недрах криминалистики и переживает этап формирования. Для теории и практики экспертизы криминалистика играет роль обосновывающего знания, как и другие науки, например, физическая химия, молекулярная биология» [11].

Отделение теории судебной экспертизы в самостоятельную научную ветвь, по мнению автора настоящего исследования, было обусловлено в первую очередь следующими факторами:

- узкоспецифичным по отношению к криминалистике предметом исследования;
- необходимостью соблюдения жестких процессуальных рамок (пределов компетенции), в том числе при выборе тактических и методических приемов при производстве экспертиз;
- потребностью в адаптации используемой терминологии процессуальным требованиям, их корректировке с учетом законодательно установленных пределов компетенции эксперта и, как следствие - формированием собственного узкоспециального понятийного аппарата.

Так, с точки зрения автора, именно потребность в адаптации используемой терминологии требованиям уголовно-процессуального законодательства в настоящее время исключает возможность использования при назначении и производстве одного из видов судебной

экспертизы – психологической экспертизы таких оценочных терминов, как достоверность, правдивость, ложность и т.п. Очевидно, что попытка решения экспертом вопроса о достоверности показаний создает видимость того, что в задачи исследования входит оценка доказательств, что не соответствует действительности. При этом изучение в комплексе психологических явлений, сопряженных с предоставлением участником уголовного процесса недостоверной информации, бесспорно, входит в предмет исследования психологии.

В то же время одной из основных задач судебной экспертологии, как и криминалистики, является изучение, интерпретация и фиксация следовой информации и механизмов ее образования с использованием специальных познаний. Исследователями в области криминалистики за время развития этой науки выработаны фундаментальные подходы к определению понятия следовой информации и ее классификации. В этой связи представляется не только возможным, но и целесообразным использование в судебной экспертологии в целом и, в частности, в судебной психологии научного понятийного аппарата криминалистики в той части, в которой он не противоречит установленным процессуальным требованиям. Терминологический аппарат криминалистики в силу специальной профессиональной подготовки хорошо известен и понятен должностным лицам органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, дознание и следствие, а также суду, а именно эти органы государственной власти являются основными «заказчиками» и «потребителями» экспертных исследований и определяют приоритетные направления их развития.

Апеллируя к понятийному аппарату криминалистики, в целях настоящего исследования необходимо в первую очередь обратить особое внимание на учение о следах.

По мнению О.Я. Баева, следы – единственный материал, с которым работает любой субъект уголовно-процессуального исследования преступлений [5, С. 196]. Любое, в том числе криминальное, событие – это взаимодействие между собой как минимум двух объектов. Такие взаимодействия проявляются в виде следов-отображений следообразующего объекта на объекте воспринимающем. Это принципиальнейшая посылка для всех наук, изучающих прошлое, реконструирующих события, уже происшедшие, будь то история, археология, криминалистика, и она обоснована материалистической гносеологией и теорией отражения. При этом Баев О.Я. склоняется к той точке зрения, что следом являются лишь те материальные или идеальные изменения, которые на современном этапе развития криминалистики мы осознаем, как след. Осознание же таких изменений как след осуществляется перманентно-поступательно по мере того, как криминалистика создает методики

извлечения (обнаружения, фиксации), исследования и использования в целях познания и реконструкции преступных событий.

По мнению автора настоящего исследования, такая трактовка понятия следа является крайне актуальной для развития судебной психологии. Это связано с тем, что ряд ученых и правоприменителей (ВС РФ), отрицающих возможность изучения достоверности информации в рамках экспертизы (в том числе с использованием полиграфа), обосновывают свою позицию не только законодательными ограничениями, но и отсутствием научно обоснованных методик подобного исследования [1].

Всю следовую информацию, или криминалистически значимые отображения преступной деятельности, по общему основанию принято классифицировать на:

- материальные следы - «отпечатки» события на любых материальных объектах: предметах, документах, теле и организме потерпевшего, обстановке события и т.д.
- идеальные следы - отпечатки события в сознании, памяти людей, совершивших преступление, и к нему прикосновенных (например, укрыватели преступления и т.п.), потерпевших от преступления, очевидцев, других свидетелей и т.д.; в связи с таким характером этих следов их еще именуют интеллектуальными, или «памятными» следами [4].

Р.С. Белкин справедливо отмечает, что механизм возникновения идеальных изменений и сами эти изменения, как мысленные образы в сознании людей - участников или посторонних наблюдателей события, являются объектом исследования криминалистики лишь отчасти, поскольку криминалистика черпает основные данные об этих процессах из психологии (общей и судебной), физиологии и других наук о человеке [4, Т. 2 С. 57].

Данное утверждение не только не исключает возможность исследования механизмов возникновения идеальных следов, но и подчеркивает необходимость применения в этих целях специальных знаний в области психологии человека. Автору представляется, что в данной ситуации область исследования механизма возникновения идеальных следов, безусловно, относится к предмету судебной экспертологии, а именно - судебной психологии, однако это вовсе не исключает нахождение этого предмета в сфере исследования криминалистики, для нужд которой применяются как частно-научные методы психологии, так и других наук (химии, медицины, физики, психологии).

В современных условиях идеальные следы признаются самостоятельным видом следов практически всеми учеными-криминалистами [10]. Проблеме исследования идеальной следовой информации в криминалистике

посвящена кандидатская диссертация Л.А. Суворовой, которая предложила создание криминалистической энграммологии как отдельного учения в рамках следоведения [14]. Вместе с тем, вопрос о возможности изучения идеальных следов в рамках судебно-психологической экспертизы представлен только единичными исследованиями авторов. Так, Арпентьева М.Р. и Макаренко И.А. полагают возможным ставить на разрешение эксперта-психолога следующую задачу: «Имеется ли у потерпевшего ... идеальная следовая информация относительно того, что... (фактические обстоятельства)?» [6]. Принципиально соглашаясь с возможностью решения подобных задач в рамках судебной психологии, автор считает необходимым указать на некоторые несовершенства предлагаемой формулировки, которые могут поставить под сомнение научную обоснованность экспертных выводов.

Во-первых, в соответствии с общей теорией криминалистики, следователь как субъект криминалистической деятельности осуществляет сбор релевантной информации, имеющейся у участника уголовного процесса (потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, свидетеля) и ее изложение на материальном носителе в форме протокола допроса, который является ничем иным, как результатом фиксации идеальных следов преступления. В отличие от тех случаев, когда для обнаружения и фиксации материальных следов необходимы специальные познания (например, для обнаружения отпечатков пальцев), для которых вопрос «Имеются ли на объекте следы рук?» является традиционным, в случае с идеальными следами УПК РФ возлагает на лицо, производящее процессуальные действия, обязанность их фиксации, в том числе путем допроса (по аналогичным принципам осуществляется оперативно—розыскная деятельность). Протокол допроса, как правило, входит в предмет изучения судебного эксперта-психолога. С учетом этого обстоятельства, исходя из указанной выше формулировки вопроса, эксперту-психологу предлагается самостоятельно и обособленно от лица, производящего расследование, получить у участника уголовного процесса идеальную следовую информацию и сопоставить ее с информацией, изложенной в протоколе допроса. Таким образом, предложенная формулировка завуалированным образом возлагает на эксперта отдельные функции следователя, и в этой связи представляется несовершенной. Необходимо иметь в виду, что к моменту назначения экспертизы процессуальное лицо уже должно принять меры к получению и фиксации идеальной следовой информации, а эксперт-психолог с использованием специальных знаний может исследовать механизмы ее формирования.

Во-вторых, самостоятельное и обособленное получение экспертом идеальной следовой информации предполагает использование научно обоснованных методик,

позволяющих работать с ней только с применением специальных познаний. Как представляется автору, до настоящего времени в научных источниках не описаны какие-либо методики, которые бы позволяли эксперту-психологу «с нуля» реконструировать описываемые обследуемым события либо констатировать отсутствие таких событий. Вероятно, предложения отдельных исследователей выделить в отдельный раздел криминалистики энграммологию, которая позволяла бы работать с памятью человека, когда-либо будут реализованы, однако автор полагает, что к настоящему времени для этого отсутствует какая-либо научная основа.

В связи с изложенным постановка перед экспертом задачи в форме «Имеются ли у... идеальные следы относительно событий.» является ничем иным, как заимствованием формулировок у иных направлений экспертологии, изучающих материальные следы.

Принимая во внимание изложенное, автор предлагает следующий вариант постановки задачи судебному эксперту-психологу, который полностью согласуется с частным предметом психологического исследования: - «Каковы психологические особенности механизма формирования идеальной следовой информации, полученной от... в ходе процессуальных действий, и могли ли они существенно повлиять на его показания?»

При решении этой задачи эксперт, используя специальные знания в области психологии, устанавливает конкретный механизм формирования идеальных следов, зафиксированных в протоколе допроса: естественный (информация получена в ходе познавательных процессов), либо искусственный (информация является результатом работы мышления и воображения), либо смешанный (естественный процесс с элементами искусственного, либо наоборот).

Предложенная автором постановка задачи при любом ее толковании исключает двусмысленность и выход эксперта за пределы своей компетенции, в то же время не ограничивает свободу действий эксперта. Постановка такого вопроса не презюмирует, что идеальные следы обязательно содержатся в протоколе допроса. Если эксперт в ходе исследования сможет научными методами извлечь новую уголовно-релевантную информацию, то он имеет право ее зафиксировать.

Резюмируя изложенные доводы, можно сформулировать следующие выводы, к которым пришел автор относительно вопроса о проблемах и перспективах исследования «психологической достоверности» сообщаемой информации. Содержание информации, которая в той или иной форме сообщается в ходе процессуальной (например, оперативно-розыскной или уголовно-процессуальной) деятельности участником либо очевидцем

какого-либо события, обусловлено в первую очередь индивидуальными особенностями высших психических функций человека и психологическими механизмами формирования сообщаемых им сведений. Так, в основе намеренной дезинформации со стороны участника уголовного процесса и сообщения им максимально полной информации об интересующем событии лежат различные психологические механизмы. Сообщение неполных или недостоверных сведений о противоправном деянии может быть и следствием неосознанных действий, связанных с индивидуальными психологическими особенностями восприятия. Исследование этих факторов, влияющих на полноту и достоверность показаний, требует специальных познаний в области психологии и в этой связи может быть предметом психологической судебной экспертизы. При этом необходимо иметь в виду следующее:

- до настоящего времени в научных источниках не описаны какие-либо валидизированные методики, которые бы позволяли эксперту-психологу «с нуля» полноценно реконструировать описываемые обследуемым события либо констатировать отсутствие таких событий;
- уголовно-процессуальное право определяет пределы компетенции эксперта и устанавливает границы терминологического аппарата судебной экспертологии. В этой связи использование

в юридических документах, оформляемых при назначении и производстве экспертизы, термина «достоверность», в том числе в такой составной конструкции, как «психологическая достоверность», не представляется возможным. Решение этой проблемы возможно с опорой на устоявшиеся специальные неюридические термины, к определению которых сформировался единый научный подход.

В криминалистике традиционно считается, что следы – единственный материал, с которым работает любой участник уголовного процесса. При этом существует единый подход к определению идеальных следов (идеальной следовой информации), не оспаривается и утверждение ученых-криминалистов о том, что изучение идеальных следов входит в предмет исследования психологии. В то же время УПК РФ предусматривает обязательную фиксацию этих идеальных следов в протоколах следственных действий, которые становятся объектами экспертного исследования. В этой связи предлагается при постановке и решении вопроса об изучении идеальных следов формулировать экспертную задачу следующим образом: «Каковы психологические особенности механизма формирования идеальной следовой информации, полученной от (данные участника) в ходе процессуальных действий, и могли ли они существенно повлиять на его показания?»

ЛИТЕРАТУРА

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2019 N 57-АПУ19-5 URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliationnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-10102019-n-57-apu19-5/> (дата обращения 29.07.2020)
2. Верховный суд Российской Федерации, Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам по делу № 73-АПУ17-8 от 07 июня 2017 г. URL: http://www.vsrfl.ru/stor_pdf.php?id=1551406 (дата обращения 26.07.2020)
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020, с изм. от 09.07.2020) // URL: www.consultant.ru (дата обращения 26.07.2020)
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. В 3-х томах. - М.: Юристъ, 2016.
5. Баев О.Я. Криминалистика. Лекционный курс: учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юстиция, 2017, - 372 с.
6. Макаренко И.А., Арпентьева М.Р. Методологические аспекты судебной экспертизы с вопросами исследования идеальных следов преступления // Академия образования Великобритании: научный журнал -2019 -3(29) -С.84-92
7. Методика выявления признаков достоверности / недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий) : науч.-практ. пособие / А.М. Багмет и др. - М. : ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Бурназяна ФМБА России, Академия СК России
8. Моисеев А.В., Сотников Н.А., Кучерук Т.Р., Пимкина П.Ю. К вопросу о выявлении признаков достоверности / недостоверности показаний в ходе допроса // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2019. № 1. С. 46-56
9. Малыгина Н.И. Идеальные следы в криминалистике // Правовое государство - 2014 - 3(37) -С. 93-95 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idealnye-sledy-v-kriminalistike/viewer> (дата обращения 26.07.2020)
10. Россинская Е.Р. Криминалистика. Вопросы и ответы: Учеб. Пособие для вузов. – М. ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – 351 с. –С.25
11. Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н. Экспертиза «правдивости» показаний (Возможности психологической экспертизы) // Законность, 1992. – № 2. – С. 13-14.
12. Смирнова С.А., Макушкин Е.В., Аснис А.Я., Васкэ Е.В., Дозорцева Е.Г., Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н., Шипшин С.С., Ошевский Д.С., Бердников Д.В., Секераж Т.Н., Калинина А.Н. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы». Теория и практика судебной экспертизы. -2016 -3(43) –С.64-73 URL: <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-64-73> (дата обращения 26.07.2020)

13. Суворова Л.А. Идеальные следы в криминалистике: автореф. дис. кандидата психологических наук 12.00.09 [Место защиты - Воронежский государственный университет] Воронеж, 2005 -28с.
14. Хаидов С.К. Судебно-психологическая оценка признаков достоверности показаний при исследовании видеоматериалов: моногр. / С.К. Хаидов и др. - Тула: ГОУ ДПО ТО ИПК и ПП РО ТО, 2016. - 113 с.
15. Экман П. Психология лжи 4-е изд.: Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2018 – 304 с.

© Козлачкова Юлия Игоревна (YIKozlachkova2020@edu.fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве РФ

ВЛИЯНИЕ СТРЕССА НА ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Матвеева Евгения Юрьевна

Аспирант, Новосибирский государственный университет
экономики и управления, г. Новосибирск
epoteruha@mail.ruIMPACT OF STRESS ON DECISION
MAKING

E. Matveeva

Summary: A key problem that animals have faced throughout evolution is finding food (for example, when to abandon the current food source in search of a better one). In such foraging decisions, the quality of the environment as a whole can be used to assess the value of future unknowns against which current prospects are compared. Many decisions that people make are reminiscent of the problem of finding food, where a currently known option has to be compared with an unfamiliar alternative. Indeed, intuitively, what might seem like a good option (eg a job offer) versus potential future options depends on the overall quality of the environment (in a particular situation, the labor market).

This article discusses the hypothesis that such decisions, like foraging, are inherently sensitive to stress, a physiological response that tracks biologically significant changes in the context of the environment. A number of studies confirm that stress tempts decision-makers to over-exploit current opportunities over optimal choices. This overexploitation can be an adaptive response to situations that threaten homeostasis. Strengthening exploitative behavior is appropriate when there is a lower overall environmental quality score.

Stress activates biological systems that monitor and respond to changes in the environment, organizing a series of hormonal, neurophysiological and behavioral adjustments for this. To the extent that stress signals negative information about the environment, it should accordingly be associated with lower perceived average reward rates and greater exploitation of current opportunities.

The key role of stress in assessing environmental quality is consistent with its broader role in providing a coordinated body response to complex contexts. It is intuitively obvious that stress contributes to a more negative assessment of the environment, and a stressful environment is almost necessarily defined as repulsive and threatening. However, when the circumstances of the stressor and the circumstances of the decision problem do not match, over-exploitative and pessimistic biases can become maladaptive or pathological.

Keywords: stress, decision making, environment, exploration, exploitation, choice, reward.

Аннотация: Ключевая проблема, с которой животные сталкивались на протяжении всей эволюции, заключается в добывании пищи (например, когда стоит отказаться от текущего источника пищи в поисках лучшего). В таких решениях о добыче пищи качество окружающей среды в целом может использоваться для оценки ценности будущих неизвестных вариантов, с которыми сравниваются текущие перспективы. Многие решения, которые принимают люди, напоминают проблемы поиска пищи, где известный в настоящее время вариант должен быть сопоставлен с незнакомой альтернативой. Действительно, интуитивно то, что могло бы показаться хорошим вариантом (например, предложение работы), по сравнению с потенциальными будущими вариантами, зависит от общего качества среды (в конкретной ситуации, рынка труда).

В данной статье рассматривается гипотеза, что такие решения, подобные поиску пищи, характерно чувствительны к стрессу, физиологической реакции, которая отслеживает биологически значимые изменения в контексте окружающей среды. Ряд исследований подтверждает, что стресс склоняет людей, принимающих решения, к чрезмерному использованию текущих возможностей по сравнению с оптимальным выбором. Такая чрезмерная эксплуатация может быть адаптивной реакцией на ситуации, которые представляют угрозу для гомеостаза. Усиление эксплуататорского поведения уместно, когда имеется более низкая оценка общего качества окружающей среды.

Стресс задействует биологические системы, которые отслеживают и реагируют на изменения в окружающей среде, организуя для этого ряд гормональных, нейрофизиологических и поведенческих корректировок. В той степени, в которой стресс сигнализирует о негативной информации об окружающей среде, он, соответственно, должен быть связан с более низкой воспринимаемой средней скоростью вознаграждения и с большей эксплуатацией текущих возможностей.

Ключевая роль стресса в оценке качества окружающей среды согласуется с его более общей ролью в обеспечении скоординированной реакции организма на сложный контекст. Интуитивно очевидно, что стресс способствует более негативной оценке окружающей среды, а стрессовая среда почти обязательно определяется как отталкивающая и угрожающая. Однако, когда обстоятельства фактора стресса и обстоятельства проблемы принятия решения не совпадают, чрезмерно эксплуататорские и пессимистические предубеждения могут стать дезадаптивными или патологическими.

Ключевые слова: стресс, принятие решений, окружающая среда, исследование, эксплуатация, выбор, вознаграждение.

Практически ежедневно человек сталкивается с ситуациями, в которых необходимо принять решение, продолжить ранее начатое дело либо предпочесть потенциально лучший вариант (например, выбрать для поездки в отпуск хорошо знакомое или же новое место; продолжать заниматься привычной деятельностью, но не получать удовлетворения от ее результата, или же перейти на новый карьерный путь). Эти типы решений

являются примерами проблемы исследования/эксплуатации. Исследование — это выбор варианта, о котором известно меньше, в то время как эксплуатация — это принятие всего ранее изученного. Принятие решений в таких ситуациях зависит от прошлого опыта, формирующего ожидания относительно типа, а также вероятности вознаграждений и наказаний. Таким образом, если полагать, что мир всегда был жесток и несправедлив, то

создается ожидание того, что любой сделанный выбор приведет к нежелательному результату. Следуя этой логике, человек может с большей долей вероятности воспользоваться знакомым, но неоптимальным вариантом, чем исследовать альтернативный путь. В свою очередь стресс является одним из факторов, который приводит к восприятию окружающей среды как враждебной, и поэтому способствует выбору в пользу всего изведенного, а не исследованию.

Системный анализ влияние стресса на модель принятия решения был проведен Дженнифер Леноу совместно с другими американскими исследователями с использованием задачи виртуального сбора урожая. Согласно условиям эксперимента, участники проводили время в каждом из четырех садов с целью собрать как можно больше яблок. Во всех испытаниях была заложена возможность остаться на месте или перейти к другому дереву, но при этом каждый последующий урожай с одного и того же дерева приводил к появлению немного меньшего количества яблок, поэтому в какой-то момент было бы разумно перейти к следующему дереву. В цветущих садах, которые позиционировали благоприятную среду, время в пути до следующего дерева было коротким, а в суровых условиях виртуальной окружающей среды данный показатель был больше. Представители экспериментальной группы полностью погрузили руку в холодную воду, чтобы вызвать острый стресс перед выполнением задания, тогда как контрольная группа погрузила руку в теплую воду. Реакция кортизола на фактор стресса использовалась как непрерывный показатель острого стресса. Участники также сообщили о своем восприятии хронического стресса.

Склонность к исследованию/использованию была оценена с точки зрения порога выхода к последующему дереву. Как и ожидалось, участники имели более высокие пороги выхода в живописных садах, что подтверждает использование качества окружающей среды для принятия решений. Вне зависимости от условий испытуемые с более высоким уровнем кортизола показали более низкие пороги выхода, чем участники с меньшим стрессом. Для дальнейшей интерпретации результатов пороговые значения выхода сравнивались с оптимальным порогом выхода, которые могли бы максимизировать вознаграждение. Отклонения от этого оптимального значения были рассчитаны для каждого субъекта и описаны с точки зрения недостаточного использования и чрезмерной эксплуатации. И острый, и хронический стресс были связаны с чрезмерной эксплуатацией.

Основываясь на полученных результатах, американские исследователи предполагают, что стресс приводит к чрезмерной эксплуатации в принятии решений из-за предвзятого восприятия качества окружающей среды,

иными словами люди, находящиеся в стрессовом состоянии, воспринимают окружающую среду как более суровую и враждебную, чем она есть на самом деле. Однако, теоретически существуют и другие механизмы, влияющие на поведение при принятии решений. Так, например, стресс склоняет людей к бездействию, а не побуждает к активности. Серия исследований, проведенных командой немецких ученых, показала, что стресс препятствует активности независимо от того, нужно ли участникам действовать, чтобы получить награду или избежать наказания. Второй вывод, к которому пришли авторы, заключается в том, что стресс смещает внимание и когнитивный фокус от будущего к настоящему времени. Предвзятость, ориентированная на настоящее, может уменьшить объем исследований во время поиска решения.

Возвращаясь к ранее озвученному эксперименту, где перемещение между садами и деревьями представляет собой действие, общая склонность к бездействию объясняет тенденцию стрессированных участников оставаться на одном участке, а не переходить на новый.

Другой потенциальный механизм, с помощью которого стресс может влиять на поведение исследования/использования, — это снижение когнитивной гибкости, чему способствует префронтальная кора. Полноценное исследование требует когнитивной гибкости, это связано с необходимостью обновлять представления об окружающей среде. Напротив, оставаться на одном месте дольше, чем это оптимально, может быть формой персеверации, связанной со стрессом. Безусловно, префронтальная кора очень чувствительна к стрессу. Острый стресс приводит к высвобождению глюкокортикоидов, которые, в свою очередь, снижают функцию префронтальной коры. Хронический стресс также связан со снижением префронтальной функции, поскольку стабильно высокие уровни глюкокортикоидов вызывают ретракцию дендритов. В то же время хронические стрессоры усиливают контроль миндалевидного тела над префронтальной корой, облегчая ориентированность на привычки и персеверацию. Таким образом, как острые, так и хронические стрессоры приводят к нарушению префронтальной функции и увеличению зависимости от лимбических структур для принятия решений. Эта измененная функция мозга снижает когнитивную гибкость и увеличивает настойчивость, что может привести к более высокому уровню эксплуатации при принятии решения.

Результаты эксперимента американских ученых совпадают с выводами исследований, в которых изучалось влияние стресса в раннем возрасте на тактику эксплуатации при принятии решений. Авторы сравнили подростков, которые были помещены в детские учреждения в младенчестве, с подростками, воспитанными в домаш-

ней обстановке, во время выполнения задания с вознаграждением. Задание заключалось в том, что каждый запуск воздушного шара мог привести либо к накоплению большего количества очков, либо к потере всех баллов. Подростки, которые выросли вне семьи, «обналичивали» свои заработки раньше, чем группа сравнения, что отражает тенденцию использовать безопасный вариант, а не исследовать возможность получения большего количества баллов. Кроме того, разлука с матерью в младенчестве была связана с меньшими физическими возможностями у испытуемых подростков. Эти результаты коррелируют с представлением о том, что воздействие стресса снижает объем исследования/изучения ситуации.

Представление о том, что стресс мешает организму исследовать различные варианты, имеет важное значение для процессов обучения на протяжении всей жизни. Частично обучение происходит за счет выборки информации из своего окружения: в ситуациях, когда вероятность различных результатов неизвестна, необходимо исследовать различные варианты ассоциаций действие-результат. Если новая информация набирается с меньшей частотой из-за стресса, обучение может ухудшиться. Действительно, недавние исследования показывают снижение способности ассоциативного обучения у подростков, которые подвергались стрессу в раннем детстве.

Наибольшую актуальность получило исследование влияния стресса на мотивированное поведение, в частности потенциальные взаимосвязи между исследованием/эксплуатацией и получением вознаграждения, а также их нейронными субстратами. Эти процессы зависят от перекрывающихся цепей мозга, включая полосатое тело и префронтальную кору. Воздействие стресса глубоко влияет на структуру и взаимосвязь префронтальных и полосатых областей, а тяжелый стресс в раннем периоде жизни связан со снижением ответной реакции полосатого тела на вознаграждение. Более того, как полосатое тело, так и префронтальная кора являются компонентами дофаминергических путей вознаграждения. На сегодняшний день уже имеются данные о том, что стрессовое воздействие изменяет функцию дофамина, хотя воздействие стресса на дофаминовые системы оказывается сложным и может варьироваться в зависимости от типа стрессора. Для более полного анализа необходимы дополнительные исследования в части более систематического изучения того, как различные типы стрессоров влияют на дофаминовые системы и как дофамин, в свою очередь, регулирует исследование и эксплуатацию. Это направление исследований может помочь в лечении расстройств, при которых могут быть

нарушены дофаминовые системы, таких как депрессия.

Несмотря на негативные аспекты стресса, физические и поведенческие реакции на стрессоры эволюционировали, чтобы способствовать выживанию организма. Стресс зачастую ассоциируется с суровыми условиями, в которых исследование вряд ли будет связано с вознаграждением. Неадаптивные последствия стресса возникают, когда существует несоответствие между реакцией на стресс и текущей средой (например, человек ведет себя так, как будто он находится в суровых условиях, когда он находится в благополучной среде).

Важно отметить, что стресс может исказить восприятие качества окружающей среды через механизмы когнитивной оценки. Негативные аффективные состояния, такие как грусть или страх, имеют эффект переноса на оценку, приводя к более негативным суждениям в эмоционально нерелевантных областях. Как острые, так и продолжительные состояния негативного аффекта могут приводить к когнитивным и поведенческим искажениям, которые неоптимальны или дезадаптивны в несоответствующих контекстах. Например, более негативная оценка качества своего окружения (в данном случае, рынка труда) может побудить к использованию неоптимальных вариантов (остаться на рабочем месте с уменьшением отдачи от вложений времени и энергии), а не поиск альтернативы. Неоптимальные модели поведения становятся все труднее преодолевать, потому что они усиливают негативные представления об окружающей среде, подчеркивая тесную взаимную связь между выбранными действиями, и информацией, о среде. Люди с повышенным риском ежедневного стресса (с тяжелым финансовым положением, тревожные или дискриминируемые) и люди, которые испытывают патологические стрессовые состояния, особенно уязвимы для этих эффектов.

Если вспомнить исследование, о котором шла речь в самом начале, и стресс от погружения руки в холодную воду, и хронический стресс повседневной жизни повлияли на принятие решений во время несвязанной задачи по добыче пищи, что привело к отказу от исследования и снижению производительности. Более того, последствия стресса в раннем детстве сохраняются на протяжении всей жизни, потенциально приводя к изменениям в механизме принятии решений, которые препятствуют обучению. Таким образом, стресс оказывает глубокое влияние на принятие решений, но необходимо учитывать также, как определенные типы и продолжительность стресса влияют на различные аспекты мотивированного поведения, такие как оценка вознаграждения, представления целей и ожидания в отношении будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абабков В.А., Перре М. Адаптация к стрессу. - СПб.: «Речь», 2010. - 169 с.
2. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: Пер Сэ, 2006. - 25 с.
3. Брайт, Джонс - Стресс. Мифы, теории, исследования. - СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. - 214-219 с.
4. Гринберг Дж. Управление стрессом. - СПб.: Питер, 2011. С. 128-133.
5. Дикая Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. - 52с.
6. Селье Г. Стресс без дистресса. - М.: «Прогресс», 2009. - 123-139 с.
7. Cohen S, Kamarck T., Mermelstein R. (1983) A global measure of perceived stress. J Health Soc Behav 24:385–396p.
8. Constantino S.M., Daw N.D. (2015) Learning the opportunity cost of time in a patch-foraging task. Cogn Affect Behav Neurosci 15:837–853p.
9. Daw N.D., O'Doherty J.P., Dayan P., Seymour B., Dolan R.J. (2006) Cortical substrates for exploratory decisions in humans. Nature 44:876–879 p.
10. Dias-Ferreira E., Sousa J.C., Melo I., Morgado P., Mesquita A.R., Cerqueira J.J., Costa R.M., Sousa N. (2009) Chronic stress causes frontostriatal reorganization and affects decision-making. Science 325:621–625 p.
11. Frankenhuis W.E., Panchanathan K., Nettle D (2016) Cognition in harsh and unpredictable environments. Curr Opin Psychol 7:76–80 p.
12. Hanson J.L., van den Bos W., Roeber B.J., Rudolph K.D., Davidson R.J., Pollak S.D. (2017) Early adversity and learning: implications for typical and atypical behavioral development. J Child Psychol Psychiatry 58:770–778 p.
13. Lenow J.K., Constantino S.M., Daw N.D., Phelps E.A. (2017) Chronic and acute stress promote overexploitation in serial decision making. J. Neurosci 37:56–58 p.

© Матвеева Евгения Юрьевна (epoteruha@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Новосибирский государственный университет экономики и управления

ЭССЕ О ЛЮБВИ И ВЕРЕ И О ТОМ, КАК ОНИ СООТНОСЯТСЯ СО ЗРЕЛОСТЬЮ ЛИЧНОСТИ

Мачуха Александр Михайлович

Соискатель, Южный Федеральный Университет

aleksandrinfo@bk.ru

Васильева Ольга Семеновна

К.б.н., профессор, Южный Федеральный Университет

vos@sfedu.ru

ESSAYS ON LOVE AND FAITH AND HOW THEY RELATE TO PERSONAL MATURITY

**A. Machukha
O. Vasilyeva**

Summary: The article presents the results of a study whose relevance lies in a number of unresolved issues of the phenomenon of personal maturity, which acts as one of the most important indicators of its construct, characterized by the ability to self-disclosure, experience intimacy, which in General can be understood as the ability to love. The analysis of the literature and the form of presenting its results allowed us to reflect the author's understanding of the phenomenology of love, which is presented in many aspects in the works of a number of researchers.

Keywords: personal maturity, love, faith, morality, empathy, self-restoration, self-development.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования актуальность которого заключается в ряде неразрешенных вопросов феномена личностной зрелости, выступающей в качестве одной из наиболее важных показателей ее конструкта, характеризующегося способностью к самораскрытию, переживанию интимности, что в целом может быть понято как способность любить. Анализ литературы и форма предоставления его результатов позволили отразить авторское понимание феноменологии любви, многоаспектно представленное в работах ряда исследователей.

Ключевые слова: зрелость личности, любовь, вера, нравственность, эмпатийность, самостановление, саморазвитие.

Введение

В наиболее ёмких, на наш взгляд, работах по изучению феномена личностной зрелости [3, 9, 10], в качестве одного из наиболее важных показателей ее конструкта, прямо или косвенно, говорится о способности человека к формированию широких и позитивных связей с миром, его способности к самораскрытию, переживанию интимности, что, в целом, при обобщении может быть понято как способность человека любить.

Однако уже предварительный анализ литературы по психологии и философии любви позволяет обратить внимание на ряд особенностей понимания этого явления. Во-первых, публикаций, так или иначе касающихся проблематики любви сравнительно немного; во-вторых, большинство из опубликованных работ как бы «обкатывают» и вновь переосмысливают уже имеющееся ее понимание, и все это не позволяет хоть сколь-либо «закрыть» тему в завершенности ее предмета анализа. И хотя и выдвигаются какие-то идеи, как например, связать любовь с теорией А.А. Ухтомского о центрах возбуждения. [6], и это уже выглядит, на наш взгляд в достаточной степени спекулятивным, т.к. уже сам создатель теории обращал внимание на постоянное наличие какого-либо очага возбуждения в коре мозга (мы мыслим, и уже это означает наличие доминаты) [5]. Иные, пролонгирующие свои идеи в исторический ракурс авторы, предлагают, например, усматривать корни любви мужчины к женщине как попытки компенсировать «дань» женщине

за тысячелетнее над нею рабство [2]. Однако здесь хочется заметить, что женщина и в древнем обществе (как например, Древняя Греция и Древний Рим [8] не выполняла роль рабыни, она просто была «иной», контакта с ней и боялись, и считали такой контакт достаточно «нечистым» (и основания здесь во многом достаточно психологические: как дала жизнь (родила), так может и может ее и отнять (vagina dentate), женщина имеет иные возможности фертильности и вступления в сексуальный акт (регулы, факт беременности), чем мужчина и ее естественные физиологические проявления многими культурами нередко считались нечистыми; ей не давали возможности образования уже потому, что общество было специфически мужским, ориентированным на экспансию, и в этой связи женщине в основном отводили детородную функцию, а также можно выделить еще целый ряд причин относиться к женщине как к «иной», но не как к рабыне); у древних семитов отношение к женщине было фактически таким же, как и к мужчине, хотя это так же были два разных (мужских и женских) мира, но именно евреи и почитали женщин, и весьма были позитивно настроены на секс, где, однако, и у них он имел множественные ограничения [4]. Да и в средневековом конкубинате Европы от женщины далеко не всегда требовали сексуального подчинения и не всегда обязывали ее более тяжелой работой, чем других домочадцев.

В то же время анализ литературы позволяет выявить и весьма интересные работы со вполне жизненными, интересными философскими и психологическими наблю-

дениями, однако мы не ставим целью их обобщать, и, по сути, в этой связи избрали не совсем научный стиль повествования – эссе, в котором попытаемся отразить свое понимание феноменологии любви, избегая, однако, не всегда опирающихся на «философию жизни» так широко цитируемых идей Э. Фромма о «дающей» зрелой любви (как именно всего этого достичь в обыденной жизни среднестатистическому человеку?) и идей В. Франкла о заботе как высшем смысле (и здесь мы придерживаемся того убеждения, что «бог в мелочах, а дьявол в крайностях») (приписывается И.В. Гете), ведь известно, что «дающей заботой» можно испортить любого ребенка, если эта забота неразумна). Другая причина, почему мы прибегли к стилю эссе, кроется в самом феномене любви: то, что мы горячо доказываем сегодня, рассуждая о любви, уже завтра нами воспринимается с некоторым сомнением, а еще позже и вовсе мы готовы отказаться от обсуждения этой темы. Само же слово «любовь» подразумевает под собой так много объектов (от возвышенного до пошлого), что введение этого понятия в дискурс может иметь рамки от поэтического до анекдотического, от академического до кухонного (и здесь иногда уместного песенное «о любви не говори, о ней все сказано»), но парадоксальным является профанный язык любви: фраза «я тебя люблю» звучит и как признание, и как открытие, и как всеобъемлющее и всевыражающее смысл дальнейшей жизни, и как приговор.

Однако забегая наперед, мы бы хотели обратить внимание на два постулата, которым мы будем придерживаться.

Во-первых, мы считаем заблуждением считать противоположностью любви ненависть: любовь и ненависть – это полюса одного и того же явления, в пользу которого можно сказать, что все «разведенки» знают, что «половинка», от которой мы отказались, будет чуть ли всю жизнь привлекать наше внимание, как минимум проявлением нашего интереса к ее жизни «без нас». Противоположностью любви, согласно нашей точки зрения, является безразличие, ибо только оно снимает любовь эмоциональную пристрастность к человеку, и прежде всего в этом контексте мы понимаем христианскую заповедь любви к ближнему, а именно – не проявлять безразличия, по крайней мере, к тем людям, которые, так или иначе, оказываются вблизи «орбиты нашей жизни». Любовь же очень энергозатратна, и при всем нашем старании, будь мы хоть тысячи раз честны, мы оказываемся не в состоянии «одарить» своей любовью всех на свете (но иметь установку ненасилия даже в мыслях – мы способны).

Второй постулат отражает фактически две, на наш взгляд, формы или вида существующей человеческой любви, имеющей два принципиально разных источника: «любви снизу» и «любви сверху». «Любовь снизу» – это совокупность тех характеристик и проявлений любви,

которые в человеке формируются на стыке биологического и социального (а в человеке именно на стыке того и другого). «Любовь сверху» – это любовь, исходящая из духовности, из смыслов, из возвеличения Другого и нахождения ценности и смысла в «ино-» (иное, чем только мое) существования, в трансцендентном, и это сближает любовь к богу и любовь к Человеку в признании за ним Личности и Исключительности.

Попробуем сначала развести эти явления (любовь «снизу» и «сверху»), а потом их объединить, отдавая, по мере своих возможностей, внимание «деталям», и это, на наш взгляд, и сможет позволить нам понять суть и место любви в контексте вопроса зрелости личности.

Теоретический анализ проблемы исследования

Сегодня уже вряд ли найдется психолог, отрицающий важность идей психоанализа в психологии развития. Стихли также и критические замечания по поводу избыточной биологизации психоанализом человеческой природы, так часто слышимые и со стороны отечественных, да и ряда западных авторов, особенно представителей гуманистической психологии, часто желающих видеть человека как стремящегося только к своим высшим проявлениям, и считавшим, что все «эти невротические колебания» лишь признак незрелости, которые должны закончиться с наступлением если не пубертата, то уже юности несомненно (В. Франкл, А. Маслоу и др.).

Напомним, что, согласно психодинамической концепции, ребенок в своем развитии с момента рождения и до 5-6 лет проходит стадии психосексуального развития: оральную, анальную, уретральную, фаллическую (эдипальная фаза) и латентность (6-7 лет). Каждая их фаз имеет специфические проявления, обусловленные сочетанием одновременно биологического созревания организма ребенка, а также психологической спецификой объектных взаимоотношений («объектных» от кляйнианской идеи интроекции частичных объектов: вначале груди, затем, постепенно частичной интроекции психических проявлений ухаживающего объекта), реализуемых, с одной стороны, через субъектность самого ребенка, с другой стороны – через особенности поведения ухаживающего объекта (родителя или лица, выполняющего его функцию). При этом помимо матери ребенок уже достаточно рано начинает формировать свое отдельное отношение и к другим членам своего близкого окружения, особенно отцу, если он в нем присутствует.

Каждая из фаз психосексуального развития имеет свои множественные проявления, причем по мере развития психоанализа, и, благодаря, начиная от идей его «отца-основателя» З. Фрейда, и, включая сегодняшних и практикующих, и, по сути, психоаналитиков-философов, все больше и глубже осмысляющих и теорию психоанализа, и вклад в нее психоаналитиков-практиков,

признаки проявлений каждой фазы развития все более накапливаются, и касаются они и физических проявлений, и психологических, и проявлений, реализуемых в поведении, и на стыке физического и психического, т.е. имеющих соматическую, но психогенную природу.

Так обобщающими признаками орального характера могут выступать поведенческая несамостоятельность, зависимость от отношений и, в принципе, вообще широкий спектр зависимого поведения, в том числе нервные анорексия и булимия, а также желание «уйти от мира» (или его исказить, «приукрасить») посредством химических зависимостей. Некоторые психогенные кожные заболевания и заболевания легочной системы, а также некоторые виды аллергических реакций, астму, иногда связывают с оральной фиксированностью (оральность – это еще и контакт тела, ведь в норме мать часто прижимает ребенка к своему телу, обеспечивая ему необходимое тепло и ощущение защиты, а страх может вызывать ощущение нехватки воздуха). Существенная часть заболеваний желудочно-кишечного тракта также может быть психогенной и связанной с нарушениями отношений в период оральности.

Особенностями анального характера еще со времен З. Фрейда считается стремление к чистоте и порядку, что связывается в общем с тем, что это фаза приучения ребенка к горшку, к навыкам чистоплотности. Однако при этом подразумевается, что ребенок колоссальным образом отличается от взрослого, и самые большие его ценности еще находятся в нем самом; самая большая его ценность это он сам, и он еще не отличает телесное от психического, для него они едины, и его тело в этом ключе его фактически единственная обладаемая им ценность. Но ценностью тогда становятся и производимые телом выделения. Ребенок приходит к выводу, что, сдерживая и выдавая каловые массы в определенное время, он совершает «социально полезную работу». Примерно в русле этой детской логики в анальную фазу развития укладываются и чистоплотность, и бережливость, и агрессивность (ребенка нередко удерживают на горшке с применением определенного усилия). И максимальными в этом русле проявлениями такого характера могут быть жадность, садизм, навязчивое стремление к порядку. Но ведь другим вектором проявлений же анального характера может выступать и неряшливость, и расточительность, и мазохизм («если ты сейчас не покакаешь (или не поешь), я тебе точно врежу (или «брошу» с балкона)»). Мое терпение лопнуло!»).

Типичным для анального характера также считают стремление считать буквально все, и вот уже знак как символ приписывают именно анальному характеру. И в этом ключе для верующего человека с таким характером Бог где-то в глубине души предстает неким бухгалтером, подробно фиксирующим и все его добрые дела, и все прегрешения. При этом и самые распространенные ком-

пульсивные типы характеров («уходить» в работу, чтобы избавиться себя от тревог и страхов, и здесь уже не так важен результат работы, сколько сам ее процесс), и весьма распространенные обсессивные типы характеров (постоянно что-либо обдумывать) относят к анальной фиксированности (логикой обсессивного обдумывания может быть, например, следующее: «как же мне сделать так, чтобы не оказаться наказанным, но при этом получить желаемое?!»).

При этом, как уже было сказано, все новое и новое осмысление вариантов человеческого поведения, производимое различными авторами, выводит в свет новые понимания особенностей проявлений характеров, на которые ранее не обращалось внимание или которое легко соотносились совершенно с другими явлениями. Так В.П. Руднев [7, с.49] совершенно в ином ракурсе, чем это можно представить, рассматривает характер Дона Жуана в аспекте постоянной смены женщин (казалось бы фаллическое самоутверждение, истекающее из эдипальных отношений), считая его характер компульсивным (или обсессивным, что, однако, не делает больших различий для обсессивного и компульсивного характеров). Смена партнерш для Дона Жуана, по В.П. Рудневу, сродни коллекционированию, свойству, столь типичному для обсессивно-компульсивных характеров.

Но если это так, то и сексуальные отношения для каждого типа характеров очень различны, и если для орального типа, не акцентируя особое внимание на поцелуях и характерных типах также именуемого типа контакта, это, прежде всего, объятия и прижатия, то для анального типа характер это и определенная фиксированность (или полное избегание как отрицание) соответствующего коитуса, но и в той или иной мере причинение насилия (себе или партнеру) как минимум в фантазии.

Итак, мы видим, что лишь приблизившись и только прикоснувшись к двум типам характеров, постулируемых психоанализом (оральном и анальном, на деле же их в каждом типе несколько, депрессивный или гипоманиакальный, шизоидный в оральном, и т.д., а в жизни мы всегда имеем дело с сочетанными характерами), мы сталкиваемся с широкой вариативностью их проявлений. И здесь также можно выделить целый ряд особенностей и развития, и воспитания, которые очень трудно обойти. И прежде всего, это сама специфика телесной фиксированности психологического онтогенеза человеческого ребенка (самого длинного и сложного для всех млекопитающих). Так на оральной стадии минимальные биологические требования ребенка в пище, тепле и безопасности, которые по-разному могут обеспечиваться различными вариантами ухода за ним. При этом каждый ребенок имеет свои врожденные особенности, и рожденный младенец с сильной соматической организацией и сильной нервной системой будет обладать большей фрустрационной устойчивостью, а без фрустрации по

различным поводам не могут обойтись никакие отношения. Другой «подветренной» стороной отношений, но формирующих сильные «ветренные потоки», является мать ребенка, тоже живой человек, имеющий в той или иной мере ограниченный опыт поведения во всех жизненных сферах, и, прежде всего, в уходе, и, вообще, в отношении к ребенку (особенно если это первенец). Получивший ту или иную психологическую травму в оральной фазе своего развития ребенок имеет все шансы получить ее и на последующих фазах, уже потому, что травма вызывает негативное эмоциональное возбуждение, и это уже вариант искажений восприятия мира с одной стороны, и вариант для развития самых разных фрустраций у матери и других воспитывающих его лиц с другой. С другой стороны, вызывающая негативный опыт мать в оральной стадии развития ребенка (по ряду причин: из-за своей недостаточной эмоциональной устойчивости, недостаточности опыта и т.д.), это *все та же* мать с поведенческими «сбоями», которая будет присутствовать в жизни ребенка и дальше. Из этого вытекает и та особенность ситуации, состоящая в том, что воспитывают ребенка далеко и далеко не идеальные люди, имеющие свои «дефекты» развития (не считая текущих различных «трудностей» жизни), но здесь также есть две особенности для взрослой жизни: во-первых мы все «макареники», т.е. «не нужно меня учить воспитывать моего ребенка; меня же воспитали мои родители, и я неплохо живу; ну, может, и были какие-то ошибки, но все же со мной все нормально!»; во-вторых, каждый из нас имеет в своем характере невротическое зерно (и хорошо, если это не ядро), но обращение к которому извне вызывает у нас бурную реакцию (негодование и обиду: мы бережем его как зеницу ока, и прежде всего потому, что, не то что, что не хотим его замечать, но потому, что не знаем как исправить ситуацию; иначе говоря, если бы знали, то жили бы по другому). Как следствие, с одной стороны, в семье идет трансляция из поколения в поколение пре- или невротической патологии (иногда и более глубокой), с другой стороны – всегда есть риск формирования новой.

Простой жизненный пример, коих каждый из нас может привести множество. Одним из целого ряда проявлений характера уже не слишком молодой женщины (44 года) является особенность не тушить ночью свет в квартире, где она спит, и, зачастую, не выключать телевизор (причины включенного света и не выключенного телевизора ею всегда рационализируются). Характер женщины достаточно сложный и сочетанный, помимо фобичности и не явной параноидности, здесь также можно выделить некоторую сензитивность, лабильность, но что также немаловажно – ее рентность в отношениях с мужчинами, которых помимо мужа (после развода) было не слишком много, но они были, и лишь последний мужчина задержался более чем на три года (женщина никогда не работала и занималась хозяйством, и, нужно признать, достаточно охотно). Следует отдать должное тому, что эта женщина очень любит своих детей, а их двое. Стар-

ший сын два года назад получил диплом бакалавра по технической востребованной специальности, но по профессии работать не стал. Младшая – девочка, которой сейчас 9 лет, и именно ее касаются два замечания, на которых мы бы хотели обратить внимание. Примерно год назад наша героиня (мама) поведала в прочем разговоре вест о том, что ее дочка спит со сформировавшейся семейной парой в одной комнате и так или иначе не единожды была свидетелем постельных сцен с участием мамы, но на обращение соседкой внимания мамы на это обстоятельство наша героиня заметила, что «она еще ничего не понимает». Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание, это постоянные окрики мамы с балкона (3-й этаж) в адрес дочери, играющей с детьми: «Кристина, ты где?», «Кристина, ты внизу?», «Кристина, а с кем ты?», «Ты же никуда не ходи!» и т.д. Понятно, что мама очень любит дочь и очень боится ее потерять. Однако уже краткое наблюдение за девочкой показывает, что девочка очень подвижна, эмоционально востребована и сверстниками, и более маленькими детьми, и, в первую очередь, мальчиками, но она уже в разговоре с мамой постоянно перескакивает с тему на тему, и это уже может свидетельствовать о постоянном вытеснении ребенка. Не будучи слишком сензитивной, как ее мать, и не испытывая таких параноидных страхов как она, чем может решить проблему материнского контроля и своей несамостоятельности девочка? Бунтом ранней сексуальности (т.е. началом половой жизни как можно раньше)? Ведь потенциально истерический характер уже сформирован. Это один из многих примеров трансляции патологии отношений через патологию характера в поколениях, и, при этом, мать проявляет исключительную любовь и заботу к своим детям.

Ниже мы представим собственную концепцию понимания двух форм любви, основанную на принятии нами как классической традиции объектных отношений (М. Кляйн и О. Кернберг), так и лакановской идеи Другого, и также на идее Д. Винникотта о промежуточном объекте.

Мы считаем, что можно выделить лишь два вида любви (к ближнему): любовь-обладание (в целом – как вещь) (холдинг) и любовь-расширение (своего Я) (в контексте экстенсивности), всегда подразумевающая Другого как отдельную Личность (и в концепции Ж. Лакана Другого именно следует понимать как Личность, как психическое образование, и никогда как Тело). Агрессию же следует понимать как агрессию, направленную на обладание (удержание), и агрессию, направленную на разрушение. Агрессивное обладание в сексе (женщиной) близко к любви-обладанию, но в любви-обладании все же так или иначе присутствуют признаки личности (в аспектах персоны или индивидуальности) сексуального объекта, и здесь именно отношения, начавшиеся изначально только как сексуальные, могут на какое-то время переходить в разряд влюбленности (очарованно-

сти) объектом, но и в таких фантазмах присутствует не личность партнера, а его «сома», сопряженная с индивидуальностью-персоной, пока эти отношения не перерастают в действительную влюбленность, если партнер удовлетворяет ожиданиям субъекта сексуальных отношений, и здесь постепенно отношения все более и более «обрастают» расширением (дружба – это расширения Я за счет личности Другого, влюбленность – это гиперрасширение за счет фантазма «объединения» личностей, и, при этом, личность объекта влюбленности приобретает черты позитивной гиперинфляции за счет приписываемых ей положительных черт и ожиданий), либо отношения сходят на нет, т.к. привязанность была сформирована лишь на очаровании его тела, сексуальном голоде субъекта и его ожиданиях и проекциях, и длительность такой очарованности обусловлена в основном способностью субъекта избавляться от своих иллюзий. Агрессивное обладание объектом может чаще всего носить черты садизма; это может быть дичь, подстрелянная на охоте; это выигранная сделка, в которой проигравшая сторона – средство или поверженный оппонент; это вспаханная земля, сделанное дело и т.д., но всегда «добыча» неодушевляется, хотя всегда же здесь присутствует Наблюдатель, даже из числа Жертв, но смысл агрессии-обладания всегда имеет психологическую подоплеку (как минимум – в самоутверждении субъекта). Садизм фашистов подразумевал наблюдателей в других фашистах, в жертвах, а чаще – в лице Смерти: убивая других и наблюдая за их мучениями можно впасть в иллюзию контроля над собственной смертью с целью уменьшения страха смерти.

По своей природе колебания любви-обладания и агрессии-обладания и есть суть профанного человеческого существования, так или иначе себя сублимирующего. Разрушительная агрессия – это и есть то влечение к смерти (переход в Ничто), которые описывают психоаналитики от З. Фрейда, В. Штекеля, С.Н. Шпильрейн и до настоящего времени. В этом смысле деяния фашистов ближе к агрессии-разрушению, но последнее – это уже фактически «билогический» импульс, практически уходящий из области социального.

И здесь можно цитировать: «С.Н. Шпильрейн писала лишь о том, что «инстинкт сохранения вида по своей сути амбивалентен; поэтому возбуждение положительной составляющей вызывает одновременно возбуждение отрицательной и наоборот» [1, с.47]. Она полностью соглашается со В. Штекелем, который также выводит деструктивные тенденции из сексуальности, но не сексуальные тенденции из деструктивности. Она цитирует его слова о том, что «высшее удовлетворение жизнью часто выражается в желании смерти». Однако и здесь нам представляется, что уничтожающая агрессия лишь в своей крайней патологии представляет собой жажду членения трупов или живого тела (что на наш взгляд показывает власть над живым и над мертвым, т.е. всемогущество), но в большинстве случаев «перевод в ничто» начинает-

ся с детского «я тебя убью», что по сути означает «уйди с глаз моих, я не хочу тебя видеть», является средством восстановления (социальной) справедливости (мстью) или в случае направления агрессии на себя (самоубийства) – мстью себе за неудавшуюся жизнь (Э. Фромм), и такое желание смерти самому себе, т.е. финальную точку депрессии, как это показывает А. Лоуэн, является лишь желанием все начать сначала.

Любовь-обладание в первую очередь и в своей основе предметна, но всегда или практически всегда связана с заботой (уходом): цветы нужно поливать, мясные продукты испортятся, если их забыли положить в холодильник, вещи нужно стирать и гладить и т.д. Но (предмет) неживое достаточно легко забыть, выбросить или уничтожить, если этот предмет не стал для нас символом (т.е. мы его отчасти не «оживили», встроив в систему собственных смыслов, а через них – в структуру своих воспоминаний, связанных с чувственной тканью нашего сознания). Забота и уход (за предметами) также связаны с необходимостью оберегать то, что для нас значимо («мило»), т.е. связано с нашими эмоциями и чувствами, и чем эти переживания глубже, тем более дороги для нас эти предметы.

В противовес любви-обладанию выступает любовь-расширение как «раздвигание» границ нашего живого Я с помощью Другого Живого, но это возможно лишь, если мы наделяем Другого свойствами живого (одушевленного) предмета, и это «наделение» начинается с наших эгоцентрических проекций и лишь гораздо позже мы начинаем видеть в другом его индивидуальные характеристики. И это осуществляется благодаря взаимодействию двух механизмов: эмпатии как реализации нашего эмоционального проникновения (первоначально – резонанса) с миром Другого, и образования ментального опыта, в начале как «примеривания» к ситуациям Другого собственных переживаний в аналогичных ситуациях, позже – как совокупности интеллектуально-мыслительного понимания своеобразия индивидуальности Другого, что следует из различных источников познания (обсуждения, разного рода информация о «человеках», собственные наблюдения и выводы, и все это очень часто обрывочно, фрагментарно, мифично, т.е. слабо систематизировано).

Взаимодействие двух механизмов любви – любви-обладания и любви-расширения вкупе с обладанием-агрессией формирует у нас очень широкие возможности для развития личностной патологии.

Однако живыми маркерами любви-обладания и любви-расширения, на наш взгляд, выступают и более глубокие механизмы. Любовь-обладание – это, прежде всего телесный контакт, в то время как знак любви-расширения – ментальность, более область воображаемого. В этой связи мы также хотели бы обратить внимание

на такие интересные явления, как подарок или желание: под подарком мы также понимаем желание побаловать себя, в том числе не только покупкой, но, например, и отпуском. Вначале возникает установка (когда она имеет сколь возможный шанс реализоваться), вызывающее стойкое возбуждение в коре мозга, все более и более усиливающееся, которое снять многие уже не могут. Нам представляется, что схожий механизм имеет и желание (в лакановском понимании). Любая вещь после формирования ее ментального образа в качестве желания, после ее приобретения в начале вызывает стойкое желание тактильного контакта с ней, будь это даже автомобиль, а затем некоторой ментальной проработки, и лишь после рециркуляции того и другого интерес к ней постепенно ослабевает и отношение к ней переходит в ряд отношений обыденного, т.е. эта вещь занимает рядоположенное место с другими нашими вещами, но здесь совершается цикл, включающий в себя работу фантазии, включение фантазии в наше реальное (но наша реальность всегда чувственно-эмоциональна) с последующий символизаций этой вещи. Представляется, что примерно также происходит процесс при неврозе, особенно истерическом: фантазирование объекта – «принца», жизнь с ним и получение разочарования, его обесценивание (отрицательная символизация) и поиск нового. Иначе говоря, подарки для нас, даже сделанные самим себе, в том числе и в виде случайной покупки, имеют смысл символов личностного расширения как недостаточности любви-расширения, что также можно понимать и в случае нашего расширения в случае сенсорной депривации, которую, по сути, следует рассматривать как недостаточность социальных контактов, т.е. присутствия Другого, и материальная вещь, произведенная другими людьми (или даже красоты природы) – это символ расширения (весь окружающий нас мир – «человеческий», «антропийный», и даже находясь на необитаемом острове, и имея при этом собаку или иное сколь развитое по интеллекту животное, мы строим свое общение с ним наподобие человеческого, но всегда имеем внутренний «диалогизированный» монолог, подразумевающий под собой если не обезличенного физически, но конкретизированного в своей ментальности Другого).

В ключе любви-обладания оральная фаза – это решенность или нерешенность прежде всего именно этой проблемы (наполненность или недостаточность обладанием объектом, и, затем, собой). Далее нерешенность вопроса обладания все более переходит в область фантазий, решая или недостаточно решая вопросы расширения, но и обладании есть отдельные моменты, эмоционально отражающие это обладание. Это, как минимум, амбивалентность или однонаправленность импульса (любви и агрессии), а также смешанность переживаний.

При этом со всей очевидностью можно говорить, что чем сильнее внешние или внутренние ограничения, особенно если субъект не может проявлять собственную

активность, тем легче будут возникать фантазии (т.е. чем меньше «обладание», тем более можно ожидать «расширение»). На наш взгляд «сочетанную» работу механизма «обладание-расширение» хорошо отражает поговорка «с милым рай в шалаше»: пока длится влюбленность с максимальным расширением личностей друг друга и полным обладанием друг другом, не требуется ни подарков, как не требуется и других людей.

Любовь-обладание, или, точнее, «отношения обладания» («принадлежности») чрезвычайно распространены явления, прежде всего, в социальных микрогруппах, и к ним могут быть отнесены почти все ролевые взаимоотношения, и родительско-детские, и супружеско-ролевые: они предполагают предписанные нормы социального поведения – «ты (или я) выполняешь(ю) одни определенные функции, а я (или ты) – другие», и это подразумевает вознаграждение (хотя бы в функциях обмена, но в основном – материального). Обладание-агрессия всегда предполагает *использование*, что всегда связано с неравнозначностью платы сторон.

Любовь-расширение (своего Я или Я Другого) изначально предполагает отношение к Другому как к Личности (хотя бы в ее потенции).

В контексте отношений «любовь-обладание» и «любовь-расширение» нами предполагается видимость развития и патологий личности – неврозов и психопатий.

Д. Винникотт делает намек на условия формирования здоровой и нездоровой (в будущем) личности: если либидо и агрессия сплетаются воедино, личность вырастает здоровой, если пути реализации либидо и агрессии не совпадают – «жди» личностной патологии. Еще одно важное замечание Д. Винникотта о промежуточном объекте: (будущие) невротики надолго на нем фиксируются, в то время как (будущие) психопаты и относительно «здоровые» личности проходят этот этап отношений несколько менее замеченным.

По этому вопросу мы бы хотели донести следующие соображения.

Д. Винникотт вводит понятие «достаточно хорошей матери», которое понимается нами не просто в качестве своевременно удовлетворяющей биологические потребности ребенка и создающей ему условия «оптимальной фрустрации», но и обязательно эмпатийной, в целом своевременно «улавливающий» помимо условий для оптимальной фрустрации возможность его соскальзывания в реальную фрустрацию и не допускающей ее глубокого переживания. Чрезмерно заботливая мать инфантилизует ребенка и своим предвосхищающим удовлетворением потребности провоцирует условия для формирования у ребенка некоего присутствия «идеального бога» как магического удовлетворителя

всех чаяний ребенка. Этим закрепляется вынесенное идеальное Я ребенка в форме существующего Другого, через обладание которым с последующим лакановским запросом к Другому в любой речи как запросу о любви, а в первые месяцы жизни – в манипулировании ребенком матерью как объектом его желания (можно бросать игрушку, и мать ее будет всегда подавать; можно капризничать и ждать, когда мать будет перебирать все аспекты удовлетворения невыясненных детских запросов и т.д.), и здесь образуется зыбкая грань, когда манипулирование ребенком матерью приведет к инфляции его только зарождающегося Я, т.е. к идеализации самого ребенка и частичному обесцениванию матери, но, тем не менее, к усилению чувства всемогущества ребенка, либо к частичному обесцениванию себя и идеализации матери, особенно если удовлетворение детских запросов парциально и не всегда детерминировано содержанием самого этого запроса (например, у ребенка пучит живот, а его поят водой или баюкают).

Особое место занимают детские страхи, часто обусловленные непониманием матерью его истинных запросов, но особое место в детских страхах имеет страх смерти, что чаще всего, с нашей точки зрения, проявимо у болезненных и депрессивных детей, «зараженных» (чаще послеродовой) депрессией матери, и именно эти дети испытывают страхи, часто именуемые в психоанализе страхом поглощения («вагина дентата»).

Ребенок, реализующий в будущем паттерны достаточно зрелой личности, в своих контактах с матерью помимо любви-обладания уже имеет опыт и любви-расширения, т.е. мать относится к нему уже в достаточной мере эмпативно, подразумевая в нем как минимум индивидуальность и ориентируя себя видеть в нем и дальше отдельную самостоятельную личность, вероятнее всего обладающую отличительными от всех других людей уникальными характеристиками. Именно эмпативность матери и ее индивидуальность в отношении к ребенку позволяют ему минимализировать переживание им фрустрации по поводу ее (матери) временной потери (удаления), чему способствует оставляемый матерью ребенку промежуточный объект, и здесь он оказывается именно таким, каким его описывает Д. Винникотт одновременно принадлежащим ребенку и не принадлежащим ему, принадлежащим и внешнему, и внутреннему миру ребенку (его ощущениям) (а как показывает в частности В.Н. Руднев, а также ряд других философов, нет смысла разделять наше восприятие мира на внешнее и внутреннее, т.к. по общему счету оно все внутреннее), одновременно живым и неживым. Ребенок не боится оставаться наедине с этими мирами, т.к. они все для него «устойчиво живые».

«Будущий невротик» более воспринимает промежуточный объект как живой, и этот внешний мир, к кото-

рому принадлежит промежуточный объект, для него более живой, чем он сам, и этот ребенок испытывает постоянную нужду во внешних «живых» объектах, потому что уже почти априорно у него существует внутренняя опустошенность как следствие его самообесценивания. Отсюда постоянный запрос о Другом как более живом объекте у невротика. Отсюда и постоянная необходимость в «промежуточных объектах», столь свойственная невротикам и столь характерная для них привязанность к отдельным вещам (и событиям) как знакам их памяти.

Для «будущего психопата» привычны только отношения обладания: его могли задаривать игрушками, но это всегда откуп от неумения искренне проявить эмпатию, т.е. любовь-расширение. Для них промежуточный объект всегда «мертвый», это только вещь, какой в своей основе является, и он сам, и ухаживающий за ним объект. Специфично и отношение уже «рождающихся» бодерлинов к промежуточному объекту в более позднем детском возрасте – агрессия. Как итог, одни психопаты могут проявлять себя крайне аскетично («зачем другие объекты, если они «мертвые» и не несут в себе тепла»), и этим же может быть отчасти объяснено и современное потребительство: всякая новая купленная вещь подразумевает в себе социальную ситуацию ее использования, в основном обслуживающую нарциссизм или ментальный образ приписываемой субъектом иллюзорной роли, но эту вещь легко «убить» – забыть о ней временно или навсегда, подарить или отдать другому, вообще уничтожить; продукты питания мы просто уничтожаем, съедая, но во всех случаях с вещами мы также реализуем и ряд других психологических механизмов, однако показательно то, что до конца XIX в., т.е. до эры технической революции, когда для успешности производства массовых продаж продукции производства начала активно использоваться мода, одежду носили до тех пор, пока она окончательно не становилась ветхой, и здесь со всей очевидностью объективно было понимание одежды, с одной стороны, как продолжения своего тела, с другой – как «живого» продукта индивидуального производства, в который ее производитель «вложит душу».

И еще несколько замечаний. Для многих из нас переживание счастья сводится к неравной схеме сложения и получения: получать больше, чем вложено. Жизнь устроена так, что мы не только находим, но и теряем: близких, здоровье, жизнь. В своей ориентированности «иметь», т.е. обладать мы ориентированы в будущее, но этим мы фактически ориентированы материально. Лишь те, кто имел серьезные потери, в серьез начинают оценивать жизнь сегодня, почти телом ощущая, что Жизнь во всех ее проявлениях (в витальности простого проживания, и проживания рядом с нами любимых нами людей и всех живых существ, сотворенного и сущего) дадены единожды и эту даденность можно ощутить лишь в текущем переживании. Будущего нет, потому что оно не определено

и может в любой момент рухнуть вне нашей воли. Прошлое тем более нет, потому что оно миновало, его нельзя вернуть и его невозможно исправить. Синдромальное проявление нашей зависти к нашему же неумению жить и здесь, и сейчас – это идеалистичное представление о боге, не имеющем тело и сущем вне времени, т.е., что явно, всегда во здесь-и-сейчас. Так может нам проще учиться именно жизни в здесь-и-теперь, и это и оформит нашу память не энграммами, а дорогими нам воспоминаниями, продлит нашу жизнь в будущее, потому что она прекрасна и подлинна, и не страшно, что мы смертны? И в этом ракурсе жизни «сейчас» мы не будем так стремиться «пристроить» своих детей, потому что будем уверены в том, что и они честны и нравственны, как и мы сами, а иные пусть сами отвечают за собственные поступки если не перед Богом, то хотя бы перед совестью?

Но жизнь оказывается гораздо более сложной, и в этой связи и любовь, и зрелость личности, и ее нравственность, и ее чистота имеют и временные (в смысле принадлежности к определенной исторической эпохе и конкретным событиям в ней), и вполне конкретные для собственного выбора особенности измерения, а в общей своей основе для конкретного человека – особенности экзистенциального выбора.

Выводы

Как вывод: на наш взгляд именно зрелость личности создает условия для зрелой любви, но зрелость личности могут обеспечивать условия зрелой любви в первичной семье, но и здесь вероятны сбои в силу ряда причин (уже из-за недостаточности знаний и интуиции у родителей), однако зрелость личности как процесс ориентированного (выбранного) самой личностью самостановления и саморазвития в условиях нерешенности проблем развития – это процесс во многом проб и ошибок, и тогда зрелая любовь такого человека – это тоже процесс проб и ошибок, но здесь могут иметь применение определенные рекомендации: терпимость к ошибкам другого, желание их исправить с нежеланием ему травмы (но без душевной боли это почти невозможно), поддержка и вера в его желание (и полная уверенность в этом для себя) быть рядом. Есть и еще ряд важных условий: понимание единственности и неповторимости имеющихся отношений, верности данному слову. Так, Иван, Семенов сын, герой фильма «Монах и бес», на слова «Уходит от нас!», сказанные в контексте невыполнимости задания об очистке запущенного колодца, ответил: «колодец же пойдет за мной». Таким образом, невыполненная взятая на себя обязанность будет нас преследовать (а это честность долга перед собой), и ряд других, по сути, определяемых категорией «нравственность».

ЛИТЕРАТУРА

1. Вагин Ю.Р. Теория деструктивного влечения Сабини Шпильрейн. // Суцидология. 2012. №1. С.43-49.
2. Весельева К.В., Юрченко Е.О. Феномен любви в историческом контексте. // Материалы Международной молодежной научной конференции. Ответственный редактор Горохов А.А. 2013 Курск: ЗАО «Университетская книга». 2013. С.272-275.
3. Дерманова И.Б., Манукян В.Р. Личностная зрелость: к определению психологического содержания. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: психология, социология, педагогика. 2010. №4. С.68-73.
4. Люкимсон П., Котлярский М. Евреи и секс. Аудиокнига. [Электронный ресурс] URL: <https://knigiaudio.org/> (дата обращения 27.01.2019)
5. Мальчева С.П. Учение о доминанте А.А. Ухтомского: значение для современной науки. // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. Хабаровск: Изд-во ДГУПС. 2017. Т.1. С.335-341.
6. Панкратов Н.Н. Смысл любви и настоящая любовь. // Приоритетные научные направления: от теории к практике. Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества». 2016. №33. С.149-167.
7. Руднев В.П. Характеры и расстройства личности. Патография и метапсихология. М.: Независимая фирма «Класс». 2002. 272 с.
8. Сейдгазов М., Чугунова Т., Русаков В. Фаллос как член общества. Аудиокнига. [Электронный источник] URL: <https://knigi-audio.com/> (дата обращения 05.06.2019)
9. Скворцова Л.Л. Индивидуально-типологические особенности имплицитных концепций личностной зрелости. // Вестник Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова. Серия С: психолого-педагогические науки: педагогика, психология, методика. Могилев (Беларусь). Изд-во: МГУ им. А.А. Кулешова. 2020. №1(55). С.76-83.
10. Скворцова Л.Л. Сравнительный анализ имплицитных концепций личностной зрелости. // Зборнік навуковых прац акадэміі паслядыпломнай адукацыі. Минск: Государственное учреждение «Академия последипломного образования». 2016. №14. С.380-395.

© Мачуха Александр Михайлович (aleksandrinfo@bk.ru), Васильева Ольга Семеновна (vos@sfnedu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МЕТОДА НАРРАТИВНОГО АНАЛИЗА И ЕГО РОЛИ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Мясникова Зоя Вячеславовна

Аспирант, Тихоокеанский государственный университет
myasnikovazoya@yandex.ru

SCIENTIFIC-THEORETICAL CONCEPTUALIZATION OF THE NARRATIVE ANALYSIS METHOD AND ITS ROLE IN PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

Z. Myasnikova

Summary: The method of narrative analysis as an interdisciplinary area is discussed in the article. The approaches of various researchers to theoretical and practical aspects of narrative analysis were studied by the author of the article.

The aim of the article lies in learning of narrative analysis method, defining its important role in psychologist's advisory practice.

The functions of narrative analysis were defined there by the method of system analysis of scientific sources/

Work practice with narrative data was analyzed there. It helped to reveal methodological difficulties in the process of interpretation of analysis results.

The kinds of narrative analysis were considered. Among them there are biographical narrative interview, structured interview and others.

In the conclusion the author defined narrative analysis as a deep, creative process, which requires a researcher to be highly competent specialist.

Keywords: narrative, narrative analysis, method, experience, life way, interview, psychology of personality, narration, processing of results, interpretation.

Нарративный анализ (от англ. narrative – описательный, повествовательный) как инструмент для определения идентичности личности уже давно привлекает внимание исследователей гуманитарного поля. Нарративный подход представляет собой междисциплинарную научную область, которая начала свое развитие в рамках литературоведения, философии, социологии, истории, и выполняет преимущественно описательную функцию. Иными словами, автор через текст доносит до читателя идею своего произведения, а читатель интерпретирует ее через свое восприятие. Впоследствии нарратив стал широко использоваться для осмысления нехудожественных текстов, в которых в центре проблемы – личность и ее идентичность.

Следует подчеркнуть, что нарратив чаще используется в психологических исследованиях, в связи с чем важно осмысление потенциала данного понятия для психологии. Это требует глубокой проработки имеющегося

Аннотация: В статье рассматривается метод нарративного анализа как междисциплинарная научная область. Автором были изучены подходы различных исследователей к теории и практике нарративного анализа.

Цель статьи заключается в исследовании метода нарративного анализа, определении его важной роли в консультативной практике психолога.

Методом системного анализа научных источников были обозначены функции нарративного анализа.

Была проанализирована практика работы с нарративными данными и выявлено наличие методологических сложностей при интерпретировании результатов анализа.

Были рассмотрены виды нарративного анализа, в числе которых – биографическое нарративное интервью, структурированное интервью.

В качестве выводов автор определил нарративный анализ как глубокий, творческий процесс, требующий от исследователя высокого уровня компетенции и времени.

Ключевые слова: нарратив, нарративный анализ, метод, опыт, жизненный путь, интервью, психология личности, повествование, обработка результатов, интерпретирование.

научно-практического материала. Если рассматривать нарративную психологию в качестве отдельной области психологии, то невозможно не признать, что это современная, активно развивающаяся научно-исследовательская сфера.

Разные ученые, занимающиеся исследованиями в данной сфере, по-своему трактуют нарратив. Одни в своих работах пишут о нарративном методе, другие – о нарративной парадигме, нарративном подходе, нарративном анализе, нарративном интервью и нарративном принципе. Такое многообразие смыслов, вкладываемых в данную научную категорию, свидетельствует об отсутствии единого понимания ее теоретической составляющей и сложностях, которые возникают с применением нарратива на практике. Интерес, который ученые проявляют к категории нарратива, заключается в смысловом содержании жизненного опыта личности и способах его конструирования.

Научные труды У. Джеймса, Т. Сарбина, Дж. Шоттера, Р. Харре, Дж. Бруннера, К. Мюррея выступают в качестве ключевых источников нарративного подхода в психологии. В понимании исследователей нарратив позиционируется как культурно-востребованная форма переживания времени, структурирования и упорядочивания личностного опыта, через который становится очевидна реальность жизненных событий.

Так, Р. Харре называет нарратив важным конструктом, который позволяет личности структурировать понимание себя и своего жизненного пути [5]. Дж. Бруннер придерживается исследовательской позиции, согласно которой нарратив передает понимание того, как субъекты взаимодействия выстраивают коммуникацию [1]. Т. Сарбин определяет нарратив как рассказ о природе человеческого поведения, когда люди в процессе анализа собственного опыта упорядочивают его, опираясь на свои жизненные истории и истории других людей [5]. К. Мюррей воспринимает нарратив как повествование истории и, в частности, истории своей жизни, где отражаются изменения качества опыта (детство, юность, зрелость) и связанные с этим переживания времени, памяти [2].

Есть среди исследователей нарративного подхода и те, которые считают неправильным выделять нарративную психологию в качестве отдельного научного раздела как социальную, возрастную, общую психологию. Так, по мнению Эллиот Мишлер, следует избегать осмысления нарративного подхода изолированно по дисциплинарным категориям [3]. На наш взгляд, такая позиция справедлива по отношению к нарративу, который по определению является междисциплинарной областью.

Традиционно сторонники нарративного подхода разделяют его на два теоретических направления. Согласно первому направлению, личность понимается как текст, а понимание личностью себя самой тождественно пониманию текста. Второе направление определяет нарратив как самоопределение личности, при котором понимание личностью себя приравнивается к осознанию своей социальной принадлежности. Оба направления поддерживают идею о том, что построение реалистичной картины осуществляется посредством языка, как в письменной, так и в устной формах.

Таким образом, нарратив представляет собой форму переживания времени, структурирования и упорядочивания личностного опыта, инструментарий для понимания и распознавания открывшейся реальности. Нарративный метод позволяет личности погрузиться в проработку памяти, в процессе чего описанные жизненные события пополняются деталями и наделяются смыслом, вследствие чего наблюдается глубокий терапевтический эффект.

Анализ научных источников по теории нарратива, в которых определяется понятие нарративного метода и подходы исследователей к его осмыслению, позволяет нам выявить и обозначить основные функции нарратива:

1. Форма понимания. Подразумевает возможность распознать реальность, которая открылась в процессе нарративного анализа.
2. Форма социального взаимодействия. Позволяет выявить социальное окружение, каким образом личность взаимодействует с другими людьми.
3. Способ переживания времени. Дает возможность рассказчику (нарратору) погрузиться во временные отрезки своего жизненного пути (детский возраст, юность, зрелость).
4. Форма организации и переживания событий. Позволяет структурировать наиболее важные жизненные события и пережить их снова.
5. Инструмент упорядочивания опыта. Дает возможность поэтапного выстраивания опыта в соответствии с временными отрезками жизненного пути.
6. Инструмент структурирования памяти и ее регулярной реконструкции. Позволяет совершить возврат к событиям прошлого, погружаясь в детали.
7. Инструмент конструирования идентичности. Делает возможным распознавание личности, определение ее предназначения, «Я-конструкта».
8. Форма самопрезентации. Позволяет через «рассказ о себе» построить представление о личности, ее опыте, жизненной истории.

И если с теоретической составляющей нарратива все понятно, по-настоящему сложной и требующей осмысления выступает практика работы с персональными данным – сбор и обработка аналитических данных. Методологические затруднения вызваны рядом спорных вопросов, например, какими критериями и параметрами следует руководствоваться психологу при формулировании выводов и решений после применения метода нарративного анализа.

Основным методом нарративного исследования выступает анализ историй, где ключевыми эмпирическими объектами представлены структурированные и неструктурированные рассказы: истории о себе (self narrative) и истории жизни (life narrative) [5]. Указанные типы повествования выполняют, на наш взгляд, более мощную психологическую нагрузку в структурировании опыта и построении идентичности личности, поскольку позиция исследователя в них тождественна позиции рассказчика (нарратора).

В качестве материалов для нарративного анализа могут быть использованы различные текстовые источники, устные и письменные. К ним относятся личные до-

кументы (автобиографии, письма, дневники, материалы личных страниц в социальных сетях, электронные дневники), тексты, которые написаны по просьбе исследователя, занимающегося нарративным анализом, а также материалы интервью [6]. Выступая в качестве метода, наиболее адекватного требованиям и специфике методологического поля нарративного анализа, интервью традиционно стало популярным и активно используемым среди исследователей нарратива.

Примечательно и очень ценно и то, что интервью представляет собой не только инструмент для эмпирического сбора данных, но и сферу для формулирования новых гипотез, которые возникают в процессе исследования, что, в свою очередь, является основным отличием данного качественного подхода от любого количественного.

Одним из видов интервью выступает нарративное биографическое интервью. На наш взгляд, данный метод обладает высокой степенью эмоциональной вовлеченности всех участников коммуникативного процесса. Согласно авторской позиции Е. Мещеркиной, «стимулирование респондентов на рассказы о своем жизненном опыте и предоставление им свободы при выборе сюжетов и тем для повествования» определено ключевой задачей нарративного биографического интервью [7].

По мнению исследователей теоретического и практического полей данного метода, спонтанное изложение историй собственной жизни вызывает определенные сложности у респондентов. Дж. Брунер в своей статье писал, что большая часть опрашиваемых не смогла в течение сорока минут изложить историю своей жизни [5]. Отечественные исследователи Е. Мещеркина и В. Семенова также подчеркнули сложность рассказывания личных историй жизни в искусственно созданных ситуациях на протяжении длительного времени. Авторы обосновывают свою позицию, указывая на недостаточно развитую рефлексивность относительно собственного опыта.

Кроме того, исследователи обращают внимание еще на одну сложность интервью: готовность либо неготовность респондента рассказывать о собственном опыте, когда интервью делится на рассказываемый и нерассказываемый опыт. К нерассказываемому опыту следует относить личную, интимную и даже в некоторой степени опасную для респондента информацию, поскольку она включается в повествование с большими ограничениями. Также из повествования исключаются те фрагменты опыта, которые были травматичны для рассказчика. Подобная информация становится недоступной для исследователя, закрывает некоторые важные стороны его опыта и требует повышенного внимания к деталям.

Наиболее совершенным и удобным для эмпириче-

ского анализа выступает, по нашему мнению, структурированное нарративное интервью, разработанное и апробированное американским нарративным психологом Дэном МакАдамсом. Согласно авторской методике, структурированное нарративное интервью представляет собой форму беседы (письменной или устной), где порядок расположения вопросов, блоков и модулей установлен исследователем предварительно. Данный метод нарративного анализа продуктивен еще и потому, что учтена логика повествования, согласно которой вопросы поддерживают интригу истории жизни, опыта личности.

Размышляя о структуре нарратива, традиционно он помещен в такую систему: равновесие – нарушение равновесия – восстановление равновесия. В связи с этим Дэн МакАдамс намеренно предлагает начинать выборку жизненных историй и ситуаций с тех эпизодов, где отмечаются какие-либо отклонения от нормы.

По мнению исследователей нарративного психологического поля (Дж. Брунер, Дэн МакАдамс), очень важным является формулирование специальной инициативной формулы, которая бы побуждала нарратора к рассказыванию. Это своего рода обращение к человеку, который будет принимать участие в эксперименте, включающее директивность и авторитарность. Формула должна быть понятной слушателю и располагать его к раскрытию. Если нарративный анализ предполагается в устной форме, очень важно, чтобы за иницилирующей формулой следовал рассказ, не прерываемый исследователем-практиком. Это, на наш взгляд, позволит нарратору самому определять порядок и ход повествования. Техника активного слушания также способствует лучшему раскрытию рассказчика.

В некоторых интервью МакАдамс предложил идею о предоставлении рассказчику позиции теоретического аналитика собственной истории жизни и опыта. Для этого рассказчику требовалось давать оценку событиям собственной жизни, анализировать их и разъяснять. По теории МакАдамса, это группа вопросов, задаваемых применительно к истории жизни с использованием образцов, эталонов, базовых сюжетов [5]. Данная группа вопросов, на наш взгляд, имеет видимый терапевтический эффект, поскольку способствует повышению критичности и рефлексии прошлого опыта, а также усиливает активность и самостоятельность личности при формулировании определений относительно формата собственной истории жизни и предшествующего опыта.

В процессе научно-теоретического осмысления метода нарративного анализа следует упомянуть еще об одной его очень важной и методологически сложной фазе – обработка и интерпретация материала, полученного в ходе исследования. Именно эта фаза анализа

вызывает наибольшие сложности, поскольку у исследователей нет единых правил и алгоритмов, позволяющих последовательно и логично перейти от фазы сбора эмпирического материала к фазе его обработки и анализа. В каждом отдельном нарративе от психолога требуется разработка уникальной схемы его исследования, создание базы для интерпретации, которая бы учитывала особенности именно этого конкретного нарративного материала.

Так, по мнению Джонатана Поттера, английского дискурсивного психолога, ключевыми качествами исследователя в нарративном методе определена «аналитическая ментальность, туманное и волшебное свойство» [8]. Данное качество предполагает способность исследователя создавать из неосвоенного эмпирического материала освоенный, из неструктурированного – структурированный, из неупорядоченного, неорганизованного – упорядоченный. Возникает логичный вопрос, который серьезно обсуждается в сфере качественных методов исследования: возможно ли обучиться такому качеству? Нам близка позиция И. Штейнберга, известного отечественного специалиста в этой области, который убежден, что качеству «аналитической ментальности» обучиться вполне реально, однако не в рамках аудиторных занятий, а в реальной ситуации исследования [7].

Научно-теоретическое осмысление метода нарративного анализа позволило нам определить нарратив в качестве формы создания жизненной истории (life making). Иными словами, посредством нарратива происходит структурированный сбор фактов человеческого существования в логично выстроенной последовательности. Нарратив подобен интриге, когда события повествования превращаются в элементы целостной истории жизни (завязка – кульминация – развязка).

Нарратив также позволяет рассказчику (нарратору) находить и выражать смыслы в повествовании. Значение нарратива постоянно претерпевает развитие, и в настоящее время это не только способ извлечения фундаментальных эмпирических данных, но и позиционирование исследователя в роли рассказчика (нарратора).

Безусловно, научно-исследовательское поле нарративного анализа в сфере психологии и психотерапии не может быть исследовано в качестве константной категории, поскольку постоянно претерпевает изменения и введение новых возможностей применительно к сбору данных и к их интерпретации. Нарративный анализ, с нашей точки зрения, это глубинный, творческий процесс, предполагающий большие затраты временных и энергетических ресурсов исследователя и требующий высокого уровня его компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кадырова Р.Г. Теория нарратива и нарративный анализ в психологии / Р. Г. Кадырова // Вектор науки ТГУ. – Баку, 2012. – № 2 (9). – с. 126-128.
2. Кроссли М. Нарративная психология. Самость, психологическая травма и конструирование смыслов / М. Кроссли. – М.: ДМК-Пресс, 2013. – 284 с.
3. Кутковая Е.С. Нарратив в исследовании идентичности / Е. С. Кутковая // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 4 (16). – с. 23-33.
4. Нуркова В.В. Рассказывать о себе, рассказывать себя, рассказывать собой: автобиографический нарратив с позиций культурно-деятельностного подхода / В.В. Нуркова // Развитие личности. – 2010. – № 1. – с. 74-92.
5. Орлова Г.А. Методическое пособие к спецкурсу «Нарративные методы анализа в психологии личности» / Г.А. Орлова. – Ростов-на-Дону, 2007. – 40 с.
6. Сапогова Е.Е. Возможности анализа автобиографических нарративов в обучении психологическому консультированию / Е.Е. Сапогова // Профессиональное становление специалиста: Сб. науч. трудов. – Ростов-на-Дону, 2006. – с. 124-142.
7. Терехова Т.А., Малахаева С.К. Нарративный анализ как понимающий метод [Электронный ресурс] / Т.А. Терехова, С.К. Малахаева // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. – 2015. – № 1 (41). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativnyy-analiz-kak-ponimayuschiy-metod>
8. Турушева Ю.Б. Нарративный подход к проблеме развития смысловых образований / Юлия Борисовна Турушева: дис. ... канд. псих. наук. – Москва, 2017. – 170 с.

© Мясникова Зоя Вячеславовна (myasnikovazoya@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ СПОРТСМЕНОВ РАЗНЫХ ВОЗРАСТОВ К ТРЕНИРОВОЧНОЙ И СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

MODEL OF PSYCHOLOGICAL READINESS OF ATHLETES DIFFERENT AGES FOR TRAINING AND COMPETITIVE ACTIVITIES

**V. Raikov
V. Vysotskaya
E. Kolmakova**

Summary: The article considers the psychological readiness of athletes of different specializations at different stages of training as a structure that includes motivational, intellectual, emotional-volitional, psychomotor and communicative components. Each component assumes its own content, which is the subject of diagnostics and assumes its own development programs. We paid more attention to the motivational, emotional-volitional and intellectual components with examples in the training of martial artists.

Keywords: psychological training, psychological readiness of athletes, sports motivation, tactical thinking, volitional competence, psychoactive features, sports communication.

Райков Виктор Кириллович

Директор, КГБУ «Спортивная школа олимпийского резерва имени Б.Х. Сайтиева»
sdushor_pr@mail.ru

Высоцкая Вера Александровна

Психолог, КГБУ «Спортивная школа олимпийского резерва имени Б.Х. Сайтиева»
verafray@yandex.ru

Колмакова Елена Георгиевна

Проректор, КГАУ ДПО «Красноярский краевой институт повышения квалификации работников физической культуры и спорта»
elena-kolmakova@mail.ru

Аннотация: Психологическую готовность спортсменов разных специализаций на разных этапах подготовки представим как структуру, включающую мотивационный, интеллектуальный, эмоционально-волевой, психомоторный и коммуникативный компоненты. Каждый компонент предполагает свое содержание, которое служит предметом диагностики и предполагает свои программы развития. Уделили большее внимание мотивационному, эмоционально-волевому и интеллектуальному компонентам с примерами в подготовке спортсменов-единоборцев.

Ключевые слова: психологическая подготовка, психологическая готовность спортсменов, спортивная мотивация, тактическое мышление, волевая компетентность, психомоторные особенности, спортивная коммуникация.

Психологическая подготовка в спорте делает свой вклад в победу и в самый лучший результат, который возможен через наиболее полную реализацию технико-тактических и функциональных возможностей спортсмена. Управление психологической подготовкой предполагает систему мер и связано с задачей разработки модели психологической готовности спортсменов разных возрастов к тренировочной и соревновательной деятельности. С одной стороны, ориентация на модельные характеристики спортсменов структурирует психодиагностику и позволяет адекватную корректировку содержания тренировочного процесса на разных его этапах. С другой стороны, в основном учитываются характеристики специальной физической и технической подготовленности. В то время как до сих пор, не достаточно разработан психологический аспект. Отсутствие комплексной оценки состояния психологической готовности спортсменов, системной программы психологической подготовки, фрагментарность обследований не способствует правильной оценке психологической и функциональной подготовленности. Данная статья главной целью представляет попытку описать

характеристики компонентов психологической готовности спортсменов разных специализаций на разных этапах подготовки как структуру [1].

Психологическая подготовка направлена на формирование и развитие психических процессов и качеств личности спортсменов, необходимых для успешной тренировочной деятельности и результативного выступления на соревнованиях. Психологическая подготовка — это обширный круг действий всех участников спортивной деятельности (тренеров, спортсменов, спортивных врачей, спортивных менеджеров, методистов и родителей). Психологическая готовность спортсмена — это такое его состояние, которое обеспечено в результате подготовки, и которое позволяет достигнуть высоких результатов в соревновательной деятельности [4].

Каждый вид спорта предъявляет свои специфические требования к физическому развитию и способностям спортсмена. Программы подготовки и обеспечения готовности спортсменов в разных видах спорта отличаются

ся, особенно в своей технико-тактической части. Содержание показателей, характеризующих психологическую готовность спортсменов тоже отличается. В таком случае нам представляется, что определение комплексной объективной оценки подготовленности спортсменов как системы, даст возможность судить о состоянии спортсмена в конкретное время, определить ведущие факторы, за счет которых достигнуто данное состояние и наметить основное направление в дальнейшей подготовке. Необходимое условие комплексной объективной оценки подготовленности спортсменов заключается в определении информативных критериев, имеющих высокие корреляционные связи со спортивным результатом, а также между изучаемыми отличительными признаками, и характеризующих отдельные стороны подготовленности спортсменов.

В период увлечения моделированием и системными теориями в науке (в 60-80-е годы прошлого столетия) и перед психологией была поставлена задача определить модельные характеристики спортсмена для конкретного вида спорта по характеристикам психических процессов, особенностям свойств нервной системы и свойств личности. В.К. Сафонов приводит историческую справку, про исследования модельных характеристик [11]. На протяжении двух олимпийских циклов, включающих шесть Олимпиад, множество чемпионатов мира и континентов, под эгидой Всемирной ассоциации психологов спорта (The International Society of Sport Psychology – ISSP) финалисты соревнований обследовались по единому банку методик. Однако полученные результаты так и не позволили сформулировать модель идеальной личности спортсмена для конкретного вида спорта. Анализ личностных особенностей спортсменов международного уровня не позволил говорить о типичности «личностного профиля» чемпиона.

Качества личности в отличие от личностных свойств формируются в процессе социализации спортсмена как в спорте, так и в остальных сферах жизнедеятельности. В процессе занятия спортом, по мере роста спортивного мастерства, накопления опыта тренировочной и соревновательной деятельности у спортсмена вырабатываются индивидуальные приемы организации своей жизни. Занятия спортом становятся образом жизни, системообразующим фактором жизни спортсмена.

Данные Всемирной ассоциации психологов спорта о личностных особенностях спортсменов свидетельствуют о существенных различиях в уровнях выраженности личностных качеств. Обследование высококвалифицированных спортсменов позволило выделить наиболее характерные особенности их личности — высокая эмоциональная устойчивость, уверенность в себе, сознательность, самостоятельность, склонность к риску, само-

контроль, общительность (Киселев, 1987) [3].

Представляется обоснованным говорить об общих (неспецифических) проявлениях личности, обуславливающих успех в спорте, а не в конкретном виде спорта. К числу таковых в первую очередь относятся психогенные особенности спортсмена, обуславливающие высокую чувствительность к восприятию нюансов выполнения спортивной деятельности: сензитивность; тревожность; рефлексивность (активность в преодолении препятствий). Успешность же спортивной деятельности обуславливается совокупностью социогенных особенностей личности: самостоятельностью, эмоциональной устойчивостью (Ильин и др., 1989).

Имеющиеся исследования личностных профилей спортсменов высокого уровня в игровых и индивидуальных видах также свидетельствует о более выраженном проявлении у успешных спортсменов эмоциональной устойчивости, самоконтроля, независимости (Сопов, 2010). Интересно, что в организационной психологии перечень качеств личности успешного руководителя и эффективного спортсмена полностью совпали. Этим примером можно проиллюстрировать идею неспецифичности качеств личности выдающегося профессионала, в нашем случае спортсмена, обуславливающих успешность профессиональной спортивной деятельности.

При описании модели психологической готовности спортсменов важно ясно понимать специфику видов спорта. Недостаточный уровень психологической подготовленности спортсменов лимитирует их эффективность и надежность соревновательной деятельности, ограничивает результативность их выступлений.

Психологическая готовность как специализированные (специфические) психофизиологические возможности (или компетентности) спортсмена применительно к требованиям конкретного вида спортивной деятельности, проявляется через саморегуляцию личности. В разделяемом нами понимании Б.П. Яковлева, саморегуляция — это процесс произвольного управления спортсменом своей деятельностью (психомоторной, коммуникативной, интеллектуальной, эмоциональной, волевой), обусловленный спецификой подготовки (тактико-технической, физической, психологической, интегральной) в различных видах спорта, оказывающий прямое или опосредованное влияние на уровень подготовленности и его спортивных результатов [14].

На сегодняшний день стало бесспорным, что успех в спорте напрямую зависит от психологической готовности. Анализ современных исследований в спортивной психологии показал, что наиболее последовательное и

систематическое изучение психологических требований к личности спортсмена в основном проводится по трем ее проявлениям — воле, интеллекту и эмоциям [1].

Рассмотрим модель психологической готовности как систему, где мотивационный, интеллектуальный, эмоционально-волевой, психомоторный и коммуникативный компоненты психологической готовности спортсменов представлены с учетом вида спорта и этапа спортивной карьеры.

Спортивная мотивация представляет собой сложное психическое состояние личности спортсмена. Возникновение спортивной мотивации у человека обусловлено воздействием на него окружающей среды, то есть содержанием самой спортивной деятельности, и ее исполнителей. Так на этапах начальной подготовки велика роль родителей, учителей. Далее центральной фигурой становится тренер. Чем старше спортсмен, тем больше его личный автономный вклад. В процессе развития и функционирования спортивной мотивации степень влияния внешних и внутренних факторов может меняться. Сохранение (устойчивость) спортивной мотивации у спортсмена обуславливается его спортивными достижениями. Спортивная мотивация включает следующие основания: побудительные, базисные, процессуальные. Уровень их сформированности у спортсменов существенно различается. В соревновательной мотивации выделяется два направления: мотивация на достижение успеха и на избегание неудач: соотношение их на разных этапах спортивного совершенствования может быть различной [1,6].

В спортивной мотивации выделяется два направления: тренировочная и соревновательная мотивация. Преобладание той или иной направленности мотивации зависит от ряда личностных качеств и оказывает существенное влияние на спортивные достижения спортсмена. На начальном этапе преобладает тренировочная мотивация. На этапе спортивной специализации тренировочная и соревновательная мотивации выражены в одинаковой степени. На этапе спортивного совершенствования в структуре спортивной мотивации преобладает соревновательная. Учет этих тенденций является необходимым в работе тренера со спортсменами.

Выделяют следующие типы отношений к занятиям спортом (Г.Д. Бабушкин, Е.Г. Бабушкин): отрицательное, безразличное, положительное-аморфное, положительное — активно-действенное. Из приведенных типов отношений положительное — активно-действенное имеет самый наименьший процент от общего числа. В то же самое время именно он считается самым действенным типом с выраженной устойчивой мотивацией спортивной деятельности, обуславливающей результативность.

Наибольшее количество отказов от занятий спортом отмечается в группах с отрицательным и безразличным уровнем включенности в занятия.

Диагностика мотивации в спорте один из труднейших вопросов организации психологического обеспечения спортивной деятельности. Это связано и с отсутствием единого взгляда в психологии на то, что такое мотивация; со сложностью самого процесса мотивации, включающего в себя разные, зачастую разнонаправленные мотивы, с дефицитом методик, исследующих мотивацию во всей ее полноте и динамике. В психодиагностике мотивации выделяют три основные группы методов: прямые методы (беседа, наблюдение, анкеты), косвенные методы (личностные опросники) и проективные методы.

При изучении готовности спортсмена принципиально ценным является понимание двух особенностей мотивационной сферы в процессе занятия спортом: первая — цель спортивной деятельности и устойчивость-изменчивость мотивационной сферы в процессе занятия спортом; вторая — динамика мотивационных установок в ситуации спортивного соревнования.

По мнению В.К. Сафонова, осознание цели того, что делает спортсмен здесь и сейчас, к какому старту готовится — одно из важнейших составляющих именно психологической подготовки спортсмена. Применительно к спортивной деятельности под осознанием автор имеет в виду вербализацию цели спортивной деятельности и критериев ее достижения. Цель спортивной деятельности должна определяться как на сезон, так и на конкретную тренировку, для членов сборных команд страны — на олимпийский цикл.

В контексте обсуждения мотивации с учетом возрастных особенностей физического и психического развития выделим следующие этапы:

- 1 — половой идентификации (4-6 лет);
- 2 — полового созревания (11-14 лет — девушки, 12-15 лет — юноши);
- 3 — половой зрелости (16-18 лет — девушки, 17-19 лет — юноши)
- 4 — зрелой личности (22-24 года).

Каждый этап характеризуется изменениями, перестройкой функционирования соматических и психических процессов. Периоды перестройки в свою очередь характеризуются неустойчивостью и изменчивостью биохимических, нейрофизиологических, физиологических и психических процессов. В возрасте 4-7 лет дети не могут осуществлять произвольную регуляцию тонкой психомоторики. В 10-15 лет у юношей и девушек трудности в усвоении сложных координационных движений, в 15-19 лет — неустойчивость психической сферы, пре-

жде всего эмоциональной. У спортсменов старше 22-23 лет формируется личностный смысл того, чем они занимаются, то есть мотивы автономизируются и внутренняя мотивация становится актуализированной.

Преодоление в детском спорте каждого из кризисов развития занимает около года. В этот период приостанавливается рост спортивных результатов, но продолжается формирование мотивации. От успешности преодоления психологических кризисов развития (детских кризисов) зависит дальнейшая судьба спортсменов, их мотивационная компетентность.

Таким образом, мотивация идеального спортсмена им осознается, она в большей степени внутренняя, и спортсмен может ее регулировать. В модели психологической готовности спортсмена преобладают характеристики ориентации на смыслы содержания конкретного вида спорта, выражена ориентация на достижение результатов, мотивы устойчивы, осознанны смыслы и сформулированы цели.

Интеллектуальный компонент в описании модели психологической готовности, как системы, традиционно представлен особенностями восприятия, внимания, памяти и мышления спортсмена. Мышление является ведущим психическим процессом в тактической деятельности спортсмена. Мышление спортсмена, задействованное непосредственно в ходе решения соревновательных ситуаций, называется тактическим или оперативным мышлением. Наиболее важно мышление в игровых видах спорта и в единоборствах, где имеет место множество соревновательных ситуаций, требующих оперативного разрешения.

Тактическое мышление протекает неразрывно от действий. Спортсмен анализирует возникшую ситуацию и осуществляет непосредственные действия. Правильные действия находятся не путем предварительного продумывания, а в самом действии. Тактическое мышление имеет наглядно-образный характер. При решении тактических задач мышление основано на наглядных чувственных образах и явлениях. Ситуативный характер мышления проявляется в том, что мышление спортсмена протекает на фоне меняющихся характеристик. Тактическое мышление представляет собой сложную умственную деятельность, характеризующуюся быстротой, гибкостью, самостоятельностью, глубиной, широтой и критичностью. Спортсмен выбирает из множества знакомых приемов, по его мнению, наиболее подходящий для этой ситуации. Действия спортсмена определенным образом выстраиваются в последовательности с предвидением конечного результата. Тактическое (оперативное) мышление спортсмена опирается на память, на ее разновидности — оперативную, кратковременную.

Спортсмен учитывает только, что произошло и на этой основе совершает новые действия. Так же тактическое мышление характеризуется проявлением интуиции. Интуиция — это протекание мыслительных процессов в свернутой форме, когда осознается лишь конечный результат, большая часть действий выполняется без их осознания. Осмысливание выполняемых действий спортсменом происходит уже после их совершения, после соревнования. Интуитивные действия совершаются на основе богатого соревновательного опыта, глубоких специальных знаний, умений наблюдать за действиями спортсменов на соревновании.

Особую роль в тактическом мышлении занимают антиципирующие реакции. Антиципация — предвидение, предвосхищение действий соперника. На основе этого спортсмен выполняет упреждающие действия, выходя победителем ситуации. Предвосхищение действий, тактических комбинаций соперника возможно не только на основе памяти, творческого воображения, мышления, но и на основе учета предшествующих действию признаков. Например, в волейболе при блокировании такими признаками могут быть положение предплечья и кисти бьющей руки, разворот плеча, в единоборствах — положение опорной ноги, положение рук противника.

Успешному решению тактических задач в предстоящем соревновании должно предшествовать предварительное планирование тактических действий. Планирование строится на основе учета информации о противнике и соревновательных условий. Оно носит ориентировочный характер и допускает необходимые изменения по ходу действий.

На степень сложности тактических планов влияют особенности вида спорта. В одних видах спорта, например в легкой атлетике (бег), лыжном спорте, конькобежном спорте тактический план представляет собой график прохождения дистанции. В других видах спорта, например в гимнастике, тактический план строит тренер, предусматривая последовательность выполнения гимнастами упражнений. Более сложным является планирование в единоборствах и спортивных играх, где имеет место детальная разработка командных тактических действий (в звеньях, линиях) с учетом конкретных индивидуальных заданий.

Приведем пример тактического мышления единоборцев. Предварительное тактическое планирование почти всегда имеет вероятностный характер. Это обусловлено тем, что невозможно иметь полную информацию о противнике, его замыслах, условиях состязания. При этом противоборствующая сторона также стремится выиграть поединок, прикладывая к этому усилия. В этой связи реализация тактического плана — это постро-

ение предположения о тактических замыслах противника в начале поединка, применение приемов с целью замаскировать собственный тактический план действий, и непрерывное решение частных тактических задач, возникающих по ходу борьбы.

Как маркеры тактического мышления единоборцев существенное значение имеют следующие способности и умения спортсмена: умения и навыки, позволяющие быстро решать задачи; умение мыслить в процессе соревнования, критически оценивать собственные решения и действия, умение обобщать и выбирать нужные на данный момент тактические приемы; быстрота мышления, гибкость, глубина и широта мышления.

В процессе выступлений спортсменов на соревнованиях происходит формирование тактического мышления. На принятие решения в спортивной деятельности оказывают влияние следующие факторы: амплуа спортсмена (нападающие и защитники действуют по разному), соревновательный опыт спортсмена, физическая подготовленность спортсмена, возраст спортсмена, свойства нервных процессов и интеллектуальные качества: наблюдательность, сообразительность, предвидение, быстрота и гибкость ума — являются важными факторами в быстроте и правильности принятого решения в спорте. Спортсмены с более высоким интеллектом лучше справляются. В том числе волевые качества: самостоятельность, инициативность, решительность, самообладание.

Итак, в описании системы модели психологической готовности интеллектуальный компонент представлен тактическим мышлением спортсменов, которое является ведущим психическим процессом в обеспечении эффективных результатов. Тактика в спорте — это совокупность применений технических приемов в соответствии с условиями и задачами соревновательной деятельности. Тактика имеет свои особенности в каждом виде спорта. Развитие интеллектуального компонента составляет важную часть психологической подготовки спортсменов.

Проблема воли как высшего психического процесса сознательной регуляции человеком своего поведения и эмоционально-волевые компетентности спортсменов в спортивной психологии занимает внимание многих исследователей и актуальна в практическом смысле. В реализации психологической подготовки понимание воли, ее формирование и развитие для всех субъектов спортивной деятельности видится нам ценным и представляется перспективным.

Считается общепринятым, что развитие волевых качеств является предпосылкой успеха в любом виде

спортивной деятельности. Важнейшими волевыми качествами спортсменов и тренеров называют целеустремленность, инициативность, смелость, решительность, выдержка и самообладание. Н.Л. Ильина упоминает исследования о значимости именно волевых и мотивационных аспектов в обеспечении эффективности работы спортивного тренера [1;11].

А.Ц. Пуни, рассуждая о воле в контексте спортивной деятельности, выделяет в волевом акте три компонента, а именно: познавательный (поиск правильного решения, самооценка результатов волевых действий), эмоциональный (самотивировка, усиление) и исполнительный (физическая регуляция посредством сознательного принуждения). А.Ц. Пуни подробно описал волевые качества спортсменов: целеустремленность, настойчивость и упорство, решительность и смелость, инициативность и самостоятельность, выдержка и самообладание. Самым важным волевым качеством он называл целеустремленность, которая обуславливает все другие волевые качества. В этом качестве стадии волевого процесса по Рубинштейну скорее всего проявлены максимально точно. Идеи А.Ц. Пуни о роли волевых качеств спортсменов и тренеров остаются определяющими центральную линию работы психологов по поводу воли спортсменов и тренеров.

В целостном психическом акте волевой процесс через побуждение оказывается связанным с эмоциями, а через анализ мотивов и следствий — с интеллектуальным процессом. Так Ю. Куль определяет волю как фактор, образующий целостность, соединяющий эмоции и умственные процессы. Опосредующие процессы контроля за действием человек осознает и активно их реализует. Юлиус Куль [2] выделил собственно мотивационные и волевые аспекты мотивационного процесса и рассмотрел мотивацию выбора и мотивацию реализации. Выбор (селекция) одной из возможных альтернатив действия в рамках мотивационного процесса не означает получения продуктивного результата, то есть реализации выбранного варианта действия. Для реализации часто требуется серьезное системное усилие, преодоление, другими словами, такой волевой процесс, где есть контроль за действием, с учетом того, что имеются конкурирующие тенденции, препятствующие реализации выбранного действия.

Спортивная деятельность характеризуется своеобразными эмоциональными состояниями и отношениями, так называемыми «спортивными эмоциями». Они возникают на соревнованиях, в процессе выполнения спортивных действий, разрешения спортивных задач, оказывают влияние на выполняемые действия, на их результативность. Черникова О.В. выделяла специальные спортивные эмоции, способствующие успешному вы-

ступлению на соревнованиях: спортивное возбуждение, боевое воодушевление, игровое или спортивное увлечение, спортивная злость, чувство спортивной гордости и чести, спортивное соперничество.

В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев предлагают относить к волевым только те действия, которые совершаются по необходимости, при недостатке непосредственного побуждения или связаны с преодолением трудностей. Представление о воле как механизме преодоления препятствий довольно часто встречается в психологии. В частности В.В. Андреев, спортивный психолог, развил понятие воли в контексте спортивной деятельности, представив ее как феномен преодоления, как психологическую категорию, систематизирующую субъективный мир спортсмена. Именно в процессе преодоления происходят процессы, катализирующие и детерминирующие развитие сознания, самосознания и поведения спортсмена. Преодоление проявляется в виде мотивационных, эмоциональных, когнитивных, поведенческих и соматических процессов, выступающих для субъекта как психическая деятельность, направленная на преобразование, сублимацию и трансформацию показателей неопределенности, опасности, нужды и недостатков в личностный рост [4;11].

Поиску путей развития воли и эмоциональной компетентности в спортивной психологии уделяется большое внимание. Наши исследовательские и практические интересы связаны с задачами прояснения и осознания категории воли, волевых и эмоциональных компетенций, содержания волевого акта. Приведем результаты исследования, которое проходит в рамках основных мероприятий проекта федеральной экспериментальной площадки по теме «Реализация кластерной модели подготовки спортивного резерва по вольной борьбе среди женщин в Сибирском федеральном округе» (приказ Минспорта России от 04.05.2018 №430). В этом варианте исследования приняли участие тренеры краевого бюджетного учреждения «Спортивная школа олимпийского резерва имени Б.Х. Сайтиева» (СШОР имени Б.Х. Сайтиева) в количестве 20 человек. Все тренеры работают в единоборствах, стаж от нескольких месяцев до 40 лет. Тренеры получили анкету в виде списка, где им было необходимо выбрать 5 качеств спортсмена-единоборца, самых важных и ценных на их взгляд. Список включает (1) волевые качества (концентрация, сосредоточенность; способность регулировать свои реакции; смыслы, сформулированное спортсменом отношение к трудностям, как к части жизни), (2) эмоциональную зрелость (способность называть свои чувства, переживать их в разных диапазонах, регулировать их), (3) сбалансированную ориентацию на хороший результат, на победу, на преодоление себя самого, (4) уверенность в себе (знает себя, есть самоуважение), (5) смыслы и ценности, (6) выносли-

вость, (7) жизнестойкость (8) аналитичность, рефлексия, как умение работать с ошибками, (9) креативность и (10) коммуникативную компетентность. Результаты анкетирования представим в таблице 1.

Таблица 1
Представления тренеров об идеальных качествах спортсменов-единоборцев

Качества личности спортсмена единоборца	Количество выборов (в %)
1. Волевые качества	90%
2. Эмоциональная зрелость	50%
3. Сбалансированная ориентация на хороший результат, на победу, на преодоление себя самого	60%
4. Уверенность в себе	30%
5. Смыслы и ценности	45%
6. Выносливость	25%
7. Жизнестойкость	45%
8. Аналитичность, рефлексия, умение работать с ошибками	15%
9. Креативность	5%
10. Коммуникативная компетентность	45%

Мы видим, что самыми популярными стали волевые и эмоциональные компетенции, как самые важные и определяющие победу единоборца.

Тренеру на любом этапе спортивной подготовки, а особенно на начальном, необходимо актуализировать процесс осознания эмоций и переживаний у спортсмена. В спорте эмоционально-волевая компетентность и готовность спортсменов представлена как проблема существует и проявлена в системе исследований [1]. Для спортсмена воля определена как основание сознательной регуляции их профессионального поведения.

Понятие «психомоторика» введено в научный обиход И.М. Сеченовым. Оно подчеркивает зависимость двигательных проявлений человека от психической регуляции. Так, осуществление физических упражнений происходит под контролем сознания, а проявление двигательных качеств требует участия волевого усилия. Поэтому психомоторная сфера человека – это сплав психологических и физиологических механизмов управления движениями, двигательными действиями, отражающихся в проявлении разных психомоторных (двигательных) качеств [7]. Под психомоторными способностями понимается совокупность свойств психики, обеспечивающих точность управления движениями. К ним относятся произвольность двигательных действий, умение различать и воспринимать пространственные, силовые и временные параметры движений, двигательная память, двига-

тельное воображение.

Психомоторные способности – это сложноорганизованные познавательные-регуляторные системы, в которых в единстве представлены как мотивационные, функциональные, так и операционные компоненты, при этом точность, интенсивность и эффективность управления движениями зависят и существенно определяются уровнем функционирования таких психических процессов, как ощущение и восприятие. Психомоторные процессы представляют собой объективное восприятие человеком всех форм психического отражения, начиная с ощущения и заканчивая сложными формами интеллектуальной активности. В настоящее время можно выделить следующее определение психомоторики: «это основной вид объективизации психики в сенсомоторных, идеомоторных и эмоционально-моторных (в частности, импульсивных) реакциях и актах» [7]. Кроме того, «психомоторика – это разновидность психически обусловленных движений человека, типологически различных в зависимости от строения тела, возраста, пола и т.п.». Во взглядах многих теоретиков и практиков психомоторные способности представляют ядро двигательных способностей, которое выступает как их когнитивно-моторный компонент, включающий сенсомоторные, перцептивные, интеллектуальные и нейродинамические особенности, реализуемые как на произвольном, так и на произвольном уровне самоконтроля и саморегуляции движений. Исходя из чего следует, что успешность соревновательной деятельности в значительной степени зависит от уровня развития психомоторных функций, непосредственно участвующих в саморегуляции движений. Психомоторные функции развиваются в процессе спортивной тренировки целенаправленно: становятся более точными и быстрыми те процессы и реакции, которые необходимы для управления движениями в конкретном виде спорта. Если в ходе спортивной тренировки рационально и целенаправленно развивать необходимые психомоторные качества, можно получить дополнительный эффект роста технического мастерства. То есть совершенствование регуляторных функций психомоторики – дополнительный путь повышения результативности в спортивной деятельности.

Психомоторный компонент в готовности спортсмена проявляется как важная и обеспечивающая спортивную победу функция.

Коммуникативная компетентность как профессионально-личностное качество, позволяющее спортсмену адекватно ориентироваться в условиях тренировки и командной игры, требует продуктивного включения в ситуации общения и взаимодействия, адекватного принятия тренерских инструкций и игрового взаимодействия с партнерами, социальным окружением, болель-

щиками.

Спецификой коммуникации в спорте является возникновение психического контакта между всеми его участниками. Основной целью общения и коммуникации в спорте является взаимный обмен информацией и взаимное влияние всех участников. Будем рассматривать коммуникативный компонент психологической готовности спортсменов на примерах содержания общения в спорте.

Коммуникация в спорте, как и везде, реализуется с помощью вербальных (речевых) и невербальных средств. Например, при помощи речевых средств общения тренер объясняет, отдает распоряжения и оценивает действия спортсменов. А спортсмены общаются во время игры с целью повышения эффективности своего взаимодействия. Для игровых видов спорта характерно использование кратких речевых сообщений. К невербальным средствам общения относятся жесты, мимика, взгляды и движения, которые также широко распространены в игровых видах спорта. Во время игры невербальные средства общения несут огромную смысловую нагрузку для членов команды, позволяя им давать друг другу важную информацию о своих намерениях.

Содержание, уровень и особенности коммуникации спортсменов зависят от стажа совместной деятельности, знаний друг о друге, совпадения представлений о поставленной задаче, статуса спортсменов и их роли в команде, физической и технико-тактической подготовленности, межличностных отношений в команде.

Больше всего изучена коммуникативная компетентность спортсменов игровых и командных видов, хотя проблема коммуникативной компетентности относится в равной степени ко всем видам спорта и спортивным дисциплинам.

На начальном этапе спортивной подготовки у спортсмена много задач и потенциальных перспектив относительно развития своей способности быть эффективным коммуникатором и уметь общаться. Во многом на начальном этапе развитие коммуникативных компетенций спортсмена зависят от родителей и тренера. На этапах спортивного мастерства спортсмену уже предъявляют высокие требования, когда его коммуникативные способности и умения становятся частью общего содержания его спортивной жизни. Навыки эффективной публичности для спортсмена важны и актуальны на соревнованиях самого высокого уровня.

Коммуникативная компетентность спортсмена складывается из умений и компетенций самопрезентации, вступления и поддержания контакта, регулирования

конфликтов. Лидер и команда, тренер и спортсмен, родители — особые коммуникативные ситуации в спорте. Целью повышения уровня коммуникативной компетентности спортсменов является обновление и обогащение их теоретических и практических знаний в спортивной сфере в соответствии с постоянно повышающимися требованиями и для поддержания уровня их квалификации, достаточного для реализации профессиональных задач.

Различают четыре основных коммуникативных стиля: ритуальный, императивный, манипулятивный и гуманистический. Коммуникативная компетентность предполагает овладение навыками эффективного влияния и противостояния негативному влиянию, например манипуляции. По сути, готовность спортсмена связана с коммуникативной компетентностью, развитие и укрепление которой представляет задачу вне зависимости от вида

спорта.

Итак, мы рассмотрели психологическую готовность спортсменов разных специализаций на разных этапах подготовки как структуру, включающую мотивационный, интеллектуальный, эмоционально-волевой, психомоторный и коммуникативный компоненты. Каждый компонент предполагает свое содержание, которое служит предметом диагностики и предполагает свои программы развития. Мы уделили большее внимание мотивационному, эмоционально-волевому и интеллектуальному компонентам с примерами в подготовке спортсменов-единоборцев. Описание модели и построение структуры психологической готовности с учетом возрастных особенностей и специфики вида спорта продолжает оставаться актуальной темой для исследований и прагматических практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин Е.П. Психология спора. СПб.: Питер, 2017. - 352 с.
2. Куль Ю., Шторх М. Сила собственного «Я». Семь психогимнастик для бессознательного. Изд. Гуманитарный центр, 2015, - 324 с.
3. Капилевич М.В., Давлетьярова В.К., Кошельская Е.В., Бредихина Ю.П. Андреев В.И. Физиологические методы контроля в спорте, Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2009, - 172 с.
4. Марков К.К., Лебединский В.Ю. Формирование психомоторных качеств в современном спорте: теоретические и методологические проблемы / Психология спорта, №4, июнь, 2014г, - 54-56 с.
5. Малкин В.Р. Управление психологической подготовкой в спорте / В.Р. Малкин. - М., 2008.
6. Никандров В.В. Психомоторика: учебное пособие / В.В. Никандров. - СПб.: Речь, 2004. - 104 с
7. Психология личности спортивного тренера. Монография / Л. Серова, Р. Терехина. М.: Спорт, 2019. - 128 с.
8. Психология физической культуры: учебник / под ред. Б.П. Яковлева, Г.Д. Бабушкина. - М.: Спорт, 2016.- 624 с.
9. Практикум по спортивной психологии, под ред. Волкова И.П. СПб.:Питер, 2002. - 284 с.
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.:Питер, 2010.
11. Сафонов В.К. Психология спортсмена: слагаемые успеха — М.: Спорт, 2018.- 288 с.
12. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. - 2-е изд. - СПб.:Питер; М.: Смысл, 2003.- 860 с.
13. Френкин Р. Мотивация поведения: биологические, когнитивные и социальные аспекты / 5-е изд. - СПб.:Питер, 2003.- 651 с.
14. Яковлев Б.П. Основы спортивной психологии: учебное пособие/- 2-у изд. стереотип. - М.: Советский спорт, 2014.- 208 с.

© Райков Виктор Кириллович (sdushor_pr@mail.ru), Высоцкая Вера Александровна (verafray@yandex.ru),
Колмакова Елена Георгиевна (elena-kolmakova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЛИЦ, ЗАНИМАЮЩИХ РУКОВОДЯЩИЕ ДОЛЖНОСТИ, И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ИМИ СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЙ

Синайский Дамиан Димитрианович

Генеральный директор, ООО «Центр стратегического коучинга и психотерапии Дамиана Синайского»
damiansynaysky@gmail.com

PSYCHOLOGICAL MODELS OF PERSONS HOLDING MANAGERIAL POSITIONS AND ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF OVERCOMING STRESSFUL SITUATIONS

D. Sinayskiy

Summary: The article analyzes the problem of psychological characteristics of managers in terms of the effectiveness of overcoming stressful situations. Psychological models of managers' personality are considered from the point of view of collection and functional approaches. These psychological models allow us to describe professionally important qualities and abilities of managers that allow them to successfully perform managerial functions not only in standard, but also in stressful situations. Psychological qualities and abilities, features of managers' behavior coping with stress that allow them to successfully cope with stressful situations that accompany managerial work are highlighted.

Keywords: manager, managerial activity, stress, professionally important qualities, coping behavior.

Аннотация: В статье проведен анализ проблемы психологических особенностей руководителей с точки зрения эффективности преодоления ими стрессовых ситуаций. Рассмотрены психологические модели личности руководителей с позиции коллекционного и функционального подходов. Данные психологические модели позволяют описать профессионально-важные качества и способности руководителей, позволяющие успешно выполнять управленческие функции не только в стандартных, но и в стрессовых ситуациях. Выделены психологические качества и способности, особенности совладающего со стрессом поведения руководителей, позволяющие успешно справляться со стрессовыми ситуациями, которые сопровождают управленческий труд.

Ключевые слова: руководитель, управленческая деятельность, стресс, профессионально-важные качества, совладающее поведение.

Проблема определения психологической модели руководителей в русле анализа их способности к эффективному преодолению стрессовых ситуаций находится в центре внимания исследователей. Управленческая деятельность руководителя характеризуется жесткими временными и ресурсными ограничениями при принятии управленческих решений; многообразием и сложностью решаемых профессиональных задач; информационной неопределенностью при выработке решений; необходимостью регулирования социально-психологического климата в коллективе; повышенной ответственностью за конечные результаты деятельности и профессиональные ошибки; множественной подчиненностью в системе управления [1; 4; 5].

Ведущим фактором, влияющим на степень выраженности и своеобразие синдромов стресса у лиц, занимающих руководящие должности, является уровень должностной позиции и содержательный контекст деятельности. Для руководителей высшего звена в качестве основных источников стресса выступают внешние факторы, к которым относятся напряженные условия труда, неоптимальная организация работы, высокая интенсив-

ность нагрузок. У руководителей среднего звена выражены негативные субъективные оценки затруднений в актуальной трудовой ситуации, которая характеризуется высоким разнообразием и когнитивной сложностью задач и низкой автономией исполнения [4]. Указанные факторы управленческого труда характеризуются как стресс-факторы, обуславливающие высокую психическую напряженность профессиональной деятельности руководителя. В связи с этим необходимым становится исследование личности руководителя и его психологических особенностей в русле оценки способности к эффективному преодолению стрессовых ситуаций, возникающих в управленческой деятельности.

Раскроем понимание понятия профессиональный стресс руководителей. Анализ профессионального стресса ориентирован, прежде всего, на выявление специфики проявлений стресса в связи с профессиональной принадлежностью к определенной сфере профессиональной деятельности, в частности к условиям управленческой деятельности. Согласно взглядам современных исследователей, профессиональный стресс является результатом дисбаланса между наличными

внутренними ресурсами руководителя и требованиями внешней среды, воплощенными в особенностях конкретной трудовой ситуации [1]. А.А. Качиной отмечается, что при взаимодействии руководителя и стрессогенной ситуации симптомы стресса имеют отличия в зависимости от стажа управленческой деятельности. У молодых руководителей отмечаются выраженные проявления депрессии и признаки синдрома выгорания, характерные для начальных периодов вхождения в профессию. Для руководителей старшего возраста характерно накопление эффектов хронического утомления и признаки нарастающего истощения, не связанные с формированием профессионально обусловленных личностных деформаций. Для руководителей высшего звена в качестве основных источников стресса выступают внешние факторы, к которым относятся напряженные условия труда, неоптимальная организация работы, высокая интенсивность нагрузок [4].

Выявлены общие признаки и отличия, как в стрессовых ситуациях, так и в симптомах стресса у лиц, занимающих руководящие должности в зависимости от должностного статуса. У руководителей высшего и среднего звена стрессовые ситуации не имеют различий в сфере осуществления внутренней функции управления и контроля за подчиненными, но отличаются степенью ответственности спецификой круга делового взаимодействия и величиной финансовых рисков [5, с. 149]. В синдромах стресса у руководителей высшего звена имеют место выраженные признаки психофизиологического истощения, тревоги и депрессии, усугубляемые доминирующим типом А поведения и использованием неадекватных поведенческих форм купирования стресса. У руководителей среднего звена профессиональный стресс выражается в фиксации устойчивых переживаний тревоги и агрессии, дополняющихся наличием невротических реакций [4].

Анализируя профессиональный стресс руководителей, обратимся к мнению Т.Л. Крюковой, которая акцентирует внимание на психологическом содержании стресса. В отличие от физиологического стресса, при психологическом стрессе необходимо учитывать такие факторы, как «значимость ситуации для субъекта, особенностей интеллектуальных процессов, личностных характеристик...», которые обуславливают и специфику ответных реакций» [6, с. 20]. Степень проявления стрессовых реакций у конкретного руководителя зависит от специфики эмоционально-личностной сферы, индивидуального опыта и контекста групповых и организационных взаимодействий, в рамках которых осуществляется управленческая деятельность.

Сложность ответных реакций на стрессовую ситуацию вызывают необходимость исследования психологических предпосылок и закономерностей проявления тех или иных внешних реакций в стрессовой ситуации у лиц,

занимающих руководящую должность. Анализируя природу психологического и профессионального стресса, В.А. Бодров указывает, что «они отражают два ракурса содержательных характеристик стресса: с одной стороны, процессуальную и регулятивную, с другой стороны – предметную и коррелятивную» [1, с. 48]. Поэтому исследование психологических особенностей преодоления стрессовой ситуации у руководителей предполагает изучение, с одной стороны, комплекса психологических характеристик личности руководителей, способствующих снижению стресса, с другой – особенностей и способов совладания со стрессом.

В научной психологической литературе распространенным подходом к описанию психологической модели личности руководителей является коллекционный подход, в основе которого лежит комплекс профессионально-важных качеств (далее ПВК) личности руководителя. Под профессионально важными качествами В.Д. Шадриков понимает «индивидуальные качества субъекта деятельности, влияющие на эффективность деятельности и успешность ее освоения» [9, с. 65]. Более развернуто определяют содержание ПВК А.Е. Горбушин, Ю.А. Сауров, согласно которым ПВК руководителя включают «особенности мотивационной, эмоционально-волевой и интеллектуальной сферы личности, особенности профессионального самосознания, социально-психологические способности и умения, связанные с процессами межличностного взаимодействия, психофизиологические особенности, определяющие в совокупности активность, работоспособность и выносливость, а также опыт, запас профессиональных знаний, умений и навыков» [2, с. 171-172].

С позиции функционального подхода к психологической модели личности руководителей, В.Д. Шадриков выделяет умственные способности, позволяющие решать разноплановые задачи; потребность к организаторской деятельности, а также высокий уровень компетентности, включающий знание производственных технологий и умение сформировать производственный коллектив. Наличие данных психологических качеств и способностей руководителя позволяют осуществлять основные управленческие функции, такие как планирование и прогноз, организация и управление, мотивация и контроль [9, с. 186].

Интерес представляет исследование личностных детерминант лиц, занимающих руководящие должности, которые обеспечивают эффективность преодоления ими стрессовых ситуаций и могут рассматриваться как ПВК руководителей. В.А. Бодров заявляет, что эффективное преодоление стресса связано с такими личностными образованиями, как локус контроля и самооценка. Руководители с внутренним локусом контроля и с высокой самооценкой позитивно оценивают собственные ресур-

сы приспособления к стрессогенной ситуации в управленческой деятельности [1]. Согласно результатам исследования А.А. Качиной, на особенности преодоления стресса влияют мотивационно-ценностные образования личности руководителей. Так, в группе молодых управленцев развитие стресса связано с влиянием социально ориентированных мотивационных установок, которые находят отражение в потребности в самоутверждении, в развитии карьеры и в повышении профессионального статуса. У руководителей старшего возраста в развитии стресса ключевую роль играют личностно ориентированные установки, которые связаны с уровнем притязаний, потребностью в самоактуализации и самоуважении [4].

В психологической модели руководителя Л.В. Фаткина, наряду с адаптационной мобильностью, лидерством, способностью к интеграции социальных ролей, способностью к открытому общению, выделена интеллектуальная, волевая и эмоциональная стрессоустойчивость руководителя [9, с. 186]. В.И. Моросановой подчеркивается, что успешность управленческой деятельности обеспечивается сформированностью целостной системы саморегуляции личности руководителя, а любой структурно-функциональный дефект процесса регуляции существенно лимитирует успешность и эффективность деятельности руководителя [7].

В этой связи интерес вызывает проблема развития стрессоустойчивости руководителей как условия, снижающего риск возникновения профессионального стресса. Стрессоустойчивость означает «стабильность функций организма и психики при воздействии стресс-факторов, их резистентность (сопротивляемость) и толерантность (выносливость) к экстремальным воздействиям..., способность компенсировать чрезмерные функциональные сдвиги (нарушения) при воздействии стрессоров» [1, с. 262]. Рассматривая стрессоустойчивость как «адаптацию к эмоционально значимой ситуации, можно выделить две стадии: первая стадия – стадия эмоциональной реактивности, которая характеризуется вегетативными сдвигами, возникающими в организме под влиянием эмоциогенного воздействия; вторая стадия – эмоциональная адаптация к возникшим в организме вегетативным сдвигам. Смысл эмоциональной устойчивости состоит в подавлении возникших вегетативных сдвигов и саморегуляции, направленной на сохранение целесообразного поведения» [3, с. 11]. Итак, стрессоустойчивость включает эмоциональную устойчивость и способность регуляции функционального состояния в напряженной, стрессогенной деятельности, к которой относится и управленческая деятельность руководителей.

Развитие стрессоустойчивости личности руководителей предполагает необходимость рассмотрения

проблемы совладающего (coping) поведения, которое представляет собой механизмы эмоциональной и рациональной регуляции своего поведения с целью оптимального взаимодействия со стрессом. Специфические стратегии стресс-преодолевающего поведения руководителей реализуются в конкретных ситуациях профессиональной деятельности. Изменение характера стрессовых ситуаций приводит к изменению способов стресс-преодолевающего поведения. На стресс-преодолевающее поведение руководителей влияет множество факторов, к которым относятся, согласно Т.Л. Крюковой «оценка степени угрозы; оценка ресурсов, необходимых для совладания с ситуацией; оценка собственных действий, их успешности в преодолении стресса» [6, с. 23]. Выбор способов стресс-преодолевающего поведения детерминирован как особенностями личности, так и особенностями ситуации. Поэтому особое внимание при исследовании профессионального стресса руководителей необходимо уделять чертам и свойствам личности, обеспечивающим выбор эффективных способов стресс-преодолевающего поведения. Нарушение нормального функционирования, ухудшение здоровья и другие негативные последствия стресса связываются с недостаточностью ресурсов и эффективностью стратегий совладающего со стрессом поведения [6].

Многообразие стрессогенных ситуаций и факторов управленческой деятельности, особенности личностных детерминант, обуславливающих реагирование на стресс, обуславливают различные способы преодолевающего поведения руководителей в стрессовых ситуациях профессиональной деятельности. Исследуя особенности стрессового реагирования у руководителей высшего и среднего звена, О.А. Ковалева рассматривает различные стрессовые ситуации как психологические барьеры, которые вызывают стрессовые состояния у руководителей. Стрессовые ситуации запускают способы совладающего поведения у руководителей, которые не имеют различий от их должностного статуса. Преобладающим стилем совладания со стрессом, как у руководителей среднего звена, так и у руководителей высшего звена является проблемно-ориентированный копинг. Как отмечает автор «чаще всего при возникновении стрессовых ситуаций руководители обращаются к анализу проблемы, ее решению, направляют свои усилия на изменение трудной ситуации» [5, с. 149].

Таким образом, в психологической модели лиц, занимающих руководящую должность, стрессоустойчивость как способность сохранять высокий уровень эффективности деятельности в напряженных условиях профессиональной деятельности, является профессионально-важным качеством. Высокий уровень стрессоустойчивости снижает риск использования неэффективных стратегий совладания и позволяет успешно противодействовать возникновению стресса у руководителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодров В.А. Информационный стресс. - М.: Пер Сэ, 2000. - 352 с.
2. Горбушин А.Е. Вопросы методологии управленческой деятельности / А.Е. Горбушин, Ю.А. Сауров. – Киров, 2003. – 272 с.
3. Долгова В.И. Формирование эмоциональной устойчивости / В.И. Долгова, М.Ю. Буслаева. – Челябинск, изд-во РЕКПОЛ, 2010. - 205 с.
4. Качина А.А. Психологическая структура профессионального стресса у менеджеров разного должностного статуса: дис. ... канд. психологических наук. - Москва, 2006. - 163 с.
5. Ковалева О.А. Совладание руководителей со стрессом на рабочем месте // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. - 2013. - № 4 (19). - С. 148-151.
6. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: дис. ... доктора психологических наук. - Кострома, 2005. - 473 с.
7. Моросанова В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека. - М.: Наука, 2012. - 519 с.
8. Урбанович, А.А. Психология управления: учеб. пособие. - Мн: Харвест, 2007. – 640 с.
9. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека: Учебное пособие. - М.: Издательская корпорация Логос, 1996. - 320 с.

© Синайский Дамиан Димитрианович (damiansynaysky@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ЭТАПА РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ НА ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ, У ЖЕНЩИН, ПОДВЕРГШИХСЯ НАСИЛИЮ В СЕМЬЕ

Таусинова Ольга Константиновна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения Российской Федерации
rector@krasgmu.ru

INFLUENCE OF PSYCHOLOGICAL TRAUMA DEVELOPMENT STAGE ON PERSONAL CHARACTERISTICS IN WOMEN EXPERIENCING DOMESTIC VIOLENCE

O. Tausinova

Summary: Purpose: the article deals with the features of psychological trauma development on the personality traits of women who have experienced domestic violence, analyzes the features of psychological trauma.

Methods: in the course of the study, we used the following methods: a clinical questionnaire for identifying and evaluating neurotic States (authors - K.K. Yakhin, D.M. Mendelevich), a test of neuropsychic adaptation (I.N. Gurvich), the V.M. Bekhterev research Institute, a symptomatic questionnaire SCL-90-R Derogatis scale, Q sorting, a thematic apperceptive questionnaire TAT. SPSS, the Mann Whitney test, was used as a statistical data processing program.

Results: in the course of the study, there was a tendency for women who are at the stage of assimilation of traumatic experiences to have a high level of asthenia and neurotic depression. Women tend to avoid leadership, the topic of relationships with the opposite sex, at this stage becomes significant, but remains painted in dark tones. Women of all three groups showed an attitude to themselves, an interest in their personality, a high level of neuroticism, a desire for dependence and a tendency to avoid struggle.

Conclusions: thus, we observe significant differences in the features of trauma development at different stages, which suggests that the strategy for working with these women should differ, depending on the duration of the traumatic event.

Keywords: domestic violence, psychological trauma, Psychotrauma, trauma experience, stages of traumatization, domestic violence.

Аннотация: Цель: в статье рассматриваются особенности развития психологической травмы на особенности личности, у женщин, переживших насилие в семье, анализируется особенности психологической травмы.

Методы: в процессе исследования нами использовались следующие методики: клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (авторы - К.К. Яхин, Д.М. Менделевич), тест нервно-психической адаптации (И.Н. Гурвич), НИИ им. В.М. Бехтерева, симптоматический опросник SCL-90-R Шкала Дерогатиса, Q сортировка, тематический апперцептивный опросник ТАТ. В качестве программы обработки статистических данных была использована SPSS, критерий Манна Уитни.

Результаты: в процессе исследования была замечена тенденция женщин, находящихся на этапе ассимиляции травмирующего опыта характерен высокий уровень астении и невротической депрессии. Женщины имеют стремиться избежать лидерства, тема отношений с противоположным полов, на данном этапе становится значимой, но остается окрашенной в мрачные тона. Отношение к себе, заинтересованность в своей личности, наличие высокого уровня невротизации, стремление к зависимости и склонности к избеганию борьбы проявлялось у женщин всех трех групп.

Выводы: таким образом, мы наблюдаем значимые различия в особенностях развития травмы на различных этапах, что предполагает, что стратегия работы с данными женщинами должна различаться, в зависимости от давности травматического события.

Ключевые слова: насилие в семье, психологическая травма, психотравма, переживание травмы, этапы травматизации, домашнее насилие.

Введение

Достаточно часто люди, пережившие домашнее насилие, хранят в тайне, то, что с ними произошло. Им очень сложно поделиться с кем-либо подобной информацией и своими переживаниями. Rode, D., Rode, M., Marganski, A.J. указывают, что часто именно изоляция становится определяющим для формирования посттравматического стрессового расстройства [1]. Both L.M, Favaretto T.C. объясняют, что жертвы насилия не проявляют творческого приспособления к ситуации и не ищут помощи, ввиду развивающейся психологиче-

ской травмы [2].

Мы рассматриваем психологическую травму, это некую угрозу целостности личности, или целостности близких, физическую или психологическую. Дмитриева Н.В., Козырева Т.С., Перевозкина Ю.М. [3] отмечают, что, оказавшись в ситуации угрозы целостности невозможно, не быть травмированным, при этом различаются реакции на событие. Oram S., Khalifeh H., Howard L.M. описывают в своем труде, что каким-то потерпевшим удается ассимилировать опыт, и продолжать нормальную жизнедеятельность, а кто-то остается в глубоком

кризисном состоянии, либо может проживать посттравматическое расстройство личности [4].

Азарных Т.Д. указывает на то, что женщины, которые совершают попытку завершить отношения с насильником, в 80 % случаев возвращаются обратно. Они способны игнорировать агрессивную сторону насильника, а значит существующую опасность, либо они боятся вызвать ещё большую агрессию [5]. Moreira P.S., Cloninger CR, Rocha MJ, Ferreira N, Oliveira J, Gonçalves D.M. отмечают, что часто психические состояния, которые формируются у женщины вследствие длительного домашнего насилия становятся более выраженными, и самопомощи недостаточно, женщина нуждается в специализированной помощи [6].

Исаева Э.Г. Сутаева А.Р. указывают, что с точки зрения работы с психологической травмой огромное значение для работы и реабилитации имеют сроки давности травмы. Не умаляя её значимости травмы, важно сказать, что у психологических травм не бывает срока давности [7].

Материалы и методы

В исследовании участвовало три группы респондентов, 30 человек, в каждой, все испытуемые были женщинами в возрасте от 20-и лет до 36-и, средний возраст 32,6 лет, средний срок брака 5,4 года, все женщины работают и имеют детей.

1. Первая группа, состояла из женщин, остающихся в травматической ситуации. Проживающих с мужем или сожителем и находящихся с ним в сложных и насильственных отношениях.
2. Вторая группа, состояла из женщин, оказавшихся в безопасном месте, после завершения травмы. Данная группа женщин проживали не более двух месяцев не на территории мужа или сожителя, у родителей, либо арендовали квартиру. Отношения были завершены.
3. Третья группа, состояла из женщин, находящихся на этапе ассимиляции травмирующего опыта, и находящихся в безопасном месте более полу года.

В процессе исследования нами использовались следующие методики: клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (авторы - К.К. Яхин, Д.М. Менделевич), тест нервно-психической адаптации (И.Н. Гурвич), НИИ им. В.М. Бехтерева, симптоматический опросник SCL-90-R Шкала Дерогатиса, Q сортировка, тематический апперцептивный опросник ТАТ. В качестве программы обработки статистических данных была использована SPSS, критерий Манна Уитни.

Литературный обзор

Шведский психиатр Johan Cullberg, в своей книге *Creating Crisis* (1992) выделил следующие этапы развития

травмы:

1. Шоковая фаза - продолжительность от нескольких часов до нескольких дней с момента травмы.
2. Фаза реакции длится - 2-4 месяца.
3. Фаза возврата к действительности - начинается после 4-го месяца с момента травмы, продолжительность около 2-х месяцев.
4. Фаза реабилитации - начало этой фазы через полгода после травмы [8].

Ясенка Преград - автор и руководитель программы ЮНИСЕФ «Остановить насилие среди детей» (программой охвачено более 300 школ и 150 000 учеников), приводит следующие фазы:

1. Пока травма происходит. Фаза травматизации, фаза, которая может длиться длительно, если речь идет, например, о систематическом насилии, либо быстро, стихийные бедствия.
2. Сразу после травмы. Травма завершилась, и женщина попала в безопасное место. Т.е. чаще всего это происходит после разрыва отношений, либо при смене места жительства.
3. Позже. Через определенное время происходит этап ассимиляции опыта.

Как отмечают Niolon P.H, Kearns M, Dills J, Rambo K, Irving S, Armstead T, Gilbert L., Преград Я. указывает, что очень важно, что участники психологических групп реабилитации имели похожий опыт и давность травмы, так как женщины, пережившие насилие, часто переполнены эмоциями, и не могут слушать других участников, а противоречивые переживания могут привести к ретравматизации [9].

Judith Herman в труде *Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence* (2015) соглашается с Преград Я. в плане описания фаз травматизации, а так же приводит, подробный анализ психологической реабилитации лиц переживших травматическую ситуацию [10].

По мнению Madalena, M., Carvalho, L.F., & Falcke, D. существует высокий уровень актуальности поддержки, реабилитации и работы с женщинами, пережившими насилие, отсутствует достаточное количество исследований, посвященных специфике работы с женщинами, пережившими насилие в семье, с точки зрения динамики переживаний после травматической ситуации, а это является критически важным аспектом, в разработке программ реабилитации пострадавших, и в последствии их успешной социализации [11, 12].

Данное противоречие обусловило выбранное нами направление работы.

Цель исследования заключается в эмпирическом и теоретическом анализе влияние этапа развития психологической травмы на особенности личности, у женщин,

переживших насилие в семье.

Задачи исследования заключались в рассмотрении особенностей влияния психологической травмы на особенности личности у женщин, переживших насилие в семье, подборе методик, организации исследования, а так же сравнительном анализе групп респондентов с точки зрения этапа развития психологической травмы.

Результаты

По результатам опросника для выявления и оценки невротических состояний (К.К. Яхина, Д.М. Менделевича) были выявлены следующие показатели у женщин, результаты представлены в таблице 1:

Таблица 1.

Исследование оценки невротических состояний (среднее)

	Общая выборка	Группа 1	Группа 2	Группа 3
Тревога	-1,974	-0,15	1,25	1,53
Невротическая депрессия	-2,54	0,34	1,12	0,86
Астения	0,57	-1,67	0,76	-1,04
Истерический тип реагирования	1,71	0,98	0,34	0,28
Обсессивно- фобические нарушения	1,32	2,21	1,70	1,84
Вегетативные нарушения	0,87	0,86	1,65	1,82

Статистические значимые различия наблюдались по шкалам тревоги депрессии стене между группами 1 и 3.

Далее в таблице представлены группы в зависимости от динамики развития травматического состояния, по результатам теста Тест нервно-психической адаптации (И.Н. Гурвич), НИИ им. В. М. Бехтерева

Таблица 2.

Исследование оценки нервно-психической адаптации (среднее)

	Группа 1	Группа 2	Группа 3
Шкала тревоги	18,5 ± 5,8	35,6 ± 7,3	32,4 ± 7,9

Результаты группы 2 и 3 относятся к средним значениям и не является низким.

Для того чтобы понять, насколько этап развития травмы может влиять на психическое здоровье, нами было проведено сравнение трех групп по шкалам SCL-90-R.

Таблица 3.

Сравнение показателей по шкалам SCL 90 R (среднее)

Подшкалы SCL90R	Группа 1	Группа 2	Группа 3
Соматизация (SOM)	0,67	0,76	0,74
Обсессивность – компульсивность (OC)	0,70	1,46	0,77
Межличностная сензитивность (INT)	0,67	1,41	0,73
Депрессия (DEP)	0,70	1,67	0,74
Тревожность (ANX)	0,62	1,46	0,67
Враждебность (HOS)	0,60	1,10	0,66
Фобическая тревожность (PHOB)	0,30	0,64	0,37
Паранойяльные симптомы (PAR)	0,62	1,16	0,67
Психотизм (PSY)	0,42	0,74	0,46
Общий индекс тяжести (GSI)	0,66	1,26	0,67

Женщины 2 и 3 группы склонны к развитию обсессивно-компульсивных чёрт, в то время как группа 1 находится в состоянии депрессии.

Таблица 4.

Сравнение показателей по шкалам Q сортировки (среднее)

Подшкалы Q сортировки	Группа 1	Группа 2	Группа 3
Зависимость	5,7	6,8	5,8
Необщительность	6,2	5,8	7,9
Избегание борьбы	6,8	8,5	8,6
Независимость	2,2	2,6	1,7
Общительность	3,7	2,8	4,6
Принятие борьбы	1,7	1,9	2,7

В целом необходимо заметить, что респондентки трёх групп обладает тенденцией к зависимости, имеет низкую социальную адаптацию, при этом Данные показатели в группе один выражена наиболее ярко.

Рассмотрим результаты традиционного Тематического апперцептивного теста (ТАТ).

Таблица 5.

Контент-анализ рассказов трех групп женщин (%)

Показатель	Группа 1	Группа 2	Группа 3
Констатирующий тип изложения	30,8	16,7	0,0
Описательный тип изложения	69,2	83,3	100,0
Использование выразительных средств языка	38,5	50,0	100,0
Тема сюжета:			
собственное «Я»	12,0	13,1	18,9
социальные отношения и доминирование	49,0	42,5	37,7
отношения с противоположным полом	19,0	37,5	43,4

Как видно из таблицы, 1-я группа гораздо реже, чем 3-я группа, разворачивают целостный рассказ при предъявлении стимульного материала и практически не используют выразительные средства языка ($p < 0,001$).

В большинстве своем женщины первой и второй группы стремились констатировать ситуацию, описывать ее, не развивая и не углубляясь, даже при поощрении экспериментатора. Женщины группы 1 стремились при этом интерпретировать увиденное, употребляли выразительные средства языка.

Перейдем далее к обсуждению полученных результатов.

Обсуждение

Согласно полученным результатам, в группе 1 доминируют болезненные и предболезненное состояние, практически отсутствуют нормативные показатели, в большей степени мы наблюдаем пиковые значения особенно по шкалам «тревоги», «депрессии» и «истерического типа реагирования». Вторая группа более нормативна по показателям, значения в зоне болезни не наблюдаются, однако выражена «астения», «тревога» и «депрессия», а также «истерический тип реагирования». В третьей группе ряд показателей соответствовал нормативным уровнем здоровья, однако также наблюдались депрессивные состояния. Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о наличии наибольшего уровня невротизации в группе 1.

Уровень нервно-психической адаптации в группах 2 и 3 статистически значимо различаются с результатами группы 1. Что любопытно, наиболее высокий уровень нервно-психической адаптации достигает вторая группа, что может говорить, о некотором эйфорическом состоянии, после пережитых событий. В последствии уровень нервно-психической адаптации снижается. Уровень социально-психологической адаптированности испытуемых первой группы относится к низким значениям им свойственна патологическая психическая дезадаптация и вероятное болезненное состояние. Показатели обследования группы 3 значительной степени отличается от показателей группы 1, респондентки третьей группы имеют менее выраженные психопатологические симптомы. Первая и вторая группа различаются по шкалам «соматизации», «депрессии» и «психотизма». Вторая и третья группа наиболее различны по шкалам враждебности «психотизма» и «межличностная сензитивность». Таким образом женщины группы 1 имеют явные черты психологического неблагополучия, мы предполагаем, что данные изменения носят приобретённый характер и является в некотором смысле пограничными.

В рассказах женщин первой второй группы наиболее

распространённой темой являла систему социальных отношений, и доминирования, в то время как респондентки группы 3 более заинтересованы в теме отношений с противоположным полом. Все три группы редко касались темы собственного «Я» и отношения к себе. Женщины первой группы более фокусировались на теме отношений с другим, а женщины группы 2 и 1 касались темы «плохого будущего», страшных фантазий о том, что может случиться. Женщины группы 3 описывали отношения с противоположным полом в романтическом ключе, при этом их рассказы были полны тревоги. В рассказах группы 1 и 2 наиболее ярко прослеживается темы недостижимой взаимности. Женщины группы 1 говорят о возможности того, что другой человек может измениться.

Таким образом обобщая вышесказанное необходимо заметить, что женщины, которые остаются в травматической ситуации находится в болезненных переживаниях, они астеничны, тревожны и им свойственна депрессивная симптоматика, они теряют интерес к жизни, стремятся избегать борьбы и склонны к зависимым отношениям.

Для женщин, оказавшихся в безопасном месте, после завершения травмы характерен высокий уровень астении и истерического реагирования. Женщинам свойственен высокий уровень нервно-психической адаптации, увеличивается вероятность развития непрерывных, непреодолимых и чуждых «Я» мыслей, импульсов и действий.

Для женщин, находящихся на этапе ассимиляции травмирующего опыта характерен высокий уровень астении и невротической депрессии. Женщины имеют высокие показатели по шкале «обсессивности - компульсивности», Женщины имеют стремление уйти от взаимодействия, сохранить нейтралитет в групповых спорах и конфликтах, избежать лидерства, тема отношений с противоположным полов, на данном этапе становится значимой, но остается окрашенной в мрачные тона.

Отношение к себе, заинтересованность в своей личности, наличие высокого уровня невротизации, стремление к зависимости и склонности к избеганию борьбы проявлялось у женщин всех трех групп.

Заключение

Таким образом, мы можем заметить тенденцию к изменению переживаний и особенностей развития травматической ситуации, начиная от острого этапа нахождения в травмирующей ситуации, женщины попадая в безопасное место, испытывают временное короткое эйфорическое состояние, но при этом проживают явную тревогу и не имеют достаточно личной энергии к деятельности, что выражается в астенических тенденциях.

На этапе ассимиляции, когда происходит, в некотором роде «сваривание полученного опыта, мы можем заметить, что с одной стороны невротическая симптоматика снижается, но остается мрачные взгляды на будущее, по видимому обусловленные травматической ситуацией, а так же некоторые характерологические особенности, такие как склонность к зависимости. Так же женщины остаются тревожными, не в достаточной степени нерв-

но-психически адаптированными.

Таким образом, мы наблюдаем значимые различия в особенностях развития травмы на различных этапах, что предполагает, что стратегия работы с данными женщинами должна различаться, в зависимости от давности травматического события. Данное направление является актуальным, и требует дальнейших научных разработок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rode D., Rode M., Marganski A.J. et al. The Impact of Physical Abuse & Exposure to Parental IPV on Young Adolescents in Poland: a Clinical Assessment and Comparison of Psychological Outcomes // *J Fam Viol.* 2019. № 34. P. 435–447. doi.org/10.1007/s10896-019-00036-4
2. Both L.M., Favaretto T.C., Freitas L.H. Cycle of violence in women victims of domestic violence: Qualitative analysis of OPD 2 interview // *Brain Behav.* 2019. № 9. P. 1–13. doi.org/10.1002/brb3.1430
3. Дмитриева Н.В., Козырева Т.С., Перевозкина Ю.М. Кризисная идентичность посттравматической личности. Монография. Мин-во обр. и науки РФ; 2014.
4. Oram S., Khalifeh H., Howard L.M. Violence against women and mental health // *Lancet Psychiatry.* 2017. № 4. P. 159–170. dx.doi.org/10.1016/S2215-0366(16)30261-9
5. Азарных Т.Д. Личностные особенности при посттравматических стрессах // *Академический журнал Западной Сибири.* 2012. №1. С.33.
6. Moreira P.S., Cloninger C.R., Rocha M.J., Ferreira N., Oliveira J., Gonçalves D.M. The psychometric properties of the Portuguese version of the TCI-R // *Psychological Reports.* 2017; № 120(6). P. 1178–1199. doi: 10.1177/0033294117711914
7. Исаева Э.Г. Сутаева А.Р. Консультирование травмированной личности // *Вестник Университета Российской академии образования.* 2016. №4. С.84–93.
8. Cullberg J. Creating Crisis // *Acta Psychiatrica Scandinavica.* № 84 (3). P. 242–245. doi:10.1111/j.1600-0447.1991.tb03137
9. Niolon P.H., Kearns M., Dills J., Rambo K., Irving S., Armstead T., Gilbert L. Preventing intimate partner violence across the lifespan: a technical package of programs, policies, and practices. National Center for Injury Prevention and Control, Centers for Disease Control and Prevention. c2017. Available at: <https://www.cdc.gov/violenceprevention/pdf/ipv-technicalpackages.pdf> Accessed: 8 Mar 2021.
10. Herman J. *Group Trauma Treatment in Early Recovery: Promoting Safety and Self-Care.* The Guilford Press; 2015.
11. Madalena M., Carvalho L. F., & Falcke D. Violência conjugal: O poder preditivo das experiências na família de origem e das características patológicas da personalidade // *Trends in Psychology.* 2018. № 26(1), P.75–91. 10.9788/TP2018.1-04Pt
12. Herman J. *Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence—from Domestic Abuse to Political Terror.* The Guilford Press; 2018.

© Таусинова Ольга Константиновна (rector@krasgmu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ С РАЗЛИЧНЫМ ТИПОМ ОТНОШЕНИЯ К СЛУЖБЕ В АРМИИ

Фёдоров Александр Фёдорович

*К.псих.н., доцент, с.н.с., ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва;
Владимирский государственный университет имени
Александра Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых
zimbur79@mail.ru*

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE PERSONAL SERVICE URGENT SERVICE WITH DIFFERENT TYPES OF ATTITUDE TO SERVICE IN THE ARMY

A. Fedorov

Summary: The article examines the features of military professional activity and the psychological characteristics of conscripts, which influence the formation of the type of attitude towards service in the army. The authors give the main directions of socio-psychological conditions that contribute to a decrease in the level of negative perception of young people doing military service in a military unit. A favorable socio-psychological climate in the military collective is required.

Keywords: soldier, individual psychological properties, personality, warrior, abilities, individual orientation, activity.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности военно-профессиональной деятельности и психологические особенности солдат срочной службы, которые влияют на формирование типа отношений к службе в армии. Авторы дают основные направления социально-психологических условий, способствующих снижению уровня негативного восприятия молодыми людьми, проходящими срочную службу в воинской части. Необходим благоприятный социально-психологический климат в воинском коллективе.

Ключевые слова: военнослужащий, индивидуально-психологические свойства, личность, воин, способности, индивидуальная направленность, деятельность.

На сегодняшний день армия находится на этапе активного реформирования. Ослабла социальная защищенность военнослужащих. Следствием этого стало снижение безопасности России. Это определяет актуальность темы. Важное место в комплексе индивидуально-психологических свойств личности воина занимают его способности, выражающие готовность военнослужащего к овладению определенными видами деятельности с заданной эффективностью. Каждый военнослужащий обладает способностями, присущими только ему. Поэтому психолог должен быть заинтересован в их своевременном выявлении и внимательном изучении.

Оценка способностей солдат, проходящих срочную службу, должна быть целеустремленной и систематической. При этом главное максимально гармонично согласовать возможности и способности воинов с требованиями конкретных военных специальностей [6, с. 34].

По мнению А.Г. Маклакова, необходимо увидеть своеобразие индивидуальной направленности воина, правильно оценить ее и верно прогнозировать его последующие поступки и действия [3, с. 405].

В типологии твердо установлено положение, что все психические процессы и психические состояния могут быть изучены только в конкретной деятельности чело-

века [5, с.378].

Побудительными причинами человеческой деятельности являются мотивы. Мотивы – это совокупность внутренних и внешних условий, которые вызывают активность.

Цель и задачи могут совпадать (задача позволяет достичь искомой цели), но в сложных видах деятельности задача обычно способствует достижению частной цели на пути к главной. И только после этого он может претендовать на то, чтобы называться специалистом.

Еще один вид деятельности – обучение. Обучение может быть организованным и осуществляться в специальных образовательных учреждениях. Обучение взрослых может происходить путем самообразования.

Основной характеристикой любой трудовой деятельности служит степень ее социальной значимости, и с этой точки зрения военно-профессиональная деятельность по праву считается одной из наиболее важных [1, с. 92].

Необходимо рассмотреть особенности военно-профессиональной деятельности, которая является сложной и многообразной.

Особую роль в организации деятельности играют: воля, мышление, внимание, восприятие и другие психические процессы.

Однако деятельность – это не только психическая сфера, но и физиология, где центральное место занимает физиология движения. Кроме этого, деятельность непосредственно связана с социальной сферой, поскольку становление человека как представителя человеческого общества осуществляется в процессе его сознательной деятельности. Рассмотрим структуру и основные компоненты деятельности современного человека.

В отечественной психологии исследование структуры человеческой деятельности осуществляется с позиции теории деятельности [4, с. 256].

Проблемой исследования является то, что психологические особенности солдат срочной службы влияют на формирование типа отношений к службе в армии.

Цель исследования - изучение психологических особенностей солдат срочной службы с различным типом отношения к службе в армии.

Объектом данной работы являются - солдаты срочной службы.

Предметом – психологические особенности солдат срочной службы с различным типом отношения к службе в армии.

Гипотеза данного исследования - можно предположить, что существуют различия в психологических особенностях солдат срочной службы с различным типом отношения к службе в армии.

С.Л. Рубинштейн, приступая к характеристике личности, особое внимание обращает, на зависимость психических процессов от личности [2, с. 60].

Теоретическую базу исследования составили: Личностно-деятельностный подход Леонтьева А.Н. и Концепции формирования личности и ее деятельности в условиях военной службы.

Эмпирическая база исследования: на базе воинской части г. Владимира. В исследовании участвовали солдаты, проходящие срочную службу в воинской части, в количестве 60 человек. Методы исследования: практические (тестирование), теоретические (анализ литературы), математические (коэффициент корреляции Спирмена).

На первом этапе проводился анализ методической литературы по теме исследования и ознакомление с ра-

ботой программы «Psychometric Expert».

На втором этапе проходила выборка и разделение на три группы в зависимости от типа отношения к службе в армии.

На третьем этапе, на основании полученных результатов тестирования и беседы составлялись психологические портреты представителей выделенных подгрупп.

Исследование проводилось на военнослужащих в возрасте от 18 до 23 лет, проходящих срочную службу в воинской части. Численность выборки – 60 человек. 15% испытуемых имеют среднее (полное) общее образование; 40% – среднее профессиональное образование; и 45% испытуемых имеют высшее образование.

С помощью опросника «Установки на военную службу» разделили исследуемых на три группы: военнослужащие по призыву с отрицательным, нейтральным и положительным типом отношения к службе в армии. А именно, в процентном соотношении получили следующие результаты:

47,5% – солдаты срочной службы, которые относятся к службе в армии отрицательно, 25% исследуемых относятся к службе в армии положительно и 27,5% военнослужащих по призыву придерживаются нейтральной позиции в отношении службы в армии. Для выявления уровня личностной и ситуативной тревожности у солдат срочной службы использовали методику Ч.Д. Спилберга – Ю.Л. Ханина.

Испытуемые с низким уровнем личностной тревожности, как правило, характеризуются депрессивным, неактивным состоянием, с низким уровнем мотиваций, составляют 30%, из которых по 50% представлены испытуемые с нейтральным и положительным типами отношения к службе в армии. Личности, относимые к категории высоко-тревожных склонны воспринимать угрозу своей самооценке и жизнедеятельности в обширном диапазоне ситуаций и реагировать на них выраженным состоянием тревожности. От общего числа респондентов, таковые составляют 32,5%. 15,4% из которых – исследуемые военнослужащие, относящиеся к нейтральному типу отношения к службе в армии, 84,6% - к отрицательному.

Из общего числа исследуемых солдат срочной службы средний уровень ситуативной тревожности выявлен у 65% испытуемых. Если принять полученный результат за 100%, то распределение по выделенным типам будет выглядеть следующим образом: 26,9% - испытуемые, относящихся к службе в армии положительно, 42,3% - нейтрально относящиеся к службе в армии, 30,8% - военнослужащие с отрицательным типом отношения к военной

службе. Низкий уровень ситуативной тревожности выявлен у 20% исследуемых, из которых: 37,5% – испытуемые с положительным типом отношения к службе в армии и 62,5% – с нейтральным типом отношения к службе. Высокий уровень ситуативной тревожности наблюдается у 15% солдат срочной службы. Испытуемые с положительным и отрицательным типами отношения к службе в армии занимают здесь по 50%.

Для определения доминирующего мотива у солдат срочной службы использовали методику А. Мехрабиана «Опросник измерения мотивации успеха».

Из полученных результатов видно, что у испытуемых преобладает мотив избегания неудач. В процентном соотношении, это выглядит следующим образом: мотив избегания неудач выявлен у 87,5% исследуемых и 12,5% более свойственен мотив стремления к успеху.

Исходя из этих данных можно сделать вывод о том, что только у 12,5% исследуемых военнослужащих по призыву, выражена потребность в преодолении препятствий, у 87,5% же преобладает мотив избегания неудач. Люди с подобным ведущим мотивом стремятся любым способом избежать наказания, они склонны к поиску помощи в достижении своих целей, как правило ставят либо очень легкие цели, либо заведомо недостижимые, не выполнение которых никак не повлияет на их самооценку.

Распределение результатов по выделенным подтипам выглядит следующим образом. У 25% испытуемых с положительным типом отношения к службе в армии доминирует мотив стремления к успеху, у оставшихся же 75% - мотив избегания неудач. Результаты, относящиеся к испытуемым, занимающим нейтральную позицию по отношению к службе в армии, разделились так: 15,8% - мотив стремления к успеху, 84,2% - мотив избегания неудач. И у 100% испытуемых, отрицательно относящихся к службе в армии, доминирует мотив избегания неудач.

Используя методику диагностики межличностных отношений Т. Лири, были выявлены следующие типы межличностных отношений (смешанные типы не выявлены): авторитарный - 20%, эгоистический - 0 %, дружелюбный - 40%, альтруистический - 5%, подчиняемый - 15%, зависимый - 5%, агрессивный - 3,33%, подозрительный - 5%.

Преобладающим типом межличностных отношений является фактор «Подчинение» - 65% респондентов. Такие испытуемые характеризуются отказом от ответственности и позиции лидерства.

У наименьшего количества испытуемых выявлен фактор «Дружелюбие» - 35% испытуемых. Испытуемые,

имеющие высокую оценку по данному показателю, являются личностями, которые стремятся к дружелюбным отношениям.

Адекватно оценивают сложившиеся межличностные отношения 40% респондентов, 15% из которых – испытуемые, относящиеся к отрицательному типу отношения к службе в армии, 55% – испытуемые с положительным типом отношения к службе и 30 % респондентов, занимающих нейтральную позицию по отношению к службе в армии. Большая часть испытуемых в исследуемой группе имеют неадекватную самооценку – 60% от общего числа испытуемых. Распределение по типам будет выглядеть следующим образом: 74% – военнослужащие по призыву с отрицательным типом отношения к службе в армии, 15% – испытуемые нейтральным типом отношения к службе и 11% – респонденты, положительно относящиеся, к службе в армии.

Используя 16-РН опросник Р.Д. Кэттела (105 вопросов) имеем профили значений. Полученные данные по 16-РН опроснику Кэттела в группах военнослужащих с различным типом отношения к службе в армии прошли обработку. Наблюдалась следующая выраженность факторов у выделенных подтипов.

У испытуемых с положительным типом отношения к службе в армии более выраженными оказались следующие факторы: Н+ - данный фактор отвечает за следующие характеристики: смелость, предприимчивость, общительность, активность, импульсивность – 50% испытуемых. С+ - эмоциональная устойчивость, выдержанность, трезво смотрит на вещи, реально оценивает обстановку, избегает трудности – 72% испытуемых. У испытуемых с нейтральным типом отношения к службе в армии более выраженными оказались следующие факторы: С - отрицательный результат по данному фактору может свидетельствовать о таких характеристиках личности: критичность, объективность, жестокость – 65%, занимающих нейтральную позицию по отношению к службе в армии. G+ совестливость, точность, деловая направленность – 80% испытуемых, отрицательно относящихся к службе в армии. I+ - Высокая оценка по фактору является показателем мягкости, чувствительности, утонченности, мечтательности, быстрая обучаемость; рассудительность, практичность, реалистичность.

Можно сделать вывод, что существуют различия в психологических особенностях.

Для измерения оценки значимости исследования использовали коэффициент корреляции Спирмена. Получили, что существует прямая связь между уровнями тревожности, самооценки, интеллектом, мотивацией.

Представленные обобщенные портреты солдат сроч-

ной службы, разделенные по трем выделенным типам: с положительным, нейтральным и отрицательным типом отношения к службе в армии помогли выбрать направление профилактической работы.

Испытуемые, в зависимости от принадлежности их к тому или иному подтипу, отличаются друг от друга по характеристикам эмоциональной, коммуникативной, интеллектуальной морально-нравственной и волевой сфер, так же по уровню самооценки и личностной тревожности. На основе полученных в результате проведенного исследования данных были составлены рекомендации.

Необходим благоприятный социально-психологический климат в воинском коллективе, которого можно добиться постепенной гармонизацией отношений. Необходима постоянная качественная психологическая диагностика возможных нарушений нормального функционирования психических процессов военнослужащих, и своевременное принятие мер по их устранению. Данное исследование может помочь психологам и социальным работникам создать социально-психологические условия, способствующие снижению уровня негативного восприятия молодыми людьми призывного возраста службы в армии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лепешинский И.Ю.; Основы военной педагогики и психологии: конспект лекций // Ю.И. Лепешинский и др.; Омск: Изд-во ОмГТУ, 2011. - 179с.
2. Леонтьев А.А. Лекции по общей психологии: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология» // А.Н. Леонтьев, Москва.: Смысл, 2011 - 509 с.
3. Маклаков А.Г. Общая психология. Учеб. пособие для студентов вузов и слушателей курсов психол. дисциплин Москва.: Наука, 2009. - 582 с.
4. Немов Р.С. Социальная психология: история, предмет и методы: общение и межличностные отношения: социальные группы: массовидные явления психики: социальная психология и практика] / Р.С. Немов, И. Р. Алтунина; Санкт-Петербург.: Питер, 2008. - 427с.
5. Реан А.А.; Молодежь и социум: психологические и педагогические проблемы: сборник статей / М-во внутренних дел Российской Федерации, Московский ун-т; под ред. А.А. Реана. Москва.: Смысл, 2009 - 123 с.
6. Шапошников М.С. Психологические особенности исполнительской деятельности военнослужащих, проходящих службу по призыву: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: Шапошников Максим Сергеевич; Москва.: Лабиринт, 2009. - 25 с.

© Фёдоров Александр Фёдорович (zimbur79@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СКЛОННОСТЕЙ К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

A STUDY OF PROFESSIONAL DISPOSITIONS TO BUSINESS ACTIVITIES YOUNG PEOPLE OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA

T. Fotekova
S. Mitrukhina
E. Vlasova
A. Fedorova
A. Mantikova

Summary: The article presents the results of an experimental study of the predisposition to entrepreneurial activity in young people aged 19-30 years, including those receiving higher and secondary professional education, living in the Republic of Khakassia. Based on the abstract study and review of the literature on the problem of entrepreneurial abilities, a generalized model of a modern entrepreneur and a program for diagnostics (assessment) of professional predisposition to entrepreneurial activity were compiled. Personal and professionally important qualities of an entrepreneur (future entrepreneur) were grouped into 5 clusters, the content of which is filled with qualities. The developed psychodiagnostic complex was tested on a sample of subjects.

Keywords: entrepreneurial inclinations, entrepreneurial motives, entrepreneurial goals, entrepreneurial intent, model, professionally important qualities of an entrepreneur.

Фотекова Татьяна Анатольевна

Д.псих.н., профессор, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» (г.Абакан)
fotekova@yandex.ru

Митрухина Светлана Владимировна

ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» (г.Абакан)
mitruhina_lana80@mail.ru

Власова Евгения Николаевна

к.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» (г.Абакан)
vlasova6510@gmail.com

Федорова Анжелика Алексеевна

к.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» (г.Абакан)
alis151@yandex.ru

Мантикова Анна Владимировна

старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» (г.Абакан)
anetdomanet@mail.ru

Аннотация: В статье представлены результаты экспериментального исследования предрасположенности к предпринимательской деятельности у молодых лиц 19-30 лет, в том числе получающих высшее и среднее профессиональное образование, проживающих в Республике Хакасия. На основе реферативного изучения и обзора литературы по проблеме предпринимательских способностей была составлена обобщенная модель современного предпринимателя и программа диагностики (оценки) профессиональной предрасположенности к предпринимательской деятельности. Личностные и профессионально-важные качества будущего предпринимателя были сгруппированы в 5 кластеров, содержание которых наполнено качествами. Разработанный психодиагностический комплекс апробирован на многочисленной выборке испытуемых.

Ключевые слова: предпринимательские склонности, предпринимательские мотивы, предпринимательские цели, предпринимательская интенция, модель, профессионально-важные качества предпринимателя.

Современные социально-экономические условия диктуют необходимость развития качеств делового человека – предпринимателя. Общество «процветания» и высокого уровня жизни немислимо без предпринимательских усилий.

Предпринимательство – явление экономической жизни общества, это общественно-хозяйственный процесс создания нового, имеющего социальную, духовную, экономическую ценность. Этот процесс забирает силу

и время, предполагает принятие на себя моральной, юридической, социальной и экономической ответственности, он приносит прибыль и удовлетворение достигнутым. Предпринимательская деятельность – составная часть этого процесса.

Исследованием предпринимательства и предпринимательских способностей занимались такие ученые как Р. Кантильон, А. Смит, Ж.Б. Сэй, Дж.С. Мил, В. Зомбарт, П. Дракер, Й. Шумпетер и др.

В некоторых современных работах по экономической теории (Ж.Б. Сэй, А. Маршал и др.), предпринимательские способности отдельно рассматриваются как фактор производства особого рода, наряду с тремя классическими (труд, земля, капитал). Эти способности характеризуют деятельность по рациональной комбинации остальных факторов производства. Носителями предпринимательских способностей в рыночной экономике являются непосредственно предприниматели – люди, организующие новое дело.

Предпринимательские способности можно считать особым видом человеческого капитала, представленного деятельностью по координации и комбинированию всех основных факторов производства.

Теоретической и методологической базой исследования являются системный (В.А. Барабанщиков, Б.Ф. Ломов, В.Д. Шадриков и др.) и деятельностный (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, В.В. Давыдов, Т.В. Габай, В.И. Слободчиков) подходы, фундаментальные работы отечественных и зарубежных психологов по проблемам психологии предпринимательства (Д. Макклеланд, Р. Хизрич, М. Питере, В.В. Новиков, И. Шумпетер, Р. Брокхаус, М. Кете, А.Л. Журавлев, В.П. Позняков, А.В. Карпов, Т.Ю. Базаров, В.В. Марченко и др.); социальной психологии (Г.М. Андреева, В.В. Новиков, А.И. Донцов, А.Л. Свенцицкий, А.Л. Журавлев, И.П. Волков, Е.В. Шорохова и др.) и успешности профессиональной деятельности (Е.А. Климов, О.Н. Родина, Н.В. Самоукина, Б.М. Теплов и др.).

Психологическое изучение склонности и последующее стимулирование молодежи к предпринимательской деятельности в будущем может оказать существенное влияние на стабилизацию экономической ситуации и развитие института предпринимательства. Сегодня перед образовательными учреждениями стоит задача решить проблемы занятости выпускников, в том числе через формирование психологической готовности молодежи к предпринимательской деятельности.

Результаты исследования предпринимательства показывают, что большинство людей намерены заниматься предпринимательской деятельностью в более молодом возрасте. В связи с этим важным аспектом в изучении предпринимательства является исследование молодежного предпринимательства (в том числе среди студентов), ведь именно на этом жизненном этапе начинает формироваться предпринимательское сознание и отношение молодых людей к предпринимательской деятельности.

С целью оценки предрасположенности в предпринимательской деятельности молодежи нами было проведено исследование среди молодых людей 19-30 лет, в том числе получающих высшее и среднее профессиональное

образование, проживающих в Республике Хакасия.

Методологической основой исследования выступили теоретические положения Климовой Е.К. и выделенные ею критерии склонности к предпринимательской деятельности [5].

Климова Е.К. рассматривает следующие критерии склонности к предпринимательской деятельности [5]:

- *предпринимательские мотивы* – высокие показатели по критерию свидетельствуют о наличии у субъекта стремления заниматься предпринимательской деятельностью, в первую очередь, в связи с интересом к творческой, близкой ему по духу деятельности, под воздействием потребности в самореализации. Средние – говорят о том, что потребность в самореализации не является ведущей при намерении индивида заниматься предпринимательской деятельностью; низкие – об отсутствии у индивида внутренних мотивов при освоении или осуществлении предпринимательской деятельности.
- *предпринимательские цели* – высокие показатели по критерию указывают на целенаправленность деятельности предпринимателя, на высокий уровень его готовности к проявлению настойчивости в достижении поставленных целей. Средние показатели свидетельствуют о наличии у индивида целей, косвенно связанных с содержанием предпринимательской деятельности и не соответствующих потребности в самореализации в этой деятельности. Для предпринимателя «создание или развитие предприятия» является не целью, а средством достижения других целей (например, заработать много денег для обеспечения будущего детей). Низкие – говорят об отсутствии целенаправленности в предпринимательской активности индивида, о невысокой настойчивости в достижении предпринимательских целей;
- *предприимчивость* – высокие показатели по этому критерию свидетельствуют о ярко выраженной предприимчивости у человека – способности проявлять деловую активность, инициативность в предпринимательской деятельности; способности быстро принимать решения и действовать в условиях неопределенности. Чем выше показатели, тем сильнее выражена предприимчивость у человека;
- *стратегическое мышление* – критерий отражает способность индивида прогнозировать развитие рыночной ситуации, видеть образ будущего в ситуациях неопределенности, осознавать момент и точку приложения сил, заслуживающих риска, способность в затруднительных предпринимательских ситуациях «сосуществовать» с проблемой и строить проблемную ситуацию по-новому. Чем

выше показатели, тем более развито стратегическое мышление у человека;

- *стрессоустойчивость* – показатели по критерию отражают готовность индивида продуктивно трудиться в напряжённых, неопределённых и стрессовых ситуациях. Высокие показатели свидетельствуют о высокой степени выраженности данного качества у субъекта, и наоборот, низкие – говорят о низкой стрессоустойчивости человека.
- *предпринимательская интенция* – критерий отражает степень выраженности предпринимательских намерений у индивида. Человек, с высоким уровнем предпринимательской интенции, побуждается к деятельности, в первую очередь, мотивом достижения успеха в предпринимательской деятельности. Он ставит предпринимательские цели и проявляет высокую настойчивость в их достижении. Такой специалист способен испытывать чувство удовлетворения не только от результата предпринимательской деятельности, но также от её процесса и предвосхищения. Чем выше показатели, тем больше степень выраженности предпринимательских намерений у индивида;
- *предпринимательские ресурсы* – критерий отражает, насколько у субъекта развиты профессионально-важные качества (предприимчивость, стратегическое мышление и стрессоустойчивость), необходимые для успешного осуществления предпринимательской деятельности. Чем выше показатели, тем более развиты соответствующие предпринимательские ресурсы у субъекта.

Интегральным показателем предпринимательских способностей является «психологическая готовность к предпринимательской деятельности», которая свиде-

тельствует о степени освоения предпринимательской деятельности в целом. Чем выше показатели по этому критерию, тем выше степень освоения структурно-динамических элементов предпринимательской деятельности (мотивов, целей и ресурсов), а, следовательно, выше вероятность достижения успеха в осуществлении данной деятельности.

Предпринимательская компетентность представляет собой систему элементов, объединённых множеством связей как друг с другом, так и с внешней средой. В ходе разработки темы нами проведён экспертный анализ и отбор личностных и профессионально-важных качеств предпринимателя; отсортированные личностные и профессионально-важные качества сгруппированы в 5 кластеров, содержание которых наполнено качествами (факторами потенциала успешности предпринимательской деятельности) (рисунок 1).

Разработанный пакет диагностического инструментария позволяет надёжно, достоверно исследовать профессиональную предрасположенность к предпринимательской деятельности как потенциал личности, а не как самооценку респондентов. Именно поэтому нами был исключён опросный метод и метод шкалирования самооцениванием, который не может обеспечить валидности, надёжности, достоверности полученных результатов в силу субъективизма процесса самооценивания. Вместо этого использованы проективные методики, их модификации и метод решения проблемных ситуаций в виде кейсов.

Успешность предпринимательской деятельности возможна в случае выраженности у личности всех пяти кластеров на высоком уровне, и будет снижаться с

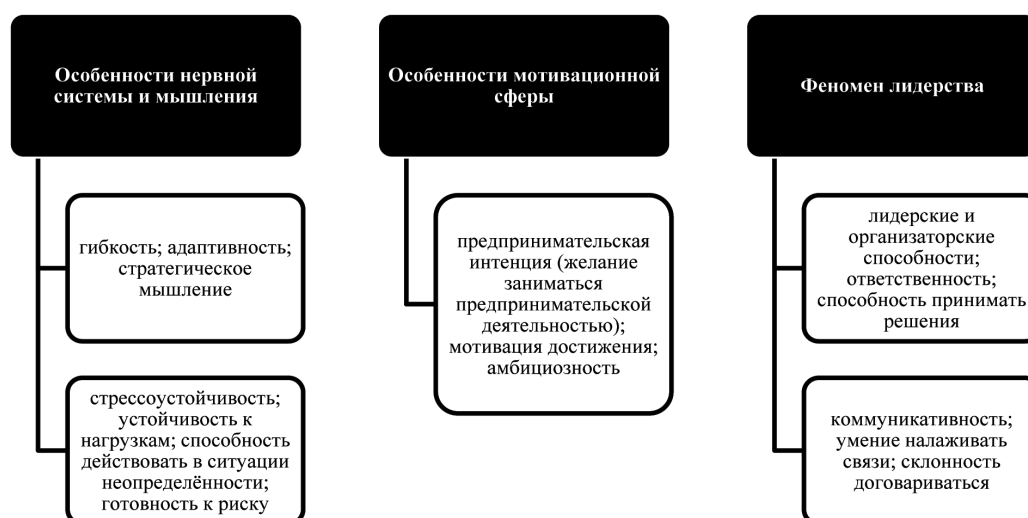

Рис. 1. Модель личностных качеств, определяющих склонность к предпринимательской деятельности.

уменьшением списка выраженных профессионально-важных качеств. Если хотя бы один из кластеров не заполнен – прогноз успешности в предпринимательстве – отрицательный.

В диагностический пакет были включены:

- отобранные кейсы из методики Климовой Е.К. Ситуационный опросник «Диагностика психологической готовности к предпринимательской деятельности» [5];
- конструктивный рисунок человека из геометрических фигур (авторская модификация);
- проективный тест «Моё настоящее и будущее» на амбициозность,
- лидерские черты (авторская модификация проективного теста «Карьерная перспектива»);
- проективный тест «Предпринимательские способности»;
- психогеометрический тест [13] (авторская модификация).

Обобщив все полученные данные и высчитав суммарный показатель, учтя также основные параметры распределения данных, а именно среднее значение и стандартное отклонение, мы выделили три уровня выраженности предпринимательских склонностей: 1 уровень, склонности отсутствуют – 6 баллов и ниже; 2 уровень, склонности выражены слабо – от 7 до 12 баллов; 3 уровень – имеются склонности к предпринимательской деятельности – от 13 баллов и выше.

Статистическая обработка полученных данных производилась с использованием описательных статистик, анализа частот, однофакторного дисперсионного анализа ANOVA, и апостериорных критериев. Применялся пакет программ IBM SPSS Statistics 20.

Группа обследуемых включала молодёжь в возрасте от 19 до 30 лет, в том числе получающую высшее или среднее профессиональное образование. Всего было обследовано 1367 человек: 62% из них составили женщины и 38% мужчины. Обследованные молодые люди обучались в 9 структурных подразделениях ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», в Хакасском техническом институте – филиале ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» и 8 колледжах (образовательных учреждениях среднего профессионального образования) Республики Хакасия. Самой многочисленной оказалась группа будущих врачей (16,5%), юристов (6,9%), педагогов начального и дошкольного образования (6,6%), специалистов в области информатики и вычислительной техники (5,7%). Среди молодых людей были представители всех административно-территориальных образований Республики Хакасия, но больше всего (73%) – жителей города Абакан.

При анализе конструктивного рисунка человека, выполненного испытуемыми, были выявлены следующие результаты: у молодых людей плохо развита ответственность, лидерские и организаторские способности и умение принимать решение, т.е. качества в соответствие с нашей моделью относимые к феномену лидерства. Однако испытуемые этой группы достаточно гибкие, адаптивные и могут действовать в ситуации неопределённости, т.е. обладают необходимыми для предпринимательской деятельности свойствами нервной системы. Анализ индивидуальных значений обнаружил, что лидерские качества ответственность и способность принимать решения присущи 4,1% молодых людей, а гибкость, адаптивность и стратегическое мышление наблюдается у 27,7%.

Самым распространенным среди молодых людей 19-30 лет оказался тип «изобретатель, конструктор, художник», который, характеризуется гибкостью и адаптивностью, а также способностью действовать в ситуации неопределённости. Такие характеристики можно соотносить со склонностью к предпринимательству, и они выявлены у 24,7% протестированных представителей молодежи. Наиболее тесно связанный с предпринимательством тип «руководитель» встречается очень редко, всего у 4,1% испытуемых.

Проективный тест «Мое настоящее и будущее» обнаружил следующие особенности: 36,6% молодых людей обладают амбициозностью, мотивация достижения характерна для 20,2%, при этом лидерские черты оказались выше, чем в предыдущем тесте и характеризуют 19,2% испытуемых в возрасте от 19 до 30 лет.

Выполняя тест, требующий закончить изображение, молодые люди показали следующие результаты: предприимчивостью обладают 40,8% молодых людей, адаптивность характерна для 39,7%, а стратегическое мышление встречается реже, лишь у 13,5% обследованных людей данной возрастной категории.

Лидерские и организаторские качества продемонстрировали по итогам этой диагностической процедуры 33,2% молодых людей, способность принимать решения присущи 33,5% из них, коммуникативные качества, умение договариваться и налаживать связи характерны для 38%, 37,7% представителей данной группы устойчивы к нагрузкам, 37,1% ответственны. Предрасположенность к предпринимательской деятельности выявлена лишь у 6,5% испытуемых данной категории.

Результаты применения модифицированного ситуационного опросника психологической готовности к предпринимательской деятельности показали, что явные предпринимательские мотивы выявлены только у 7,76% опрошенных, а для 52,3% они совсем

не характерны. Предпринимательские цели присутствуют у 33% молодых людей и у 20,5% их нет вообще. Предприимчивость свойственна 36,4% молодых людей и совсем не свойственна 17,3%. Стратегическое мышление присуще 18,4% и не характерно для 36,9% испытуемых в возрасте от 19 до 30 лет. Низкая стрессоустойчивость должна рассматриваться как помеха предпринимательству, она выявлена у 36,1% молодых людей, а высокая стрессоустойчивость наблюдается только у 17,5%. Предпринимательские мотивы и цели в совокупности определяют предпринимательскую интенцию, которая явно выражена у 5% обследованных, присутствует еще у 16% и у 12,6% молодых людей ее совсем нет. Предпринимательские ресурсы также не очень развиты у молодежи: их высокий уровень (6 баллов) обнаружен только у 2,9%, чуть меньше (5 баллов) эти ресурсы присутствуют еще у 8,4%, но у 17,4% молодых людей таких ресурсов нет (0-1 балл).

Итак, итоговый показатель психологической готовности к предпринимательской деятельности у молодежи, проживающей в Республике Хакасия (см. рисунок 2), выражен слабо, высокий уровень готовности продемонстрировали по итогам тестирования 6,2% (8-10 баллов) и около 5% характеризуются полным отсутствием такой готовности.

На рисунке 3 представлен профиль выраженности профессионально важных для предпринимательской деятельности качеств у лиц 19-30 лет. На профиле видно, что высокие показатели характеризуют только предприимчивость, в то время как на низком уровне находятся лидерство, ответственность и способность принимать решения. Профили молодых людей и старшеклассников практически идентичны.

Обобщив все показатели, мы можем проанализировать распределение обследованных молодых людей по выделенным нами трем уровням предпринимательских склонностей: предрасположенность к предпринимательской деятельности присутствует у 15,95% молодых людей и совсем не характерна для 22,8%.

Поскольку значительная часть представителей этой группы обучается в вузах на разных специальностях, мы можем проанализировать связь направления обучения с выраженностью предпринимательских склонностей. Для упрощения процедуры анализа мы сравнили итоговый показатель предпринимательских склонностей у студентов разных направлений и специальностей. Было выявлено, что этот показатель несколько выше у тех, кто обучается по направлениям и специальностям «строительство», «техносферная безопасность», «психология», а также «музыка и теория художественной культуры», однако однофакторный дисперсионный анализ показывает, что эти различия не достигают статистически значимого уровня.

Таким образом, в нашем исследовании не обнаружено связи между предпринимательскими склонностями и направлением подготовки или специальностью. Также не обнаружено корреляции предпринимательских склонностей с местом жительства. Молодые люди, проживающие в разных административно-территориальных образованиях Республики Хакасия статистически не различаются по уровню предпринимательских склонностей, также не выявлены нами и подтвержденные статистическим анализом половые различия.

Данные, полученные в ходе обследования, могут стать основой для обоснования необходимости разработки региональных программ, направленных стимулирование предпринимательской активности среди

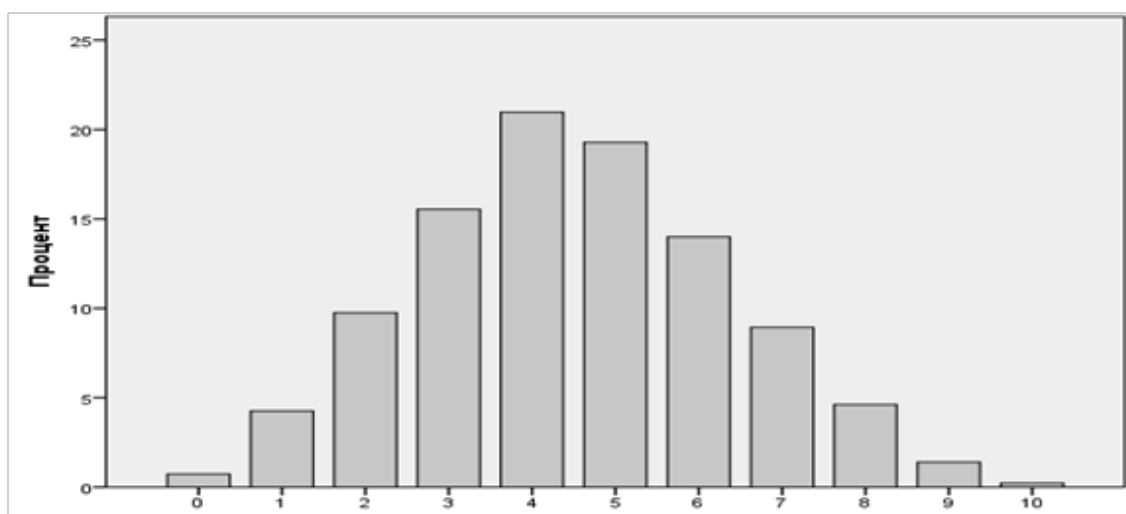

Рис. 2. Психологическая готовность к предпринимательской деятельности у молодых людей 19-30 лет: 0 – 10 – баллы.

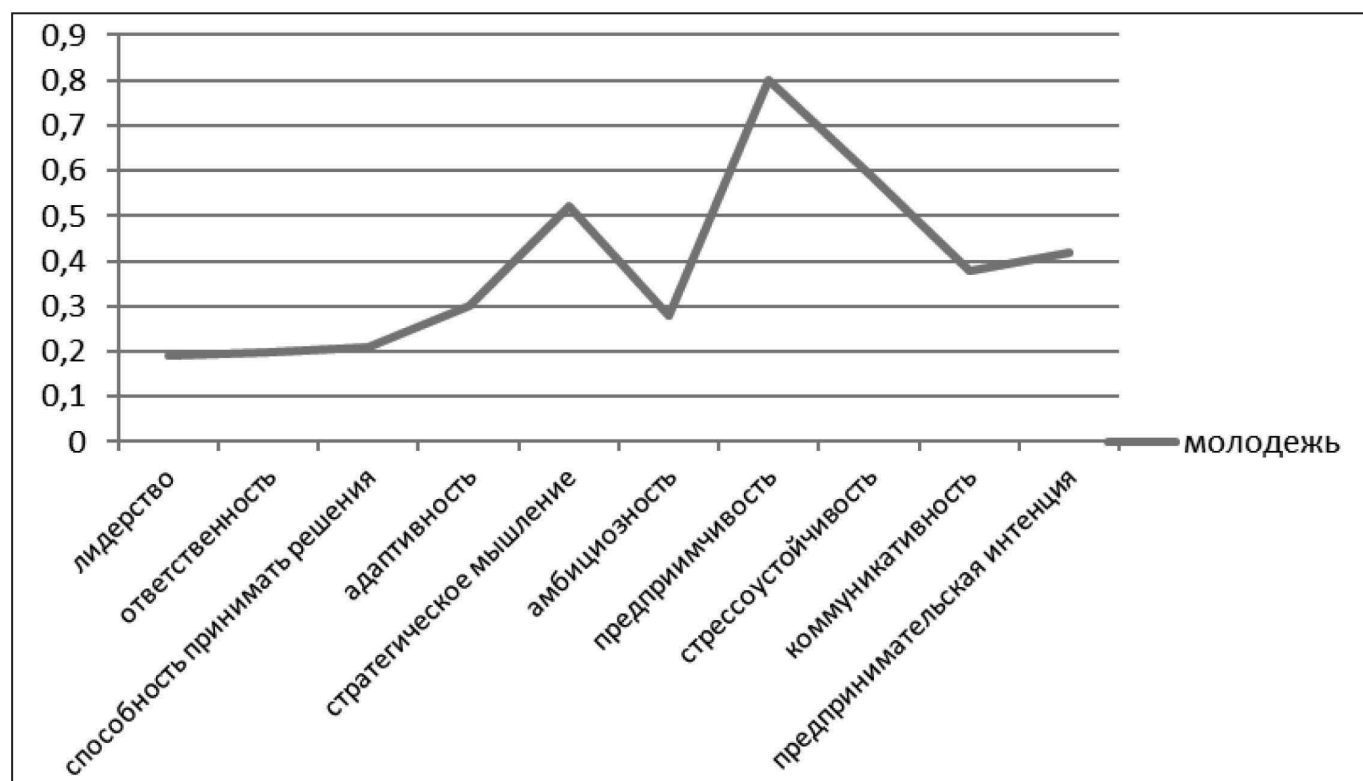

Рис. 3. Профиль выраженности профессионально важных для предпринимательской деятельности качеств у лиц 19-30 лет.

молодежи в Республике Хакасия. Также их можно использовать в процессе профессиональной подготовки студентов, например при проектировании содержания образовательных программ по разным направлениям подготовки в образовательном учреждении (для обоснования включения в учебный план дисциплин, направленных на развитие предпринимательской компе-

тентности).

Результаты исследования показали, что разработанный и апробированный психодиагностический комплекс, сочетающий в себе проективные методы и анализ проблемных ситуаций, готов к использованию и может применяться в сфере малого бизнеса при профотборе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтухов В. Оценка потенциала к предпринимательской деятельности // Кадровик. – 2012. – № 6. – С. 198 – 200.
2. Камнева Е.В., Анненкова Н.В., Кисловская Е.В. Представления студентов о российском предпринимателе // Экономическая психология и поведенческая экономика в условиях глобальных социальных и экономических изменений: материалы Всероссийской научной конференции. 17 - 21 ноября 2014 года, Москва. М.: Спутник +, 2014, с. 15-18.
3. Кастосов М.А., Иванова Н.Ю. Предпринимательские способности как фактор экономического роста // Вестник Московского университета. Серия 21. – Управление (государство и общество). – 2006. – № 1. – С. 1-8.
4. Китова Д.А., Ханова З.Г. Психологические особенности представлений студентов о предпринимательской деятельности / Актуальные проблемы социальной психологии и психологии профессиональной деятельности: коллективная монография / под редакцией Д.А. Китовой, О.И. Каяшевой. СПб.: НИЦ АРТ, 2015. С. 12.
5. Климова Е.К. Профессиональная деятельность предпринимателя. Психология успеха. – СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2014. – 208с.- С. 186-199.
6. Мамедсупиев М.Д. Оценка качества трудового потенциала // ЭКО. –2009. – № 5. –С. 173-181.
7. Митрухина С.В. Личностные качества, определяющие склонность к предпринимательской деятельности// Modern Science. – 2020. – №8-1. –С. 299-305.
8. Митрухина С.В. Склонность к предпринимательской деятельности как объект социально-психологического исследования в социально-исторической ретроспективе // Modern Science. – 2020. – №6-4. – С. 123-128.
9. Теребова С.В., Плешаков П.С. Предпринимательские способности населения: понятие и измерение // Russian Journal of Education and Psychology. 2012.

- №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskie-sposobnosti-naseleniya-ponyatie-i-izmerenie> (дата обращения: 27.09.2020).
10. Хлопова Т.В., Дьякович М.П. К оценке трудового потенциала предприятия // Социс. – 2003. – № 3. – С. 67-74.
 11. Чекмарева Е.А. Оценка предпринимательской способности населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2009. – № 2. – С. 85-92.
 12. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. учебное пособие. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ», 1998.
 13. Алексеев А.А., Громова Л.А. Психогеометрия для менеджеров. Ленинград, Знание, 1991.

© Фотекова Татьяна Анатольевна (fotekova@yandex.ru), Митрухина Светлана Владимировна (mitruhina_lana80@mail.ru),
Власова Евгения Николаевна (vlasova6510@gmail.com), Федорова Анжелика Алексеевна (alis151@yandex.ru),
Мантикова Анна Владимировна (anetdomanet@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СТРУКТУРЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СПЕЦИФИКА И ПОТЕНЦИАЛ В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА И УПРАВЛЕНИИ ПОЛИЭТНИЧНЫМ СОЦИУМОМ¹

HISTORICAL MEMORY IN THE STRUCTURE OF ETHNO-CULTURAL EDUCATION: SPECIFICS AND POTENTIAL IN THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL STATE POLICY AND MANAGEMENT OF A MULTI-ETHNIC SOCIETY

**K. Vodenko
M. Igosheva**

Summary: The article deals with the problem of developing ethno-cultural education and using the resource of historical memory for the consolidation of Russian society. The authors draw attention to the fact that the complex multiethnic nature of Russian society sets the state the task of developing ethno-cultural education, which can ensure the continuity of reproduction of historical traditions of long-term cohabitation and cooperation of various ethnic cultures in a single cultural and political space of Russia, contributing to the harmonization of interethnic relations and creating conditions for sustainable development of Russian society.

Keywords: historical memory, ethno-cultural education, interethnic relations, national policy, ethno-cultural competence, civil identity.

Воденко Константин Викторович

Д.ф.н., профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. М. Платова, г. Новочеркасск, vodenkok@mail.ru

Игошева Марина Анатольевна

К.ф.н., н.с., Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.М. Платова, г. Новочеркасск, igosheva_marina@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема развития этнокультурного образования и использования ресурса исторической памяти для консолидации российского общества. Авторы обращают внимание на то, что сложный полиэтничный характер российского общества ставит перед государством задачу развития этнокультурного образования, которое может обеспечить непрерывность воспроизводства исторических традиций длительного совместного проживания и сотрудничества различных этнических культур в едином культурно-политическом пространстве России, способствуя гармонизации межэтнических отношений и созданию условий устойчивого развития российского социума.

Ключевые слова: историческая память, этнокультурное образование, межэтнические отношения, национальная политика, этнокультурная компетенция, гражданская идентичность.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время российское общество переживает сложный институциональный кризис, затрагивающий практически все сферы социальной жизни – экономическую, политическую и духовную. В условиях нарастающего социального неблагополучия начинают активно проявляться деструктивные тенденции, связанные с радикализацией этнической идентичности, обострением межэтнических отношений, повышением в обществе уровня конфликтности в целом. Сложившаяся ситуация требует эффективной государственной

национальной политики, учитывающей сложный полиэтничный характер общества, а также выстраивание новой модели регионального управления, адекватно реагирующей на вызовы, связанные с возможной дестабилизацией межэтнических отношений и угрозой распада государства.

В этой связи, большое значение приобретает развитие этнокультурного образования в стране, направленное на формирование компетенций, позволяющих не только успешно взаимодействовать представителям различных культур в рамках общего культурно-полити-

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2582.2020.6) на тему «Государственная политика в сфере высшего образования и развитие инновационного потенциала молодежи: экономические и неэкономические детерминанты и механизмы в условиях регионализации социального пространства и становления индустрии 4.0» и в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук (МД-1493.2020.6) на тему «Ресурс исторической памяти в системе институциональных параметров социально-инвестиционного развития и обеспечения культурной безопасности региона».

ческого пространства, но и гармонизировать этническую и гражданскую идентичности в структуре личности.

Сегодня в общественном и политическом дискурсе складывается понимание того, что именно образование как социальный институт, направленный на формирование человеческого капитала, выступает ведущим фактором социально-экономического и духовно-нравственного развития общества, а этническая компонента в образовательном процессе является важной составляющей для решения проблем межэтнического взаимодействия.

Очевидно, что практически все современные государства носят покультурный характер, и в этом плане, Россия не является исключением. Кроме того, полиэтничность российского общества связана не только с интенсивными миграционными процессами XX - начала XXI века, но и результатом своего исторического развития. Поэтому сегодня перед российским обществом особо остро встает вопрос о формировании у обучающихся этнокультурных компетенций, включающих знания о других этнических культурах, умения выстраивать взаимодействия с представителями различных этнических групп, готовность осуществлять профессиональную деятельность в условиях сложной поликультурной среды.

Реализация этнокультурного образования в российском обществе поможет преодолеть тенденции межличностного и межэтнического отчуждения, ведущие к социокультурному расколу и возможному распаду государства на этнические автономные образования. В этой связи особую актуальность представляет исследование исторической памяти в структуре этнокультурного образования, которая может способствовать, как сохранению и воспроизводству национальной этнической идентичности личности, так и сформировать идентичность на основе синтеза этнокультурных, национально-гражданских и общечеловеческих ценностей.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В статье были использованы различные методы исследования, в частности, институциональный, компетентностный и аксиологический подходы, позволяющие рассматривать этнокультурное образование как институт социализации личности, посредством которого формируются знания, умения и навыки жить в условиях поликультурной среды.

Этнокультурное образование обладает инструментами, позволяющими сохранять как этническую идентичность личности, так и обеспечивая непрерывность воспроизводства исторических традиций длительного совместного проживания и сотрудни-

чества представителей различных этнических культур в едином культурно-политическом пространстве России.

Концептуальные основы изучения исторической памяти заложены в трудах М. Хальбвакса [1; 2], П. Нора [3], Я. Ассмана [4], Э. Хобсбаума [5]. Авторы обращают внимание на возможности исторической памяти в конструировании коллективной идентичности, которая создается и поддерживается на основе сохранения знаний о наиболее значимых событиях прошлого.

Данные подходы дают возможность исследовать роль исторической памяти в структуре этнокультурного образования, ее потенциал в консолидации социума на основе общего представления о прошлом, способствующего сохранению как этнической идентификации личности, так и формированию у нее гражданского самосознания.

ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ работ различных исследователей позволяет говорить о дискуссионном характере проблемы этнокультурного образования и ресурсе исторической памяти в гармонизации этнического и гражданского в структуре личности. В научном дискурсе, наряду с понятием «этнокультурное образование», используются такие понятия, как «поликультурное образование», «мультикультурное образование».

В зарубежных справочных источниках понятие «поликультурное образование» интерпретируется как процесс обучения, направленный на «усвоение учащимися знаний о других культурах; уяснению общего и особенного в традициях, образе жизни, культурных ценностях народов; воспитанию в духе уважения инокультурных систем» [6]. Проблемы поликультурного образования находят отражение в работах Дж. Бэнкса, Д. Голлника, Ф. Чинна [7; 8]. Анализ их подходов позволяет заключить, что развитие поликультурного образования в западных странах обусловлено потребностями современного социума, сформировавшимся в результате интенсификации миграционных процессов, расширением межкультурного взаимодействия, усиливающимся ростом поликультурности государств. В этом социальном контексте реализация модели поликультурного образования рассматривается как способ сохранения многообразия общества в рамках общей национальной культуры государства.

По мнению исследователей, поликультурное образование базируется на идее конструирования «единства из многообразия» (*pluribus unum*), то есть «... создание общества «разных», объединенных всеобъемлющими демократическими ценностями» [9, с. 50]. С позиций

этого подхода, такая модель образования позволяет создать национальное государство, в котором в едином политическом пространстве сохранены культурные ценности различных этнических групп.

Различные аспекты мультикультурного образования исследуются такими авторами, как Г.П. Баптиста, Р.Л. Гарсиа, Ж. Гэй, С. Ньюто и др. [10; 11; 12; 13]. Анализ их работ позволяет выделить несколько подходов к пониманию целей мультикультурного образования в западных странах со сложной этнической структурой.

Одни авторы (Р.Л. Гарсиа, Ж. Гэй) рассматривают мультикультурное образование с позиции гуманистической парадигмы, основной идеей которой выступает равенство всех культур и необходимость удовлетворения образовательных потребностей представителей различных этнических групп.

Другие исследователи (Г.П. Баптиста, К.И. Беннет) опираются на институциональную парадигму, в рамках которой мультикультурное образование представляет собой «процесс институционализации философии культурного плюрализма внутри образовательной системы» [10, с. 97]. В данном подходе внимание акцентируется на содержательных и ценностных трансформациях классической системы образования и включения в нее принципа плюрализма культур.

В целом, несмотря на различные коннотации, концепция мультикультурного образования в западных странах строится на необходимости реализации в образовании демократических ценностей, которые позволяют гражданам реализовывать право на сохранение своей культурной идентичности и не допускают дискриминацию по этническим или иным признакам. Именно это актуализирует проблему этнокультурного образования, появление которой в научном дискурсе вызвано не столько теоретическим интересом, сколько необходимостью решения острых социальных проблем, связанных с нормализацией межэтнических отношений и адаптацией граждан к сложной поликультурной среде современных государств.

В российских научных исследованиях вопросы этнокультурного образования обсуждаются в работах Т.А. Власовой [14], Ю.Г. Волкова [15], В.С. Воронцова [16], И.А. Гуськова [17], Г.С. Денисовой [18], А.В. Сиволапов [19], В.А. Тишкова [20] и др. По мнению авторов, интерес к данной проблеме обусловлен, прежде всего, социальными процессами, сопряженными с процессами этнического возрождения и масштабными миграциями, которые активно начались в стране с 90-х годов XX в. Ученые отмечают, что в результате постсоветских трансформаций этническая структура российского общества

значительно усложнилась. В силу совокупности экономических, политических, социально-психологических причин это привело к обострению межэтнических отношений и даже серьезным конфликтам на почве этнической неприязни. Социальные реалии предъявили новые требования к российской системе образования, которая должна формировать представление о культурном многообразии страны, не допуская распространения в обществе ксенофобии, экстремизма и сепаратистских тенденций.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Полиэтнический характер российского общества ставит перед государством сложные задачи, направленные одновременно на сохранение этнокультурного многообразия страны и формирование надэтнической гражданской идентичности. В этой связи в современной России этнокультурное образование выступает частью национальной политики государства, одним из направлений которой является конструирование российской гражданской идентичности.

Очевидно, что процесс формирования общероссийской гражданской идентичности связан с рядом трудностей. В частности, как отмечают специалисты, «политика национально-культурного строительства сталкивается с проблемой выбора модели межэтнических взаимодействий: сохранения многообразия и обособленности культур, их ассимиляцию или унификации культурных различий для того, чтобы сформировать нацию гражданского типа, ориентированную на национальные интересы и доминанту национальной (государственно-гражданской) идентичности» [18, с. 210-211].

Представляется, что одним из инструментов консолидации общества на гражданской основе может стать историческая память народа, которая содержит опыт длительного мирного сосуществования различных этнических групп в лоне российского государства, а также их эффективного экономического, политического и культурного взаимодействия.

В научной литературе понятие «историческая память» характеризуется многозначностью. Наряду с этим понятием исследователи используют такие понятия, как «коллективная память», «социальная память», «культурная память», что свидетельствует о том, что в науке еще не выработано единого подхода и не установлены понятийные границы.

Понятие коллективной памяти присутствует в работах Э. Дюркгейма [21] и М. Хальбвакса [1]. По мнению ученых, коллективная память – это совокупность представлений о прошлом, которые обеспечивают целостность группы в потоке времени. Посредством коллективной

памяти осуществляется воспроизводство и передача групповых интересов и ценностей следующим поколениям. Коллективная память содержит опорные воспоминания группы, опираясь на которые человек ориентируется в сложном социальном мире.

Наряду с понятием коллективной памяти в научном дискурсе применяется понятие социальной памяти, которое рассматривается исследователями преимущественно как «составная часть массового сознания, которая характеризуется способностью концентрированно отражать значимую и актуальную информацию о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Этот уровень часто представлен социальными стереотипами о прошлом» [22, с. 39-40].

В тоже время социальная память не только обеспечивает набор категорий, посредством которых члены группы неосознанно ориентируются в своем социальном пространстве, но и выступает источником знаний, дающим материал для рефлексии и интерпретации транслируемых образов прошлого как в повседневной жизни, так и в научном знании.

В научных исследованиях нередко используется термин «культурная память». Наиболее разработанная концепция культурной памяти представлена в работах Я. Ассмана [3], Ю. Лотмана [23], О.Г. Эксле [24] и др. У.Ю. Лотмана, культурная память, в отличие от исторической, представляет собой коллективные воспоминания не общества в целом, а таких его социальных конструктов, как нации, этносы, которые имеют свою сложную символическую систему, определяющую специфику их культуры. С точки зрения семиотического подхода, содержание памяти определяется исключительно пространством культуры [23]. В теории Я. Ассмана культурная память рассматривается как особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, благодаря которой осуществляется реконструкция прошлого, лежащая в основе сохранения идентичности сообщества. В данном аспекте культурная память несет в себе только те представления о прошлом, которые являются актуальными для настоящего момента в жизни общности [3].

Понятие историческая память в научной литературе зачастую рассматривается как «способ сохранения, передачи исторической информации, как совокупность представлений о социальном прошлом, которые существуют в обществе как на массовом, так и на индивидуальном уровне, включая их когнитивный, образный и эмоциональный аспекты» [25, с. 177].

Анализ научных источников, посвященных проблеме исторической памяти, позволяет заключить, что в научном дискурсе не сложилось точных границ между понятиями исторической, социальной и культурной памяти. По сути

все эти понятия описывают процесс сохранения, воспроизводства и трансляции прошлого коллективного опыта людей, несущего в себе рациональные, эмоциональные и символические составляющие, влияющие на общественное сознание и формы социального поведения. Именно поэтому важно использовать возможности исторической памяти в интеграции российского общества.

Очевидно, что ее потенциал для консолидации полиэтнического общества достаточно высок, поскольку она «выступает своеобразным «хранилищем» национальной идентичности. Она содержит знание о судьбоносных событиях, об исторических битвах, о героях исторических событий, о жизни и творческой деятельности выдающихся деятелей науки, техники, культуры, искусства, военного дела, государственных деятелей и политиков» [22]. Знания и позитивные воспоминания о совместном жизненном пути людей и его трансляция молодому поколению может способствовать преодолению нынешнего культурного и межпоколенческого раскола, сложившегося в российском обществе. В этом плане нормативно-ценностное содержание исторической памяти является мощным регулятором общественного сознания людей.

Следует отметить, что процесс институционализации этнического компонента в сфере образования находит отражение в Национальной доктрине образования РФ (2000 г.), где в качестве одной из основных задач государства выступает «сохранение и поддержка этнической и национально-культурной самобытности народов России, гуманистических традиций их культур» [26].

В дальнейшем приоритеты государственной политики в сфере образования определяются в Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации (2006 г.) [27]. В данном документе акцентируется внимание на необходимости достижения межнационального согласия, сплоченности народов России и обеспечения целостности государства. При этом реализация этой задачи возможна лишь при согласовании в системе образования общегосударственных интересов и потребностей с потребностями и интересами граждан, сохранением поликультурности страны и формирование гражданской идентичности народов России. Речь идет о важности наличия в обществе национально-гражданской идентичности, при сбережении культуры этнических общностей российского государства.

Важным направлением «Стратегии развития воспитания в РФ до 2025 г.» выступает воспитание личности, способной рассматривать себя не только как представителя родной культуры, проживающей в конкретной стране, но и как гражданина мира, воспринимающего себя носителем своей и иноязычных культур, осознающим свою роль, ответственность в глобальных общечеловеческих процессах [28].

Очевидно, что поликультурность общества ставит перед системой образования формирование этнокультурной компетенции, обеспечивающей развитие этнического самосознания и формирование гражданской идентичности. По мнению специалистов, система этнокультурной компетенции должна включать в себя готовность и способность личности принимать многообразие этнических культур в стране, уважать культуры и традиции своего и других народов, включаться в межэтническое взаимодействие в виде активного сотрудничества [29].

Рассматривая этнокультурное образование как социальный институт по формированию этнокультурной компетенции, можно говорить, во-первых, о роли государственной политики в развитии этнокультурной направленности образования; во-вторых о законодательных актах, предусматривающих этнокультурный компонент в обучении; в-третьих, о содержании Федеральных образовательных стандартах, регламентирующих содержание образовательных программ; в-четвертых, о значимости определенных учебных дисциплин (история России, история родного края, русский язык, национальный язык), направленных на гармонизацию этнического и гражданского компонента, которая может стать основой общероссийской идентичности.

Таким образом, можно говорить о том, что сегодня

назрела потребность в таком образовательном проекте, который бы смог эффективно решить задачу интеграции российского социума, восстановления межэтнического доверия и формирования гражданской идентичности в стране.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование возможностей исторической памяти для консолидации российского общества позволяет сделать вывод о том, что ее сохранение, трансляция и актуализация являются одной из ключевых задач национальной политики государства. Управление представлениями людей о прошлом позволяет формировать ценностные ориентиры и формы поведения в обществе, способствуя сохранению культурно-этнического самосознания личности и развитию общероссийской гражданской идентичности.

В данном аспекте использование потенциала исторической памяти для консолидации полиэтничного российского общества является одной из ключевых задач национальной политики, которая связана с обеспечением безопасности государства. В условиях поликультурности страны, развитие института этнокультурного образования в полиэтничных регионах должно стать стратегическим направлением политического управления страной.

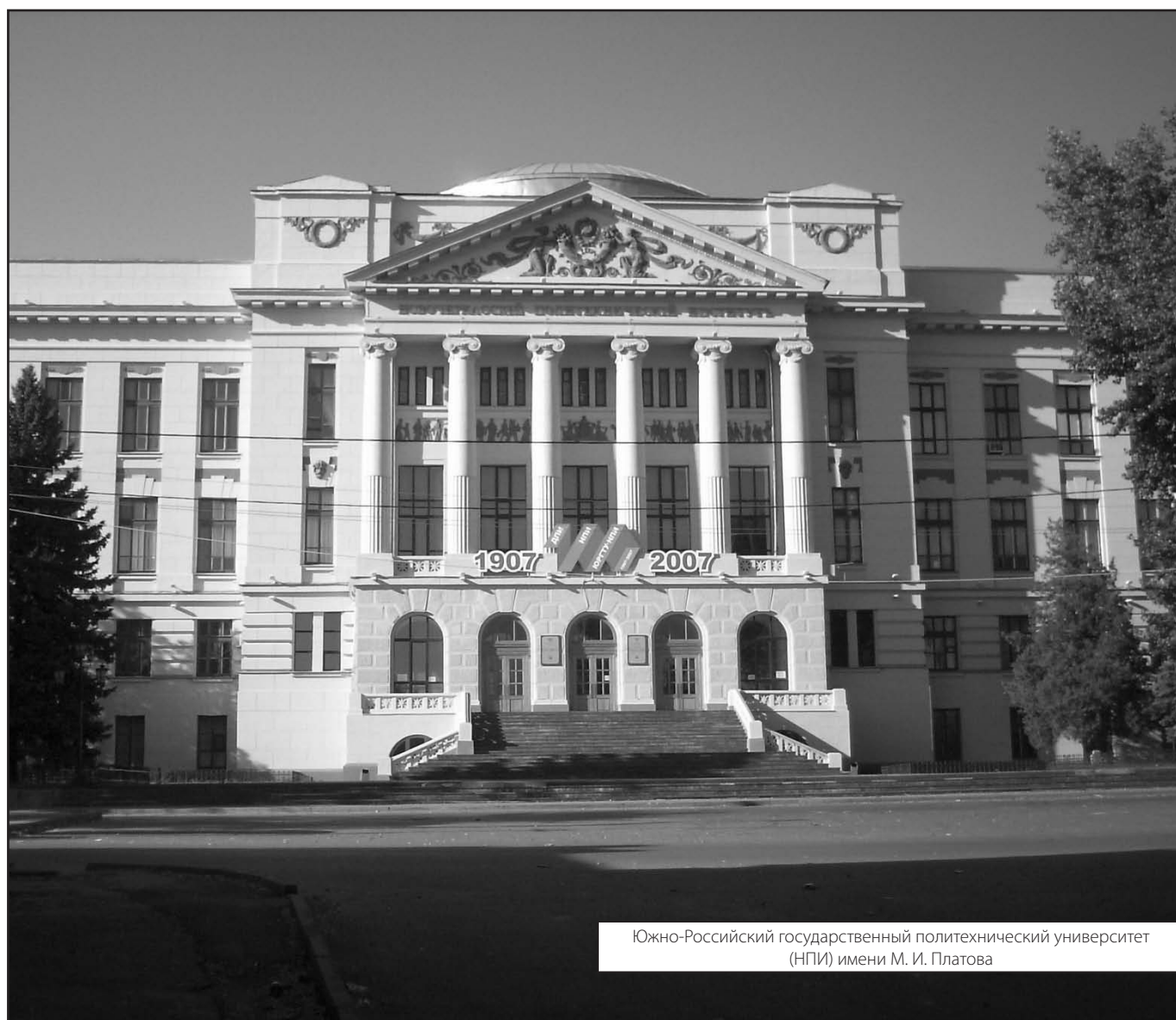
ЛИТЕРАТУРА

1. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 8-27.
2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.
3. Нора П. Проблематика мест памяти. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17-50.
4. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. The Invention of Tradition / Eds. E. Hobsbaum, R. Terence. Cambridge, 1983.
6. The International Encyclopedia of Education. Oxford: Pergamon Press, 1994.
7. Banks J. Cultural Diversity and Education: Foundations, Curriculum and Teaching. Boston: Allyn and Bacon, 2001.
8. Gollnick D.M., Chinn P.C. Multicultural Education in a Pluralistic Society. New Jersey, 1998.
9. Banks J. Cultural Diversity and Education: Foundations, Curriculum and Teaching. Boston: Allyn and Bacon, 2001.
10. Baptiste H.P. The multicultural environment of schools: Implications to leaders / L.W. Hughes // The principal as leader. New York: Merrill / Macmillan, 1994.
11. Garcia R.L. Teaching in a pluralistic society: Concepts, models, strategies / R.L. Garcia. New York: Harper & Row, 1982.
12. Gay G. Culturally responsive teaching: Theory, research and practice / G. Gay. New York: Teachers College Press, 2000.
13. Nieto S. The light in their eyes: Creating multicultural learning communities / S.Nieto. New York: Teachers College Press, 1999.
14. Власова Т.А. Этнокультурное образование в школах Удмуртии: социологический очерк: монография. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016.
15. Волков Ю.Г., Бинева Н.К., Печуров И.В. Реализация этнокультурного образования и гражданско-патриотического воспитания на Юге России в контексте национальной политики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 3.
16. Воронцов В.С., Черниенко Д.А. Состояние и перспективы этнокультурного образования в Удмуртии (по материалам социологического исследования) // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. 2017. № 4.
17. Гуськов И.А. Формирование культуры межэтнических отношений в системе образования на Дону // Гуманитарий Юга России. 2017. № 2 (6).
18. Денисова Г.С., Войтенко В.П., Панфилова Ю.С. От регионального этнокультурного образования к стандарту российской многокультурности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 4

19. Сиволапов А.В. К новой модели обучения: социокультурный подход // Социологические исследования. 1994. № 3.
20. Тишков В.А., Степанов В.В. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России // Вестник Российской Академии наук. 2017. Т.87. № 10.
21. Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные // Дюркгейм Э. Социология: ее метод предмет, предназначение. Работы разных лет. М.: Канон, 1995.
22. Романова К.С. Дискурсы исторической памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 3–4 (24–25). С. 39–40.
23. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
24. Эксле О.Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей. Человек в истории – 2001. М.: Наука, 2001. С. 176–198.
25. Протасеня Е.А. Историческая память как фактор формирования этнической идентичности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 2 (42). С. 175–180.
26. Национальная доктрина образования в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: <http://sinncom.ru/content/reforma/index5.htm>
27. Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации (одобрена приказом Министерства образования и науки РФ от 3 августа 2006 г. № 201) [Электронный ресурс]: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90016/>
28. Стратегия развития воспитания в РФ до 2025 г. [Электронный ресурс]: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 15. 07. 2020 г.)
29. Арзамасцева Н.Г., Константинова В.В. Этническое самосознание личности студента как показатель сформированности его этнокультурной компетенции // Вестник Марийского государственного университета. 2018. Т. 12. № 4.

© Воденко Константин Викторович (vodenkok@mail.ru), Игошева Марина Анатольевна (igosheva_marina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

SPIRITUAL DEVELOPMENT
OF A MODERN PERSON

O. Grineva

Summary: This article deals with the problem of the spiritual crisis of society as a whole and the impoverishment of the inner spiritual world of a modern man. The article explains the features of the modern worldview of people and the growing problems. The causes of emotional stress in society and the importance of spiritual development of a person are established.

Keywords: spiritual life, life values, stable beliefs, liberation, taste for perfection.

Гринева Ольга Александровна

к.ф.н., старший преподаватель, Красноярский
государственный педагогический университет

им. В. П. Астафьева

gold23@inbox.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема духовного кризиса общества в целом и обнищания внутреннего духовного мира современного человека. В статье выяснены особенности современного миропонимания людей и нарастающие проблемы. Установлены причины эмоционального напряжения в обществе и важность духовного развития человека.

Ключевые слова: духовная жизнь, жизненные ценности, устойчивые убеждения, освобождение, вкус к совершенству.

На протяжении тысячелетий путь духовного развития и становления человека, его интеллектуальных и физических способностей претерпевал значительные изменения. В истории Древнего мира наблюдается тенденция к познанию культуры общения, мышления, взаимодействия, сотрудничества. Древние мудрецы сочиняли афоризмы, слагали стихи относительно смысла жизни, отношения друг к другу людей, выражения чувств, проявления эмоций, свободы или сдержанности действий. Одними из самых ярких, известных ораторов, философов до нашей эры являются Сократ (древнегреческий родоначальник философской диалектики), Сюнь-цзы (древнекитайский философ с учением о «злой природе человека»), Сенека Луций Анней (младший) (римский философ, политик поэт, вдохновляющий своим примером людей на самосовершенствование), труды которых увековечены в многих энциклопедиях [1]. Издревле люди задумывались о внутреннем мире, душе человека, о способах сохранения себя и своих помыслов в чистоте, культуре речи.

В ходе человеческой эволюции основная масса людей постепенно начала отстраняться от язычества, и политеизм сменился монотеизмом. В частности, важное событие произошло в 988г. – принятие христианства на Руси, что подвигло русский народ обратиться к Богу, научиться креститься, стать верующими людьми. При Ярославе Мудром христианская церковь получила более широкое распространение и приобрела большую значимость. «Церковь выступала в Уставе защитником христианской нравственности, призывала к гуманизму, умеряла жестокости тех ранних веков русской истории» [2]. Началось возведение соборов, создавались летописные своды, поучения, слагались былины, побуждавшие людей формировать крепкие семьи и дружественные

отношения, улаживать конфликты, взращивать мужественность и храбрость, развивать грамотность населения, учиться молиться. Как в России, так и в европейских странах значительно увеличивается рост литературных произведений, отражающий уклад жизни согласно определенной эпохе человечества.

Бесспорен факт, что авторы в своих сочинениях воспевали добродетели человека и укоряли пороки, наставляли людей на духовно-нравственный путь, приводили примеры из жизни, некоторые мотивировали служить Богу. Например, в русской культуре важными трудами, призывающими к духовности, являются: «Домострой» (свод житейских, моральных правил, поучений), «Жития князей». Немецкий теолог Лютер Мартин написал трактат «К христианскому дворянству немецкой нации», перевел Библию с латинского на немецкий язык, считал, что «каждый верующий христианин непосредственно связан с богом и ему нужны посредники в лице священников всех уровней» [2].

Очевидно, церковь занимала ведущую роль в государстве, а следовательно, значительно влияла на духовную жизнь общества. Пробуждался интерес к обучению, не только на дому, но и у священников, а также возлагали надежды на училище и академию, активно печатались и раскупались книги как светского, так и религиозно-нравственного содержания. Под духовной жизнью понимается богобоязненность, религиозная идеология, молитва (обращение к Богу), соблюдение заповедей, правил и норм поведения, трудолюбие, саморазвитие, мягкость, жизнелюбие, доброта, сопричастность Творца всему человечеству, переживания за людей [3].

Однако, XVI – XVII, на примере российского общества,

характеризуется первым распадом устоявшейся культуры. Время обмирщения культуры, распада целостности государства, разделение церковной и государственной власти, народных мятежей. В литературе появляются первые произведения, в которых описываются духовные муки человека, издевательства купцами над холопами, высмеивание священнослужителей, душевные переживания человека, например, «Повесть о Савве Грудцыне» [3]. Тем временем в европейских странах появляется новое религиозное течение – лютеранство, подвергающее сомнениям и критике Божьи заповеди и их соблюдение. Следовательно, в обществе зарождаются ключевые учения и воззрения, послужившие толчком к переосмыслению имеющихся духовных знаний и ценностей, а также традиционных догматических представлений [4].

Переменам в сфере духовности в XVIII веке способствовали реформы и указы Петра I, а также страсть императора к кутежам. Тяга к прогрессу, как в производстве, так и в образованности высших слоев населения привела к широкому распространению литературы житейского назначения, нерелигиозного содержания, появлению в речи иностранных слов, терминов, стремлению России приблизиться к культуре западных стран. Церковные устои начинают восприниматься унылыми, мрачными, значительно возрастает интерес к светскому искусству: музыке, театрам, новым тенденциям в архитектуре.

Примечателен факт, что XIX век на Руси славится открытием школ, гимназий и университетов, продолжается развитие женского образования, возрастает чувство патриотизма в народе, широкую популярность получают научные общества, организуются экспедиции в далекие страны и острова. Русская культура получает название «Золотого века», благодаря выдающимся писателям, таким как А.С. Пушкин, А.И. Герцен, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой. Не смотря на высокое стремление народных масс быть образованными и духовно развитыми людьми, владея иностранными языками и научными знаниями, прекрасно помня слова молитв и соблюдение церковных канонов, веря в небесные силы святых мучеников, в обществе наблюдается несоответствие между нарастающим техническим прогрессом и отсталыми христианскими пережитками [3].

Значительные перемены в духовности русского народа происходят после крестьянской реформы 1861г, когда обособленную церковь задействуют в исполнении поручений царя. В конце XIX века значительно возрастает вмешательство государства в дела церкви, соборность остается лишь в памяти духовенства [5]. Вследствие того, что церковное управление тяготилось строгим контролем со стороны государственной власти, многие рядовые священники и монахи пользовались огромной популярностью в народе, деликатно выслушивая о житейских проблемах человека и тактично давая

советы. Среди таких «провидцев» оказались Оптинские старцы. Благодаря проповедям и открытым беседам с паломниками и прихожанами церковь существенно влияла на нравственность народа, укрепляла веру в Бога, помогала бороться с душевными недугами и наставляла оступившихся людей на верный путь.

Сблизившись с государственными уполномоченными, церковь пыталась стабилизировать и умерять анархические настроения людей, противодействовать смуте и сохранить человеческие ценности. Однако равнодушные к религии неимоверно возрастало, и патриархальная набожность сменялась атеистическими воззрениями. По словам советского историка А.Н. Сахарова «Со снижением авторитета церкви общество теряло важный стабилизирующий фактор» [3].

Благодаря техническому прогрессу и индустриальному росту, человек получает больше возможностей для образования, меньше задействуется ручной труд во всех областях промышленности и строительства, численность городского населения увеличивается. Но оказавшись в центре больших городов, большая часть бывших крестьян теряется, и оказывается неспособной к самостоятельному участию в жизни общества, как физически, так материально и интеллектуально. Духовный мир человека становится скудным, человек перестает страшиться наказания Господня, начинает роптать на жизненные обстоятельства, становится озлобленным и мстительным, совершает множество греховных дел. Внутренний мир человека опустошается, духовные ценности сменяются материальными, главной целью становится зарабатывание денег, обеспечение комфортных условий проживания. В обществе возрастают морально и физически деструктивные деяния такие как коррупция, воровство, убийства, обман, борьба за власть любыми способами [6].

Исследования Т. Гоббса, Ж. Руссо, Н. Бердяева, Э. Фромма, И.А. Ильина, Е. Масуды, Д. Белла относительно свобод человека, человеческого поведения, условий жизни человека в постиндустриальном обществе свидетельствуют о том, что в современном обществе необходимо провести социальные реформы по обеспечению уважения и свобод человека, расширению гарантий прав и безопасности людей. На протяжении нескольких предшествующих веков как отечественные, так и зарубежные ученые, философы, писатели и другие творческие личности акцентировали внимание в своих трудах на снижение качества внутреннего мира человека. Подробно остановимся на духовной составляющей современного мира, внутренней целостности современного человека, постараемся выделить недочеты и благоприятные факторы духовного пути современного человека, рассмотрим мнения разных авторов относительно морально-нравственных проблем человечества.

Чрезвычайно показателен тот факт, что большая часть населения планеты подвержена психологическим дисфункциям, моральному напряжению, эмоциональному выгоранию, нервным срывам и потрясениям, стрессам и переутомлениям. Это связано, прежде всего, с переизбытком поступающей информации и свидетельствует о том, что человек беззащитен перед воздействием средств массовой информации и не имеет средств и методов защиты от информационных перегрузок. Уместно замечание К.Г. Юнга, швейцарского психиатра и педагога, что «... фактически мы лучше защищены от неурожая, наводнений и эпидемий нежели от нашей духовной несостоятельности, которая очевидно, не в состоянии серьезно сопротивляться психическим эпидемиям» [7]. Следует иметь в виду, что научно-техническая революция в значительной степени обезопасила население стран от природных катаклизмов и способствовала разработке многих видов лекарств для сопротивления человеческого организма микробам и инфекциям, однако, с морально-этической точки зрения чрезмерное количество препаратов и современное медицинское оборудование вводит людей в замешательство и недоверие, страх и панику. Во-первых, каждый препарат имеет побочные действия, во-вторых, до конца не изучено или заведомо умалчивается негативное влияние медицинских аппаратов на клетки человеческого организма (например, излишнее облучение).

Следует также отметить и то, что современная культура внушает подрастающему поколению подражать шаблонной внешности знаменитостей, их манерам и вседозволенному поведению, стремиться к роскоши и богатству, быть яркими, эксцентричными личностями, вычурно ошеломлять и удивлять свое окружение, чтобы стать популярными и даже заработать на причудливом имидже. Общеизвестно, что XXI век отличается от предыдущих обширной сферой услуг и потребления товаров разного предназначения, заметно пропагандируется угождение человеку, услаждение тела и плоти, потакание человеческим желаниям. Отечественный писатель Л.Н. Толстой пытался уберечь читателей и последователей от подобных утех и в своих поучительных трудах писал: «Потакать телу, давать ему лишнее, сверх того, что ему нужно – большая ошибка уже потому, что от роскошной жизни не прибавляется, а уменьшается удовольствие от еды, от отдыха, от сна, от одежды, от помещения. Стал есть лишнее сладкое, не проголодавшись, расстраивается желудок, и нет охоты к еде и удовольствиям. Стал ездить там, где мог пешком пройти, привык к мягкой постели, к нежной, сладкой пище, к роскошному убранству в доме, привык заставлять делать других, что сам можешь сделать, - и нет радости от отдыха после труда, тепла после холода, нет крепкого сна и все больше ослабляешь себя и не прибавляешь, а убавляешь радости и спокойствия, и свободы» [8]. Надо полагать, что мышление современного человека в значительной степени искажено, также как и представления о счастье и смысле жизни. По

мнению русского философа И.А. Ильина: «Грозная беда постигла современное человечество: оно расшатало духовные основы своего бытия, заглушило в себе главную религийтворющую силу духа – сердечное созерцание и растеряло свои святыни» [9].

Заслуживает внимания работа исследователей Н.И. Мешкова, Д.Н. Мешкова относительно проблемы духовности в научном и религиозном понимании. Данные ученые разделяют понятие духовности в православном понимании и духовности как результата научного образования. Однако, если в основе духовности заложена любовь и чувство гуманности, то «религиозное познание является более сложным явлением, чем научное познание. Поскольку одна из задач веры состоит в том, чтобы взрастить и укрепить веру человека, любовь и надежду на вечное спасение» [10].

Уместно обратить внимание на зрелость человека и готовность брать на себя ответственность за свои поступки и слова. В эпоху обширного выбора удовольствий и развлечений, всевозможных вспомогательных приспособлений для домашнего убранства, упрощенного и быстрого получения товаров и услуг, информации, современный человек все же претерпевает множество душевных терзаний, впадает в депрессивные состояния, чувствует себя одиноким и покинутым, теряется, когда предстоит что-то выбрать или принять верное решение. Человек начинает сомневаться, нервничать, затрачивает огромное количество сил и энергии на обдумывание важных вопросов и, тем не менее, оказывается не способным решиться на ответственный шаг или даже сделать попытку что-либо поменять в своей жизни, откладывая действие на будущее. Как заметил священнослужитель Православной церкви А.Д. Шмеман в своих дневниках относительно отрицания перемен и новых состояний: «Новая ситуация неверна, плоха, только потому что она новая. И это априорное ее отрицание не позволяет даже понять ее, оценить в категориях веры и по-настоящему «встретить» ее. Уход и отрицание, но никогда не понимание» [11]. Абсолютно верное замечание, касающееся веры и доверия Вселенной, в благополучный исход дела, отказ от самостоятельного размышления и обдумывания ситуации, убежание от ответственности и лень. К сожалению, такие понятия как дисциплина, упорство, воля, терпение и смирение, послушание – чужды современному человеку.

Уместно отмечает М. Хайдеггер, что современному человеку свойственно все упрощать и облегчать, обходить трудноразрешимые вопросы и отмалчиваться при возникновении спорных ситуаций. Следуя данному примеру, можно говорить о незрелости человека, в частности духовной. [12]. При этом, как правило, ощущается чувство безысходности, обреченности, брошенности и тогда же происходит некоторое пробуждение сознания или поиск ответов на накопившиеся вопросы, когда че-

люди могут запутаться в своих домыслах и попасться на уловки мошенников, а также поддаться искушению быть услышанным псевдоспециалистами – неопытными психологами, шаманами, ведуньями и экстрасенсами. Вероятно, на интуитивном уровне человек начинает искать легкие способы разрешения своих бед, но через посредников, которые обладают неведомой силой свыше, прибегают к языческим обрядам. По мнению И.А. Ильина: «Если у такого человека проснется «религиозная потребность», то она поведет к недуховной и противодуховной религиозности» [9]. К сожалению, вместо душевного поиска чистоты, святости, бережности, человек начинает скучать, терять контроль над собой, уходя в пьянство, разврат, хандру и даже заканчивая жизнь самоубийством. Уместно обращает внимание французский философ А. Камю в своем творчестве: «Свести счеты с жизнью – означает признаться, что бытие больше не поддается пониманию: явственно осознается только его конец» [13]. Очевидно, что автор подразумевает о некотором застойном явлении в жизни человека, состоянии безысходности и удрученности, наскучившей рутине и однообразному образу жизни. Основная масса людей живет по определенному шаблонному мышлению, приспособляется к неудовлетворяющим душу человека условиям, диктуемым политической властью, оправдывает свое бездействие и безынициативность. Таким образом, человек начинает чувствовать себя заложником политических игр, экономических дебатов, общественного мнения, а также изгнанником в определенных группах или сообществах, тем самым укореняя в себе самом слабость к противодействию и познанию мирового устройства и поиску гармоничного состояния. А. Камю уточнял в своих трудах, что «...Воля является двигателем и направлена на укрепление сознания. Воля упорядочивает жизнь... А печаль обычно возникает по двум причинам: из-за незнания или несбыточности надежд» [13].

Остается невыясненным вопрос о том, что должно произойти, чтобы человек самостоятельно увидел свою духовную несостоятельность или как прийти к духовности современному человеку? Бесспорен факт, что особый уровень духовности есть у каждого человека, который проявляется в отношении к вещам и жизненным проблемам. И случается, что даже в одной семье родственники имеют личный уровень духовного просветления. Опасность появляется, когда человек «одухотворенный» впадает в тщеславие и гордыню, для него теряют значимость авторитеты, ученые, мудрецы. Как следствие, человек может плавно опуститься до грехопадений. Насущно А. Камю задавался вопросом: «Стоит ли бунтовать, если в тебе самом нет ничего постоянного, достойного сохранения?» [14]. Бунтующий человек живет, не руководствуясь сердцем, а расчетливым разумом и памятью. Не зависимо от социального статуса и нравственного воспитания, любой человек может дойти до абсурда и впасть в отчаянье. Именно этот момент явля-

ется ключевым в жизни современных людей, когда человеческая душа жаждет очищения от страстей, пошлости, самоистязания и самоуничтожения.

Обобщая все вышесказанное, приходим к выводу, что духовную культуру требуется подпитывать, как и воспитывать в себе дух. Приведем примеры не только церковного, но и светского духовного очищения: молитвенные службы в храме, чтение духовной литературы, умиление от прослушивания классической музыки, мысленное обращение к высшим силам, просмотр духовных документальных фильмов, чтение философских текстов и трактатов, увлечение живописью и архитектурой, просмотр театральных постановок и репродукций и многое другое. Молиться, познавать, созерцать – то, к чему нужно стремиться каждому человеку, находить очаги духовного просвещения, помышлять доброе и творить милосердие. Очевидно, что обыденное и примитивное откроется человеку иначе, окажется обновленным и даже священным. Соединение с природой является неотъемлемой составляющей горожан. Занимаясь самопознанием и регулярно открывая для себя источники радости и вдохновения, человек выходит на новый уровень сознания, умело преодолевает препятствия и смело шагает навстречу трудностям, дабы повысить свое мастерство и укрепить силу духа. Таким образом, человек привыкает видеть целостную картину мира и осознает свое место в ней. «Отсюда правило всякого воспитателя: надо пробудить у ребенка как можно раньше духовное око, око любви, око совести, вкус к совершенству...», - утверждал И.А. Ильин, чтобы последующие поколения не были обречены на гибель и истребление [9].

В самом деле, если исходить из общей современной ситуации, замечателен факт, что современное общество пронизано духовными противоречиями. Старшее поколение более религиозно, борется за очищение и вовлечение народа в духовную сферу. Однако, изучив понятие духовности в новых условиях, важно отметить, что не следует быть воцерковленным и богобоязненным, потому что так принято, а научиться видеть Божий замысел в каждом действии и во всех сферах жизни, начиная с личной жизни и заканчивая государственной службой.

В заключение следует отметить, что мудрость духовного развития человека заключается в том, чтобы в человеке было нарушено тщеславие, гордыня и самодовольство. Духовная неудовлетворенность выравнивает человека и мотивирует на постижение духовного наполнения, преодоление тоски, ропота, учит человека критически относиться к себе и происходящим событиям, придавая им духовно-плодотворный смысл. Поэтому обозначив ситуацию с духовной составляющей, каждый человек сам выбирает каким путем ему следовать и насколько важно вести духовный образ жизни среди мирского населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедия мудрости: [12+] / [ред.-изд. группа: Г. Кирияк и др.]. – М.: РООССА, 2014. – 814 с.: ил.; 26 см.; ISBN 978-5-91926-189-6.
2. Сахаров А.Н. История России с древнейших времен до конца XVII века / А.Н. Сахаров, А.П. Новосельцев и др. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 576с. – ISBN 5-237-02246-4.
3. Сахаров А.Н. История России: С начала XVIII до конца XIX в. / А.Н. Сахаров, Л.В. Милов и др. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2001. – 544с. – ISBN 5-17-009096-Х.
4. Лютер М.О свободе христианина / Составление, вступ. статья, пер. с нем., коммент., примеч. Ивана Фокина. - Уфа: «ARC», 2013. — 728 с. ISBN 978-5-905551-05-5.
5. Чуринов Н.М. Совершенство и свобода: монография / Н.М. Чуринов. - Новосибирск: Изд-во СО РАН. - 2006. - 712 с. ISBN 5-7692-0826-0.
6. Фромм Э. Бегство от свободы / Эрих Фромм; Пер. с англ. Г.Ф. Швейника; Общ. ред. и послесл. [с. 248-267] П.С. Гуревича. - М.: Прогресс, 1990. - 269 с. ISBN 5-01-001914-0.
7. Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философий: [перевод] / Карл-Густав Юнг; [Московский философский фонд]. - Москва: Московский философский фонд: Медиум, 1994. - 253, [2] с.: ил.; 19 см. - (ППР. Первые публикации в России); ISBN 5-85691-010-9.
8. Толстой Л.Н. Путь жизни / Л.Н. Толстой; [Послесл. Ю.Н. Давыдова; Примеч. Р.К. Медведевой]. - М.: Республика, 1993. - 430 [1] с.; 23 см. - (Библиотека этической мысли); ISBN 5-250-01940-4.
9. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта: Исследование: Т. 1-2 / И. А. Ильин; [Сост. и авт. вступ. ст., с. 3-33, И. Н. Смирнов]. - М.: ТОО «Рарогъ», 1993. - 448 с.; 23 см.; ISBN 5-87372-014-2.
10. Мешков Н.И. Духовность в научном и религиозном понимании / Н.И. Мешков, Д.Н. Мешков // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2019. - №1. – с. 69-78; ISSN 2078-9823.
11. Шмеман А.Д. Исторический путь православия / Прот. А. Шмеман. - [Репринт. изд.]. - М.: Паломник, 1993. – 387 [2] с.; 17 см.; ISBN 5-87468-014-4
12. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / Мартин Хайдеггер; [сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В.В. Бибихина]. - Москва: Республика, 1993. - 445 [2] с.; 22 см. - (Мыслители XX века); ISBN 5-250-01496-8.
13. Камю А. Миф о Сизифе / Альбер Камю; [пер. с фр. С. Великовского]. - Москва: АСТ: Астрель, 2011. - 218, [2] с.; 17 см. - (Философия. Психология); ISBN 978-5-17-071670-8.
14. Камю А. Бунтующий человек: Философия. Политика. Искусство: [Сборник: Пер. с фр.] / Альбер Камю; [Общ. ред., сост. и предисл., с. 5-22, А.М. Руткевича]. - М.: Политиздат, 1990. – 414 [1] с.; 22 см. - (Мыслители XX в. Редкол.: Т.И. Ойзерман (пред.) и др.); ISBN 5-250-01279-5.

© Гринева Ольга Александровна (gold23@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ СОЦИУМА

Козлов Иван Иванович

К.ф.н., доцент, Российская академия
музыки имени Гнесиных
i.kozlov@gnesin-academy.ru

THE PHILOSOPHY HISTORY UNDERSTANDING PRISM ON THE HISTORICAL DYNAMICS OF SOCIAL DEVELOPMENT PROBLEMS

I. Kozlov

Summary: The article deals with the fact that modern reality is manifested in the growing number and complexity of problems that can no longer be solved in parts, which leads to the need for an adequate system, conceptual and practical approach to the situation as a whole. This, in fact, is the qualitative feature of the so-called global problems of our time, which in our times are still not given enough attention. At the same time, the analysis of society plays an important role in connection with the ongoing shock that it is experienced by modern people as a result of the chronic lag in its adaptation to the changes that they themselves cause.

The purpose of the article is to review the leading foreign and domestic socio-philosophical, historiographical, sociological, world-system and other views and concepts regarding the dynamics and essence of historical processes, based on their human dimensional component.

Keywords: society, socio-philosophical analysis, philosophy history, human dimension, social philosophy.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы того, что современная реальность проявляется в росте количества и сложности проблем, которые уже не могут быть решены по частям, откуда возникает потребность адекватного системного, концептуального и практического подхода к ситуации в целом. В этом, собственно, и заключается качественная особенность так называемых глобальных проблем современности, которым в наши времена еще уделяется недостаточно внимания. При этом анализ социума играет важную роль в связи с непрекращающимся шоком, что его испытывает современный человек в результате хронического отставание ее адаптации к изменениям, которые она же сама и влечет.

Целью статьи является обзор ведущих зарубежных и отечественных социально-философских, историософских, социологических, мир-системных и других взглядов и концепций относительно динамики и сущности исторических процессов, исходя из их человекомерной составляющей.

Ключевые слова: общество, социально-философский анализ, философия истории, человекомерность, социальная философия.

Введение в проблему исследования

За последние десятилетия отечественный социум, включая социальную, экономическую, политическую сферы, а также идеологическую надстройку, общественные отношения, семейные отношения, отдельные социальные институты и тому подобное, претерпел принципиальных, кардинальных трансформаций.

Известно, что еще древнегреческий софист Протагор говорил о человеке как о мере всех вещей, видя специфику человеческого в своеобразной соизмеримости и взаимозависимости человека и мира.

Проблема человекомерности (человекоизмерения) в последнее время стала объектом внимания как зарубежных, так и отечественных исследователей. С позиции ее различных человеческих измерений и к ней, в частности, обращались такие отечественные ученые, как И.В. Бычко, М.А. Булатов, И.В. Бойченко, В.А. Головкин, В.С. Горский, Л.М. Димитрова, В.В. Кизима, В.Г. Кремень, Б.С. Крымский, В.А. Лозовой, М.В. Попович, М.К. Петров, В.Г. Табачковский, А.Г. Тихолаз, А.В. Толстоухов, Н.В. Хами-

тов, В.И. Ярошовец и другие, что подтверждает ее значительную актуальность.

Следует также отметить, что для оценки и социально-философского анализа общества необходимо выделить как минимум два аспекта такого рассмотрения: индивидуальный и социальный. Поскольку, как известно, общество – это люди, имеющие между собой определенные общественные отношения, а само общество представляет собой достаточно сложную, многоуровневую систему, которая, с одной стороны, находится под определенными регуляторными и управленческими влияниями на самых разных уровнях ее иерархии и в пределах ее отдельных подсистем, а, с другой, – является системой с присущими ей процессами самоорганизации, самосовершенствования и саморазвития. Это же касается общества и социальной системы России. При этом процесс упорядочения и организации общественных отношений порождает разнообразные формы интеграции и дезинтеграции, регулирования и реорганизации взаимоотношений между отдельными индивидуумами, социальными сообществами, классами, в пределах семей и между отдельными семьями, во взаимоотношениях человека с природой и т. д.

Это, в частности, предопределяет и возникновение соответствующей системы норм, правил, обязанностей, прав, разрешений, запретов и предрассудков, приводит к формированию права, морально-этических императивов и др. Они тесно связаны с историческим опытом, ментальностью соответствующих народов и является одним из аспектов, которые исследует социальная философия.

Изложение основных результатов исследования

Отметим, что проблема осмысления путей исторического движения, тенденций и направленности исторического процесса с давних времен вызвала интерес самых серьезных мыслителей, в трудах которых еще со времен Античности до современности были представлены попытки интерпретации исторического процесса и заложены основы методологии исторического познания. Стремление человечества понять, рационально осмыслить современные исторические процессы, причины и последствия социальных катаклизмов, приобретаемых на сегодня глобального характера, осознать их не на уровне архаичных стереотипов, мифологизированных схем и архетипов, а на уровне современных научных представлений, является характерной чертой философской, социологической и исторической науки в начале нового тысячелетия.

Многие мыслители современности пытаются осознать тенденции, направленность, движущие силы, взаимосвязи и взаимообусловленность исторических процессов, как в давние времена, так и на рубеже последних веков. Углубленный анализ общественно-исторической жизни возможен только при отказе от упрощенного восприятия исторических феноменов и явлений. В русле познавательного процесса в круг исследований включаются многообразные аспекты исторического бытия человечества, взятые как в ракурсе ретроспективы, так и анализа реалий настоящего, а также в плане вероятности гипотетической перспективы [1, с. 13].

Важной проблемой исследований истории с позиции ее философского осмысления является понимание природы исторического процесса, его структуры, определение того, как происходили изменения и в каком направлении они развивались, какие движущие силы были в нем ведущими, какая взаимосвязь этих сил обусловила важные события исторического масштаба. Решения этой проблемы позволяет более объективно и последовательно определить те длительные «моменты» в истории, когда старые исторические континуумы исчезали и формировались новые.

Кроме того, особый вес приобретает проблема периодизации исторических процессов. Периодизация существует на двух уровнях: индивидуальном и институциональном. Попытки осмысления последовательности,

преемственности конкретных исторических периодов позволили создать некоторые обобщенные структурированные целостные образы истории. Считается, что течение двух с половиной тысячелетий философы используют лишь три образа исторического процесса: линейные, циклические и их сочетания [2, с. 322].

Проблема периодизации истории, осознание роли и места в исторической динамике современной России и стран, которые исторически были расположены на ее территории и поэтому повлияли на дальнейшие государствообразующие процессы в ней, обуславливает актуальность исследования историософских взглядов на ее решение, причем как западных, так и восточных авторитетных мыслителей.

В связи с этим, в частности, линейные модели являются отражением истории как необратимой последовательности событий; геометрическим аналогом этой модели направленности истории является прямая. Линейностью считается определенная последовательность таких событий, ведущих к соответствующему состоянию в обществе. В зависимости от того, обозначено ли следующее относительно предыдущего состояние общества положительным или отрицательным знаком, можно говорить о прогрессивной или регрессивной линейности. Чаще всего встречается прогрессивная линейная модель истории. С определенными модификациями линейной концепции придерживались Аристотель, Августин, Бекон, Вольтер, Кант, Гегель, Спенсер, Буркгардт, Нисбет, Лиотар и другие философы, социологи и историки разных времен [3, с. 200-212].

Концепция линейной направленности исторического процесса включает два варианта – пессимистичный и оптимистичный. Зато, еще с далеких времен была предложена идея круговорота мирового процесса (например, в Ведах в индийской философии, у стоиков в античности и т. п.) Согласно этой концепции, история идет по восходящей траектории, затем переходит на упадок, затем вновь идет на подъем и тому подобное. Эта идея в значительной степени была следствием осознания цикличности существования космоса и окружающего мира.

Цикличность трактуется как последовательность событий, повторяющихся через определенные промежутки времени. Для философии истории характерны циклические концепции, построенные по метафорой круга, поэтому они часто используют вместо понятия цикла понятие круговорота [4, с. 323].

Господство со второй половины XIX в. в Европе линейной концепции заставило почти забыть другую, гораздо более древнюю, циклическую концепцию исторического процесса. Намеки на цикличность развития мира исследователи находят в текстах Библии, философ-

ской мысли древних Индии и Китая, мыслях астрологов, древних космогонических мифах и др. [5, с. 496].

Проблема потенциальной возможности цикличности развития истории и становления цивилизации беспокоила многих выдающихся мыслителей разных времен. Назовем только такие фамилии, как Платон, Сенека, Геродот, Н. Макьявелли, т. Кампанелла, Дж. Вико, О. Шпенглер, Й. Шумпетер, Н. Кондратьев, А. Тойнби, П. Сорокин, Л. Гумилев, А. Тофлер и многие другие исследователи и ученые.

В частности, теорию цикличности рассматривал и поддерживал известный русско-американский социолог П. Сорокин, который отмечал, что эта концепция проходит через всю историю социальной мысли – через библейскую теорию падения, через теорию Гесиода о пяти регрессивных стадий, через Цицерона, Сенеку и теорию упадка, созданную авторитетными раннехристианскими теологами и т. Идею цикличности можно видеть уже в представлениях древних греков. Считается, что циклический круговорот – это основа античного историзма.

Некоторые исследователи считают, что зародыши концепции исторического круговорота можно найти уже в идее Гераклита о вечной пульсации огня истории [6, с. 158].

Основная идея циклических моделей также заключается в том, что история периодически исчерпывает свой потенциал и временно возвращается к началу процесса, то есть со временем она определенным образом повторяется. Идея цикличности имела различное толкование в историческом сознании разных типов и народов. В древнейших представлениях о ходе исторического процесса можно отыскать астрономические циклы, с которыми связана периодичность и сезонность хозяйственной деятельности; это также биологические циклы (рождение, детство, юность, зрелость, старость). Цикличность люди наблюдали и в общественной жизни (изменение правителей, династий и правительств, экономические и социальные циклы и др.). Цикличность имеет место и в повседневной жизни личности.

Заметим, что известный теоретик и исследователь науки Т. Кун различал два этапа в развитии научного знания: кумулятивный, соответствующий процессу увеличения знания в рамках господствующей парадигмы, и революционный, характеризующийся «парадигмальным скачком» в научной истории. Если исторические экскурсы в первом случае могут ограничиваться рамками изучения соответствующих постепенных преобразований, то во втором случае в качестве исторически значимых факторов должны рассматриваться более широкие контуры, как научные, так и философские и общекультурные [6, 7 и др.].

При этом появляется многовекторность исторических ретроспектив, которая усиливается еще и тем, что каждый

ретроспективный ракурс в исследовании истории с позиции, например, новейшей синергетической парадигмы задается тем акцентом в системе идей, который привносится в науку синергетикой. Это могут быть идея холизма, синергизма, организмичности, идея связи порядка и хаоса, значимости случайности, нетелеологичности самоорганизующихся систем. Или, к примеру, идея перехода от простой череды событий к процессуальности. В рамках научного знания источника синергетических идей различные авторы находят в кибернетике, теории систем, исследованиях по искусственному интеллекту, современной физической химии, ее концептах состава и свойства, химии катализа, эволюционных идеях и т. п. [8, 9].

Механизмы самоорганизации имеют общеметодологический характер, то есть, например, роль, аналогичную с микроаттракторами в физических системах, в биологии могут играть мутации, а в обществе – новые идеи и пассионарная деятельность выдающихся личностей, которая направлена на реорганизацию человеческой деятельности путем скорейшего распространения этих идей и их внедрения в жизнь.

Систему принципов синергетической парадигмы согласно В.С. Лутая, в частности, следует применять для субординации всего бесконечного «океана» информации о реальном мире, прежде всего в отношении проблем:

- какой информацией, необходимой для сохранения нашей планетарной системы, должны овладеть представители всех типов культуры и видов деятельности;
- какая информация является важнейшей для представителей определенного конкретного социума (культурного, цивилизационного, национального и др.) [9, с. 122].

Системно-синергетический принцип единства и целостности мира нашел, на его взгляд, отражение в ряде циклических европейских концепций, берущих начало от работ Дж. Вико, И. Гердера, отмечавшие единственную для общества закономерность – его зарождение, расцвет и гибель. Но наиболее зрелые идеи, близкие к системно-синергетическому восприятию мира и общества, по мнению В. Шалаева [2], связаны с работами А. Шопенгауэра, Г. Гегеля, К. Маркса, Г. Спенсера, А. Бергсона, Й. Хейзинги, Х. Ортеги-и-Гассета, О. Шпенглера, А. Тойнби, К. Ясперса, К. Поппера, П. Сорокина и др.

Отдельно в списке имен западных философов и культурологов, которые по сути своих социально-философских достояний фактически ассоциируются с идеями синергетики, стоит вспомнить культур-циклические теории О. Шпенглера, А. Тойнби, К. Ясперса, П. Сорокина, которые были упомянуты выше. Идея цикличности мировых процессов, представлено синергетикой, как цикла устойчивой временной-пространственно-временной структуры, по-

рождаемой законами самоорганизации, проводится в этих работах применительно к социокультурной динамике.

Говоря о связи философии с синергетикой, нельзя также не упомянуть работ М. Данилевского и Л. Гумилева. Центральной идеей социокультурной циклической концепции Данилевского является принцип единства как природного, так и социального мира, что подчиняется закону возрастания энтропии (энтропия – одно из основных понятий синергетики). То же самое понятие энтропии плодотворно использует Л. Гумилев в своих этнологических построениях.

По мнению С.А. Заветного [10, с. 74-75], прошлое имеет значительный управленческий и прогностический потенциал. Это связано с тем, что оно не исчезает бесследно. Богатый исторический опыт существования человечества содержит в себе разнообразие «сигнальных» возможностей, которые при необходимости могут быть вынуты из «хранилища» человеческой памяти и использованы как цель, средства решения управленческих задач. Если бы не было этого исторического опыта, человек не смог бы ориентироваться в современном мире. Если прошлое тщательно изучается, отбирается и используется, то, соответственно, это сознательное, целенаправленное управление. Если же прошлое выступает лишь как фон, ментальность, то здесь следует говорить о стихийном механизме социального управления.

Прошлая деятельность людей, которая находит централизованное выражение в преемственности, памяти, менталитете, традициях, обычаях и т. п. и является глубоко интериоризированной, руководит современным бытием.

Известно, что традиция – это культурные нормы и ценности, которые люди принимают через их прошлую полезность, привычки, которые могут быть переданы другим поколениям. Традиция тесно переплетена и в значительной степени обусловлена существованием так называемого «кода культуры». Код культуры – это свод предписаний и запретов, действующих в обществе определенной исторической эпохи. Такое сведение иногда называют «культурным архетипом», «эпистемой», «ценностями культуры» и т.д. Код культуры выполняет роль базовой матрицы общества, которая детерминирует практическая, познавательная и духовная жизнь общества, цивилизационные основы, определяя его адаптивные возможности и перспективы развития [5, с. 404].

Значительно более весомый вклад в изучение локальных цивилизаций внес английский историк и философ истории А. Тойнби. В своей 12-томной фундаментальной работе «Постижение истории» (1934-1961 гг.) британский ученый поделил историю человечества на ряд локальных цивилизаций, имеющих одинаковую, ти-

пичную внутреннюю схему развития. Появление, становление и упадок цивилизаций характеризовался такими факторами, как внешний «божественный толчок», вызов и ответ, и уход, и возвращение. Во взглядах Тойнби и Шпенглера есть много общих черт. Главное отличие, однако, заключается в том, что у Шпенглера культуры почти автономны друг от друга. У Тойнби же эти отношения хотя и имеют внешний характер, но составляют часть жизни самих цивилизаций [11, с. 185].

Современные исследователи Б. Кузык и Ю. Яковец на основании работ известных футурологов Д. Белла и О. Тоффлера сформулировали концепцию мировых цивилизаций как определенной степени в историческом ритме динамики и генезиса общества как целостной системы, в которой взаимно переплетены, дополняя друг друга, материальное и духовное производство, экономика и политика, социальные отношения и культура. История человечества в их трактовке представляет собой ритмическую смену цивилизационных циклов, продолжительность которых неуклонно сокращается [12].

В целом, концепции Данилевского, Шпенглера и Тойнби были неоднозначно восприняты научным сообществом. Хотя их труды считаются фундаментальными в сфере изучения истории цивилизаций, их теоретические концепты подверглись серьезной критике. Одним из наиболее последовательных критиков цивилизационной теории выступил уже упомянутый российско-американский социолог П. Сорокин, который указал, что самая серьезная ошибка этих теорий состоит в смешении культурных систем с социальными системами (группами), в потому, что само название «цивилизация» дается существенно различным социальным группам и их общим культурам – то этническим, то религиозным, то государственным, то территориальным, то различным многофакторным группам, а то и даже конгломерату различных обществ с присущими им «совокупным культурам», в результате чего ни Тойнби, ни его предшественники не смогли назвать главные критерии вычленения цивилизаций, так же, как и точное их количество [13].

О кризисе теории цивилизаций на постсоветском поприще в свое время писал русский ученый М. Крадин. По его мнению, если в последней четверти XX века многие исследователи рассчитывало, что внедрение цивилизационной методологии выведет отечественных теоретиков на передовые рубежи мировой науки, то сейчас с подобными иллюзиями следует развестись. Цивилизационная теория была популярна в мировой науке полвека назад, а сейчас она находится в критическом состоянии. Теория цивилизаций наиболее активно разрабатывалась в последние десятилетия (как альтернатива европоцентризма) в странах, развивающихся и постсоциалистических странах. За этот период количество выделенных исследователями цивилизаций резко

возросла – даже до придания цивилизационного статуса любой этнической группе. В связи с этим, по мнению исследователя, трудно не согласиться с мнением И. Валлерстайна, который охарактеризовал цивилизационный подход как «идеологию слабых», как форму протеста этнического национализма против развитых стран «ядра» современной «мир-системы» [15, с. 314-324].

Отметим в связи с тем, что мир-системный анализ исследует социальную эволюцию систем обществ, а не отдельных социумов, в отличие от предыдущих «макросоциологических» и историософских подходов, в рамках которых теории социальной эволюции рассматривали развитие, прежде всего, отдельных обществ. В этом мир-системный подход схож с цивилизационным, однако он идет несколько дальше, исследуя не только эволюцию социальных систем, которая охватывает одну цивилизацию, но и такие системы, охватывающие более чем одну цивилизацию или даже все цивилизации мира. Этот подход был разработан в 1970-х гг. И. Валлерстайном, А.Г. Франко, С. Амином, Дж. Арриги, Т. Сантусом и другими известными исследователями. Важнейшим предшественником мир-системного подхода, заложившего его методологические основы, обычно считается Ф. Бродель, представитель известной французской «исторической школы анналов». Рассмотрим вкратце некоторые ведущие мир-системные концепции и подходы.

Подход Ф. Броделя. Бродель писал о «мир-экономике», которая взаимосвязывает все общества. У нее есть свой центр (со своим «сверхместом»; в XIV в. им была Венеция, позже центр переместился в ключевые города Фландрии и Франции, а оттуда в XX в. – в Нью-Йорк), второстепенные, но развитые общества и периферия. При этом торговые коммуникации связывают различные регионы и культуры в единое макроэкономическое пространство [14, с. 396].

Подход И. Валлерстайна. Наиболее распространенная версия мир-системного анализа разработана И. Валлерстайном. Согласно Валлерстайну, современная мир-система зародилась в т. н. «длинном XVI веке» (примерно 1450-1650 гг.) и постепенно охватила весь мир. К этому времени в мире одновременно сосуществовало множество мир-систем. Эти мир-системы Валлерстайн разделяет на три типа: минисистемы, мир-экономики и мир-империи. Минисистемы были характерны для первобытного общества, они базируются на отношениях взаимного обмена. Для сложных аграрных обществ характерны мир-экономики и мир-империи. Мир-экономики представляют собой системы обществ, Объединенных тесными экономическими связями, которые выступают как определенные эволюционные единицы, однако не объединены в единое политическое образование. Мир-империи характеризуются взиманием налогов с провинций и захваченных колоний.

Согласно взглядам Валлерстайна, все докапиталистические мир-экономики рано или поздно превращались в мир-империи через их политическое объединение под властью одной государства. Единственным исключением из этого правила является средневековая европейская мир-экономика, которая превратилась не в мир-империю, а в современную капиталистическую мир-систему.

Капиталистическая мир-система состоит из ядра (наиболее высокоразвитые страны Запада), полупериферии (в XX веке – социалистические страны) и периферии (Третий мир) [15].

Подход А.Г. Франко. От этого значительно отличается вариант мир-системного анализа, развитый А.Г. Франко. Франк обращает внимание на то, что утверждение о возможности одновременного существования в мире десятков и сотен «мир-систем» в значительной степени делает невозможным само понятие мир-системы. По мнению А.Г. Франко, следует вести речь лишь об одной мир-системе, которая возникла не менее 5000 лет назад, а впоследствии из-за многочисленных циклы экспансии и консолидации охватила весь мир. В ходе эволюции мир-системы ее центр неоднократно перемещался. До перемещения в XIX веке сначала в Европу, а затем к Северной Америки этот центр много веков находился в Китае. В связи с этим возвышение Китая, которое наблюдается в последнее время, Франк интерпретирует как начало возвращения Центра Мир-системы в ее «естественное место» после кратковременной «европейско-американской интерлюдии» [16]. Такое видение нам кажется продуктивным и интересным.

В этом контексте уже упомянута мировоззренческая и теоретико-методологическая проблема осмысления путей исторического движения, тенденций и направленности исторического процесса не теряет своей актуальности и значение. История гласит, что циклические и линейные историко-философские концепции, так же и другие концепты относительно «божественного объяснения законов исторической динамики, теории «социально-экономических формаций», «осевого времени», «географического детерминизма», «локальных цивилизаций», «пассионарности», «столкновение цивилизаций», «конца истории» и многие другие теории, их комбинаций и симбиозов, не дают достаточно приемлемого объяснения формирования и развития современного цивилизационного мира, включая и Россию.

В то же время, некоторые современные мыслители вообще отрицают возможность осмысления исторических процессов, не говоря уже и о возможности построения модельных представлений о принципах ее течения.

Постичь историю человеку мешают три ограничения.

Мы условно обозначим их триадой темных мест:

- а) иллюзия понимания, то есть ложное убеждение, будто мы понимаем, что происходит в мире, который гораздо сложнее и хаотичнее, чем нам кажется;
- б) ретроспективное искривление, то есть склонность оценивать события только постфактум...;
- в) преувеличение фактов и роли ученых авторитетов, особенно когда они категоризируют.

Известно, что Талеб по своим философским убеждениям продолжает традицию скептицизма, которой придерживались еще Секст Эмпирик, П. Бейль, Д. Хьюм, которые считали, что прошлое не позволяет предсказывать будущее. Н.Н. Талеб также последователем К. Поппера, он утверждает, что теории не могут считаться доказанными и имеют лишь условное применение". По его мнению, люди не замечают важные случайности, которые существенным образом влияют на реальную картину мира. Такие взгляды Талеб называет «платоническим заблуждением».

Выводы

Несмотря на приведенный выше один из примеров «историософского скепсиса», заметим, что, хотя и тер-

риториально Москва (исторический центр России) расположена почти в границах Европы, исторически сложилось так, что на ее территории всегда происходило столкновение, взаимосвязь, взаимопроникновение материальной и духовной культуры, идеологии, философских идей Запада и Востока. Поиски векторов развития с учетом нынешней политической переделки мира имеют насущную потребность разработки проблематики относительно осознания потенциальных закономерностей возникновения и протекания исторических процессов различного уровня и направленности, используя все многообразие современных мировоззренческих, теоретических, методологических и практических подходов в этой сфере.

Дальнейшее более углубленное рассмотрение очерченных вопросов в отечественной историософской и социально-философской литературе может, по нашему мнению, быть весьма полезным, учитывая недостаточное освещение этой актуальной проблематики в России.

При этом, рефлексия и познание исконной природы человека в бесконечном процессе общественных преобразований свидетельствует о возрастающем значении человекомерной направленности развития современного государства – Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Историко-литературный архив, 1991. – 670 с.
2. Шалаев В.П. Социосинергетика: истоки, теория и практика в современном мире / В.П.Шалаев.– Йошкар-Ола: МарГТУ, 1999.– 268 с.
3. Исаев Б.А. Социология. Краткий курс. – СПб.: Питер, 2007. – 224 с. Философия / под ред. А.Ф. Зотова, В.В. Миронова, А.В. Разина. – М.: Академический проект; Трикта, 2007. – 688 с.
4. Философия / под ред. А.Ф. Зотова, В.В. Миронова, А.В. Разина. – М.: Академический проект; Трикта, 2007. – 688 с.
5. Философия социальных и гуманитарных наук. Учебное пособие для вузов / Под. общ. ред. проф. С.А. Лебедева. – Изд. 2е, испр. И доп. – М.: Академический проект, 2008. – 733 с.
6. Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас. – М.: Одиссей; ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 768 с
7. Кун Т. Структура научных революций / Пер с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 365 с.
8. Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). Научное издание / М.: Академический проект, 2008. – 692 с.
9. Лутай В.С. Основной вопрос современной философии. Синергетический поход. – К.: Издатель ПАРАПАН, 2005. – 168 с.
10. Заветный С.А. Личность и общество: проблемы и перспективы управления. Монография. – К.: Изд. ПАРАПАН, 2008. – 256 с.
11. Тойнби А. Дж. Исследование истории: Цивилизации во времени и пространстве / Арнольд Дж. Тойнби; пер с англ. К.Я. Кожурина. – М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 863 с.
12. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: В 2 т. / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец — М.: Институт экономических стратегий, 2006. — Т. 1: Теория и история цивилизаций. — 768 с.
13. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. / Общю ред.. сост. и предисл. А.Ю. Согомоева. – М.: Изд-во политической литературы, 1992. – 544 с.
14. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV - XVIII вв. [Текст]: [в 3-х томах] / Фернан Бродель; пер. с фр. Л.Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю.Н. Афанасьева. – Москва: Прогресс, 1986-1992.
15. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина под общей редакцией Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.
16. Frank A.G., Gills B.K. The Five Thousand Year World System in Theory and Practice // World System History: The Social Science of Long-term Change / Ed. by R.A.Denemark, J.Friedman, B.K.Gills, G.Modelski.- L.; N.Y., 2000. – P. 3.-23.

© Козлов Иван Иванович (i.kozlov@gnesis-academy.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОГРАММНО-ИМИТАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ФИЛОСОФСКОЙ ФОРМАЛИЗАЦИИ

SOFTWARE SIMULATION AS A METHOD OF PHILOSOPHICAL FORMALIZATION

**O. Mikhailova
D. Shlyakhta**

Summary: The article is devoted to comprehending the theoretical problematization of the meaning of constructing rationalistic models within the framework of philosophical knowledge and is aimed at substantiating the place and role of software simulation modeling in the epistemological aspect of philosophical formalization with a demonstration of the capabilities of modern programming tools in the formal philosophical analysis of the problem of the correlation of empirical and theoretical knowledge in solving paradoxes with using computer technologies to build simulation models.

Keywords: philosophical formalization, simulation in formal philosophy, rationalistic model of philosophical knowledge, Zeno's aporia, software implementation of Zeno's paradox, simulation model of experiment in C and C++.

Михайлова Ольга Николаевна

К.ф.н., доцент, Балаковский инженерно-технологический институт - филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (г. Балаково) molniko@mail.ru

Шляхта Дмитрий Николаевич

Балаковский инженерно-технологический институт - филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (г. Балаково) shlyakhta4@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена осмыслению теоретической проблематизации значения построения рационалистических моделей в рамках философского познания и нацелена на обоснование места и роли программно-имитационного моделирования в гносеологическом аспекте философской формализации с демонстрацией возможностей современных средств программирования в формально-философском анализе проблемы соотношения эмпирического и теоретического познания в решении парадоксов с использованием компьютерных технологий построения имитационных моделей.

Ключевые слова: философская формализация, имитационное моделирование в формальной философии, рационалистическая модель философского познания, апория Зенона, программная реализация парадокса Зенона, имитационная модель эксперимента на языках СИ и С++.

Введение

Многозначные и разноаспектные проблемы континуума находят решение в философском дискурсе, который предполагает разные методы философского осмысления природы и человека с применением разных научных программ и построением соответствующих моделей как неких системно-смысловых конструкций, приближенных к наглядному оригинальному воспроизведению исследуемого предмета реальности. Современное эпистемологическое знание актуализирует философско-методологические аспекты формализации и моделирования, которые становятся в эпоху технологических вызовов постиндустриального общества третьим путём познания, дополняющим и объединяющим классическую теорию и натурный эксперимент [1]. В условиях, когда современные тенденции свидетельствуют о формировании нового поколения науки о знаниях, разрабатывающей собственные когнитивные технологии и онтологические принципы [2], формализация философского знания реализует потребность в осуществлении философских исследований прикладной проблематики с использованием метода моделирования и средств про-

граммирования [3,4,5] применительно к определенным формальным аспектам философских рассуждений.

Поскольку в рамках становления и развития первых научных программ формировались методологические принципы исследования природы и фундаментальные понятия научного мышления - понятия числа, пространства, движения, конечного и бесконечного, непрерывного и др. [6], то уже с античности для философской формализации применялись модели в качестве универсальных интеллектуальных конструкций в натурфилософских и субъективно-антропологических подходах описания/объяснения/понимания мира благодаря своей смысловой структурной композиции [7]. Существенная трансформация философско-научного мышления с его формализацией связана, как известно, с философским вкладом элейских онтологистов, осуществивших первую из известных нам в античной науке критику оснований знания, что обусловило интерес авторов статьи к рационалистическим моделям Зенона, который своими знаменитыми апориями вскрывал противоречия между чувственным и рациональным уровнями познания бытия, разрывая так называемые «зримую объективную и

умопостигаемую реальность».

Изложение основного материала статьи

Обращение к одной из наиболее известных апорий Зенона об Ахиллесе и черепахе, представляющей модель рационального доказательства, учитывает множество проведенных исследований, опровергающих или доказывающих парадокс Ахиллеса, и не претендует на обоснование «pro» и «contra», но ставит целью демонстрацию возможностей современных средств программной реализации и методов имитационного моделирования в формально-философском анализе парадокса с точки зрения решения гносеологической проблемы соотношения эмпирического и теоретического уровней познания.

В соответствии с моделью, предложенной Зеноном и исходящей из так называемого аргумента «Ахиллес», который гласит, что медленного никогда не догонит быстрый, ибо необходимо, чтобы догоняющий прежде достиг той точки, откуда стартовал убегающий, поэто-

му более медленный по необходимости всегда должен быть чуть впереди [8], посредством дихотомической формализации демонстрируется тезис, что сколько бы раз ни проходил быстроходный Ахиллес промежуток, отделявший его от тихоходной черепахи на очередном этапе, между ним и ней всегда будет оставаться разрыв в расстоянии не пройденного пути.

Анализ апории «Ахиллес и черепаха» позволяет использовать возможности процедуры программной реализации на основе, для демонстрации которой проведем детализацию содержания апории на основе следующего рассуждения: «Допустим, Ахиллес бежит в десять раз быстрее, чем черепаха, и находится позади неё на расстоянии в тысячу шагов. За то время, за которое Ахиллес пробежит это расстояние, черепаха в ту же сторону проползёт сто шагов. Когда Ахиллес пробежит сто шагов, черепаха проползёт ещё десять шагов, и так далее. Процесс будет продолжаться до бесконечности, и Ахиллес так никогда и не догонит черепаху». Таким образом, в качестве условий задачи имеются:

— скорость Ахиллеса в 10 раз превышает скорость

```

1  #include "conio.h"
2  #include "stdio.h"
3  #include "Windows.h"
4  #include "locale.h"
5
6  int main()
7  {
8      setlocale(LC_ALL, "Rus");
9      double M, N; //скорость Черепахи и Ахиллеса
10     double t; //время t
11     double xM=1000, xN=0; //начальные координаты Черепахи и Ахиллеса
12     printf_s("Введите скорость Ахиллеса = ");
13     scanf_s("%lf", &N); //Считываем скорость Ахиллеса
14     M = N / 10; //Скорость Черепахи, исходя из условия, что N = 10*M
15     printf_s("Скорость черепахи равна - %lf\n", M);
16     double R; //расстояние R
17     int i = 0;
18     while (xM >= xN) //пока координата x Черепахи больше или равна координаты Ахиллеса
19     {
20         //выполняем:
21         R = xM - xN; //высчитываем расстояние между Черепахой и Ахиллесом
22         t = R / N; //Время, за которое Ахиллес догонит Черепаху
23         xM += M * t; //Новые координаты Черепахи, с учетом изменений за время t
24         xN += N * t; //Новые координаты Ахиллеса, с учетом изменений за время t
25         printf_s("Расстояние между Ч и А - %-.20.10lf", R); //вывод расстояния и времени
26         printf_s("    Время, за которое А догонит Ч - %.10lf\n", t);
27
28         if ((i > 12)) system("pause");
29         i++;
30     }
31 }

```

Рис. 1. Код программы

```

Введите скорость Ахиллеса = 2
Скорость черепахи равна - 0,200000
Расстояние между Ч и А - 1000,0000000000
Расстояние между Ч и А - 100,0000000000
Расстояние между Ч и А - 10,0000000000
Расстояние между Ч и А - 1,0000000000
Расстояние между Ч и А - 0,1000000000
Расстояние между Ч и А - 0,0100000000
Расстояние между Ч и А - 0,0010000000
Расстояние между Ч и А - 0,0001000000
Расстояние между Ч и А - 0,0000100000
Расстояние между Ч и А - 0,0000010000
Расстояние между Ч и А - 0,0000001000
Расстояние между Ч и А - 0,0000000100
Для продолжения нажмите любую клавишу . . .
Время, за которое А догонит Ч - 500,0000000000
Время, за которое А догонит Ч - 50,0000000000
Время, за которое А догонит Ч - 5,0000000000
Время, за которое А догонит Ч - 0,5000000000
Время, за которое А догонит Ч - 0,0500000000
Время, за которое А догонит Ч - 0,0050000000
Время, за которое А догонит Ч - 0,0005000000
Время, за которое А догонит Ч - 0,0000500000
Время, за которое А догонит Ч - 0,0000050000
Время, за которое А догонит Ч - 0,0000005000
Время, за которое А догонит Ч - 0,0000000500

```

Рис. 2. Результат выполнения программы

черепахи;

- Ахиллес находится в 1000 шагах от черепахи;
- за время, которое Ахиллес тратит на достижения прежней позиции черепахи, она, в свою очередь, проходит расстояние, равное этому времени, умноженному на скорость черепахи (в 10 раз меньше, чем скорость Ахиллеса).

Проведем допущения: скорость Ахиллеса равна N (любое натуральное число), скорость черепахи равна $M = N/10$ – исходя из условия, что скорость Ахиллеса больше чем скорость черепахи в 10 раз; t – время, за которое Ахиллес догоняет черепаху; R – расстояние между черепахой и Ахиллесом, а xN и xM - позиции Ахиллеса и черепахи соответственно; время t , за которое Ахиллес догонит черепаху, вычисляется как расстояние между ними, разделенное на скорость Ахиллеса. Тогда, $t = (xM - xN) / N$.

Реализуем задачу, используя программу на языке СИ:

При выполнении программы у пользователя запрашивается скорость Ахиллеса, и это сделано для того, чтобы доказать, что вне зависимости от скорости Ахиллеса, он не сможет догнать черепаху.

Результат выполнения программы представлен на рис. 2.

По результатам выполнения программы видно, что с каждым выполнением действий в цикле расстояние между Ахиллесом и черепахой сокращается, но Ахиллес не может догнать черепаху, а лишь приближается к ее прежнему положению, что согласуется со смысловой конструкцией рационалистической модели Зенона с сохранением парадокса и демонстрируется рис.3.

Очевидно, что проблематично прямым эмпирическим путем опровергнуть парадокс Ахиллеса, не снимая поставленной в апории проблемы. Однако, поскольку опыт убеждает нас в том, что Ахиллес непременно дол-

жен догнать черепаху, то кажущаяся неразрешимость этого парадокса может найти своё решение через применение метода имитационного моделирования эмпирического уровня исследования проблемы как мысленного эксперимента соотношения движения самого быстрого и самого медлительного существа.

В соответствии с апорией и рассуждением на рациональном уровне, Ахиллес всегда будет отставать от черепахи на минимальное расстояние, стремящееся к 1/бесконечность, а цель Ахиллеса - перегнать черепаху [8].

Проведем имитационное решение от обратного доказательства при условии, что «Ахиллес» может перегнать «Черепаху» в тот момент, когда расстояние между ними меньше, чем шаг за одну итерацию цикла, с построением модели движения объектов – «Ахиллеса» и «Черепахи». Во-первых, у каждого из объектов есть начальная координата, в линейной системе отсчета координат - X . Условимся, что скорости этих объектов – константны.

Ахиллес – N км/ч
 Черепаха – M км/ч,
 $N > M$

Во-вторых, у каждого из объектов есть метод – «двигаться вперед», который смещает координату X на определенное значение в зависимости от его скорости в течение выполнения метода. Условие победы Ахиллеса – достижение координаты X - больше, чем у Черепахи.

Запишем алгоритм в виде цикла на псевдокоде [9]:

```

While(Ахиллес.X <= Черепаха.X) {
    Ахиллес.ДвигатьсяВперед();
    Черепаха.ДвигатьсяВперед(); }

```

Реализуем задачу, используя программу на языке C++ [10].

Разберем выполнение цикла. При каждой итерации

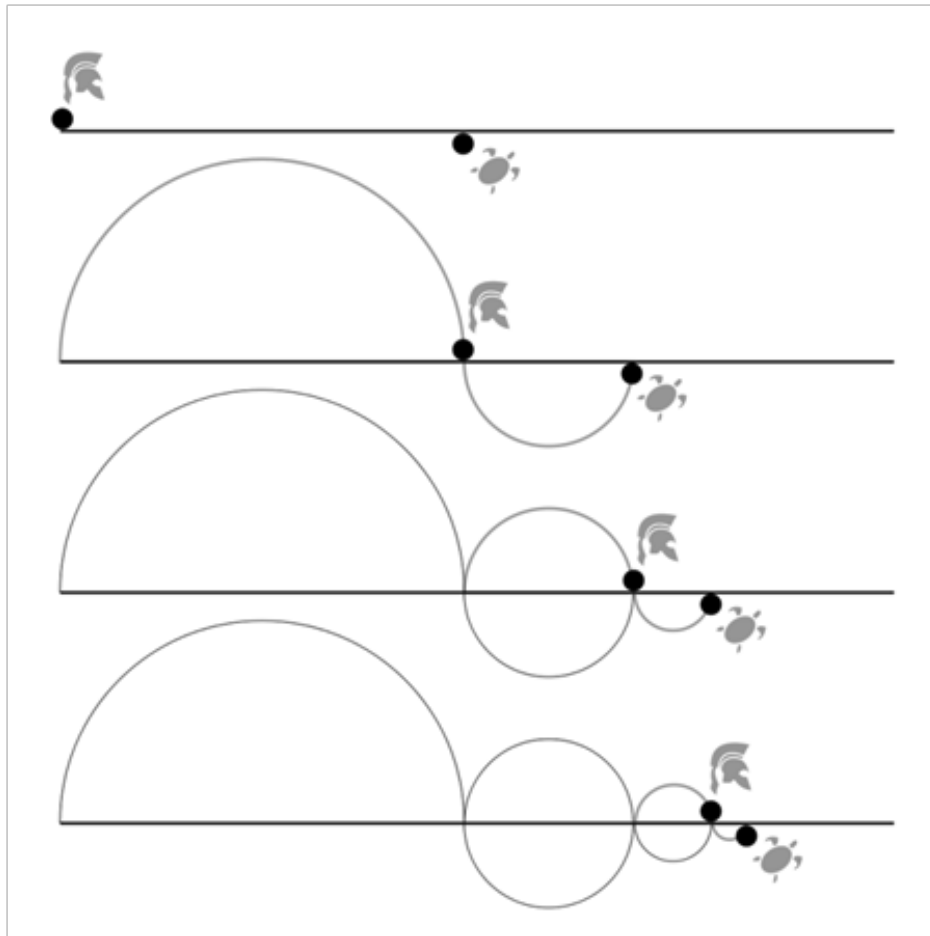

Рис. 3. Схема смысловой конструкции рационалистической модели Зенона с сохранением парадокса

```

in()

tConsoleCP(1251);
tConsoleOutputCP(1251);
tPanner Ahilles(0, 10); //начальная координата Ахиллеса - 0, скорость -10
tPanner Turtle(200, 1); //начальная координата Черепахи - 200, скорость -1
double curTime;
while (Ahilles.getX() <= Turtle.getX()) { //цикл выполняется до тех пор пока Ахиллес позади Черепахи
    curTime = clock(); //текущее системное время, начиная от момента старта программы
    cout << left << "Текущее время: " << setw(7) << curTime << "Координата Ахиллеса: " <<
        setw(6) << Ahilles.getX() << "Координата Черепахи: "
        << setw(6) << Turtle.getX() << endl; // вывод координат обоих объектов относительно точки
    Turtle.move(); //Черепаха совершает движение
    Ahilles.move(); //Ахиллес совершает движение

    cout << left << "Текущее время: " << setw(7) << curTime << "Координата Ахиллеса: " <<
        setw(6) << Ahilles.getX() << "Координата Черепахи: "
        << setw(6) << Turtle.getX() << endl;
    cout << "Ахиллес обогнал черепаху" << endl;
    system("pause");
}
return 0;

```

Рис. 4. Код программы

Текущее время: 494	Координата Ахиллеса: 0	Координата Черепахи: 200
Текущее время: 495	Координата Ахиллеса: 10	Координата Черепахи: 201
Текущее время: 496	Координата Ахиллеса: 20	Координата Черепахи: 202
Текущее время: 496	Координата Ахиллеса: 30	Координата Черепахи: 203
Текущее время: 497	Координата Ахиллеса: 40	Координата Черепахи: 204
Текущее время: 498	Координата Ахиллеса: 50	Координата Черепахи: 205
Текущее время: 498	Координата Ахиллеса: 60	Координата Черепахи: 206
Текущее время: 499	Координата Ахиллеса: 70	Координата Черепахи: 207
Текущее время: 499	Координата Ахиллеса: 80	Координата Черепахи: 208
Текущее время: 500	Координата Ахиллеса: 90	Координата Черепахи: 209
Текущее время: 501	Координата Ахиллеса: 100	Координата Черепахи: 210
Текущее время: 501	Координата Ахиллеса: 110	Координата Черепахи: 211
Текущее время: 502	Координата Ахиллеса: 120	Координата Черепахи: 212
Текущее время: 503	Координата Ахиллеса: 130	Координата Черепахи: 213
Текущее время: 503	Координата Ахиллеса: 140	Координата Черепахи: 214
Текущее время: 504	Координата Ахиллеса: 150	Координата Черепахи: 215
Текущее время: 504	Координата Ахиллеса: 160	Координата Черепахи: 216
Текущее время: 505	Координата Ахиллеса: 170	Координата Черепахи: 217
Текущее время: 508	Координата Ахиллеса: 180	Координата Черепахи: 218
Текущее время: 508	Координата Ахиллеса: 190	Координата Черепахи: 219
Текущее время: 509	Координата Ахиллеса: 200	Координата Черепахи: 220
Текущее время: 510	Координата Ахиллеса: 210	Координата Черепахи: 221
Текущее время: 510	Координата Ахиллеса: 220	Координата Черепахи: 222
Текущее время: 510	Координата Ахиллеса: 230	Координата Черепахи: 223

Ахиллес обогнал черепаху
Для продолжения нажмите любую клавишу . . .

Рис. 5. Результат выполнения программы

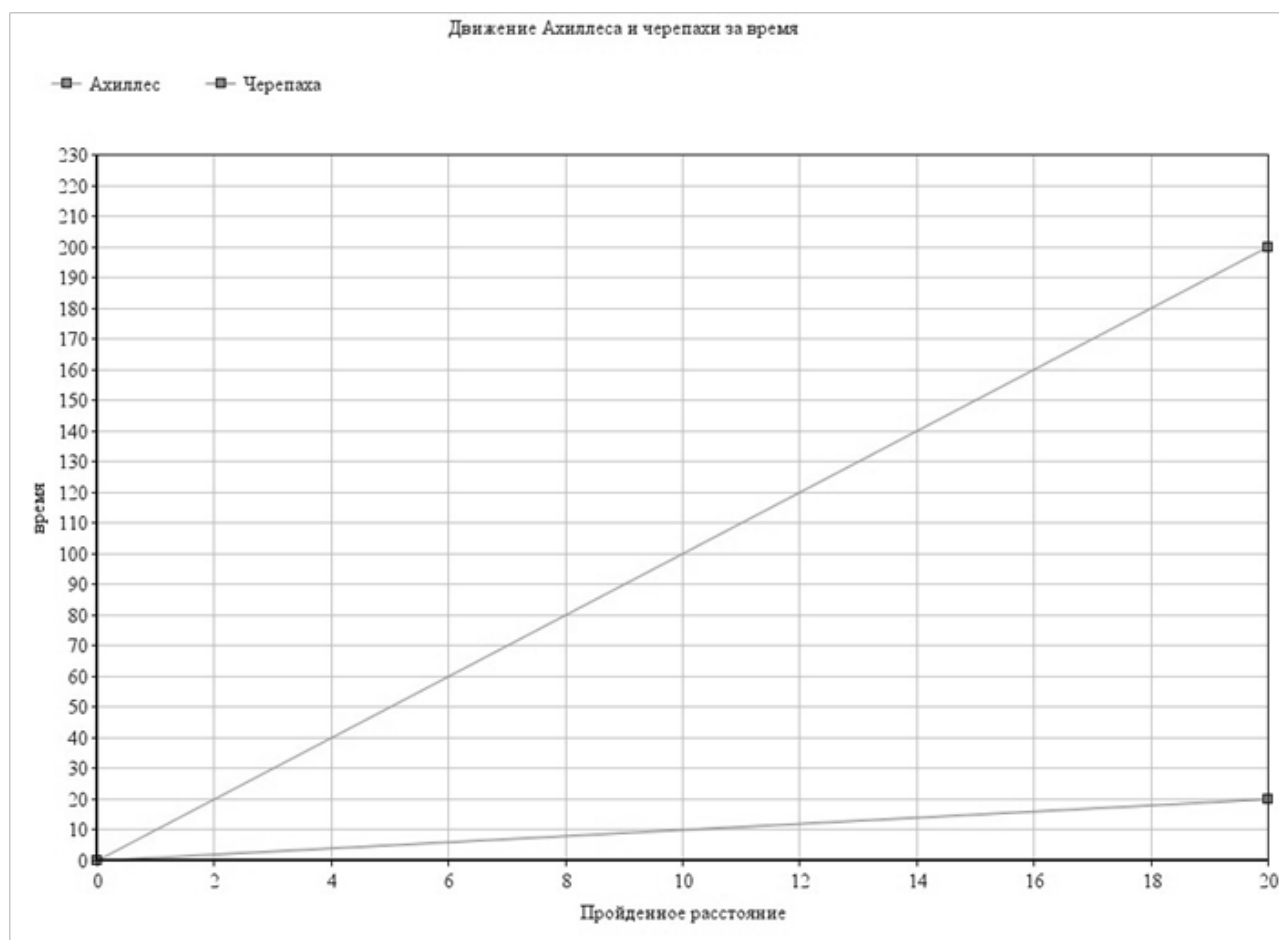

Рис. 6. Зависимость координат объектов от времени в рационалистической модели Зенона с опровержением парадокса

Ахиллес изменяет свою координату на $X = X+N$, а Черепаха $X = X+M$. После каждой итерации проверяется условие «перегнал ли Ахиллес черепаху?», если оно станет истинным, то парадокс Апории разрешен. С точки зрения математики, так как N всегда больше M , в один из моментов координаты X сравняются либо X Ахиллеса превысит X черепахи при любых начальных значениях X .

Результат выполнения программы представлен на рис. 5.

Представим зависимость координаты каждого из объектов от времени в виде графика, изображенного на рис.6.

Как видно, построение имитационной модели относительно движения быстрого и медленного объектов, воспроизводящей эмпирический уровень проверки с применением псевдокода и языка программирования C++, нарушает парадокс мысленного эксперимента и

опровергает выводы рационалистического доказательства, а апория фактически разрешается.

Выводы

Демонстрация использования программно-имитационного моделирования в контексте гносеологической проблематики формальной философии в части философского анализа парадоксов убеждает в том, что средства программной реализации и методы имитационного моделирования содержат дополнительные возможности для разностороннего и эффективного решения проблем гуманитарного знания. При этом обоснование значения философских формализмов подводит к признанию факта того, что определение приемлемости/неприемлемости программно-имитационных средств и методов моделирования в движении к истинному знанию является относительным, но весьма ценным с точки зрения акцентуализации проблем создания функциональных, устойчивых и работоспособных моделей для плодотворного философско-научного поиска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин В.П. Математическое моделирование и философия науки / В.П. Ильин // Вестник Российской академии наук. – 2018. – Т.88. – № 1. – С. 58-66.
2. Загоруйко Ю.А. Семантическая технология разработки интеллектуальных систем, ориентированная на экспертов предметной области / Ю.А. Загоруйко // Онтология проектирования. – 2015. – № 1. – С. 30-46.
3. Формальная философия. Международная лаборатория логики, лингвистики и формальной философии [Электронный ресурс]. - URL: https://lfp.hse.ru/forphil_seminar (дата обращения 07.09.2020).
4. Лобовников В.О. Философия формальная. / Гуманитарная энциклопедия: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2020 (последняя редакция: 08.02.2020). - URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7190> (дата обращения 08.09.2020).
5. Философия программирования — трёхнаправленное программирование [Электронный ресурс]. - URL: <https://habr.com/ru/post/247251/> (дата обращения 10.09.2020).
6. Гайденок П.П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. – М.: «УРСС», – 2010. – 568 с.
7. Макулин А.В. Моделирование философии: от схем, таблиц и метафор к цифровым философским визуализациям / А.В. Макулин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3 (65): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 123-127.
8. Ахиллес и черепаха [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – М.: Wikipedia, 2019. – 1с. - URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 10.09.2020).
9. Структурный псевдокод [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – М.: Tadviser, 2010. – 1с. - URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения 15.09.2020).
10. Труб И. Объектно-ориентированное моделирование на C++ [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.livelib.ru/book/1000165129-obektnoorientirovannoe-modelirovanie-na-s-ilya-trub> (дата обращения 21.09.2020).

© Михайлова Ольга Николаевна (molniko@mail.ru), Шляхта Дмитрий Николаевич (shlyakhta4@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УМБЕРТО ЭКО И МИХАИЛ БАХТИН: ДИАЛОГ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И ВОЗРОЖДЕНИИ

Мочалов Евгений Владимирович

д.ф.н., профессор, ФГБОУ ВО «Мордовский
государственный университет»
mochalov_ev@mail.ru

UMBERTO ECO AND MIKHAIL BAKHTIN: DIALOGUE IN THE MIDDLE AGES AND THE RENAISSANCE

E. Mochalov

Summary: For the first time in the history of philosophy and cultural studies, the article attempts to explore and identify the common ideological origins of the work of the greatest thinkers of the XX-XXI centuries, M. M. Bakhtin and U. Eco. Applying a comparative approach, the author explores one of the main works of the Italian thinker devoted to the aesthetics of the Middle ages and the Renaissance. Thanks to the chosen method, it was possible to determine and justify the common views of Eco and Bakhtin in assessing the culture of the Middle ages and the Renaissance, and to emphasize their originality. A special place in the article is given to the consideration of Eco and Bakhtin's interpretations of the aesthetic views of Medieval and Renaissance thinkers. In this regard, the author explains their most important concepts, including medieval culture, symbol, beauty, text, and allegory.

Keywords: aesthetics, Middle ages, Renaissance, Bakhtin, Ecotex, humanism, Bible, symbolism.

Аннотация: В статье впервые в истории философии и культурологии предпринята попытка исследовать и выявить общие идейные истоки творчества крупнейших мыслителей XX-XXI вв. М. М. Бахтина и У. Эко. Применяя компаративистский подход, автор статьи в соответствии с задачей исследует одну из основных работ итальянского мыслителя, посвященную эстетике Средних веков и Возрождения. Благодаря выбранной методике, удалось определить и обосновать общность воззрений Эко и Бахтина в оценке культуры Средних веков и Возрождения, подчеркнуть их оригинальность. Особое место в статье уделяется рассмотрению трактовок Эко и Бахтиным эстетических воззрений мыслителей Средневековья и Возрождения. В связи с этим автор статьи объясняет их важнейшие понятия, среди которых средневековая культура, символ, красота, текст, аллегория.

Ключевые слова: эстетика, Средние века, Возрождение, Бахтин, Эко, текст, гуманизм, Библия, символизм.

Современная гуманитаристика сегодня совершенно немислима, на наш взгляд, без двух величайших ученых XX и XXI века, к числу которых, несомненно, относятся Михаил Михайлович Бахтин (1895-1975) и Умберто Эко (1932-2016). Если имя Бахтина сегодня как никогда популярно в России и сообщество ученых знакомо с его произведениями, то Умберто Эко – явление относительно новое для российской гуманитарной науки. Вероятно, еще советский читатель впервые познакомился с его творчеством по знаменитому средневековому детективу «Имя розы» [2] и комментариями к нему. Впоследствии свет увидели многие его работы, среди которых и «Маятник Фуко» [5], и книги, посвященные культуре Средних веков, Возрождению, библиотеке, современной культуре: «Искусство и красота в средневековой эстетике» [3], «История красоты» [4], «О литературе» [6], «Поиски совершенного языка в европейской культуре» [7], «Поэтики Джойса» [8], «Роль читателя. Исследования по семиотике текста» [9], «Эволюция средневековой эстетики» [10] и др.

В начале статьи позволим себе выдвинуть тезис: наследие Умберто Эко не менее многогранно и значимо в гуманитаристике XXI века, чем творчество Михаила Михайловича Бахтина. Что же объединяет этих ученых? Нам

думается, что общим истоком стал предмет изучения, который охватывал и средневековую культуру, и эстетику, и, безусловно, эпоху Возрождения и человека, феномены диалога и литературного текста.

Поясним, что цель нашей статьи заключена не столько в том, чтобы выявить общность идей Бахтина и Эко. Автор поставил задачу с помощью сравнительного подхода проанализировать: насколько интересным и уникальным было творчество Умберто Эко в гуманитарной мысли XX-XXI веков, к одним из идейных источников которого по праву относится наследие российского филолога и литературоведа, философа Михаила Михайловича Бахтина.

Итак, обращаясь к работе Умберто Эко «Искусство и красота в средневековой эстетике», на странице двадцать восьмой мы находим, что в библиографию включена монография Михаила Михайловича Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса», вышедшая в 1965 году [3, с. 228]. На странице двести девятнадцатой этой же работы в комментарии к разделу «После схоластики» Эко отсылает читателя к гипотезе об «отклоняющемся Средневековье», изложенной в упомянутой выше книге Бах-

тина, переизданной несколько раз. Анализ работы Эко и литературно-критических статей Бахтина, по нашему мнению, свидетельствует об общности оценок средневековой культуры и эстетики, мировоззрения Средних веков, принципов восприятия Возрождения. Поясним, что монография Умберто Эко «Искусство и красота в средневековой эстетике» посвящена исследованию взглядов Фомы Аквинского, Альберта Великого, Бонавентуры, Дунса Скота. Уильяма Оккама. Итальянский ученый ставит перед собой весьма трудную задачу: определить, что собой представляет теория эстетик Средневековья и Возрождения. Для достижения указанной цели Эко мастерски соединяет теоретические рассуждения с анализом текстов, реконструирует идеи теоретиков риторики, привлекая сочинения мистиков, педагогов, энциклопедистов, толкователей Священного писания той эпохи.

Рассматривая средневековую культуру, Эко полагает, что она «обладает чувством нового, но стремится скрыть это новое под завесой повторения». По мнению Эко, в этом процессе большое значение имеет трактовка понятия «формы», которая сначала использовалась для указания на нечто, лежащее на поверхности. Однако понятие «форма», наоборот, свидетельствует о том, что есть «нечто сокрытое в глубине». Эко убежден, что люди Средневековья не были столь театральными, они считали, что оригинальность проявляется в грехе гордыни, полагая, что люди и в Средние века были способны на «гениальные открытия».

Оценивая мировоззрение средневекового человека, Эко подчеркивает, что его критическая позиция не исчерпывается приверженностью понятиям, которые были восприняты в предыдущую эпоху. Наоборот, Средневековью присуща «ревностная устремленность к реальности».

Эко справедливо утверждает, что «усматривать в Средневековье эпоху моралистического отрицания чувственно прекрасного означает не только поверхностное знание средневековых текстов, но и полное непонимание средневекового менталитета» [3, с. 13].

Культуролог формулирует свое понимание человека Средневековья, как человека, который «постоянно рассуждает о красоте всего бытия. И если история этой эпохи полна мрака и противоречия, ... то образ Вселенной..., каким представляет его себе человек..., преисполнен оптимистического сияния» [3, с. 28].

Совершенно удивительно, но подтверждение этой мысли Эко находит в схоластике XIII века. Исследуя мировоззрение катаров, он приходит к выводу, что представление об отсутствии четкого выбора и границы между добром и злом послужило причиной утверждения в схоластике идеи благодати всего творения, так как благодать находит воплощение в красоте и изяществе. В этом

ключе Эко обращает внимание на эстетику Аристотеля, «для которого прекрасное есть то, что предпочтительно и похвально само по себе, или то, что, будучи хорошим, приятно, потому что хорошо» [3, с. 35].

В осмыслении Эко, эстетическая традиция Средневековья развивает, как это ни парадоксально, математическое понятие красоты, стремится к метафизическому прочтению эстетики света, формирует психологию восприятия. В этой связи очень интересен его исторический экскурс в средневековое восприятие символа и аллегории. Эко сразу же обращает внимание на то, что глубокий анализ средневекового символизма представлен в работах Йохана Хейзинги, который показывал, что предрасположенность к символическому восприятию мира может быть свойственна и современному человеку. Однако, именно в Средневековье символ трактовался как приближение к божественному, к богооткровению, истине, которая выражается не только в мифе, но не в рациональном рассуждении. Средневековый символ, по мнению Эко, это предварение, предвосхищение рационального рассуждения. Задача средневекового символа как раз и заключается в том, чтобы соотнести и связать его с предназначением человека. Поэтому далеко не случайно, полагает Эко, символический подход Фомы Аквинского к божественным атрибутам превращается в рассуждение по аналогии, наполняется логикой. В результате мир предстает, как величественное проявление Бога, осуществляемое через изначальные и вечные причины, вбирающие в себя все виды чувственно воспринимаемой красоты.

Итальянский ученый убежден, что особое значение для культуры Средневековья имеет, безусловно, Библия. Библейский символизм, аллегория – все это находит свое отражение в литературных традициях. Однако было бы очень интересно, по мнению Эко, проследить диалектику догматического истолкования и прочтения «двух Заветов» со стороны церкви, и истолкования символа со стороны традиции, которая не признает абсолютного авторитета церкви и не считаются с ее трактовками прочтения текстов.

Эко доказывает, что образы, наполненные аллегорическим смыслом, являются «жизнеподобными изображениями». В них окружающий человека мир обнаруживает свою ценность, они тяготеют к «типическому описанию человеческой жизни».

По меткому замечанию Эко, «средневековая культура буквально очарована смысловым лабиринтом Писания», она усматривая в нем чисто внешнюю особенность. Однако проблема заключается в том, чтобы увидеть под этой поверхностью истинную интерпретацию, истинные смыслы [3, с. 183]. Эко доказывает, что переход от Средневековья к Возрождению нельзя рассматривать как утрату преемственности и полную смену парадигм:

«Было бы неуклюжей банальностью усматривать в Средневековье эпоху некоего легковерия, а в Возрождении – эпоху, когда утверждается критическая рациональность человека Нового времени и светский дух. Напротив, в эпоху Возрождения средневековый рационализм сменяется различными формами куда более горячего фидеизма» [3, с.184].

Обращаясь к наследию Фомы Аквинского и гениально интерпретируя его, Умберто Эко приходит к выводу, что «эстетическое видение – это не некая мгновенная интуиция, а размышления о вещи» [3, с. 129]. Это мыслительный акт, который так или иначе содержит логику, привлекает рассуждения: в этом отношении «средневековая теория искусства очень интересна с этой точки зрения: она представляет собой «философию формотворчества», которая присуща человеку и которой располагает человек. В этом отношении средневековая эстетика – это своего рода диалог «техники между человеческим и природным формотворчеством».

Эко констатирует, что в Средние века эстетическое сливается с художественным, а представление о собственном художественном фактически не разработано. В нашем понимании, значима мысль Эко: «Не подлежит сомнению, что под влиянием поэзии на народных языках в схоластических трактатах постепенно начинает смутно осознаваться наличие новых ценностей, которые заявляют о себе в мире слова и образа» [3, с. 154].

Поэзия способствовала в немалой степени тому, что в сознании средневековой культуры вызревает новое представление о достоинстве искусства, и поэтический вымысел обретает совершенно новый смысл. Средневековой теории текста уже становится тесно в рамках схоластики. Эко замечает: «Тем не менее не следует считать официальную философию более глухой, чем она была на самом деле, равно как не стоит думать, что все ее утверждения на сей счет сводились лишь к осуждению и фальсификациям» [3, с. 155].

Рассматривая и анализируя художественный вымысел и достоинства художника, Умберто Эко совершенно верно указывает, что «эстетические ценности, обретающие стилизованность принципы жизни по законам красоты, становятся принципами социальными» [3, с. 163]. Поэтому средоточием «общественной и артистической жизни» становится, во всяком случае, а куртуазной литературе, женщина, которая совершенно не признавалась в феодальную эпоху.

Таким образом, в Средневековье присутствует своего рода дуализм. Когда многие понятия, которые существовали в эстетике Средних веков, дошли до наших дней, на них ссылаются, как на авторитет, ими наполняют даже новые формы. Эко полагает, что «одна из основ-

ных особенностей эстетики Средневековья заключается в том, как она относится ко всему, и в то же время ни к чему» [3, с. 176].

Если эпоха Нового времени во многих своих трактатах обнаруживала противоречия, то Средневековье, по мнению Эко, наоборот, стремилось скрыть их: «Не только эстетика, но и вся средневековая мысль хочет выразить наилучшее состояние мира и притязает на то, чтобы видеть этот мир глазами Бога» [3, с. 177].

В восприятии Эко, Средневековье является своего рода яркой иллюстрацией к Горацию. Это «культура, в которой жестокость, сладострастие и безбожие проявляются в открытую; в то же время благочестие облекается в формы ритуала, «когда люди верят в Бога, в его благоденствия и наказания, в достижение нравственных идеалов, и тут же нарушают эти идеалы с поразительной легкостью и простосердечием» [3, с. 177-178].

Анализируя культуру средних веков и Возрождения, Умберто Эко приходит к блистательному выводу, что «дух гуманизма прокладывает дорогу новому взгляду на отношения – человек-Бог-мир». И «если Средневековье было эпохой теоцентризма», то «гуманизм, вне всякого сомнения, имеет антропоцентрический характер». Но это не означает, по мнению Эко, что «на смену Богу приходит человек; просто человек начинает восприниматься как активный центр, главное действующее лицо религиозной драмы, посредник между Богом и миром» [Там же].

Оригинальна оценка Эко роли и значения наследия Аристотеля в эпоху Возрождения. Новаторская идея Эко состоит в утверждении, что Возрождение не полностью отвергает Аристотеля. Наоборот, некоторые представители эпохи, в частности, Пико делла Мирандола, доказывали, что Аристотель и Платон едины. Именно в эпоху Возрождения возникают, процветают, возрождаются школы аристотелизма. Таким образом, отрицалась только часть учения Аристотеля, ставшая предметом официального истолкования и канонизации схоластического богословия. Ярким подтверждением тому служит творчество Николая Кузанского, который будучи ортодоксальным христианским философом нанес решительный удар по схоластике,

Эко полагает, что необыкновенная популярность наследия Платона в эпоху Возрождения заключалась в удивительной способности платонизма обнаруживать связь между религией и философией. Пример тому – творчество Марсилио Фичино. Именно в философии платонизма происходит слияние и возникает союз метафизического мышления с религией. Однако гуманистов привлекал только один аспект наследия Платона – учение о любви. Тот же Марсилио Фичино утверждал, что цель философской религии – обновление человека, а

«человеческая душа является истинной скрепой мира, ибо она, с одной стороны, обращена к божественному, а с другой, пребывает в теле и повелевает свободой».

Интерпретируя в таком ключе творчество Фичино, Эко приходит к выводам, что в его сочинениях «душа исполняет своего рода посредническую функцию через любовь: Бог любит мир и творит его, а человек любит Бога. Благодаря узам любви связаны человек и Бог, и человек выступает, как «живое единство бытия». Подводя итог своему исследованию творчества Фичино, Эко замечает, что «платонизм ... Фичино основан на представлении о любви, как осознании недостающего блага и необходимости поиска его» [Там же].

Эко особо подчеркивает, что Фичино не интересуется произведение искусства как материальный предмет, которым мы можем наслаждаться благодаря воплощенной в нем божественной идее. Нет, его интересует переживание красоты «как способа непосредственного соприкосновения с красотой сверхъестественного». По большому счету, эковская трактовка Средневековья и Возрождения, наполнена антропологией.

Дополнительным аргументом такого вывода может служить оценка Эко творчества Данте: «Данте воспринимал поэта, как пророка, но именно Данте все-таки оставался человеком Средневековья, так как Данте полагал, что литературные тексты не могут иметь бесконечных значений. Причину этого Эко усматривает в отсутствии у эпохи Ренессанса энциклопедического свода знаний. Вместе с тем ренессансный, барочный энциклопедизм более развит, чем средневековый, потому что «он осваивает неведомые ранее, новые области и науки, и новые области культуры». Если схоластическая дидактика признавала и использовала аллегории для того, чтобы объяснить тайны всем людям, то есть даже тем, которые не были причастны к науке, то в эпоху Ренессанса символизм уже прибегает к использованию неизвестных языков, и он вводит понятие тайного, прикровенного. Он их использует для того, чтобы «скрыть от толпы истину, которая доступна только посвященному» [Там же].

Эко считает: «На вершине своего развития средневековая цивилизация стремится к тому, чтобы через прекрасное и любую другую ценность запечатлеть непреходящую сущность вещей в прозрачной и в то же время сложной формуле» [3, с. 211]. Вместе с тем, по мнению Эко, схоластика, будучи выразителем некой «богословской суммы», суммы знания, пришла к осознанию того, что ей «приходится считаться с поэзией», с народными языками, с формированием новых религиозных течений. Именно поэтому она вырабатывает новые представления в эстетике.

Небезынтересна трактовка Эко феномена текста. В статье «Поэтика открытого произведения» (1959 г.), Ум-

берто Эко вводит понятие «открытый текст», который не может быть описан в терминах коммуникативной стратегии в том случае, если роль его адресата – читателя не была так или иначе предусмотрена в момент его порождения. Эко определяет текст как своего рода «синтактико-семантико-прагматическое устройство», в момент зарождения которого и предусматриваются способы его интерпретации [9, с. 12-13].

Продолжая эту мысль, ученый обращается к модели читателя: «Создавая текст, его автор применяет ряд кодов, которые используются в определенном содержании. При этом автор должен исходить из знания того, что эти коды такие же, как и у его возможного читателя. Он должен создать своего рода модель читателя, который прочтет авторские коды. По Эко, хорошо организованный текст предполагает определенный тип компетенции, который имеет внетекстовое происхождение, но вместе с тем его назначение заключается в том, что он может создать и требуемую компетенцию.

Эко предлагает разделить уровни текста на повествовательные и неповествовательные. Он утверждает, что восприятие текста как некоего синтактико-семантико-прагматического устройства все же очень абстрактно, поэтому чтобы представить его более зримо, нужно определить, в каком моменте текста осуществляется и «стимулируется сотрудничество – сотворчество автора и читателя».

Разрабатывая такую трактовку, Умберто Эко так или иначе на уровне гипотезы высказывает суждение, что о диалогической природе текста уже писал русский ученый Михаил Михайлович Бахтин.

Попытаемся проследить, насколько описанные выше культурологические и философские воззрения Умберто Эко коррелируются с идеями Бахтина, уделявшего особое внимание языку, который используется художником слова «глубоко эстетизован, мифологичен и антропоморфичен, ... тяготеет к человеку. ... эстетизм глубоко пронизывает все мышление человека и философская мысль на всех «своих высотах» предельно «пристрастно» человечна...» [9, с. 24].

По мысли Бахтина, «эстетическое творчество преодолевает познавательную и этическую бесконечность, ... относит все моменты бытия и смысловой заданности – к конкретной данности человека – как, как событие его жизни..., именно человек воспринимается ценностным центром эстетического объекта. В таком ракурсе бахтинская концепция обращается к взаимоотношениям автора и героя, которые «сходятся в жизни, вступают друг с другом в чисто жизненные познавательно-этические отношения, борются между собой ...» [1, с. 25].

В осмыслении Бахтина, эстетическое, которое при-

существует в художественном произведении дано изначально, понять его место в человеческой культуре, границы его применения может только философия. Бахтин убежден в том, что «понятие эстетического нельзя извлечь интуитивным или эмпирическим путем из художественного произведения». В этом отношении оно будет очень наивно, субъективно и неустойчиво. Для этого и необходима философия. Бахтин утверждает, что поэтика, без опоры на философскую эстетику «становится зыбкой и случайной в самых основах своих», а «поэтика, которая определена систематически, должна быть эстетикой словесного художественного творчества» [1, с. 29].

Бахтин полагает, что «понять художественную форму, как форму данного материала, не больше, как комбинацию в пределах материала в его лингвистическом измерении и закономерностях – задача искусство-ведения, создающего «предпосылки общеэстетического характера».

В процессе создания своего произведения, художник является своего рода «первым художником» и «ему непосредственно приходится занимать определенную эстетическую позицию по отношению к вне-эстетической действительности познания и поступка». Следовательно, художественное произведение в этом отношении не может быть истолковано только на конкретный момент с точки зрения какой-то отвлеченно литературной закономерности... Необходимо учитывать смысловой ряд, «возможную закономерность познания и поступка. В художественном произведении доминирует как бы два момента, которые базируются на содержании и форме [1, с. 55].

Рассматривая новаторски художественную форму, Бахтин утверждает, что художественная форма – это только форма содержания, которая осуществляется на неком материале и как бы прикреплена к нему. Таким образом, форма должна, по мнению Бахтина, изучаться в двух направлениях: как чисто эстетический объект, ценностно направленный на содержание и как композиционный – материальное целостное произведение, то есть техника формы. Форма выносится за пределы произведения как организованного материала, если она становится ценностно определенной творческой активностью субъекта. То есть форма должна быть активной: «...нужно войти творцом в видимое, и слышанное, и произносимое» [1, с. 77]. Именно в форме автор становится активным, занимая ценностную позицию, формируя познавательно-этическую направленность, а форма и есть выражение активного ценностного отношения.

Иллюстрируя свои суждения, Бахтин приводит очень интересный пример с молитвой: «...молитва перестает нуждаться в Боге, который мог бы услышать, жалоба перестает нуждаться в помощи, покаяние – в прощении». Почему это происходит? Потому что «слово, высказыва-

ние перестает ждать и желать чего бы то ни было действительного за своими пределами» [1, с. 80].

Бахтин определяет эстетический объект как «творение, включающее в себя творца». В этом творении творец находит себя и «напряженно чувствует свою активность». Поэтому основной задачей эстетики является «изучение эстетического объекта в его своеобразии, отнюдь не подставляя вместо него какой-то промежуточный этап». Задача эстетики заключена в том, чтобы «понять эстетический объект синтетически; понять форму, содержание в их взаимоотношении; понять форму как форму содержания и содержание как содержание формы; понять их закон и своеобразие. В этом случае эстетический объект это уже не вещь, ибо его форма, в которой я чувствую себя как активный субъект, «не может быть, конечно, формой вещи, предмета» [1, с. 88-89]. Бахтин доказывает, что эстетический объект имеет «своеобразный персональный характер и является своеобразным осуществленным событием действия и взаимодействия творца и содержания». Это находит воплощение и объяснение в поэзии слова: «поэт с помощью слова может непосредственно занять свою творческую позицию».

Определяя значение литературы эпохи Возрождения, Бахтин полагал, что «сложность ренессансного реализма еще недостаточно раскрыта». Именно в нем пересекаются «два типа образной концепции мира», одна из которых восходит к народной смеховой культуре, а другая, «собственно буржуазная концепция, готового и распыленного бытия» [1, с. 316]. Для ренессансного реализма характерны перебои этих двух противоречивых линий восприятия материально-телесного начала. Растущее, неисчерпаемое, неуничтожаемое, избыточное, несущее материальное начало жизни, начало вечно смеющееся, все развенчивающее и обновляющее, противоречиво сочетается с измельченным и косным «материальным началом» в быту классового общества. Анализируя образы Франсуа Рабле, Бахтин приходит к выводу, что «они амбивалентны и противоречивы; они уродливы, чудовищны и безобразны с точки зрения... классической эстетики», с точки зрения «готового завершеного бытия», но вместе с тем пронизывающее их новое историческое ощущение сохраняет их традиционное содержание и вместе с тем при всей их непосредственности, они «...противостоят классическим образцам готового завершеного зрелого восприятия» [1, с. 317-318]. Критически осмысливая труд Конрада Бурдаха «Реформация, Ренессанс, Гуманизм», Бахтин задается вопросом: как идея образа Возрождения, которая первоначально присутствовала в древнейшем мифологическом мышлении, продолжала жить и развиваться на протяжении всего Средневековья? Ведь именно Бурдах полагал, что Ренессанс не мог возникнуть «как результат чисто познавательных исканий и интеллектуальных усилий отдельных людей». Бурдах не объясняет Воз-

рождение как следствие творчества ученых и открытия книжных источников, как следствие каких-то интеллектуальных индивидуальных исканий. Он полагает, что Ренессанс возникал в процессе Средневековья и, безусловно, Бахтин разделял точку зрения Бурдаха на то, что Возрождение не означает Возрождение наук и искусства Античности, потому что за ним стоит огромное и многозначное смысловое образование. Однако Бурдах, по мнению Бахтина, не совсем правильно трактует Возрождение, игнорируя главную сферу бытия «идеи-образа» Возрождения – народную смеховую культуру Средневековья как источник Возрождения.

Обращаясь к бахтинским принципам анализа текста, признаем, что в принципе его идеи так или иначе присутствуют у Умберто Эко. Например, в работе «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках» мыслитель доказывает, что «где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления, а проблема границ текста определяется текстом как высказыванием. При таком подходе «всякий текст имеет субъекта – автора пишущего и истолкование текста необходимо производить только с этих точек зрения. Бахтин утверждает, что за текстом», конечно же, «стоит система языка», но чистых текстов вообще нет и не может быть. Каждый текст является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом его смысл [1, с. 475].

Текст не вещь, поэтому сущность текста развивается или находится «на рубеже двух сознаний, двух субъектов», к которым принадлежит и автор, и читатель. По Бахтину, проблема текста в гуманитарных науках заключается в том, что человек выражает себя в тексте. Потому что там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не относится к гуманитарным наукам. Таким образом, текст выступает как первичная данность и реальность всякой гуманитарной дисциплины.

Бахтин приходит к интереснейшему выводу, что

«единство мира эстетического видения не есть смысловое систематическое, но конкретно – архитектурное единство, он расположен вокруг конкретного ценностного центра, который и мыслится, и видится, и любится. Этим центром является человек. Все в этом мире приобретает значение, смысл и ценность лишь в соотношении с человеком, как человеческое» [1, с.500].

В нашей статье мы попытались воспроизвести методологию интерпретации культуры Средневековья, культуры Возрождения через текст и эстетику в соотношении с идеями Умберто Эко и Михаила Михайловича Бахтина. Еще раз отметим, что цель нашей статьи заключается совсем не в том, чтобы показать, насколько идеи Бахтина были заимствованы или творчески развиты Эко. Мы стремились доказать, насколько неисчерпаема культура Средневековья и Возрождения; насколько интересно наследие выдающегося итальянского мыслителя Умберто Эко и творчество выдающегося российского мыслителя Михаила Михайловича Бахтина. Их труды предстают как диалог научных традиций, школ Европы и России, удивительный, незавершенный, сочетающий мудрость Запада, сердечность, открытость России.

Безусловно, статья несколько перегружена цитатами, но такова специфика историко-философского, историко-культурного стиля. Мы не могли удержаться от искушения привести еще одно высказывание Умберто Эко. Убеждены, что его можно отнести к эпиграфу трудов итальянского ученого, совету будущим поколениям: «Если мир бесконечен, если все существа родственны друг другу в соответствии с то и дело меняющейся системой симпатических и сходственных отношений, то изучение мира, этого непроходимого леса символов, всегда остается незавершенным, открытым. И чем более открытым будет такое познание, тем более трудный, непреодолимый, таинственный характер будет оно носить, оставаясь при этом уделом немногих» [1, с. 206]

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
2. Эко У. Имя розы / Пер. с итал. Е.А. Костюкович. – СПб.: «Симпозиум», 2009. – 638 с.
3. Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике. – СПб: Алетейя, 2003. – 256 с.
4. Эко У. История Красоты / Пер. с итал. А.А. Сабашниковой. – М.: СЛОВО, 2007.- 440 с.
5. Эко У. Маятник Фуко / Пер. с итал. Е.А. Костюкович. – СПб.: «Симпозиум», 2006. – 736 с.
6. Эко У. О литературе. М.: АСТ: Corpus, 2016. – 416 с.
7. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. – СПб.: «Симпозиум», 2018. – 423 с.
8. Эко У. Поэтики Джойса / Пер. с итал. А. Коваля. – СПб.: «Симпозиум», 2006. – 496 с.
9. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. – СПб: «Симпозиум», 2005. – 502 с.
10. Эко У. Эволюция средневековой эстетики. – СПб., 2004. – 288 с.

© Мочалов Евгений Владимирович (mochalov_ev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИДЕИ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУССКОГО МИРА: ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ

Мочалов Евгений Владимирович

д.ф.н., профессор, ФГБОУ ВО «Мордовский
государственный университет»
mochalov_ev@mail.ru

IDEAS AND REPRESENTATIVES OF THE RUSSIAN WORLD: FYODOR IVANOVICH TYUTCHEV

E. Mochalov

Summary: The article attempts to identify and systematically investigate the historiosophical views of one of the most prominent poets of the XIX century – Fyodor Ivanovich Tyutchev. Considering the epistolary heritage of the poet, his journalism, the author of the article came to the conclusion that Tyutchev can rightly be attributed to one of the first ideologists, creators of the concept of the Russian world. The article focuses on the analysis of Tyutchev's understanding of the role of the Russian Orthodox Church in Russia and in Europe, and Russia's place in world civilizational processes. The relevance of Tyutchev's judgments for modern Russia is particularly noted.

A significant place in the article is given to the consideration of Tyutchev's place in the context of Slavophilism. In addition, the role and significance of the epistolary heritage in the poet's work are substantiated. The article contains an analysis of a number of significant assessments of Tyutchev made by authoritative historians of Russian philosophy. among them are Mikhail Maslin and Anjey Valitsky.

Keywords: Russian world, Orthodoxy, Russia, civilization, West, Church, Europe, Slavs, revolution.

Аннотация: В статье предпринята попытка выявить и системно исследовать историософские взгляды одного из виднейших поэтов XIX века – Федора Ивановича Тютчева. Рассматривая эпистолярное наследие поэта, его публицистику, автор статьи пришел к выводу, что Тютчева по праву можно отнести к одному из первых идеологов, создателей концепции Русского мира. Большое место в статье уделено анализу осмысления Тютчевым роли Русской Православной Церкви в России и в Европе, места России в мировых цивилизационных процессах. Особо отмечается актуальность суждений Тютчева для современной России. Весомое место в статье уделено рассмотрению места Тютчева в контексте славянофильства. Кроме того, обоснованы роль и значение эпистолярного наследия в творчестве поэта. Статья содержит анализ ряда значимых оценок Тютчева, высказанных авторитетными историками русской философии. среди которых Михаил Маслин и Анжей Валицкий.

Ключевые слова: Русский мир, православие, Россия, цивилизация, Запад, церковь, Европа, славянство, революция.

Имя Федора Ивановича Тютчева (1803-1873), одного из самых известных русских поэтов, знакомо, вероятно, каждому, кто интересуется историей русской литературы. Исследователи и почитатели Тютчева, в числе которых был один из самых известных философов Николай Александрович Бердяев, не без оснований подчеркивал удивительные образы природы и «ночную стихию» его стихов. Вместе с тем, творчество и наследие Тютчева настолько многогранно и интересно, что их осмысление позволяет сделать вывод о том, что дипломат, общественный деятель Федор Иванович Тютчев принадлежит к одним из идеологов Русского мира, стоит у истоков становления этой концепции.

Обратимся к наиболее значимым вехам биографии. Поэт родился в селе Овстуг Орловской губернии Брянского уезда, в старинной дворянской семье. Еще в детстве подросток обнаружил удивительные способности: прилежно учился, преуспел в домашнем дворянском воспитании.

В 1818 году Тютчев поступает в Московский универ-

ситет, где и знакомится со многими ставшими впоследствии знаменитыми современниками, в числе которых были Николай Погодин и Василий Жуковский. Поэту не было еще 18 лет, а он уже сдал на «отлично» государственный экзамен. Получив кандидатскую степень, выпускник в 1822 году отправляется в Петербург, поступает на службу в Государственную коллегию иностранных дел. С этого времени начинается дипломатическая карьера Тютчева в Европе: Германия, Мюнхен.

Тютчев вспоминает, что дипломатический корпус в Мюнхене был многочисленный, а баварская династия Виттельсбахов всячески старалась подчеркнуть свою значимость. В 1825 году Тютчев на короткое время возвращается в Россию, в 1826 году женится в Мюнхене на графине Ботмер и снова посещает Петербург с целью знакомства с своей жены родственниками.

Затем он направляется секретарем посольства в Турин, хотя надеется получить место в Вене; далее снова следует в Мюнхен. После смерти жены в 1839 году Тютчев остается в этом городе до 1843 года и только в 1844

году уже окончательно возвращается в Россию, в Петербург, изредка совершая путешествия за границу. В 1848 году Тютчев занимает должность старшего цензора при Особой канцелярии Министерства иностранных дел. В этом же году, или, как полагают исследователи его творчества, в 1849 году опубликована статья «Россия и Европа», первоначально на французском языке, а в русском переводе в журнале «Русский архив» 1873 года.

Обратим внимание на то обстоятельство, что, находясь за границей, Тютчев оказался, собственно говоря, в эпицентре западноевропейской науки. Он внимательно изучает немецкую философию, поддерживает знакомство с самим Фридрихом Шеллингом, часто споря и полемизируя с ним по поводу способов истолкования догматов христианской веры.

Безусловно, эпоха, в которой жил и творил Федор Иванович – это время славянофильства. Вот как оценивал значение славянофилов Иван Сергеевич Аксаков, который составил первую биографию Федора Ивановича: они являются поклонниками «исторического и духовного призвания» России как представительницы православного Востока и славянского племени, предвещают ей великое будущее. Однако славянофилы никогда не пользовались большим успехом в русском обществе и стояли как бы особняком на дорогах исторической жизни России. ... Русская мысль трезвеет и крепнет в строгой школе приемов немецкого мышления и также пытается стать в сознательное, философское отношение к русской народности. С одной стороны, вырабатывается целая стройная доктрина, как продукт высших просвещенных соображений, – что спасение для России заключается в полнейшем отречении от всех народных, исторических, бытовых, религиозных преданий; во главе этого направления стоит Чаадаев. С другой, – сначала одиноко и большею частью еще в стихах, раздается протест Хомякова; к нему примыкает постепенно целая дружина молодых людей – из последователей Гегелевой философии, а потом и несколько самостоятельных мыслителей, как Киреевский и другие. Общество распадается на два стана: «западников» и «восточников»; за последними утверждается прозвище «славянофилов», данное им в насмешку петербургской журналистике». Вот атмосфера той эпохи, в которой суждено было прожить большую часть жизни Федору Ивановичу Тютчеву [3; с. 443-444].

Философское наследие Тютчева представлено прежде всего не только в стихах, но и в публицистике, в обширной переписке, в знаменитых статьях «Россия и Европа», «Римский вопрос», «Россия и Запад».

В эпистолярном жанре письма, адресованном Густаву Кольбу, редактору «Всеобщей газеты», Тютчев пишет, что Россия «... в наши дни стала предметом жгучего бес-

покойного любопытства ...», и полагает, что это вполне оправданно, так как «современная мысль, дитя Запада», видит в России если и не враждебную, то совсем чуждую и не зависящую от нее стихию». Поэт ставит своей задачей определить: что такое Россия? Каков смысл ее пребывания в мире, в чем ее исторический закон? Откуда пришла она? Куда идет? Что представляет собою? Вместе с тем, по мнению Тютчева «... философия истории еще не соблаговолила найти для нее место» [3; с. 32-33]. Поэт упрекает Запад, что он не открыл России. Даже зная, что за границами Запада существует Россия, европейские политики не относятся к ней, как к «законной сестре христианского Запада». «Но чтобы за этими пределами жила другая, Восточная Европа, вполне законная сестра христианского Запада, христианская, как и он, правда не феодальная и не иерархическая, однако тем самым внутренне более глубоко христианская; чтобы существовал там целый Мир, Единый в своем Начале, прочно взаимосвязанный в своих частях, живущий своей собственной «органической самобытной жизнью», – вот что невозможно допустить ...».

В статье «Россия и Германия», опубликованной в 1844 году, Тютчев продолжает развивать направления историко-философской доктрины, уже изложенной им в письме к доктору Кольбу. Из процитированного выше отрывка следует вывод: поэт противопоставляет Западной Европе Европу Восточную, Россию, называя ее «целым Миром, Единым в своем духовном начале, более христианским, чем сам Запад».

Тютчев в высшей степени критично оценивает книгу маркиза де Кюстина о России, которая, как он полагает, является «свидетельством умственного бесстыдства и духовного разложения». «Истинный защитник России – История, «которая за три века разрешала все тяжбы, все критические отзывы о России в ее пользу». Тютчев не приемлет западноевропейской трактовки России, ее места и роли в мировой цивилизации, остроумно замечая, что очень много «зрелых умов» опускается до младенчески простодушного слабоумия, чтобы доставить себе удовольствие видеть в России какого-то людоеда XIX века» [3; с. 30].

Подлинным патриотизмом наполнено содержание «Записки» Тютчева: «Россия занимает огромное место в мире ... и представляет собой не только материальную силу». Он прямо утверждает, что «... Россия – это мир, только начинающий осознавать основополагающее начало собственного бытия» [3; с. 30]. Именно это осознание дает основание России занять свое собственное место в мировой цивилизации. Поэт убежден, что отличие между Россией и Западной Европой заключено только в том, что «нас называли Восточной Империей, Восточной Церковью», в которой верховная власть «не принадлежит внешнему авторитету, но упорядочивается, сдержи-

вается и освящается христианством [3; с. 42].

Не может не вызывать одобрения мысль Тютчева, что самое главное для России – это «обрести веру в самих себя; осмелиться признать перед самими собой огромное значение наших судеб и целиком воспринять ... эту веру» [3; с. 51].

Задача же правительства России заключается как раз в соединении усилий лучших представителей общества, направленных на службу России.

В письме к А.И. Георгиевскому от 3 июля 1866 года Тютчев высказывает, на наш взгляд, исключительно плодотворное, на наш взгляд, в историческом плане суждение, что если произойдет объединение России со славянскими народами, то Россия будет представительницей «всего Славянского мира», вступит окончательно в свои исторические права, именно этим она осуществит свое «историческое призвание».

Отношениям России и Запада Тютчев также уделяет самое пристальное внимание. Главный враг России, по мнению Тютчева, – это революция. В этом отношении «восточный вопрос» в том виде, в каком он предстает современникам Тютчева, можно сформулировать в виде триады: Православная церковь, славянство, Россия. По мнению Тютчева, Россия готова уважать историческую законность и Запада, и его народов в единстве и в силе. Однако, не следует «... признавать за Европой право определять для России, какое место ей принадлежит на Востоке» [3; с. 313].

Современное общество и современная мысль, по мнению поэта, не всегда способны противостоять революции, ее следствиям, к которым относятся социализм, коммунизм и атеизм. Мыслитель исходит из того, что западная цивилизация совершенно не знакома с Россией. Он сравнивает западных ученых, которые пишут о России, с китайцами, которые судят о Европе, или с греками, которые судят о Риме, но в принципе ничего не знают о предмете суждения. Запад, по его мнению, видит в России только «материальный факт, материальную силу». Россия для него – это «следствие без причины», и философы Запада в своих трактатах в принципе уже зачеркнули целую половину европейского мира, к которому и принадлежит Россия.

Тютчев постулирует мысль, что основное понятие, в оценке которого расходятся русские и западноевропейские мыслители, кроется в цивилизации. Почему? Потому что у России свой собственный путь, а безумное, «мирное» подражание Европе – это путь в никуда. Если даже Европа относится очень враждебно к России, то не следует огорчаться по этому поводу – наоборот, по мнению Тютчева, это «величайшая услуга», которую она

нам оказывает. Он справедливо упрекает правительство России в том, что оно не увидело в Западе «своего естественного и необходимого противника, но старалось только служить ему подкладкой» [3; с. 222].

Противостояние России и Запада Тютчев оценивает как «вечный антагонизм». Русское правительство извратило инстинкты и притупило рассудок русского общества. Причем, это относится не ко всему русскому обществу, а только к его части, которую поэт метко называет словом «накипь» [3; с. 246].

Анализируя события истории, Тютчев утверждает, что все решающие битвы, решающие противостояния между Россией и Западом еще впереди. Если до этого все «авангардные дела были проиграны, то от исхода предстоящей борьбы зависит будущее страны: «...которая из двух самостоятельности должна погибнуть: наша или Западная; но одна из них должна погибнуть непременно – быть или не быть, мы или они... Теперь если мы взглянем на себя, на Россию, что мы видим? ... Сознание своего единственного исторического значения ею совершенно утрачено, по крайней мере, в так называемой образованной, правительственной России. Живет ли оно еще в народе, одному Богу известно» [3; с. 256].

Современное правительство способствует «разрыву со страной, с ее историческим прошлым». Оно не признает никакого иного права, кроме того, которое исходит от «материальной силы самой власти, но никак не от Бога».

Поэт в письме к А.Д. Блудовой от 28 сентября 1857 года восклицает: «Переберите одного за другим всех наших государственных и правительственных деятелей, прислушайтесь к их словам, вникните в самую суть их убеждений, и вы найдете, за одним или двумя исключениями, что у всех, даже у лучших, по-видимому, нет иного credo, о котором я только что сказал... Одним словом, власть в России на деле безбожна, ибо неминуемо становишься безбожным, если не признаешь существование живого непреложного закона, стоящего выше мнимого права, которое по большей части есть ничто иное, как скрытый произвол» [3; с. 256].

Именно это состояние и стало причиной нравственного бессилия «в правительстве, при всей его благонамеренности», которое характеризуется Тютчевым, как «бесмущающаяся пошлость» [3; с. 269].

Может быть впервые в истории отечественной социальной философии Тютчев рассуждает о России, о Русском мире в тесной связи с Русской Православной Церковью, Православием. Тютчев видит в православном Востоке «огромный мир, который возвышен греческим крестом, и этот огромный мир – он един в своем нача-

ле. Он очень тесно связан со всеми своими частями, он живет своей собственной жизнью, самобытной и неразрушимой» [3; с. 45]. Даже если он физически может быть разделен, то нравственно он все равно будет «единым и неделимым» [Там же]. Косвенным доказательством такого суждения является поговорка: «все Бог создал и устроил хорошо, кроме двух вещей, а именно – Папы и Турка» [Там же].

Тютчев оценивает Церковь в России не только как национальную в обычном значении этого слова, а главную форму, выражающую народность целого мира. И она, эта «Церковь, Восточная Церковь, Православная Церковь» становится как бы «синонимом России» [3; с. 47]. Русская Православная Церковь, Восточная церковь настолько и едина с судьбой России, что, по мнению Тютчева, вполне закономерен вывод: «...где существует православная Церковь, там в самых разных областях жизни обнаруживается и присутствие России» [Там же]. Таким образом, трактовка Тютчевым роли и значения России в современном мире связывается им вполне закономерно с историческими судьбами русского Православия.

Тютчев отрицательно оценивает западное христианство, полагая, что оно пытается постоянно устранить влияние Православия на Востоке, и когда не удалось это сделать, то католичество стремится подорвать значение восточной церкви «философской проповедью». Итог такого рода дискуссий однозначен: «Восточная Церковь есть православная Империя, Восточная Церковь есть законная наследница вселенской Церкви, православная Империя едина в своем основании, тесно связана во всех своих частях».

Естественно, что врага церкви и общества Тютчев видит в революции, как порождении Запада. В статье «Россия и революция» он пишет: «... Россия – христианская держава, русский народ является христианским не только потому, что вера его глубоко укоренена в его духе, – он является таковым благодаря способности к самоотречению и самопожертвованию» что и составляет его нравственную основу. Революция, выступая врагом христианства на первый план выдвигает человеческое «я» и не признает, и не принимает никакого другого закона, кроме как своего собственного. Революция прибегает только для себя «дух смирения и самоотвержения», но на деле она стремится заменить гордостью и превозношением «дух смирения и самоотвержения», а вместо милосердия поставить благотворительность, вместо «братства во Христе она пытается установить братство, навязанное страхом перед господином народом» [3; с. 54].

На наш взгляд, очень актуально звучит призыв Тютчева, что мы, наша цивилизация, не должны и не можем признавать за Европой право определять для России, какое место ей надлежит занять на Востоке? [3; с. 313]. Он

весьма критически относится к власти, в которой отсутствуют принципы и нравственные убеждения, которая основана только на «мерах материального угнетения», выступает пособником «революционного ниспровержения». Характеризуя современное ему русское общество, Тютчев оценивает его как «одно из самых бесцветных, самых заурядных в умственном и нравственном отношении среди тех, что когда-либо появлялись на мировой арене» [3; с. 407]. Свидетельство тому равнодушие, которое было проявлено к событиям в самом сердце Православия, Константинополе, что низводит русское общество до уровня «римского католицизма» и «превращает религию в орудие стремления к политическому господству» [Там же].

Пронзительно звучат слова Тютчева о том, что сам «Господь начертал огненными стрелами предназначение России» [3; с. 62], потому что Запад «уходит со сцены, все рушится и гибнет во всеобщем мировом пожаре». Это не могут предотвратить и в этом отношении римский «Католицизм и Протестантизм», и только папство – это «столп, который подпирает Запад, его здание, которое уцелело среди этих перипетий». И вот здесь-то, по мнению Тютчева и наступает «промыслительная» логика, которая управляет внутренними законами мира.

Реформация XVI века нанесла большой ущерб римской католической церкви, поэтому западноевропейская цивилизация, в отличие от России, очень уязвима к революции, которая в своем отношении к христианству формулирует главный лозунг: «Государство не имеет религии». Государство запрещает государственные религии, по мнению Тютчева только потому, что имеет свою собственную, которая как раз и есть революция.

Доказывая выдвинутый в статье тезис о Тютчеве как идеологе Русского мира, мы уже привели целый ряд его высказываний, содержащих призывы к славянам объединиться вокруг России. В своих сочинениях Тютчев четко обосновывает ту цивилизационную роль, которую суждено играть России. В письме к одному из идеологов славянофильства Юрию Федоровичу Самарину от 15 мая 1867 года он пишет: «Все зависит от того, как славяне понимают и чувствуют свои отношения к России. В самом деле, если они – а к этому весьма склонны некоторые из них, – если они видят в России лишь силу – дружескую, союзную, вспомогательную, но, так сказать, внешнюю, то ничего не сделано и мы далеки от цели. А цель эта будет достигнута лишь тогда, когда они искренно поймут, что составляют одно с Россией, когда почувствуют, что связаны с нею той зависимостью, той органической общностью, которые соединяют между собой все составные части единого целого, действительно живого... Через сколько бедствий, вероятно, придется им пройти прежде, чем они примут эту точку зрения целиком, со всеми ее последствиями. Однако и в настоящее время ясное и точное провозглашение этой истины в виде философской формулы было бы, по-

моему, весьма кстати ...» [3; с. 327-328].

Небезынтересно, что историософские взгляды Федора Ивановича Тютчева были облечены и в стихотворную форму. Например, замечательно стихотворение, адресованное чешскому просветителю Вацлаву Ганке. «Вековать ли нам в разлуке, не пора ль очнуться нам и простерть друг другу руки, к нашим кровным и друзьям? ... О, какими вдруг лучами озарились все края! Обличилась перед нами вся Славянская Земля!» [3; с. 157].

Совершенно очевидно, что в публицистике, эпистолярном и стихотворном наследии Федора Ивановича Тютчева находит свое глубокое выражение стремление к возвращению Православной Империи, к возвращению Константинополя, соединению двух церквей – Восточной и Западной. Косвенным доказательством тому служит стихотворение «Русская география»: «Москва и Град Петров, и Константинов Град – вот царства русского заветные столицы... Но где предел ему? и где его границы – на север, на восток, на юг и на закат? Грядущим временам судьбы их обличат...» [3; с. 160].

Едва ли есть основания принимать не критически оценку взглядов Тютчева, которая была дана таким маститым, к сожалению недавно ушедшим от нас, польским историком русской философии Анджеем Валицким: « Решительная победа Запада в «восточном вопросе» лишала смысла работу по созданию мифа о России как о новом воплощении Империи Востока. Тютчев смирился с такой минимализацией идеалов и свел свою теократическую имперскую картину к конвенциональному панславизму, который был свойствен эпигонам славянофильства» [1].

Оставив в стороне национальный контекст работы Валицкого, поясним свою позицию. Прежде всего отметим, что поэта, по нашему мнению, нельзя отнести к простым «эпигонам славянофильства». Мысли, высказанные Тютчевым, оригинальны и глубоки благодаря своей устремленности в сферу реальной политики. Поэт,

дипломат, философ. Эти три ипостаси невозможно разделить при оценке мировоззрения Федора Ивановича, И, наконец, нельзя не сказать о нравственно-религиозном измерении его историософии, которое соединяет в себе не только мечтания об идеале, но и критический, объективный взгляд на российскую действительность середины XIX века.

Дополнительным аргументом в пользу позиции автора статьи может служить следующая оценка славянофилов: «Славянофильство не представляло собой ни политическую партию, ни оформленную теоретическую школу. Оригинально мыслявшие философы-славянофилы отнюдь не стремились выработать какую-либо общую «платформу» или согласованную политическую идеологию. Общего согласия не удавалось достичь даже по таким важным вопросам, как социальный идеал и пути его достижения» [2; с. 133].

Именно эти обстоятельства дают, на наш взгляд, весомые основания отнести поэта к плеяде оригинальных идеологов концепции Русского мира.

Завершая критический обзор творчества Федора Ивановича Тютчева, приведем высказывание Бориса Тарасова: «Историософские размышления Тютчева, позволяющие обнаруживать подводные течения и соразмерно оценивать видимый «ход ужасной реальности жизни», весьма актуальны для осознания губительных закономерностей нашего времени» [3; с. 24].

И последнее. Оценивая значение этого выдающегося деятеля культуры XIX века в истории русской социальной философии, трудно не согласиться с высказыванием Ивана Сергеевича Аксакова: «Федор Иванович Тютчев не деятель в общепринятом смысле этого слова, он просто явление; явление общественное и личное, в высшей степени замечательное и любопытное для изучения. Его деятельность почти непосредственно сливается с самим его бытием» [3; с. 413].

ЛИТЕРАТУРА

1. Валицкий А. Россия, католичество и польский вопрос / пер., послесл. Твердисловой Е.С. – М: Изд-во Московского университета, 2012. – 624 с.
2. История русской философии: учебник / под. ред. М.А. Маслина. – М.: КДУ, 2008. – 638 с.
3. Тютчев Ф.И. Россия и Запад. Сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б.Н. Тарасова. – М.: Культурная революция. Республика, 2007. – 574 с.

© Мочалов Евгений Владимирович (mochalov_ev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА: КОНКРЕТИЗАЦИЯ МАРКСОМ КОНЦЕПЦИИ ОТЧУЖДЕНИЯ

TO THE PROBLEM OF THE FORMATION OF SOCIAL PHILOSOPHY OF THE XX CENTURY: MARX'S CONCEPTING THE CONCEPT OF ALIENATION

**A. Ogarkov
L. Smetankina**

Summary: In this article, the author examined the issues of the formation of social philosophy of the 20th century. Particular attention in the article was paid to the consideration of the point of view of K. Marx regarding this issue and the concept of "alienation".

K. Marks in his works overturned the traditional narrow understanding of political economy as the science of the general conditions of production and consumption, consistently isolating and separating the normative meaning of categories and their actual historical content.

Keywords: social philosophy, the concept of alienation, Karl Marks, political economy, the concept of social wealth.

Огарков Александр Николаевич

*К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица»
suer53@inbox.ru*

Сметанкина Людмила Васильевна

*д.ф.н., профессор, ФГКВУ ВО «Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С. М. Буденного» МО РФ
lsmetankina.umo@mail.ru*

Аннотация: В данной статье автором были рассмотрены вопросы становления социальной философии 20 века. Особое внимание в статье было уделено рассмотрению точки зрения К. Маркса относительно данного вопроса и концепции «отчуждения».

К. Маркс в своих работах перевернул традиционное узкое понимание политэкономии как науки об общих условиях производства и потребления, последовательно вычлняя и отделяя нормативное значение категорий и их действительное историческое содержание.

Ключевые слова: социальная философия, концепция отчуждения, Карл Маркс, политэкономия, концепция общественного богатства.

Марксистская социальная философия расширила границы традиционного понимания предмета социально-философского знания. Исходно этого требовала логика критического пересмотра буржуазного идеала научности, превращенной формой которого выступала (как это доказал Маркс) гегелевская систематика [1] и (как это он намеревался доказать после) – политэкономия [2]. Итогом исследования целого комплекса работ по политэкономии стали «Экономическо-философские рукописи 1844 года» – новая теоретическая степень критического освоения и интеграции системных идей Гегеля [3] концепции религиозного, философского, социального, политического отчуждения (Фейербах) [4], буржуазно-политэкономических учений [5].

Содержательная связь всех этих аспектов гуманитарного знания осуществляется в процессе осмысления факта исторического и гносеологического единства категорий философии и политэкономии как моментов процесса самопроизводства отчуждения в социальной практике. Понимание Марксом субстанциальной основы категориального единства буржуазного гуманитарного знания как враждебной человеку идеологии – методологический поворот к поискам новых категориальных связей, призванных подчеркнуть преемственность и целостность реальной истории. Категориальный аппарат «Экономическо-философских рукописей» сложен так же, как и их структура:

Методологическая трудность состоит здесь в том, что редукция нормативного значения категорий буржуазной политэкономии и социологии (как научный прием) не отделяется Марксом от поиска новых средств уточнения принятой им в варианте рабочей гипотезы пока еще абстрактной модели прогресса и общей корреляции частей общественной целостности. И архитектоника рукописи, и разброс понятий, различающихся предметно и содержательно, и их общий гуманистический пафос – признаки радикального изменения требований к прогрессу, к идеалу будущего общественного устройства, к субъекту истории; – требований, которые должны быть обоснованы уже нетрадиционным путем.

На данном этапе формирования материалистической концепции истории новация Маркса состоит в полном переосмыслении представлений об общественном богатстве, в отбрасывании буржуазных интерпретаций и фетишизации труда, представлений о причинах и последствиях промышленного развития. Работа представляет собой единство трех логических «блоков», связь которых выявляется и как философская дедукция, и как изолированное в каждой части, но имеющее одно основание и один предмет, доказательство. Условно эти части могут быть обозначены: «политэкономия и отчуждение»; «отчуждение и коммунизм»; «единство гегелевской философии и буржуазной политэкономии как моментов отчуждения». Изменение удельного веса узко-филосо-

софского аспекта критики в рукописях свидетельствует о смещении центра исследований непосредственно в сферу анализа буржуазных общественных отношений, их создания человеком и их влияния на человека. В первой части рукописи Маркс подвергает анализу три категории буржуазной политэкономии, фиксирующие общественное положение трех основных классов буржуазного общества и три вида доходов – капитал, земельную ренту и заработную плату.

Современная Марксу политэкономия была единственной областью гуманитарного знания, в которой достаточно точно моделировались общественные отношения как отношения по распределению средств производства и общественного богатства. Политэкономия не могла не быть исторической наукой (в теперешнем ее понимании Марксом), не могла не отражать идеологических ценностей класса (в превращенной форме концепции общественного богатства). Поэтому анализ политэкономических учений является для Маркса выявлением антигуманистической сущности общественных отношений в различных ее проявлениях (управление и подчинение, отношение капиталистического владения как правовое отношение, концентрация жизненных средств одних людей в руках других). Капиталистическое отношение прежде всего кристаллизуется в праве: «Как человек становится собственником продуктов, производимых с помощью производительных фондов? На основании положительного права». Маркс резюмирует: «Итак, капитал есть командная власть над трудом и его продуктами. Капиталист обладает этой властью не благодаря своим личным или человеческим свойствам, а лишь как собственник капитала» [6, с. 59]. Здесь сказывается остаточное влияние на Маркса и концепции естественного права Ж.-Ж. Руссо (узурпация и последующее извращение в истории естественных прав тружеников и навязывание этого извращенного права как неизменного отношения) [7].

Маркс цитатами из Милля, Сэя, В. Шульца обосновывает тезис о фактическом уничтожении в условиях буржуазного производства всего человеческого в предметном мире – рабочем. Закрепленное в праве общественное положение капиталиста как собственника всех условий производства обеспечивает ему минимальный доход в условиях самой неблагоприятной конъюнктуры; положение же рабочего и сама его жизнь определяются размерами заработной платы, приравниваемой, как правило, к стоимости средств для поддержания его существования. Земельная рента является одной из исторических форм капитала в развитии капиталистического производства к адекватной форме – фабричной системе. Земельный собственник превращается в капиталиста, капиталистическое отношение окончательно кристаллизуется как отношение капиталиста и рабочего. Это отношение – исторический результат отчуждения рабочим

своих жизненных сил и присвоения их капиталистом – факт, скрываемый буржуазной политэкономией.

Таким образом, вскрытая Марксом в 1843 году связь частной собственности и государства уточняется. Связь эта сама является порождением первичной связи рабочего с формой его существования и жизнедеятельности – с трудом, а также его результатами. История демонстрирует многообразие форм проявления и закрепления этой связи, как связи рабочего с порождаемыми им в труде, враждебными ему формами. Теоретический центр исследования – выход Маркса в анализе им отчужденного труда за рамки буржуазных концепций общественного богатства.

Речь идет о труде как важнейшем родовом признаке человека; осуществление труда в буржуазном обществе есть процесс уничтожения его агента – рабочего. Труд, опредмечиваясь, деперсонифицируется и рождает капитал, безразличный к предметному содержанию труда. В обезличенном труде исчезают родовые человеческие связи. Однако в самих рукописях эта первоначальная трактовка родовых признаков человека в последующем изменяется: «Рассмотрение разделения труда и обмена представляет величайший интерес, потому что это наглядно отчужденные результаты человеческой деятельности, как родовой деятельности, и человеческой сущностной силы как родовой сущностной силы» [6, с.144]. Изменяется также данная в первой рукописи чисто негативная оценка промышленности как исторической формы отчуждения. Первоначально трактуемая как чистая негативность, частная собственность к концу рукописей понимается уже как момент истории: «... Человеческая жизнь нуждалась для своего осуществления в частной собственности. Теперь она нуждается в упразднении частной собственности» [6, с.144]. Концепция отчуждения в «Экономическо-философских рукописях» является одним из нескольких инструментов для выявления специфики капиталистических отношений. Маркс в первой рукописи отмечает, что из понятия отчужденного труда путем анализа можно получить не только понятие частной собственности, но и все экономические категории, определенное и развернутое выражение этих первых основ. В ходе исследования отношений частной собственности как превращенных форм труда выясняется, что термин «отчуждение» трактуется им более широко, чем Фейербахом и Гессом. В рукописях могут быть вычленены те логические переходы, которые связаны с интерпретацией отчуждения и тем, и другим. В первой рукописи после отмеченной Марксом методологической ограниченности буржуазной политэкономии, представитель которой «предполагает в форме факта, события то, что он должен дедуцировать» [6, с.87], следует анализ отчужденного труда.

1. как отношения рабочего к условиям труда (внешнее отчуждение);

2. как отношение, возникающее в самом трудовом процессе;
3. как отрыв рабочего от природных связей, уничтожение его родовой сущности;
4. как двоякое отношение воспроизводства отчуждения: «Посредством отчуждения труда человек порождает не только свое отношение к предмету и акту производства, как к чуждым и враждебным ему силам, он порождает также и то отношение, в котором другие люди находятся к его производству и к его продукту, а равно и то отношение, в котором сам он находится к этим другим людям» [6, с. 96];
5. как враждебность порожденной буржуазным обществом квинтэссенции богатства – денег – всем формам их непосредственной реализации для потребления, враждебность возможности наслаждаться всеми конкретными видами наслаждения. С другой стороны – отсутствие меры в потреблении (бесконечное уточнение форм потребления).

Сложившаяся традиция в употреблении термина «отчуждение», использование его Фихте, Гегелем, Фейербахом, младогегельянами, широкий спектр значений – все это привело к необходимости замещения этого понятия более адекватными формирующимся представлениям об историческом процессе. Но понятие это Маркс продолжал использовать, в частности, в «Капитале». В «Экономическо-философских рукописях» Маркс вновь обращается к гегелевской философии. Симптоматично, что за основу критики на этот раз берется уже метод конструирования противоречий в «Феноменологии духа» как метод полагания, снятия и последующего восстановления отчуждения: отчуждение у Гегеля представляет интерес само по себе, как снятие образования отчуждения. Все другие противоположности – видимости этих интересных противоположностей, которые образуют смысл других, вульгарных противоположностей. Философия Гегеля не случайно рассматривается в рукописях после работ буржуазных политэкономов. Абстрактно-всеобщий характер духовной деятельности у Гегеля, обезличенный характер труда у Рикардо – лишь различные аспекты одного и того же общественного состояния – бесчеловечности. У Гегеля это нашло выражение в замкнутой связи понятий, отрицание которых друг другом есть восстановление состояния отчуждения от реального мира при видимости полного усвоения его содержания.

Но Гегель своим методом схватил сущность труда и встал на точку зрения политэкономии. «...в гегелевской философии права снятое частное право равняется морали, снятая мораль равняется семье, снятая семья равняется гражданскому обществу, снятое гражданское общество равняется государству, снятое государство равняется всемирной истории. В реальной действительности частное право, мораль, семья, гражданское общество, государство и т.д. продолжают существовать

по-прежнему, они только стали моментами, формами существования и наличного бытия человека, которые не имеют силы изолироваться друг от друга, отменять друг друга, порождать друг друга и т.д.» [6, с.167]. В чем же сущность действительного движения в истории и адекватного этой действительности ее описания? Здесь Маркс вновь, как и в начале своей теоретической деятельности, разрешает проблему разумно понятой действительности, и ее моделирования в системе гуманитарного знания. История – всегда фиксация процесса в его стадиях, и в его настоящем виде. Такой историей, по Марксу, должна стать история промышленности, как история реализации сущностных сил человечества и его самого: образование пяти внешних чувств – это работа всей предшествующей истории» [6, с.122]. В обыкновенной промышленности мы видим опредмеченные сущностные силы человека. Такая психология, для которой эта книга, то есть как чувственно наиболее осязательная, наиболее доступная часть истории, закрыта, не может стать действительно содержательной и реальной наукой» [6, с.123].

С подобной трактовкой исторического метода мы сталкиваемся уже далее – в «Немецкой идеологии». Вычленив различные формы идеологического фетишизма капиталистических отношений, Маркс намечает возможности перехода к новой ценностной модели, в которую не только включен человек, как создатель товарного мира, но и сама промышленность рассматривается как «экзотерическое раскрытие человеческих сущностных сил» [6, с.124]. Намечается новая связь естествознания и гуманитарного знания, когда естествознание «станет основой человеческой науки, подобно тому, как оно уже теперь – хотя и в отчужденной форме – стало основой действительной человеческой жизни, а принимать одну основу для жизни, другую для науки – это значит, с самого начала допускать ложь» [6, с. 124]. Необходимо создать новый исторический метод и новую историю, для которой буржуазное общество не являлось бы точкой отсчета, и которая в общих чертах дала бы описание будущего общества.

Маркс впервые здесь называет это будущее состояние «коммунизмом», причем коммунизмом, начинающимся с частной собственности. Маркс в самом начале формирующейся концепции будущего общества был далек от современных ему утопий и рассматривает коммунизм здесь уже не как конструкцию, а как результат процесса. В рукописях отвергаются положения грубого, уравнительного коммунизма, для которого идеалом выступает коллективная собственность, которая уничтожает то, чем не обладают все, следовательно, отрицает личность: человека и является последовательным выражением частной собственности, низводящей работника до «неестественной простоты», бедного, грубого и не имеющего потребностей человека. В этом пункте Маркс выходит за пределы концепции естественного

права. Первичное состояние общества до возникновения форм частной собственности вернуть невозможно, так как уже существует тип человека, сформированный промышленным развитием, а коммунизм как положительное упразднение (то есть просто отбрасывание частной собственности) стал бы только новой формой само-отчуждения человека: коммунизм, мыслящий себя как реинтеграция, то есть возвращение человека к человеку, но не уяснив положительной сущности частной собственности и не постигнув человеческой природы потребности, тоже находится в плену у частной собственности. Таким образом, на первом этапе формирования теории социализма Маркс уже использует те аргументы в рассуждении о поэтапном движении к коммунизму, которыми он пользовался в поздний период, в частности, в работе «Критика Готской программы». И так, в «Экономическо-философских рукописях» фиксируется единство буржуазных форм знания как идеологических форм, враждебных человеку; закладываются основы нового исторического метода; намечаются общие черты будущего коммунистического устройства общества; проблема отчуждения позитивно интерпретируется как проблема будущего освобождения труженика возвращением к такому общественному состоянию, когда им присваивается и труд, и результаты труда. Делается вывод о том, что сферой родовой жизни человечества является производство. История интерпретируется как процесс движения родовой сущности в направлении ее адекватной реализации, причем буржуазное общество представляется моментом деформации общей схемы человеческого движения к этой реализации. Схема прогресса обогащается анализом факторов человеческой деятельности как производства жизни. Формируются новые представления об исторических циклах и общественной целостности. В «Экономическо-философских рукописях» формируется идея большого исторического цикла (эпоха равенства тружеников – эпоха отчуждения труда – эпоха свободы производителя), и конкретизируется схема детерминации сфер общественного целого (производство - гражданское общество – государство).

Следующий этап интеграции элементов социально-философского знания в марксистскую системную модель общественного развития – конкретизация Марксом и Энгельсом модели общественного прогресса в «Немецкой идеологии». «Гражданское общество» уже не только «фиксация» области действительных отношений граждан в противовес их отчужденным отношениям, фиксируемым в понятии «государство», а исторически определенная социальная структура. «Немецкая идеология» строится как аналитическое историческое исследование, в начале которого формулируются материалистические предпосылки нового исторического метода. Условия человеческого существования – вот те простейшие элементы, на которых строится все структурное многообразие истории. Сфера действительных,

исторических отношений – сфера производства и воспроизводства человеческой жизни.

В этом пункте новый исторический метод есть метод политэкономии как реконструированной науки. Использование политэкономического категориального аппарата позволяет приблизиться к идеалу научности – возможность сопоставить следствие гипотезы с конкретными фактами: «Там, где прекращается спекулятивное мышление, перед лицом действительной жизни, там как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей» [8, с. 26]. Сведение всего бесконечного феноменологического многообразия истории к ее основаниям позволило осуществить координацию отдельных областей гуманитарного знания путем соотнесения их выводов с выводами науки об условиях производства и потребления, обогащенной генетическим анализом этих условий как элементов системы производства.

Таким образом, исторически понятая политэкономия становится действительной историей, а привлечение всего богатства форм описания условий жизни общества позволяют вычленить особенное в историческом процессе. История понимается как производство жизни, а фиксация изменения способов этого производства возможна лишь в категориях не спекулятивной, в данном случае сводимой к проверяемым фактам, теории. В процессе воспроизводства человеком себя и всех условий своей жизни возникает общение как способ производства и общность как совокупность всех форм общения (социальное целое). Собственно предмет философии в его традиционном понимании является в этой работе больше предметом рассмотрения. Философия рассматривается в «Немецкой идеологии» как метод сведения всех направлений гуманитарного знания к эмпирической «данности». Фрагменты гуманитарного знания, соотнесенные с единым основанием, приобретают новое качество – способность объяснять, поскольку всегда обнаруживается причинно-следственная зависимость, единая для всех модификаций гуманитарного знания. Таким образом, общество, понимаемое как эмпирическая «данность», определяет и строение социально-философского знания. Маркс и Энгельс добиваются концептуального единства моделей функционирования и развития. В дальнейшем, по мере освоения эмпирического материала, эта модель усложняется, уточняются методологические границы основных категорий, соответствующих усложненной модели прогресса.

История природы и история общества совпадают, это один процесс изменения человеком собственной природы в предметной деятельности. Какова же связь моментов непрерывности и прерывности в историческом развитии? Производство непрерывно, поскольку

непрерывно человеческое существование. Неизменны и общие условия производства жизни, одинаковые для всех эпох. Но эти общие условия должны быть основанием для анализа отдельных исторических эпох, именно в этом случае возможно историческое объяснение. Специфика истории в разнообразии форм частной собственности, в различии форм отделения ее от общности (G e m e i n w e s e n), в специфике корреляции данной формы частной собственности с типом государственного управления, в широком смысле – с идеологией как одной из форм отчуждения.

Непрерывность истории выявляется фиксацией неизменности ее материальной основы, но способ общения определяет исторический цикл. В «Немецкой идеологии» очевиден переход Маркса от общей типологии исторических форм как готовых форм права к более сложной классификации. Усложняются представления о корреляции сфер общественной целостности. Выведен новый ряд детерминации (отношения производство – идеология). Но это – лишь толчок к дальнейшему углублению анализа. Начиная с «Экономическо-философских рукописей 1844 года» Маркс упорно возвращается к описанию исторических условий, благодаря которым возникает способ производства, к определению границ исторического пространства, в котором кристаллизуется форма общения. Это ясно сформулированный принцип познания социальных явлений: когда принадлежность общественной целостности к типу определяется конкретным историческим, а не поверхностным сравнительным анализом. Развитие социальной философии марксизма – встречное движение формирующейся социологической схемы с выводами аналитико-исторической реконструкции. В «Немецкой идеологии» отмечаются исторические условия, тормозящие или ускоряющие процесс отделения частной собственности от общины. Например, в эпоху Римской республики концентрация частной собственности и превращение мелких крестьян в пролетариат не получило массового распространения. Но разрушение империи привело к захвату ее провинции германскими племенами, что способствовало освоению этими племенами новых земледельческих орудий труда, ускоряло процессы формирования нового типа владения в условиях ослабления централизации власти. Это уже историческое описание, имеющее исходным пунктом социологическую гипотезу. Осуществляется как бы обратное теоретическому, повторяющее естественное, движение. Каждый этап выявления связи политэкономических категорий – определенная стадия исторического движения. Все зачатки современной Марксу промышленной систе-

мы существовали, по его замечанию, еще в античности. Но именно в условиях средневековой Европы связь первичных форм собственности и капиталистической была опосредована целым рядом ступеней, что и способствовало формированию классической капиталистической формы собственности. История, понятая как связь этапов разделения труда и соответствующих им типов общения, эксплуатации, развертывается именно в средневековой Германии. Таким образом, в основе нового исторического метода лежит тезис о том, что условия производства и общения образуют исторический ряд форм общения. Развиваясь, производительные силы влекут новое разделение труда, что приводит к новой форме собственности. Интерес частной собственности при этом облекается в форму всеобщего интереса. Право возникает одновременно с частной собственностью в процессе разложения общины.

В очерке, рассматривающем историческое развитие как производное от промышленного, делается попытка дать общую схему восходящего исторического движения, базирующегося на преемственности форм орудийной деятельности, которые ломают национальные традиции. Но история частной собственности не может быть всемирной историей. Отчуждение приобретает вполне определенные формы эксплуатации пролетариата. Теоретические выводы нового материалистического понимания истории сформулированы в «Немецкой идеологии» особо: производительные силы общества достигают в своем развитии такой фазы, когда приносят бедствие. Класс, несущий на себе эти тяготы, является носителем революционного сознания. Условия, в которые поставлен этот класс, защищаются идеологией. Труд в будущем обществе должен быть распределен по-иному, характер деятельности изменен, всякое господство классов и сами классы уничтожены.

В период до «Немецкой идеологии» К. Маркс принимал усилия для определения предмета «обмирщенной» философии. В результате критическому анализу подверглась такая область гуманитарного знания, как право (1842 г.), историография (1843 г.), политэкономия (1844 г.). Материалистическая реконструкция, социально-философская переориентация этих гуманитарных дисциплин означала предметное их сращение, как порожденных развитием форм частной собственности и коррелятивных им форм государства (форм идеологии). Все разделы гуманитарного знания были разделами одной науки – «политической теологии». Генетический анализ антиномий, ею порождаемых, привел Маркса к действительным противоречиям гражданского общества.

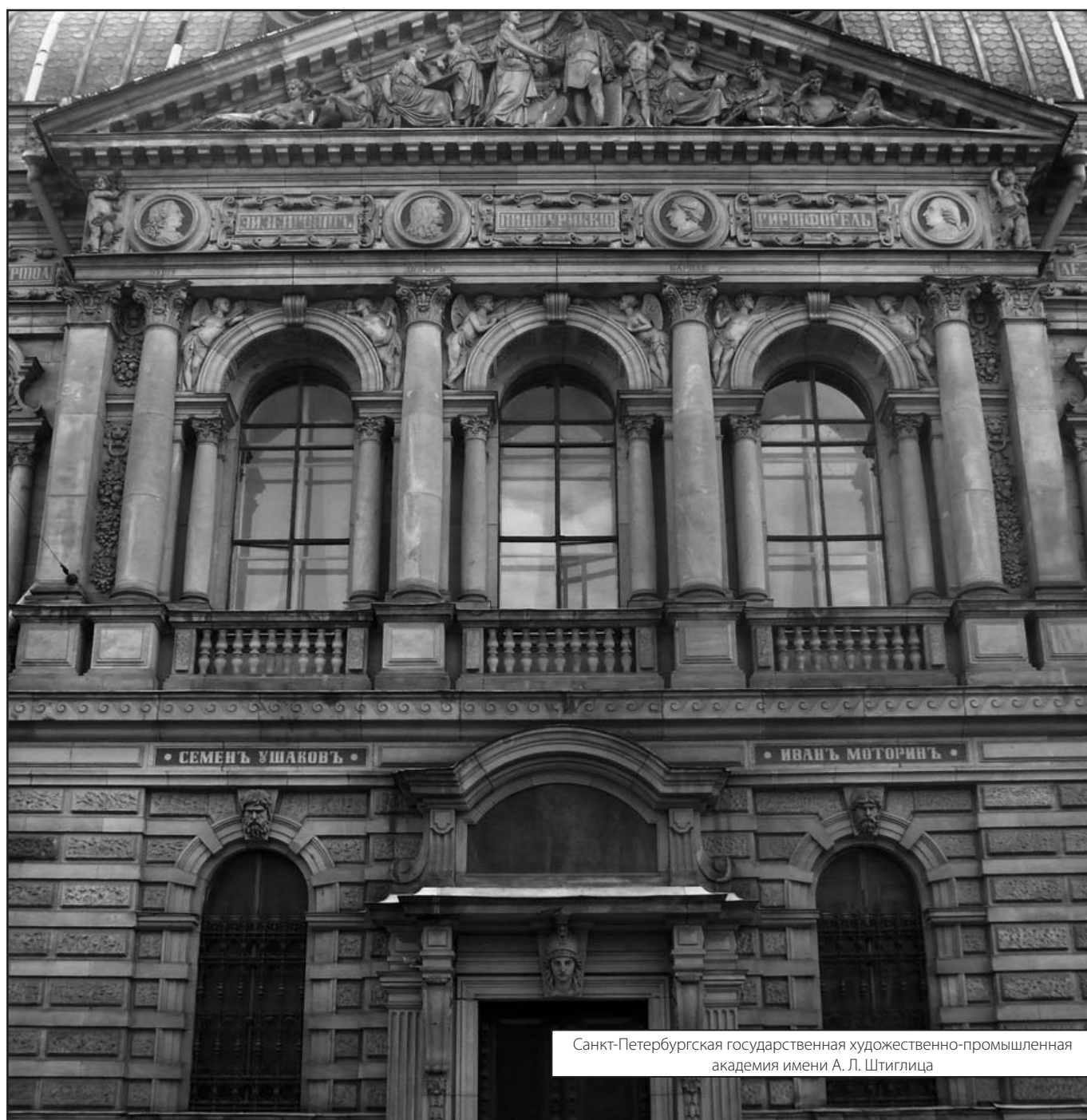
ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Издание 2. – Т. I. – М.: Политиздат, 1955. – С. 414-429.

2. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Издание 2. – Т. 13. – М.: Политиздат, 1959. – С. 5-9.
3. Маркс К. Относительно взглядов Гегеля на соотношение между конкретно-историческими формами государства и абстрактной идеей государства. Из Крейцнахских тетрадей // К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения. Издание 2. – Т. 40. – М.: Политиздат, 1975. – С. 312.
4. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Издание 2. – Т. 3. – М.: Политиздат, 1955. – С. 2-4.
5. Маркс К. Теория прибавочной стоимости. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Издание 2. – Т. 26, ч. 2. – М.: Политиздат, 1962. – С. 178.
6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2. – Т. 42. – М.: Политиздат, 1974. – С. 41-174.
7. Маркс К. Выписки из «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо // Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. – М., 1969. – С. 469-487.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2. – Т. 3. – М.: Политиздат, 1955. – С. 7-544.

© Огарков Александр Николаевич (suer53@inbox.ru), Сметанкина Людмила Васильевна (lsmetankina.umo@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА С. Н. БУЛГАКОВА

PHILOSOPHY OF ECONOMY OF S. N. BULGAKOV

S. Chugunov

Summary: The problem of human self-value in existential philosophy is considered. Self-worth is the process of man's exaltation and self-realization. Examines the different approaches and positions philosophers, human Existence is a process of becoming. The basis of formation is free choice. Choosing a person changes the orientation of his life. For choosing the person responsible. Taking responsibility, a person shows determination. Determination is a condition of freedom. Human freedom is the freedom of his consciousness.

Keywords: the economy, God, people, life, freedom.

Чугунов Сергей Владимирович

к.ф.н., доцент, ФГАОУ ВО «Севастопольский
Государственный университет»
serzh.chugunov.62@mail.ru

Аннотация: Рассматривается принцип хозяйства в философии С.Н. Булгакова. Хозяйство – это борьба за жизнь. Жизнь не имеет границ, она не подвластна логике и в, тоже время, не является алогичной. Человек – это творение Бога, и, как сотворенное, он в своей жизни проявляет мысль Бога о себе. Каждое «я» свободно, конкретно, своеобразно. В тоже время, ограничено, как часть мира, человечества и божественного создания. Преодолеть эту ограниченность человек не в состоянии, так как границами его свободы является необходимость

Ключевые слова: хозяйство, Бог, человек, жизнь, свобода.

Сергей Николаевич Булгаков – русский религиозный философ, один из представителей «нового религиозного мышления». «Возрождением православия» назвал философское учение Булгакова, Н.А. Бердяев. Анализируя книгу Булгакова «Философия хозяйства», Бердяев писал: «В сущности, это не философия хозяйства, а хозяйственная философия, даже хозяйственная религия». [1, с. 174]

Булгаков указывал, что философия хозяйства направлена на изучение внешнего для нее реального предмета. Таким предметом является, прежде всего, жизнь, как нечто неопределенное, источник рассуждений и постоянного анализа. Жизнь вневременна и внепространственна, так как ее трудно выразить в каких – либо измерениях. Все стороны бытия, как материальные, так и духовные являются, только сторонами проявления жизни, не исчерпывая ее. Жизнь не имеет границ, она не подвластна логике и в, тоже время, не является алогичной. Не случайно, что основу философии хозяйства составляет антропология, как учение о человеке и природе.

Философ отмечал, что, учитывая двойственность жизни можно выделить два противоположных направления. Первое – интеллектуализм, исходит из логических основ жизненного бытия, бытия как мысль, порождающая сама себя. Примером интеллектуализма, по мнению русского философа, являются абсолютный идеализм и критический рационализм. Второе направление – антиинтеллектуализм, опирающееся на приоритет алогического, бессознательного над сознательным. Отличительная черта этого течения – отношение к разуму, как простому орудию жизни. Анализ обоих направлений привел Булгакова к выводу, что различие подходов не заключается

в способах анализа, постановке проблемы и поэтому, явного противоречия не содержат.

Жизнь — это борьба. Если жизнь – это активное движение вперед, стремление к изменению, то смерть, можно определить как остановка движение, отрицание развития. Философ писал: «...жизнь утверждается в царстве смерти, обступающей ее со всех сторон и проникающей чрез все ее поры. Она может быть, поэтому только непрерывной борьбой со смертью, она берется не даром, не сложа руки, а в непрерывном напряжении борьбы». [2, с.78] Жизнь, как свобода противостоит смерти, как необходимости. Любой природный объект стремится к расширению границ свободы, которые не являются постоянными, могут, как увеличиваться, так и уменьшаться. Борьба, поэтому, не является добровольной и носит принудительный характер.

В этой связи, хозяйством, как считал Булгаков, можно назвать борьбу любого живого организма с враждебными силами природы с целью господства над ними, расширения своей свободы, стремления управлять природными силами. Но, сознательная хозяйственная, активная деятельность характерна, только, для человека, ибо ее основной целью является «очеловечивание природы», как оборонительно – наступательное отношение к смерти, как стремление противостоять ей.

Основой хозяйства, как борьбы за свободу, является труд. Труд носит принудительный характер, но в тоже время, обладает ценностью, ведь его результатом являются приобретаемые блага, поддерживающие жизнь и обогащающие ее. Таким образом, утверждал философ, признак хозяйства может быть определен, как трудовое

воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность даровому их получению. Благодаря труду, человек ощущает всю полноту жизни, так как природа без трудового вмешательства людей не может проявить все свои силы.

Опираясь на труды Маркса, Булгаков рассматривал труд как активное субъектно-объектное отношение. Субъект – это носитель целенаправленной деятельности, а объект – природа, определяемая механической закономерностью. Субъект проникает в мир вещей, подчиняя его своей цели и стремясь к управлению им, изменяя причинные связи. В связи с этим, как утверждал философ, хозяйственный акт можно определить как превращение механизма причин природы в механизм целей человека.

Основными функциями хозяйства являются потребление и производство. Каждый человек и живое существо связано с Вселенной и испытывает на себе ее влияние. Вселенная, как указывал философ, представляет собой, многообразные ступени развития жизни. Жизнь охватывает космос, как бы «одушевляя» его. С другой стороны, любое живое тело, материально, оно – часть материи или первоматерии. Материя, по мнению Булгакова, представляет собой, динамически связанные сферы жизни в различных ее проявлениях. Жизнь и материя, как два начала притягиваются друг к другу и, в тоже время, противостоят. Но, это противостояние, скорее близких начал, чем противоположных. Философ объяснял, что возможность борьбы между одушевленным и неодушевленным обуславливается их тождеством, но при, необходимости учета различия их как состояний. Тождество живого и неживого выражается в питании и связанном с ним росте и размножении жизни.

Под питанием, философ понимал не только обмен веществ между живым организмом и окружающей его внешней средой, но и включал в этот процесс, динамику чувств. Булгаков писал: «Мы едим мир, приобщаемся плоти мира не только устами или органами пищеварения, не только легкими и кожей в процессе дыхания, но и в процессе зрения, обоняния, слуха, осязания, общего мускульного чувства. Мир входит в нас чрез все окна и двери наших чувств и, входя, воспринимается и ассимилируется нами». [2, с.119] Таким образом, жизнь можно определить, как потребление мира и приобщение к нему. Благодаря еде, стираются грани между различными состояниями мира, происходит приобщение человека к бытию природы, постижение ее. Способность есть, как утверждал философ, является доказательством утверждение, что человечество – это неотъемлемая часть мира. Существа, внемирного характера не способны к питанию, и, поэтому, воздействию на мир. Потребление, как функция хозяйства, подтверждает факт единства материального мира.

Производство – это активное взаимодействие субъекта с объектом, человека с природой, воплощение идей и целей хозяйствования. Предметом производства является природный продукт, воплощающий в себе субъектно-объектное отношение. С, одной стороны, как часть природы, это объект, не-я, с другой стороны, в нем заключена цель человека, как субъекта воздействия. Ссылаясь на Шеллинга, Булгаков подчеркивал, что воздействуя на природные объекты, человек «открывает» для себя мир, постигает его. Благодаря действиям, люди осознают противоположность мира и возможность его противодействия. В этом заключается хозяйственное отношение к миру, основа понимание противоположности «я» и «не-я». Русский философ подчеркивал, что, только, отношение к человеку, как хозяйственно деятельному субъекту, позволяет философии правильно, в гносеологическом плане, решить проблему соотношения разума и действительности. Признавая «одноприродность» я и не-я, можно объяснить возможность воздействия человека на природный предмет. При их чуждости, такое воздействие невозможно. Благодаря производству, стихийные силы природы преобразуются в сознательный труд человека, т.е. в субъект – объект.

Трудовая деятельность способствует освобождению человека от зависимости природных предметов, а история человечества переходит в новую фазу. Как отмечал русский философ, инстинктивный, дохозяйственный этап жизни людей сменяется сознательным, хозяйственным периодом жизни.

Хозяйство не представляет собой совокупность отдельных, не связанных между собой, разрозненных актов. Наоборот, как подчеркивал философ, каждый хозяйственный акт приобретает значение только в органичном единстве с другими действиями и со всем хозяйством в целом. Поэтому, деятельность носит не индивидуальный, а родовой и исторический характер. Человек, который включается в этот общественный процесс, становится его частью, занимая определенное место и внося конкретный вклад в развитие хозяйства. С каждым новым вкладом, хозяйственная деятельность расширяется и приобретает экстенсивный характер.

В тоже время, хозяйство развивается и интенсивно, как связь прошлого и настоящего, как цепь исторических событий, как становление нового на основе воспроизведения старого. Поэтому, сделал вывод философ, действительным субъектом хозяйства является не отдельный человек, а человечество как исторический носитель знания, организаторских функций, вносящий единство в различные акты хозяйственной деятельности.

Булгаков считал, что любой хозяйственный акт опирается на исторический духовный опыт и знание. Человек не в состоянии действовать, если не знает, как это

действие произвести. В свою очередь, знание не имеет ценности, если не связано с практическим его воплощением. Хозяйство, таким образом, есть знание, воплощенное в действии, а знание – хозяйство, реализующее идею. Так, по мнению философа, происходит синтез знания и хозяйства в истории, а разнообразные действия воплощаются в единую деятельность.

Утверждение о единстве знания и хозяйства, становится у русского философа основой обоснования трансцендентной природы субъекта хозяйствования. Человечество в процессе своего исторического развития, осваивает и познает механизм природных сил, внося в него целесообразность и постепенно воплощая его в единую организацию. Благодаря организации, происходит соединение людей в нацию, общество, государство. Но, этот естественно – исторический процесс, невозможен без идеального воплощения, как основы единства. Идеалом, по мнению русского философа, является Мировая душа или София. «София – это великая любовь, женственность Бога, космическое знание и величайшая премудрость». [3, с.54]

Хозяйственная деятельность носит творческий характер. Человечество творит новый, искусственный мир, культуру, знания, передавая их из поколения в поколение. Творчество предполагает два условия. Действие предполагает наличие замысла, т.е. свободы изволения. Осуществление замысла, цели, невозможно без усилия, появления воли, т.е. свободы исполнения. Но, человек не может творить из ничего, так как сам является творением. Он способен познавать и воспроизводить природу только потому, что его хозяйственная деятельность носит софийный характер. Человеческое творчество задано Творцом, оно не «копия», а скорее «подобие» уже созданного. Притязать на нечто большее человек не способен, а его «бунт» не имеет оснований. Творчество человека носит ограниченный характер, а любую попытку придать творческой деятельности абсолютный характер, русский философ определял как сатанизм. На эту особенность булгаковского подхода обратил внимание Бердяев, отмечая: » Творение совершенно закончено и замкнуто, творческий процесс не продолжается в человеке и через человека. Человек – трепещущая и униженная тварь. Ему дано лишь хозяйственно устраивать созданное Богом, Божье имяние». [1, с.176]

Хозяйство софийно. Этот факт, Булгаков объяснял причастностью человека к двум мирам: миру эмпирии и к Софии. Человек, с одной стороны, потенциальный центр антропокосмоса, находящийся в процессе реализации. С другой стороны, он является продуктом этого мира. Хозяйство носит софийный характер в своем основании, а не в результатах деятельности. Деятельность исторически носит ограниченный характер, может быть ошибочной, поэтому не все действия или их результаты, освещены Софией.

Человечество не в состоянии приумножить творческую силу природы, т.е. родить новую жизнь. Жизнь дана Богом, она не может быть объяснена или разделена на части. Хозяйство может обновить природу, «оживить» ее, а не творить.

В борьбе человечества за жизнь, русский философ предавал значение, науке. Наука – это общественный процесс, направленный на производство идеальных ценностей. Научная деятельность – это основа плана и цели хозяйства. Благодаря науке, человечество расширяет накопленный духовный опыт, передавая его из поколения в поколение и, тем самым накапливает знание. Накопленное знание обобщается в гипотезах, проверяется экспериментально и находит свое выражение в теории.

Булгаков утверждал, что научное знание имеет хозяйственную природу. Как и в хозяйстве, научный труд направлен на удовлетворение существующих или зарождающихся потребностей. Наука, всегда стремится ответить на жизненные вопросы, а ее области или дисциплины возникают на основе практических попыток найти истинный ответ. Философ пришел к выводу, что значительная часть наук имеет хозяйственно – практический характер, способствуя развитию человечества. Логика развития научного знания свидетельствует, что человек и наука взаимосвязаны, как связаны «труженик и его орудие».

Наука свободна в выборе своего объекта изучения, логична и прагматична. Она раскрывает множественность и многообразность связей и отношений в мире, тем самым, имеет возможность познания не только естественного мира, но и трансцендентного. Почему, науке доступна истина? Отвечая на этот вопрос, философ подчеркивал, что содержание истинности науки обосновывается ее софийностью. В этой связи, необходимо, утверждать единство научного знания как фактор взаимодействия науки и хозяйства. Научная деятельность способствует проникновению субъекта хозяйства в объективные связи природы, возможность управления ими, и, в конечном итоге, «победе» жизни.

Одной из задач и функций научной деятельности, по мнению философа, является анализ границ и возможностей познания, а вместе с ним, и производства. Осуществляя деятельность, как научную, так и производственную, субъект «ощущает» отчужденность объекта, его противоположность. Анализируя субъектно–объектное взаимодействие, философ писал:» Насколько объект в хозяйстве ощущается как граница мощи субъекта, настолько в нем выражается необходимость, несвобода для субъекта; насколько же эта граница постоянно отодвигается и снимается субъектом, настолько в этом осуществляется его свобода. Свобода в хозяйстве имеет своим объектом необходимость, т. е. свою противоположность». [2, с.248]

Свобода, как ее определял Булгаков, является способностью действовать от себя, прерывать причинные связи и нарушать принцип всеобщего механизма. Живое, может быть рассмотрено, как проявление самопричинности и поэтому оно является свободным. Способность к самопричинности – это следствие проявления воли, а воля, в своей полноте, может быть выражена, только, в самосознании. Поэтому свобода носит сознательный характер и обладает ею, только, личность. Личность осознает границы свободы, защищает ее, самоутверждаясь в мире и действуя, как отдельная, самостоятельная «единица».

Но, человек – это творение Бога, и, как сотворенное, он в своей жизни проявляет мысль Бога о себе. Каждое «я» свободно, конкретно, своеобразно. В тоже время, ограничено, как часть мира, человечества и божественного создания. Преодолеть эту ограниченность человек не в состоянии, так как границами его свободы является необходимость. Благодаря наличию этой границы, свобода приобретает сознательный характер и является самодостаточной. Любой человек представляет собой противоположность «я» и «не-я», свободы и необходимости. Эта противоположность постоянно изменяется и в этом заключается процесс жизни в мире и с миром.

Противоположности свободы и необходимости нет там, где нет их взаимной противоположности. Ее нет в неодушевленной природе, она проявляется, только, у живых существ. Нет явной противоположности и в мире Бога. Свобода Бога не имеет границ, поэтому совпадает с абсолютной необходимостью. В свободе Бога, стремление и осуществление объединяются и перестают существовать раздельно. Всемогущество Бога, как считал русский философ, можно определить, как действие, соответствующее божественной природе.

Цель свободной деятельности – участие человека в миропреобразовании. Булгаков указывал: «Всякая личность, как бы она ни была слаба, есть нечто абсолютно новое в мире, новый элемент в природе. Каждый человек есть, в известном смысле, художник своей собственной жизни, черпающий силу и вдохновение в себе самом».[2, с.271] Свобода и необходимость составляют исторический процесс, труд, как единство, поэтому дея-

тельность не может быть определена через раздробленность или изолированность. Рождаясь, человек включен в определенные, конкретные связи, передаваемые из поколения в поколение. Необходимость, как граница свободной, творческой деятельности, как для человека, так и для человечества, выступает как закон регуляции жизненного процесса. Поэтому, и хозяйство определяется как синтез свободы и необходимости. Свободная хозяйственная деятельность является для человека индикатором его силы и возможностей, тогда как необходимость проявлением слабости, ограниченности творческого характера действий. Познавая свободу, человечество увеличивает свою силу или мощь. Но, проявление мощи не должно рассматриваться, как полная реализация желаний человека. Человек, в своих желаниях в состоянии чувствовать свою духовную свободу, но он обязан в своих чувствах не выходить за рамки божественной природы своей души. Хозяйственная деятельность не носит индивидуальный характер, она, всегда связана с родовым, человеческим трудом, определяется им и ограничивается.

Философ ввел понятие «дух хозяйства» как характеристику психологической и духовной природы хозяйственной деятельности. Ссылаясь на М. Вебера, Булгаков указывал, что каждая экономическая эпоха характеризуется своим духовным развитием и особым типом становления «экономического человека». Такой подход, по мнению русского философа, позволял говорить о хозяйстве не только как духовно – свободной деятельности, но и рассматривать его с точки зрения нравственных основ. Этика хозяйства должна заключаться в борьбе с бедностью, с ее основами и причинами. Поэтому, философ считал безнравственным, и научной точки зрения не верным, любую попытку критического отношения к богатству. Такое отношение, по мнению философа, противоречит основной цели хозяйственной деятельности – борьбе за жизнь. Только, при таком подходе, человечество можно рассматривать, как субъект хозяйства, а не его функцией.

Оценивая систему Булгакова, В.В. Зеньковский отмечал: «Булгаков имеет чрезвычайное значение в развитии русской философии одним уже тем, что он углубил темы космологии, столь существенные для разумения бытия». [4, с.880]

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. О русской философии. / Н.А. Бердяев. – Свердловск: Изд – во Урал. ун -та, 1991, т.2 – 240 с.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. /С.Н. Булгаков. – М.: Институт русской цивилизации, 2009 - 464 с.
3. Булгаков С.Н. Избранные произведения. / С.Н. Булгаков. – Харьков: Фолио, 1998. – 389 с.
4. Зеньковский В.В. История русской философии. /В.В. Зеньковский. – М.: Изд –во ЭКСМО – Пресс, 2001. – 896 с.

© Чугунов Сергей Владимирович (serzh.chugunov.62@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ И ВОЗМОЖНЫЕ ФАКТОРЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

REAL AND POSSIBLE FACTORS OF THE RUSSIAN SOCIETY INTEGRATION

A. Yaroslavtseva
V. Sopov

Summary: The article is determine the actual and possible factors of Russian society integration, taking into account the historical and cultural characteristics, established traditions and the most promising directions of development. Among the many different forms and variants of the Russian idea, the following have been singled out as the most accurately describing historical reality: the idea of the originality of Russia and the principles on which Russian civilization is based; Byzantine political idea; the philosophical concept of all-unity, perceived mainly in the form of the doctrine of «harmony», «symphony» of church and state as an example of a social order, synthesized with the concept of universality, the supranational character of Christianity. Among others, which have acted as an integrating factor in history, the ideas of justice and freedom are named. In modern Russia, there is a dualistic model of social structure, in which the traditional opposition of “power” (state) and society is the factor that unites people into two strata. Despite the traditions entrenched in culture, the rich historical and cultural heritage, the widest opportunities for borrowing the existing successfully applied theoretical models describing the principles of uniting people, it’s argued that all of the above cannot limit the historical life and historical creativity of the people. Recognition of the value of life in all its types, forms and manifestations; extending the concept of the right to interests beyond the boundaries of human solidarity would make the future of Russia hopeful, and the view on it justifiably optimistic.

Keywords: society, state, uniting idea, national identity, national interests, internal politics, historical collective memory, tradition, historical and cultural heritage, values.

Ярославцева Анна Владимировна

*К.филос.н., доцент, Новосибирский государственный
медицинский университет
almarlis@yandex.ru*

Сопов Владимир Валентинович

*К.филос.н., старший преподаватель, Новосибирский
государственный медицинский университет
vla-sopov@yandex.ru*

Аннотация: Целью статьи является определение действительных и возможных факторов объединения российского общества с учетом историко-культурных особенностей, сложившихся традиций и наиболее перспективных направлений развития. Русская идея – исторически первая форма рефлексии над объединяющим принципом, лежащим в основе российского государства и общества. Среди множества различных форм и вариантов русской идеи, в качестве наиболее точно описывающих историческую реальность, выделены следующие: идея своеобразия России и начал, на которых зиждется российская цивилизация; византийская политическая идея; философская концепция всеединства, воспринятая преимущественно в виде учения о «гармонии», «симфонии» церкви и государства как образце общественного устройства, синтезированная с представлениями о всемирности, наднациональном характере христианства. Среди иных, выступивших в истории в качестве объединяющего фактора, названы идеи справедливости и свободы. В современной России имеет место дуалистическая модель социального устройства, в котором фактором, объединяющим людей в две страты, выступает ставшее традиционным противопоставление «власти» (государства) и общества. Несмотря на закрепившиеся в культуре традиции, богатое историко-культурное наследие, широчайшие возможности для заимствования имеющихся успешно применяемых теоретических моделей, описывающих принципы объединения общностей, утверждается, что этим невозможно ограничить историческую жизнь и историческое творчество народа. Признание ценности жизни во всех ее видах, формах и проявлениях; распространение концепции благ (учета интересов, высоких принципов нравственности, свободы, меритократии, справедливости, etc.) за пределы человеческих общностей сделало бы будущее России перспективным, а взгляд на него оправданно оптимистичным.

Ключевые слова: общество, государство, объединяющая идея, национальная идентичность, национальные интересы, внутренняя политика, историческая коллективная память, традиция, историко-культурное наследие, ценности.

Введение

Проблема описания, интерпретации, улучшения, проектирования принципов, объединяющих людей в общности, актуальна по причине ведения людьми социального образа жизни, до тех пор, пока люди будут продолжать вести социальный образ жизни.

Поначалу предметом рационального познания были

принципы, объединяющие людей в государство. Платон предлагал в качестве объединяющего принципа власть лучших, политика Аристотеля сочетала принципы меритократии и свободы. Томас Мор предложил принцип равенства в труде, Гоббс – обеспечения безопасности, Локк – защиты прав и свобод. Идея, что люди объединяются в государство, чтобы быть свободными в качестве членов государства, развивая таким образом человеческую свободу, отстаивалась Кантом. Гегель полагал объеди-

нящим принципом государства нравственность – как единство субъективного и всеобщего воления (и то и другое укореняется в идее свободы, в то время как свобода – сущность, внутреннее начало воли) [10].

Руссо подчеркивал, что объединение возможно только там, где есть общность интересов и что общее благо – наиболее вероятный вариант момента, в котором могут совпасть интересы всех. Поскольку достаточно очевидно, что интересы многообразны, а найти среди них всеобщий сложно, в качестве объединяющих принципов предлагались различного рода механизмы, позволяющие согласовывать разнообразие интересов, обеспечить их представительство: «невидимая рука рынка» А. Смита; личная заинтересованность каждого Б. Франклина; регулирование избирательной системы Дж.С. Милля; социократия (Огюст Конт, американский социолог Лестер Фрэнк Уорд – идея выработки более эффективного способа принятия решений; пацифисты Кис Боке и Беатрис Кэдбери, видевшие образец социократии в практике квакеров, Дежерард Энденбург – практическое воплощение идеи) в ее современном варианте являющаяся методом объединения равных для совместного принятия решений путем согласования интересов; теория справедливости Дж. Ролза.

В новейшее время рефлексия над принципами, объединяющими людей, вышла за рамки рассуждений о государственном устройстве, поскольку изменились представления о субъекте власти (субъект стал «множественным»), социальное и политическое были разделены.

К. Маркс и Ф. Энгельс отстаивали принцип самоорганизации трудящихся в государство, с последующей ликвидацией («отмиранием») государства, поскольку оно является излишним для свободных, самоорганизующихся и самоуправляемых индивидов. М.А. Бакунин предлагал отказаться от государственных объединений, в основе которых лежит «властнический инстинкт», подкрепляемый рабской психологией, интеллектуальной и моральной развращенностью большинства; объединяться в общество на принципах свободы и человечности.

Мишель Фуко, анализируя феномен власти, выделяет три типа власти (объединяющего фактора): суверенную, дисциплинарную, биовласть. Им соответствуют три принципа, на основании которых власть объединяет людей: открытый, демонстративный контроль лишенных суверенитета индивидов посредством законодательства и государственной системы права; скрытое, «спрятанное» посредством законодательства и системы права управление формально суверенными индивидами, их временем, трудом, деятельностью; регулирование процессов, связанных с большими скоплениями людей,

рассматриваемых как разновидность живых существ (подразумевает различные меры по поддержанию численности и здоровья популяции) [11].

Холократическая модель организации предполагает объединение людей либо для достижения общих целей, либо для контроля и регулирования одной или нескольких областей, либо для исполнения одной или нескольких обязанностей. Перечисленные объединяющие факторы называются «ролями», исполняющие одну и ту же роль образуют дееспособную социальную группу [17].

Фредерик Лалу в работе «Открывая организации будущего» описывает принципы построения организаций (объединения людей в группы, не связанные отношениями родства), также в равной степени применимые к различным социальным институтам, обществам и государствам: принцип злоупотребления силой и властью; принцип жесткой иерархии, формализации процессов, четкого распределения обязанностей, установления правил поведения; стремления к эффективности; установления гармоничных, тесных связей всех со всеми, при условии равенства прав; принцип объединения людей для достижения общих целей [5].

Целью настоящего исследования является определение принципов, на основе которых сформировалось и вело свое существование российское государство и общество, выявление важнейших следствий, проистекающих из использования этих начал, оценки перспектив развития российского общества и государства.

Принципы, факторы, объединявшие российское общество в истории

Русская идея – исторически первая форма рефлексии над объединяющим принципом, лежащим в основе российского государства и общества. Среди множества различных форм и вариантов русской идеи, наиболее точно описывающими историческую реальность, получившими наиболее масштабное воплощение в культуре следует признать следующие: идея своеобразия России и начал, на которых зиждется российская цивилизация (Хомяков А.С., Данилевский Н.Я. и другие). Данная идея эксплицирует факт: предметом российской теоретической мысли была действительность общественной организации, существенно отличающейся от остальных, имевшихся в наличии, одной из важнейших составляющих которой была полностью византийская политическая идея.

Наследие христианской греческой цивилизации с лучшими образцами наследия античного создает неповторимо своеобразное политическое лицо, положение России. В сознании нашего царизма, по мнению Леонтьева, «соединились три могущественных начала:

римский кесаризм, христианская дисциплина (учение покорности властям) и сосредоточившее всю силу свою на царском роде родовое начало наше, столь слабое (сравнительно) и в семье, и в дворянстве нашем, и, может быть, в самой общине нашей» [7, Глава II]. «Царем» (цезарем) называли как Византийского императора, так и хана Золотой орды, а начиная с Ивана Грозного – главу России. Идея царизма – наше византийское родовое наследие: с момента начала княжения Ивана III Россия оказалась между византийским басилевсом и монгольским ханом как образцами для подражания. Русский князь выбрал василевса, женившись по рекомендации римского папы на дочери последнего византийского императора Софье Палеолог. Церемониал двора Ивана III был полностью византийским. Концепция инока Филофея «Москва – третий Рим» также подчеркивает преемственность власти русского князя от византийских императоров [14]. Отношения между Россией и Европой, характер включенности России в общеевропейское дело, равно как характер отношений между государством и обществом начиная с XV в. были опосредованы, обусловлены византийско-христианским политическим наследием.

Философская идея всеединства, применительно к социуму воспринятая Россией преимущественно в виде учения византийского епископа Евсевия Кесарийского о «гармонии», «симфонии» церкви и государства как образце общественного устройства, синтезированная с представлениями о всемирности, наднациональном характере христианства. Всемирно-историческое значение христианства утверждается уже в «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Илариона (XI в.): «иудеи соделывают своё оправдание при свете свечи закона, а христиане соделывают своё спасение под солнцем Христовой благодати. То есть иудейское оправдание не распространяется за пределы этноса, а христианство светит всему миру» [цит. по 13]. Симфонию церкви и государства, в которой у государства – религиозная миссия, поле деятельности – весь мир, можно наблюдать в XVI веке: «Если кратко выразить суть русской идеи, как она сформировалась в XVI веке, то ее квинтэссенцией... будет утверждение русского царства как первого, наиглавнейшего и могущественнейшего царства на всей Земле, несущего свет истинного Христова просвещения, истинной Христовой веры всем народам Земли» [14, с.23]. Экуменизм В. Соловьева выражает стремление к реализации данного аспекта русской идеи: восстановление единства всемирной церкви он «рассматривал как предварительное условие перед совершением великой миссии России по созданию всемирной, свободно теократической Христианской Империи» [2, с. 93]. Сколаков, анализируя картину Нестерова «На Руси (Душа народа)», отмечает актуальность данного аспекта объединяющей российское общество идеи в начале 20 века: «задолго до 1916 г. знали верующие россияне, что выпал «Скипетр Православного Царства <...> из слабеющих рук визан-

тийских императоров, не сумевших осуществить симфонию Церкви и государства»... И вот теперь в облике изображённого на холсте и пронизывающего взглядом венценосного монарха старца схимника чувствуется тревога уже за российский скипетр и преемственный симфонизм третьего Рима» [13].

Славянофилы усматривали объединяющую идею российского общества в Православии и в той философии, которая возможна на почве Православия. Граф Уваров дополнял Православие идеями самодержавия и народности. Вряд ли эти идеи устарели, несмотря на демократический характер нашего общества. Начало самодержавия реализуются в почти царской власти президента, а начало народности в современной идее сбережения нации. Все это возвращает нас к византийской идее василевса и Православной Церкви как симфонии государства и общества, поскольку византизм не знает другого общества, кроме православного и другого народа кроме православно-христианского. Соединяясь с культурой православный культ обретает как бы второе дыхание и становится той «духовной скрепой», которая объединяет общество.

Однако, концепция всеединства является так же идеей единства в многообразии и многообразия в единстве (Троицы, соборности). Художественным, живописным выражением этой идеи является «Вечная Россия» И. Глазунова – писатели, художники, ученые, композиторы также причислены к тем, кто создавал, защищал, возвышал Россию. Внешнеполитическим выражением является способность к мирному и взаимовыгодному объединению с соседями, отсутствие русского национализма. Община славянофилов выходит за рамки симфонии церкви и государства. Несмотря на то, что наиболее выпукло в истории всеединство представлено в теократическом аспекте, использование идеи единства в многообразии и многообразия в единстве за пределами установления отношений между Церковью и государством выглядит более перспективным.

Идеи справедливости и свободы сыграли важную объединяющую роль в истории России. Коммунизм как царство труда и справедливости победил идею священного русского православного царства [1]. К концу двадцатого века возросла значимость ценности свободы – сравнительно нового для России объединяющего фактора: «в конце XX в. более половины россиян высоко ценят свободу и считают, что достойны отношения к себе именно как к свободным гражданам своей страны» [6, с. 36].

Форма, способ объединения современной России

Форма социального устройства современной России продолжает сохранять особность. Дыльнова Т.В. в 2004 году отмечает, что в «крайне неустойчивой, аморфной,

неопределенной» [3, с. 162] социальной структуре российского общества «наблюдается сильно выраженная тенденция к дезинтеграции общества, поскольку очевидно, что социальные группы, корпорации, сообщества и индивиды по-разному представляют себе образы «единого» социального пространства. Протекают процессы интеграции и дезинтеграции, опирающиеся не на рациональные начала (консенсус по поводу ценностей и целей), а на иррациональные и эмоциональные побуждения» [3, с. 163]. В качестве основного не-рационального интегрирующего отдельные части общества фактора называется экономико-политическое неравенство: «Верхние слои, на долю которых, по данным разных исследований, приходится до 8% населения, все более резко обособляются от тех, кто концентрируется на полюсе бедности. Верхние слои сосредоточивают в своих руках как экономическую, так и политическую власть... Накладывающиеся друг на друга процессы... приводят к возникновению гипертрофированных форм социального неравенства, создавая внутри одной страны две России, которые все больше отчуждаются друг от друга» [3, с. 164]. Причем уровень стихийно возникшей солидарности, которая, с точки зрения автора, позволяет рационализировать общественные отношения [3, с. 163], среди верхних слоев к настоящему моменту достаточно высок, среди сконцентрировавшихся на полюсе бедности – достаточно низок.

Тихонов А.В. в 2009 году также приходит к выводу, что итогом этакратического развития является «своеобразная дуалистическая система социальной стратификации, которая не выглядит временным явлением, а имеет все признаки устойчивого воспроизводства» [16, с. 27]. Отнесение российской социальности к этакратическому типу цивилизационного развития подразумевает готовность считать государство Российское, как господствующий, имеющий подавляющее значение во всех сферах жизнедеятельности общества социальный институт и объединяющий фактор, ответственным за формирование данной дуалистической системы.

Мигунова Ю.Ю. в 2010 году констатирует: возрастает социальная и культурная поляризация «верхов» и «низов» [8, с. 41]. Ссылается на монографию О.И. Шкаратана «Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России», как на исследование, показывающее, что «в России сложилась специфическая дуалистическая социальная стратификация», объясняющее «почему в современной России сложился и воспроизводится именно данный, а не какой-либо иной тип социально-экономического неравенства», стратификации; низко оценивающее качества «высшего» слоя российского общества и перспективы повышения этих качеств – «поскольку имеет место взаимное проникновение и поддержка недееспособных элит» [8, с. 42]. Отмечает, что «глубинные основания» сложившегося неравенства

изучены мало, – в отличие от достаточно очевидных экономических, политических, статусных аспектов [8, с. 43].

Работа В. Иноземцева «Несовременная страна. Россия в мире XXI века» посвящена анализу оснований данной дуалистической модели социального устройства, обуславливающих характер объединения российского общества в качественно различающиеся страты, обращает внимание на некоторые психологические, культурные, экономические, политические последствия социальной организации такого рода.

К основаниям можно отнести избирательность рецепции социальных традиций и отношения к инновациям (с точки зрения автора, история России – история заимствования, а не утверждения самостоятельно изобретенного нового), определивших цивилизационные устои. Традиции европейской цивилизации, – «с тех пор как в Европе начала формироваться первая универсальная социальная доктрина, основанная на идеях права, собственности, личной свободы и сбалансированности интересов человека и государства» [4, с. 9], – не усвоены. С Запада заимствовались технологии в первичном и узком смысле слова, а не религиозные или социальные стандарты [4, с. 22]. Не произошло рецепции канонического римского права из Византии, равно как рецепции отношений собственности [4, с. 18], заимствована религия, обрядность [4, с. 17], идея Церкви, дополняющей государство [4, с. 18], у монголов, в частности, было заимствовано централизованное, жесткое управление [4, с. 31].

Последствия: соединение власти и денег как базовый принцип, определяющий функционирование общества [4, с. 14]; идея «государства» как «права любой установившейся в стране власти подавлять собственное население и распоряжаться имеющимися ресурсами не от имени и не во благо народа или общества, но от имени и во благо государства – феномена, который никем конкретным не воплощается» (ни народ, ни верховный правитель не имеют права говорить от его имени) [4, с. 31]; примат государства над личностью и обществом [4, с. 32]; представление о необходимости защиты государства ценой благосостояния и жизни любого члена общества [4, с. 31]. Государство идентифицируется с «властью», которая «не тождественна ни одному институту», представлена кругом лиц, осуществляющим «давление на народ», практикующим насилие по отношению к общественным и личным интересам. Отсюда отсутствие возможности выбирать представителей власти, лиц, занимающих в государстве руководящие посты; отсутствие диалога между государством (властью) и подданными: подданные имеют право и обязаны выражать лояльность, несогласные не являются субъектами диалога [4, с. 39], другое, вплоть до принципиальной невозможности становления заботящейся о сохранении популяции биовласти (поддержание окружающей сре-

ды в пригодном для жизни состоянии [4, с. 110] и другие увеличивающие продолжительность и улучшающие качество жизни меры, описанные в главе «Мешающие «экстерналии»», представляются явными излишествами); «не-экономики», в которой источником доходов являются природные ресурсы, целями – обогащение элит, «обеспечение апатии и относительной удовлетворенности масс (стабильность)», защита системы (безопасность) [4, с. 73].

Предположим, что в условиях доминирования власти над обществом, именно низким качеством элит обусловлено отсутствие идеи, программы, целей развития, а также развития как такового, регресс государства и общества, «осознанный выбор пути назад (или непрепятствование власти в этом выборе) с отказом от предыдущих исторических достижений» [4, с. 14] – воссоединение церкви с государством, отказ от свободы слова, демократии, от независимости судебной системы, переход от открытости к автаркии, от конкурентной среды к монополюющей; восстановление «близкой и чуть ли не родной для русского человека категории холопства в смысле слепого и верного подчинения всех жителей государю и в этом отношении их одинаково рабского состояния» [4, с. 124], культивирование «доисторического» неравенства [4, с. 125]. Что, с точки зрения В. Иноземцева позволяет причислить Россию к несовременным государствам.

Избранный способ социальной организации, особенности (принцип) формирования объединения людей, оказывают влияние на всю совокупность приобретаемых человеком качеств, способствующих его инкорпорации в социум: с культурной точки зрения мы получаем архаичные представления о должном, упоминаемые в главе «Отторжение идеи равенства», апелляцию к ценностям, радикально отличающимся от получивших наибольшее распространение и имеющих возможность претендовать на статус общечеловеческих. С психологической – религию как «стержневую» идентичность [4, с. 17], отсутствие потребности в общественной деятельности [4, с. 46]; социальной – «граждан», свободных исключительно в частной жизни [4, с. 45]; атомизированное, деструктурированное общество, не имеющее общих задач и единых целей и потому не способное к коллективному действию [4, с. 48]; упразднение самого института гражданского общества [4, с. 125].

Заключение: возможные факторы объединения русского общества

Не стоит недооценивать важность общественного культурно-исторического наследия в деле объединения общества. В него, прежде всего, входят унаследованные от предшествующих поколений и передаваемые по традиции социальные нормы и духовные ценности.

Как отмечалось ранее [15], именно оно не только «ответственно» за значительную часть содержаний внутренне-го, субъективного духовного мира, но и играет в любой социальной системе цементирующую, скрепляющую общество роль.

К российскому культурно-историческому наследию отнесем такие *общие смыслы (ценности)*, как вера в народ, любовь к Родине, вера в индивидуальный, коллективный, национальный успех, социальная справедливость (справедливый суд, равенство всех перед законом, правдивое слово, равенство возможностей, справедливое распределение материальных благ) свобода и неприкосновенность личности (невмешательство государства в частную жизнь граждан), социальное государство (помощь бедным и обидимым), свобода совести (веротерпимость); религиозные ценности, поскольку религия является ядром культурно-исторического наследия, удовлетворяет экзистенциальную потребность в абсолютном и онтологически, т.е. одним из наиболее заслуживающих доверия способом, обосновывает моральные нормы. *Общую историю. Представления о народном характере*, в значительной мере определившие содержание русской литературы и русского искусства в широком смысле этого слова. В литературе и искусстве XIX-XX вв. культ «маленького» человека, типичный пример – Гоголевская «Шинель» и «Дубровский» А.С. Пушкина; вера в народ (Толстой, Достоевский), идея мессианского призвания русского народа (народ – Богоносец Достоевского); поэтизация бедности (Горький, Шолохов), господство народной культуры. *Вера в общественную справедливость*, силу правды, социальный прогресс, огромное значение *высокой культуры*.

Идею соборности как принципа организации. Отец Павел Адельгейм: «В основе христианского богословия лежит догматический документ, принятый двумя Вселенскими Соборами в 325 и 381 г. Этот документ называют Символом Веры. Он излагает важнейшие догматы христианской веры. Среди догматов Символа Веры имеется догмат о Церкви. Его определяют четыре неизменных признака: *единая, святая, соборная и апостольская Церковь*... Как невозможно устранить соборность из Символа Веры, так невозможно выбросить принцип соборности из уклада церковной жизни и взамен соборности выстроить дисциплинарную вертикаль авторитарной власти» [12]. Это принцип может не только воспроизводиться в церковном укладе, но и быть перенесенным в уклад общественный.

Можно ли ограничиться в поисках объединяющей идеи историко-культурным наследием? Нет. Скорее оно само ограничивает общество, обуславливает его готовность к принятию одних и отвержению других принципов объединения. Идеи прав и свобод, самоорганизации и народного самоуправления, холократии во всех ее ви-

дах и формах могут быть заимствованы и укорениться на отечественной почве именно в силу особенностей историко-культурного наследия, специфичности содержаний отечественной культуры.

Как невозможно ограничиться в поисках объединяющей идеи накопленными в ходе исторического развития содержаниями культуры, так невозможно ограничиться в поисках оснований для народного единства, – которое необходимо не только для того чтобы развиваться в определенном направлении, но и для того чтобы развиваться в принципе, – заимствованием чужих, выработанных в ходе долгого исторического развития содержаниями. К тому же сам характер процесса фактически предопределяет несовременность, неактуальность заимствуемого (по крайней мере, в случае отсутствия глубокой творческой переработки, всесторонней адаптации содержаний, подвергнувшихся рецепции). Если на

данный момент способная объединить общество идея, а также программа отсутствует, необходимо продолжать творить новое, оставаться историческим народом, в котором всякое обращение к прошлому вызывает стремление к будущему, способным использовать историческое прошлое в интересах будущего и настоящего, «а не для ослабления современности, не для подрыва устоев жизнеспособности будущности» [9, с.110].

Из наиболее актуальных идей, которые не встречались в истории, не могут быть рецептированы как уже действующие, доказавшие свою плодотворность принципы объединения общества, при этом являющихся явными претендентами на статус востребованных современностью и перспективных, отметим признание ценности жизни во всех ее видах, формах и проявлениях, во всем ее разнообразии; принятие концепции блага, действительного за пределами человеческих обществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/russk_kommunizm (дата обращения: 26.08.2020).
2. Валицкий А. Русская идея // Гуманитарные науки. 2012. № 4 (8). С. 92-101.
3. Дильнова Т.В. Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2004. № 6-7. С. 161-168.
4. Иноземцев В.Л. Несовременная страна. Россия в мире XXI века. М., 2018. 177 с.
5. Лалу Ф. Открывая организации будущего. М., 2020. 432с.
6. Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 3. С. 32-39.
7. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Leontev/vizantizm-i-slavjanstvo/ (дата обращения: 26.08.2020).
8. Мигунова Ю.Ю. Социальная структура российского общества: состояние и проблемы теоретической разработки // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. № 1. С. 40-44.
9. Ницше Ф. Несвоевременные размышления II. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т.1/2: Несвоевременные размышления. Из наследия 1872-1873 гг. М., 2013. С. 83-172.
10. Омаров Б.М. О сущности государства в философии права Г.В.Ф. Гегеля // Философия права, № 3 (58), 2013, С. 32-34.
11. Рукавов С.С. Трехуровневая концепция политической власти М. Фуко // Южно-российский журнал социальных наук, № 1, 2016, С. 114-126.
12. Священник Павел Адельгейм. УСТАВ ПРИХОДА ПРОТИВ ДОГМАТА О ЦЕРКВИ. Почему новый приходской устав РПЦ МП гарантирует крупные церковные катаклизмы? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=fresh&id=1135> (дата обращения: 26.08.2020).
13. Сохлаков А.Ю. Симфония Русской идеи // Наука. Общество. Оборона. 2017. № 4 (13). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simfoniya-russkoj-idei> (дата обращения: 15.08.2020).
14. Сопов В.В. Византийское наследие и русская политическая культура (историософский аспект) // Культура как предмет комплексного исследования: сборник научных трудов. 2008. Вып.9. С.18-27.
15. Сопов В.В. Общественное наследие и гармонизация общественных отношений // Культура как предмет комплексного исследования: сборник научных трудов. 2008. Вып.9. С.12-18.
16. Тихонов А.В. Российское общество как новая социальная реальность и метапроект отечественной социологии // Россия реформирующаяся. 2009. № 8. С. 14-36.
17. HOLACRACY CONSTITUTION [Электронный ресурс]. URL: <https://www.holacracy.org/constitution> (дата обращения: 26.08.2020)

© Ярославцева Анна Владимировна (almarlis@yandex.ru), Сопов Владимир Валентинович (vla-sopov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Alekseev-Apraksin A. – Doctor of Culturology, Professor, St. Petersburg State University

Bobrovskaya E. – graduate student, Novosibirsk State University of Economics and Management

Chugunov S. – Sevastopol state University

Eliseeva Zh. – Ph. D., associate Professor, Penza State University (Penza)

Eremishkina A. – Federal state budgetary educational institution of higher education Bashkir state pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa

Fedorov A. – candidate of psychological sciences, associate professor, senior researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow; Vladimir state university A.G. and N.G. Stoletovyh

Fedorova A. – Khakass State University named after N.F. Katanov

Fotekova T. – Khakass State University named after N.F. Katanov

Geng Biao – PhD student, St. Petersburg State University

Grineva O. – Candidate of Philosophy, senior teacher, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astaf'ev

Gutova T. – candidate of psychological Sciences, associate Professor, Kuban state medical University, Krasnodar

Hou Yunlong – Teacher, Pedagogical University of Jiangxi, Jiangxi Province, China

Idrisov C. – Doctor of Medical Sciences, Professor, Chechen State Pedagogical University; Chechen State University, Grozny

Our authors

Igosheva M. – Candidate of Philosophy, Research Associate, Platov South Russian state Polytechnic University (NPI), Novocherkassk

Ivanova N. – Candidate of Psychological Sciences, Associate professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

Khazhuev I. – Associate Professor, Chechen State Pedagogical University, Grozny

Kolmakova E. – Vice-Rector, Regional state Autonomous institution of additional professional education "Krasnoyarsk regional Institute for advanced training of physical culture and sports workers"

Kozlachkova Yu. – Forensic expert-psychologist, Graduate student, Financial university Under the Government of the Russian Federation

Kozlov I. – Ph.D., Associate Professor, Gnessin Russian Academy of Music

Liu Ying – graduate student, Far Eastern Federal University (Vladivostok)

Machukha A. – Applicant, Southern Federal University

Mantikova A. – Khakass State University named after N.F. Katanov

Marukhno V. – PhD in law, Kuban state medical University, Krasnodar

Matveeva E. – Novosibirsk State University of Economic and Management, Novosibirsk

Mikhailova O. – PhD in Philosophy, Associate Professor, Balakovo Institute of Engineering and Technology - a branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nuclear University" MEPhI "(Balakovo)"

Mitrukhina S. – Khakass State University named after N.F. Katanov

Mochalov E. – Doct.philos., Professor, FGBOU VO «Mordovian state University»

Myasnikova Z. – PhD Student, Pacific State University

Ogarkov A. – PhD in Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "St. Petersburg State Academy of Arts and Industry named after A.L. Stieglitz"

Popova Yu. – candidate of psychological Sciences, Kuban state University, Krasnodar

Raikov V. – Director, Regional state budgetary institution "Sports school of Olympic reserve named after H. B. Saytiyev"

Shlyakhta D. – Balakovo Institute of Engineering and Technology - a branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «National Research Nuclear University» MEPhI «(Balakovo)

Shurukhina G. – Candidate of psychological Sciences, associate Professor, Federal state budgetary educational institution of higher education Bashkir state pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa

Sinayskiy D. – General Director, LLC «Damian Sinayskiy Center for Strategic Coaching and Psychotherapy»

Smetankina L. – doctor of philosophical science, Professor, Federal State Educational Institution of Higher Education «Military Academy of

Communications named after Marshal Soviet Union S.M. Budyonny «Ministry of Defense of the Russian Federation

Sopov V. – PhD, Senior Lecturer, Novosibirsk State Medical University

Tausinova O. – Post-graduate, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Krasnoyarsk State Medical University named after Prof. V.F. Voino-Yasenetsky» of Ministry of Health of the Russian Federation Russia

Valishina A. – senior lecturer, Federal state budgetary educational institution of higher education Bashkir state pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa

Vasilyeva O. – candidate of biological Sciences, Professor, Southern federal University

Vishnev S. – Multifunctional Medical Center «Zdorovye Plus» (MCN№4), Verkhnyaya Pyshma, Sverdlovsk region

Vlasova E. – Khakass State University named after N.F. Katanov

Vodenko K. – Doctor of Philosophy, Professor, Platov South Russian state Polytechnic University (NPI), Novochoerkassk,

Volochkov I. – Independent researcher, President, International Academy of Troublehacking (IAT)

Vysotskaya V. – Psychologist, Regional state budgetary institution «Sports school of Olympic reserve named after H. B. Saytiyev»

Yaroslavtseva A. – PhD, Associate Professor, Novosibirsk State Medical University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).